

2020 — № 4

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул — Иркутск — Кемерово — Новосибирск — Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук, доц. Д. А. Катунин (ТГУ) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, проф. А. А. Чувакин (АлтГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Л. А. Араева (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); канд. филол. наук, проф. Е. А. Добренко (Университет Шеффилда, Великобритания); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. А. В. Курьянович (ТГПУ); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. М. Н. Липовецкий (Университет Колорадо в Боулдере, США); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Рудей-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. Бакчиев (КИЦА, Кыргызская Республика); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук, доц. С. А. Мансков (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Панин (НГУ); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); канд. филол. наук, доц. О. Г. Щеглова (НГУ)

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Дампилова Л. С., Силантьев И. В., Ким И. Е., Кузьмина Е. Н., Шатин Ю. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия 9
- Миндибекова В. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Мифологический контекст народной этимологии: гидронимы и оронимы в сказочной прозе хакасов 29
- Солдатова Г. Е.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Музыка в северо-хантыйских сказках 41

Литературоведение

- Рощина О. С., Фарафонова О. А.** (Новосибирск, НГПУ)
Специфика повествования о правителях в русских мемуарах 20-х – 70-х годов XVIII века 63
- Вахненко Е. Е.** (Иркутск, ИГУ)
А. М. Ремизов в журнале символистов «Весы»: к истории сотрудничества 76
- Жиличева Г. А.** (Новосибирск, НГПУ)
Метасюжетные функции орфического кода в нарративах постсимволизма 91
- Кузнецова Е. В.** (Москва, ИМЛИ РАН)
Рецепция творчества Шарля Бодлера в поэзии Игоря Северянина 105
- Родигина Н. Н.** (Новосибирск, ИИ СО РАН)
Как писать для детей о «нашем крае»: версия писателей Западной Сибири конца 1920-х – начала 1930-х годов 119
- Баль В. Ю.** (Томск, ТГУ)
Гоголевский текст в пьесах Н. Коляды (на материале поэмы «Мертвые души» и комедии «Ревизор») 133

Языкознание

- Дарыджы А. К.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Вторичная долгота гласных в говорах теленгитского диалекта алтайского языка 148
- Невская И. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Перспектив и проксиматив: результаты и перспективы их исследования в тюркских языках 158
- Тазранова А. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Семантика и функция форм императива в алтайском языке 173
- Киосе М. И.** (Москва, МГЛУ)
Техники перспективизации текстового события и предикативные конструкции с косвенными именными группами 188
- Озонава А. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Изъяснительные конструкции в алтайском языке (на материале художественных и научных текстов) 205

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (Москва, ИРЯ РАН)	
Реализация категории числа в русской идиоматике: факторы грамматики, внутренней формы и значения	224
Урманчеева И. С. (Сыктывкар, СГУ)	
Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Нязовой Печоры	237
Ковязина Е. Н. (Пермь, Пермский институт (филиал) РЭУ)	
Роль метафтонимии в вербализации футурологических концептов	251
Рыжкова Т. С. (Иркутск, ИРНИТУ)	
Вербальные и невербальные средства выражения дружелюбия в русскоязычной социокультурной среде	264
Цзинь Т. (Москва, РУДН)	
Модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков)	277
Басалаева Е. Г., Носенко Н. В. (Новосибирск, НГПУ)	
Перцептивные образы в лагерной прозе и ее переводе на английский язык	293
Осипова К. В. (Екатеринбург, УрФУ)	
Мясо в рационе севернорусских крестьян: этнолингвистический аспект	308
Наumenко С. В. (Канск, Канский педагогический колледж)	
Вопросы нормализации правописания двойных согласных в заимствованных словах в проектах усовершенствования и стандартизации русской орфографии 1930–1956 годов	322

Рецензии

Гурьянова Н. С., Титова Л. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Рецензия на книгу: Eliza Małek. Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa, 2019. 267 p.	335

Научная жизнь

Андреева Т. Е. (Якутск, ИГиЛ ПМНС СО РАН)	
Борис Васильевич Болдырев (к 80-летию со дня рождения)	341
Силантьев И. В., Шатин Ю. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН, НГПУ)	
К юбилею Валерия Игоревича Тюпы	344
Памяти Н. Н. Широбоковой	346

2020 – No. 4

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silant'ev, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Dmitriy A. Katunin, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Aleksey A. Chuvakin, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Ayana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*;

Ludmila A. Araeva, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint-Petersburg, Russian Federation; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Evgeniy A. Dobrenko, Candidate of Philology, Prof., University of Sheffield, United Kingdom; Mikhail Y. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint-Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Anna V. Kuryanovich, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Mark N. Lipovetskiy, Doctor of Philology, Prof., University of Colorado Boulder, USA; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Korean Institute of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Sergey A. Manskov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Leonid G. Panin, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State University, Russian Federation; Olga G. Scheglova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibayeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

Dampilova L. S., Silantiev I. V., Kim I. E., Kuzmina E. N., Shatin Yu. V. Universals of verbal culture: in search of a common concept	9
Mindibekova V. V. Mythological context of folk etymology: hydronyms and oronyms in the Khakass non-fairy prose	29
Soldatova G. E. Music in Northern Khanty folktales	41

Literature

Roshchina O. S., Farafonova O. A. Specifics of the narrative about the rulers in Russian memoirs of the 20s – 70s of the 18th century	63
Vakhnenko E. E. Alexey Remizov in the symbolist magazine “Vesy”: to the history of cooperation	76
Zhilicheva G. A. Orphic code and its roles in the metaplots of Post-Symbolist narratives	91
Kuznetsova E. V. Reception of Charles Baudelaire’s work in the poetry of Igor Severyanin	105
Rodigina N. N. How to write for children about “our land”: a version of the writers of Western Siberia in the late 1920s and early 1930s	119
Bal V. Yu. “Gogol’s text” in the plays by N. Kolyada (the poem “Dead souls” and the comedy “The Inspector”)	133

Linguistics

Darydzhy A. K. Secondary vowel longitude in the sub-dialects of Telengit dialect of the Altai language	148
Nevskaya I. A. Prospective and proximative: results and perspectives of their research in Turkic languages	158
Tazranova A. R. Semantics and function of imperative forms in the Altai language	173
Kiose M. I. Perspective construal techniques in indirect non-referential naming	188
Ozonova A. A. Explanatory constructions in the Altai language (in literary and academ- ic texts)	205

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O.	
Realization of the number category of nouns in Russian idioms: grammar, inner form, and meaning	224
Urmancheeva I. S.	
Dialect versions of the all-Russian phraseological units in dialects of Local Pechora	237
Kovyazina E. N.	
The role of metaphonymy in verbalizing futurological concepts	251
Ryzhkova T. S.	
Verbal and nonverbal means of expressing friendliness in the Russian-speaking sociocultural environment	264
Tszin Tao	
Models of <i>downward</i> motion and their metaphorical potential (in Russian and Chinese)	277
Basalaeva E. G., Nosenko N. V.	
Perceptual images in camp prose and its English translation	293
Osipova K. V.	
Meat in the diet of North Russian peasants: ethnolinguistic aspect	308
Naumenko S. V.	
Double consonant spelling regulation in borrowed words in Russian spelling improvement and standardization projects of 1930–1956	322

Reviews

Gurianova N. S., Titova L. V.	
A book review: Eliza Małek. <i>Legenda ob astrologe Mustaaddyne Kshishtofa Dzerzheka v drevnerusskom perevode i ee pozdneyshie obrabotki (issledovanie i izdanie tekstov)</i> [The legend about the astrologer Mustaeddin by Krzysztof Dzerzhek in the Old Russian translation and its later processing (research and publication of texts)]. Warszawa. 2019, 267 p.	335

Scientific life

Andreeva T. E.	
Boris Vasilyevich Boldyrev (on the occasion of his 80th anniversary)	341
Silantev I. V., Shatin Yu. V.	
For the anniversary of Valery Igorevich Tupa	344
In Memoriam of Natalia Nikolaevna Shirobokova	346

Фольклористика

УДК 398 + 81-139 + 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/73/1

Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия

Л. С. Дампилова, И. В. Силантьев, И. Е. Ким
Е. Н. Кузьмина, Ю. В. Шатин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Обсуждаются вопросы общего описания вербальной культуры, репрезентируемой на уровнях фольклора, литературы и языка. Вербальная культура понимается, с одной стороны, как часть общей этнической культуры, включающая в себя язык и основанные на нем формы словесности, и, с другой стороны, как воспроизводимый компонент общественно-языковой практики. Таким образом, вербальная культура имеет глубину и содержит не менее трех пластов: язык, фольклор и литературу. Кроме того, в вербальной культуре важен этнотерриториальный (антропологический и географический), «плоскостной» аспект, а именно распределение этнических вербальных культур территориально, а также их генетические и типологические связи. На основе антропологических теорий культурных универсалий, переосмысленных в рамках идей лингвистики (в частности, этнолингвистических представлений), фольклористики и литературоведения, в статье предложены критерии для формирования круга культурных универсалий, релевантного для сопоставительного изучения различных вербальных традиций (языка, фольклора, литературы) разных этносов.

В приложении представлен рабочий перечень культурных универсалий, включающий два аспекта: понятийные ряды, образующие «план содержания» культурных универсалий, и культурные коды, представляющие типизированный «план выражения» универсалий в их натурфактной, артефактной и акциональной составляющих.

Ключевые слова

вербальная культура, культурные универсалии, вербальная традиция, концепт, культурный код, мотив, сюжет, мифологема

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Дампилова Л. С., Силантьев И. В., Ким И. Е., Кузьмина Е. Н., Шатин Ю. В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9–28. DOI 10.17223/18137083/73/1

© Л. С. Дампилова, И. В. Силантьев, И. Е. Ким, Е. Н. Кузьмина, Ю. В. Шатин, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

Universals of verbal culture: in search of a common concept

L. S. Dampilova, I. V. Silantiev, I. E. Kim
E. N. Kuzmina, Yu. V. Shatin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with developing a theory of verbal culture, represented at the levels of folklore, literature, and language. On the one hand, we understand verbal culture as a part of general ethnic culture, including language and forms of literature based on it, and, on the other hand, as a reproducible component of social and linguistic practice. Thus, verbal culture has a depth and includes at least three layers: language, folklore, and literature. Also, verbal culture includes the ethno-territorial (anthropological and geographical), “plane” aspect, namely, the distribution of ethnic verbal cultures geographically, as well as their genetic and typological relations. On the basis of anthropological theories of cultural universals, reinterpreted within the framework of the ideas of linguistics (in particular, ethnolinguistic representations), folklore and literary studies, a system of criteria has been developed for the formation of a set of cultural universals relevant for the comparative study of different verbal traditions (language, folklore, literature) of different ethnic groups. The Appendix presents a list of cultural universals, including two aspects: the conceptual series that form the “plane of content” of cultural universals and cultural codes that represent the typed “plane of expression,” universals in their natural, artifact and actional components. Not only will the research results in various subject areas allow clarifying the “flat” (ethnogeographic) and “deep” (on the language, folklore, and literary layers) distribution and configuration of universals, but also to define the original model itself.

Keywords

verbal culture, cultural universals, verbal tradition, concept, cultural code, motive, plot, mythologeme

Acknowledgements

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Dampilova L. S., Silantiev I. V., Kim I. E., Kuzmina E. N., Shatin Yu. V. Universals of verbal culture: in search of a common concept. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 9–28. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/1

Большое исследование культурных универсалий вербальных традиций Сибири и Дальнего Востока, которое проводится в Институте филологии СО РАН, поставило перед коллективом, выполняющим это исследование, вопрос об общей модели вербальной культуры, учитывающей, с одной стороны, взаимодействие фольклора, литературы и языка в рамках словесности одного этноса, с другой стороны, инвариантную или прототипическую культурную составляющую вербальных традиций разных этносов. Основная задача в рамках этой цели – создание рабочей модели вербальной культуры, объединяющей язык, фольклор и литературу одной этнической общности, а также формирование круга культурных

универсалий, позволяющего сопоставить разные вербальные культуры как по своей форме (язык, фольклор, литература), так и по этнотерриториальному признаку.

Тема культуры, культурных универсалий, этнических констант давно разрабатывается в философии, психологии, культурологии и по сравнению с этими науками относительно недавно в этнопсихологии. Накоплена обширнейшая литература, особенно в западноевропейской философии и антропологии. Так, с 1871 по 1919 г. было сформулировано 7 новых дефиниций культуры; к началу 1950-х гг. цифра составила 157; в 1964 г. уже насчиталось более 250 определений [Кребер, 2004; Кребер, Клакхон, 2000]. Список культурных универсалий на основе кросс-культурных исследований в социальной и культурной антропологии был составлен Дж. Мёрдоком (обсуждение проблемы универсалий см., например, в [Мёрдок, 1995; 2015]) и включает в себя несколько десятков единиц. Эти универсалии имеют характер феноменов и принципов социального поведения, а также социальных институтов: изготовление орудий труда, украшение тела, образование и т. п. Такого типа универсалии не вполне годятся для описания вербальных культур.

В рамках филологических наук развиваются самостоятельные теории, описывающие феномены, которые претендуют на универсальность. Потребность в таких феноменах возникает, когда ставится задача описания языков, фольклора, литературы, других филологических практик в масштабе всего человечества независимо от территориальных, этносоциальных и временных рамок и границ.

В лингвистике существует понятие языковой универсалии, которое сформировано в рамках лингвистической типологии (см., например, [Новое в лингвистике, 1970; Вежицкая, 2011] и др.). Разнообразие подходов к понятию универсалии (структурно-типологического, количественного и др.) обусловлено не только предметной, но и теоретическими установками исследователей и исследовательских направлений.

В теории литературы и фольклористике продолжает развиваться теория сюжета и мотива (см. [Веселовский, 1989; Мелетинский, 1995; Силантьев, 2004; Тюпа, 1996; 2002] и др.). Понятие мотива позволяет выявить устойчиво повторяющиеся содержательные элементы художественного текста, объединяющие произведения одного автора, одной художественной школы, одной эпохи и т. п.

Для повествовательного фольклора важно понятие типических, или общих, мест (*loci communes*) (см. [Ухов, 1957; Кузьмина, 2005] и др.). «По своей сути они представляют собой интертекстуальные повторы, переходящие из одного сказания в другое. Благодаря этому “общие места” сохранили свою устойчивость и явились хорошим сюжетобразующим фактором» [Кузьмина, 2005, с. 5].

Однако теоретические построения такого рода также оказываются не вполне применимы к культурной составляющей вербальных практик, поскольку актуализируют предметную специфику филологических дисциплин. Выход филологических наук в область культуры оказывается сопряжен с двумя разными стратегиями: 1) с самостоятельными этнокультурными построениями; 2) с взаимодействием и обращением к смежным областям знания, ориентированным на изучение культуры. Приведем примеры.

Первая стратегия характерна для некоторых лингвистов. Один из способов описания заимствован у лингвистики и использует семантические оппозиции, которым придается этнокультурный характер. В данном случае речь идет о работах Ш. Балли, который описал территориально-географическое распределение

наиболее значительных европейских культур второй половины XIX – первой половины XX в. (британской, французской, немецкой и русской) с запада на восток как оппозицию аналитизма и импрессионизма. По Ш. Балли, аналитизм есть тенденция описывать явления мира с акцентом на их структуре, внутренней устроенности, а импрессионизм – это взгляд на мир, при котором явления описываются в их целостности, единстве. С запада на восток аналитизм, имея максимум в британской этнокультуре, ослабляется, а импрессионизм нарастает и достигает максимума в русской культуре [Балли, 2003]. Замечательно, что эти две доминанты охватывают культуру во всех проявлениях от языка до науки и философии (подробнее см. [Ермаков и др., 2004, с. 16–17]).

Интересно, что у Ш. Балли «мир культуры» на востоке ограничивается Россией, но ведь за ее пределами существует азиатский Восток. Да и сама Россия оказывается в этнокультурном плане неоднородна. На ее территории и во времена Ш. Балли, и в настоящее время существовало и существует большое этническое разнообразие, в котором важное место занимают народы и этнические культуры Сибири и русского Дальнего Востока.

Второй путь можно показать на примере Н. И. и С. М. Толстых, сформировавших собственное направление этнолингвистики (см., например: [Толстой, 1995; Толстая, 2015]), основанное на собственном научном опыте лингвистов, фольклористов и этнографов. Во многом это связано с особой предметностью, сформированной в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (сейчас Институт славяноведения РАН). Тематика исследований этого института определялась этногеографически, а не научно-предметно, что потенциально предполагало широкую предметную специализацию его сотрудников. Опора на изучение материальной и духовной культуры, фольклора славян, а также на изучение славянских языков в широкой перспективе позволило Н. И. и С. М. Толстым заняться реконструкцией менталитета славян. С точки зрения С. М. Толстой, «этнолингвистика – это не лингвистика, не этнография, не фольклористика, не мифология, хотя она изучает те же объекты, что и эти дисциплины, но у нее есть свой “интерес”, свои задачи и свои методы; ее интересуют лишь некоторые, обращенные к плану содержания, к миру и человеку, аспекты языка; лишь некоторые, отражающие архаическую “картину мира” и систему ценностей, стороны обрядов и верований; лишь некоторые, преимущественно “мировоззренческие” и символические, составляющие фольклорных текстов; не все аспекты мифов и т. д.» [Толстая, 2015. С. 15–16]. Как видим, интерес к русской и славянской культуре, а также предметный исследовательский опыт Н. И. и С. М. Толстых позволил им сформировать самостоятельное направление изучения культуры, вписанное в систему научной предметности и отражающее не только их исследовательский интерес, но и исследовательский опыт. Важным итогом работы С. М. Толстой и ее коллег в этом направлении стал этнолингвистический словарь «Славянские древности» [1995; 1999; 2004; 2009; 2012].

В филологических науках существуют и теоретические конструкты, которые могут претендовать на статус культурных универсалий. Однако состав таких универсалий также оказывается зависим от специфики предмета изучаемой дисциплины. В лингвистике сформирована теория концепта, в наиболее отчетливом виде реализованная в работах Ю. С. Степанова [2004] (ср. также [Логический анализ языка, 1991; Демьянков, 2001] и др.); в этнолингвистике и фольклористике, применительно к обрядовому фольклору, – теория культурных кодов [Толстая, 1988] (см. также [Морозова и др., 2010; Ойноткинова, 2012; Юша, 2018] и др.); в теории

литературы – теория сюжета и мотива [Веселовский, 1989; Мелетинский, 1995; Тюпа, 1996; Тюпа, Ромодановская, 1996; Силантьев, 2004]. Возникает необходимость объединяющего понятия, способного надстроиться над филологической предметностью.

В таком случае важно сформировать общее представление о вербальной культуре, которая как относительно стабильная структура должна соотноситься с более динамичной вербальной практикой. На роль термина для последней претендует понятие словесности. Поясним эту мысль.

Словесность народов с давней письменной традицией и младописьменных народов включает три важных составляющих: язык, фольклор и литературу. Традиционно это три разные предметности, изучаемые тремя разными научными дисциплинами: лингвистикой, фольклористикой и литературоведением. Целостное их исследование возможно при формировании такого угла зрения, который позволил бы объединить их в рамках общего понятийного пространства. Таким понятийным пространством является вербальная практика (словесность в ее динамическом аспекте), внутри которой можно говорить о вербальной культуре, а в рамках традиционных культур – о вербальных традициях. Разные вербальные традиции могут быть обобщены и систематизированы через понятие культурной универсалии, которая пронизывает самые разные культуры.

В этом контексте требуют теоретического осмысления два круга представлений, связывающих язык, фольклор и литературу в рамках единой вербальной культуры этноса.

Первый круг связан с общим понятием культуры в понимании социальной и культурной антропологии как совокупности неприродных форм и институтов воспроизводства человеческого общества (инструментальный взгляд) и в обыденном понимании, отражаемом в словарях как «совокупности достижений людей во всех сферах жизни» [Степанов, 2004, с. 12]. В этом понимании и язык, и фольклор, и литература являются инструментами или формами человеческой коммуникации и человеческого познания, т. е. обеспечивают взаимодействие людей в обществе, передачу личного и общественного опыта, воспроизводства жизненного ресурса человека в их эстетической функции, «картину мира» этноса и, шире, человечества. Как коммуникативная система язык оказывается более сложным и в плане структурной, и в плане семантической организации, чем необходимо для обеспечения актуального взаимодействия людей в их практической жизни. Он представляет собой моделирующую систему, представляющую так называемую языковую картину мира (такого рода исследования были популярны в середине 80-х – начале 90-х гг. XX в.), атомарной единицей которой был назван культурный концепт (позднее просто концепт) – этноспецифичная понятийная единица, как правило, репрезентируемая, помимо прочих культурных феноменов, лексической единицей. Моделирующий потенциал произведений фольклора и литературы также описан и составляет одно из направлений в изучении этих видов словесной культуры.

Второй круг понятий связан с представлением о словесности, сформированном в общей филологии, в рамках которой единая словесность представляет собой общественно-языковую практику, более узко понимаемую как обращение текстов [Рождественский, 1979]. В системе общественно-языковой практики язык, литература и фольклор уже вписаны в единую словесность. Однако место каждой из вербальных практик в общей системе разное: язык представляет собой универсальный базовый код для создания текстов, репрезентируемый одной из четырех

фактур речи: устной, письменной, печатной или электронной (массовой коммуникацией). Фольклор существует как система устойчивых на протяжении многих поколений текстов устного бытования и организованных с их использованием воспроизводимых устных практик, носящих организующую, художественно-эстетическую, аккумулятивную (накопления и передачи знания) и др. функции. Таким образом, фольклор связан с устной фактурой речи и важнейшую роль играет в дописменной и младописменной культуре. Художественная литература как вид словесности связана с письменной и в еще большей степени с печатной фактурой речи и предполагает высокий уровень цивилизации и социальной дифференциации. Таким образом, художественная литература, продолжая фольклорные традиции, переходит в другую систему обращения текстов – печатную¹.

Каждая из практик имеет длительную традицию научного изучения, сформировавшийся понятийный аппарат, имеющий пересечения с кругом представлений в других дисциплинах, но в силу разделения предметностей специфичный. Это ставит проблему сквозных научных понятий, способных преодолеть предметные различия.

Вербальная культура (в форме воспроизводимой устной коммуникативной практики – вербальная традиция) понимается, с одной стороны, как часть общей культуры этноса, основанная на использовании языка – вербальной (универсальной по сфере деятельности, но специализированной по способу кодирования смысла в знаке) системы, и, с другой стороны, как воспроизводимый компонент общественно-языковой практики, включающий в себя форму и содержание грамматических структур и лексики языка, текстов и практики фольклора, литературных текстов в их бытовании и взаимодействии с языком и фольклором. Соотношение культуры и практики чрезвычайно важно в понимании языка, фольклора и художественной литературы как форм культуры. Каждая из этих форм обладает собственным механизмом воспроизводимости, что позволяет им обладать устойчивым существованием (даже в устной фактуре), но при этом быть еще и механизмом воспроизводства общества и общественных отношений. Знаковая (вербальная) природа этих форм культуры задает для их существования наличие по крайней мере двух составляющих – материального воплощения (формы) и смысла (содержания).

С другой стороны, теоретическая модель вербальной культуры включает в себя этнотерриториальное разделение и распределение конкретных вербальных культур, которые могут изучаться не только в своей индивидуальности, но и в широком сопоставлении.

Таким образом, вербальная культура представляет собой целостное образование, имеющее три пласта «глубины»: язык, фольклор и художественную литературу, а также этнотерриториальное положение, связывающее ее с соседними культурами (территориальный аспект), генетически и типологически близкими культурами (этноструктурный аспект).

Предметная специфика трех форм вербальной культуры предполагает более сложное структурирование универсалий, а также неоднородность сущности универсалий применительно к разным формам вербальной культуры.

¹ На современном этапе развития фольклора можно видеть, как всё большее число фольклорных произведений (эпоса, сказок, песен, заговоров, образцов несказочной прозы) получают печатный вид и тем самым обретают «второе дыхание».

Главная особенность, объединяющая все три формы, – изначальная знаковая природа. Обращаясь к феноменам иных форм той же этнической культуры, мы обнаруживаем активную семантизацию реалий [Толстая, 2015, с. 31]. Реалия как культурный предмет наделяется смыслом. В культурной антропологии существуют приемы выявления этих смыслов, особенно если мы имеем дело с традиционными культурами. Изначальная семантическая единица вербальных культур дает возможность непосредственного отражения фрагмента мира, но при этом возникает возможность и более сложного отражения, например, факта материальной культуры в сочетании с его утилитарным и этнокультурным смыслом. Так развиваются коннотативные значения языковых единиц и на их базе некоторые переносные значения. Но еще больше возможностей такого вторичного означивания дают фольклор и литература, которые способны отражать не только «кирпичики» мироздания, но и сложные ситуации и положения дел и даже цепи событий на длительном промежутке времени. Таким образом, вербальные формы культуры способны к разным способам отражения системы представлений этноса – прямо, через смысл единиц этих форм, и косвенно, через отражение реалий, процедур и институтов невербальных форм культуры в своей семантике.

Различия между рассматриваемыми формами вербальных культур заключаются в следующем.

Язык как базовая вербальная форма, элементарный код, связан с высокой степенью атомизации понятийного круга универсалий. Для его описания удобно понятие культурных концептов или констант (см. [Логический анализ языка, 1991; Демьянков, 2001; Степанов, 2004; Вежбицкая, 2011] и др.).

Обрядовый фольклор тесно связан с предметно-акциональной стороной обряда, и для него удобно представление о «культурном коде» (см. [Толстая, 1988; Морозова и др., 2010; Ойроткинова, 2012; 2016; Юша, 2018; 2019] и др.). Под культурным кодом понимается совокупность устойчивых символов и знаков, объединенных внутренней структурой и семантикой, обладающих определенным содержанием, проявляющимся в различных элементах народной культуры, особо значимых для определенного этноса.

Повествовательный фольклор и художественная литература в ее повествовательных жанрах оперируют понятиями мотива и сюжета, в которых важным моментом является динамическая составляющая, плохо отображаемая в теоретических представлениях о концепте.

Мотив как таковой представляет собой обобщенную форму семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы. В центре семантической структуры мотива – собственно действие, своего рода предикат, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий повествования.

Взятый на уровне своего системного языкового статуса, мотив находится вне состава определенных повествований и тем более текстов. Поэтому говорить о том или ином мотиве как о непосредственной составляющей конкретного повествования так же некорректно, как говорить о лексеме (обобщенной лексической единице) в составе конкретного в своих словоупотреблениях высказывания.

В повествовании мотив облекается в плоть фабульного действия и сопрягается с системой персонажей, что и выражается в формировании события как такового. Именно событие является реализацией мотива в повествовании.

Таким образом, мотив через его варианты репрезентирован в повествовании посредством события. Как таковой, мотив находится как бы «за фабулой» и соотносится с ней в плане семантики и синтактики события. Так же и с сюжетом: мотив соотносится с ним не прямым образом, не как часть соотносима с целым, – мотив соотносим с сюжетом в плане прагматики события, т. е. в плане того конкретного смысла и интенции, которые событие обретает в сюжете.

Лингвистическая прагматика понимает под интенцией коммуникативную задачу, решаемую участниками коммуникации в процессе общения. Интенция – это цель, ради которой и производится высказывание или реплика в диалоге. Сюжетная интенция события, построенного на определенной мотивной основе, носит эстетический характер.

Под эстетическим целым героя мы вслед за М. М. Бахтиным понимаем совокупность ценностных смыслов, которые оцеляют литературный персонаж и поднимают его до уровня героя, ценностно завершённого и отвечающего эстетическим запросам эпохи [Бахтин, 1979, с. 121]. Эти ценностные смыслы формируются в результате осмысления персонажа в его фабульно значимых действиях и обстоятельствах как деятеля – в его сюжетно значимых поступках и ситуациях.

Таким образом, сюжетная интенция отвечает на вопрос: зачем фабула сообщает нам о том или ином событии – с точки зрения развития эстетического целого своего героя.

Все сказанное имеет прямое отношение к эстетической природе самого мотива. Включение мотива в его событийных реализациях в сферу сюжетных смыслов и интенций обуславливает в итоге и собственную эстетическую значимость мотива.

Для понятий мотива, сюжета, а также образа существует обобщающее или, точнее, собирающее понятие мифологемы, активно используемое в фольклористике, литературоведении, лингвокультурологии и культурной антропологии. Мифологема в пределе соприкасается с архетипом. Оба термина введены К. Г. Юнгом (термин «мифологема» совместно с К. Кереньи), ср. [Юнг, 1991; 1996] и др. В отечественной фольклористике и литературоведении категории мифологемы и архетипа были существенно специализированы Е. М. Мелетинским [1994; 1995], В. И. Тюпой [2002], Ю. В. Шатиным [2015] и др.

Таким образом, и культурный концепт в лингвистике, и культурный код в обрядовом фольклоре, и мотив, образ, сюжет в повествовательном фольклоре и художественной литературе могут быть соотнесены с мифологемой и архетипом. В настоящей статье мы не ставили задачи полной адаптации теории архетипа К. Г. Юнга к понятийной области культурной универсалии, поскольку эта теория имеет психологические основания и строгий набор основных архетипов. Мы, скорее, воспользуемся заложенным в понятиях мифологемы и архетипа эвристическим потенциалом.

Мифологема как культурная универсалия может быть представлена в виде инвариантного семантического конструкта, имеющего потенциально бесконечное множество реализаций, т. е. обладающего воспроизводимостью, что делает мифологему представимой в терминах инструментального понимания культуры. С другой стороны, соотношение идеального содержания мифологемы с вербальными репрезентациями демонстрирует ее важную семиотическую природу, позволяющую применять это понятие для описания феноменов вербальной практики и вербальной культуры. И, наконец, содержание мифологемы носит потенциально

динамический, событийный характер, что позволяет применять ее для интерпретации текстов фольклора и литературы.

Таким образом, мифологема может быть представлена как некоторое соответствие идеального содержания и его репрезентации в мире человека. Для нас, помимо всего прочего, важной задачей становится выявление специфики мифологемы в сибирском тексте. Эта проблема, в частности, была поставлена в статье В. И. Тюпы «Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы» [2002]. В ней автор подробно развернул мифологему Сибири как страны мёртвых с неизбежными атрибутами холода, зимы, ночной темноты. Попадая в текст, такая мифологема прямым образом влияет на плотность семиотических границ. Чем больше тот или иной текст тяготеет к промежуточным жанрам (термин Л. Я. Гинзбург), таким как дневник, письмо или мемуары, тем менее плотной оказывается семиотическая граница, и, напротив, чем меньше материал связывается с документируемой реальностью, тем более плотной становится граница. Именно благодаря этому указанные В. И. Тюпой атрибуты образуют лиминальное пространство, ведущее либо к гибели героя, либо к его трансформации (преображению). На конкретных примерах поэмы Рылеева «Войнаровский», «Послания в Сибирь» Пушкина, «Русских женщин» Некрасова исследователю удалось с большой долей полноты реконструировать архесюжет сибирского текста русской литературы.

В связи с этим открываются новые параметры в изучении связей мифопоэтики с сюжетами и жанрами, характеризующими эволюцию сибирского текста. Здесь, на наш взгляд, особенно интересным оказывается обращение к анализу различных форм эстетической типизации (трагического, комического, героического, идиллического и т. п.) и их влияния на проблемы текстообразования. Не менее интересно проследить, как изменяется мифопоэтика в зависимости от смены литературных направлений, насколько велика ее роль в эпоху романтизма, реализма, символизма или постмодернизма. Полученная картина позволит решить вопрос, насколько самобытным выступает в разных контекстах сибирский свертхтекст литературы в сравнении с общероссийскими тенденциями.

Исходя из обозначенных выше посылок, нами составлен рабочий перечень универсалий, организованный по принципу соответствия общечеловеческим представлениям об организации мира. Перечень разделен по принципу выделения зоны отражаемых представлений о мире – зоны идеального (см. прилож. 1) и зоны предметов, событий и атрибутов мира, которые могут быть выразителями этих идей (см. прилож. 2). Зона «идеального» представлена небольшим, но подверженным расширению списком понятийно-ценностных рядов, организованных в основном как бинарные или, реже, тернарные оппозиции. Особенностью этих рядов является то, что их члены имеют не только понятийное, т. е. представимое вербально-аналитически, но и ценностное, сопряженное с системой оценок и значимостей той или иной культуры, содержание. В этом мы согласны с Г. П. Выжлецовым, который настаивает на том, что при исследовании универсалий надо иметь в виду аксиологическую составляющую, ибо «именно ценности отделяют человеческую жизнь от биологического существования, а сознание своего отличия от окружающего мира реализуется в ценностях в виде целей и идеалов этой жизни» [Выжлецов, 2000].

Зона «материального мира» представлена списком «культурных кодов» и их конкретных реализаций, который также может быть продолжен. Как уже говорилось, понятие культурного кода связано с идеями С. М. Толстой [1988], но в на-

учном обращении функционирует и представление об этом понятии В. В. Красных [2001], которая предлагает включить в состав культурных кодов духовный код. Этой точкой зрения руководствуется в своем исследовании Н. Р. Ойроткинова [2012]. Мы выводим духовный код из списка культурных кодов, поскольку, с нашей точки зрения, он лишен «кодирующей» составляющей, т. е. относится к «плану содержания» культурных универсалий.

Культурные коды в фольклоре народов Сибири получили основательное изучение начиная с монографического исследования и статьи Н. Р. Ойроткиновой [2012; 2016]; ср. также исследования [Юша, 2018; 2019].

На материале паремий алтайцев Н. Р. Ойроткинова провела анализ образных средств, объективируемых алтайскими пословицами и поговорками и выявила следующие культурные коды, реализуемые в алтайской паремике: антропный (собственно человеческий), биоморфный, природный (геоморфный), артефактный, соматический, числовой, временной, хтонический и духовный² [Ойроткинова, 2012, с. 123–124]. В паремиях сохранились черты древних тотемистических воззрений алтайцев, прослеживаемые в биоморфном коде, доминирующем по количеству репрезентантов в паремической картине мира. Здесь образно осмысливаются повадки животных или птиц как эталонные при сравнении с поведением человека и привлекаются для характеристики морально-нравственных качеств людей. Немаловажную роль в поэтике алтайских пословиц и поговорок играет соматический код. Символьные представления носителей языка о частях тела легли в основу метонимий и перифраз. Числовой код, представленный количественными словами, участвует в создании гиперболических и литот. Эпитеты, отражающие символику цвета, преимущественно показывают их ахроматичность: доминируют белый и черный цвета [Ойроткинова, 2012, с. 278–279].

Исследование обрядового фольклора тюрков Сибири также показало встроенность в него и активное функционирование культурных кодов. Так, в статье «Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев» Н. Р. Ойроткинова акцентировала внимание на семиотическом аспекте обряда, который предстает как текст, создаваемый особыми знаковыми подсистемами – кодами: персональным (участники обряда), предметным (предметы, используемые в обряде), акциональным (ритуальные действия), вербальным (речевые акты и поэтические тексты в обряде). Объектами семиотического кодирования в ритуале становятся место и время проведения обряда, функциональная роль как предметов, так и участников обряда, совершающих определенные действия [Ойроткинова, 2016, с. 7].

В обрядовой культуре тувинцев Китая, России, Монголии Ж. М. Юша выявила и подробно проанализировала двенадцать культурных кодов, особо значимых для общетувинской традиции, объединенных внутренней семантикой и структурой, обладающих определенным содержанием: вербальный, акциональный, персональный, временной, пищевой, игровой, цветовой, музыкальный, предметный, числовой, пространственный, звуковой. Установлено, что каждый культурный код в ходе ритуала выполняет свойственные ему цели и в то же время взаимодействует и с другими элементами, между которыми существует тесная связь. Перечисленные культурные коды играют большую роль в структуре календарных (встреча Нового года по лунному календарю, освящение обо) и семейно-бытовых

² Как уже отмечалось, мы выводим духовный код из состава культурных кодов как репрезентантов идеального плана мифологем.

(пиршество при рождении ребенка, первая стрижка волос ребенка, свадебная обрядность) ритуалов. Каждый обряд, независимо от того, календарный он или семейно-бытовой, состоит из последовательно связанных этапов, имеющих свою семантику, прагматику и продолжительность во времени, так как в народной традиции ритуал есть единый обрядовый акт, или текст.

Именно выполнение основных характеристик каждого культурного кода задается обрядовой традицией тувинцев, которая подразумевает действенность магической силы при условии соблюдения всех предписаний обряда. Определено, что общей чертой культурных кодов в тувинской обрядовой традиции является их единый мифологический контекст, в котором отражаются традиционная мифология, комплекс представлений о благополучии человека, поверья и запреты, элементы хозяйственной деятельности, жизненно важные для носителей традиции ценности [Юша, 2018, с. 124–156].

Следуя разработанной схеме культурных кодов в тувинской традиции, Ж. М. Юша применила этот же подход и для общего описания обрядовой культуры тюркских народов. Выявлено, что в ритуальной традиции тюркских народов имеется общий культурный текст, который состоит из одинаковых элементов (двенадцати культурных кодов), имеющих устойчивые сходства и параллели. Их совпадение свидетельствует о многовековых культурно-исторических контактах, общности духовной и материальной культуры, единства мифологических представлений, которые проявляются в языке и обрядовой культуре [Юша, 2019, с. 794–800].

Понятие культурного кода чрезвычайно плодотворно для идеографической лексикографии [Славянские древности, 1995; 1999; 2004; 2009; 2012; Гудков, Ковшова, 2007].

Мифологему можно представить как некоторую идею – элемент или комбинацию элементов понятийного ряда, символизируемых единицами «материального мира». В этом случае все пространство мифологем можно представить как трехмерную матрицу, в которой одно измерение задается понятийно-ценностными рядами, второе – понятиями, образующими «культурные коды», а третье – формами вербальной культуры. Применительно к конкретной вербальной культуре или даже всему комплексу вербальных культур Сибири и Дальнего Востока возможны лакуны, многие поля этой матрицы могут оказаться не заполненными. В вербальной культуре конкретного этноса возможно отсутствие какого-либо из понятийных рядов или неразвитость культурного кода или его отдельных реализаций.

Итак, на базе представлений о культурных универсалиях, сложившихся в филологических науках, нами было сформировано общетеоретическое представление об организации культурного содержания в рамках трех взаимосвязанных дисциплин: лингвистики (понятие культурного концепта), литературоведения (понятия мотива и сюжета), фольклористики (понятие культурного кода). Было определено, что объединяющей категорией является понятие мифологемы (и близкое понятие архетипа), заключающее в себе идею соединения плана выражения и плана содержания, важную для вербальных практик, и соотносимое с понятиями концепта, культурного кода и мотива / сюжета.

Список литературы

Балли Ш. Импрессионизм и грамматика // Балли Ш. Язык и жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 186–199.

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с. (Язык. Семиотика. Культура)
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
- Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры в системе культурфилософского знания // Вестник Новгород. гос. ун-та. 2000. № 16. URL: [http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/\\$file/Выжл.pdf](http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/$file/Выжл.pdf) (дата обращения 19.04.2020).
- Гудков Д. Б., Ковишова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
- Демьянков В. З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
- Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В., Осетрова Е. В., Суховольский В. Г.* Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. 408 с.
- Красных В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.
- Кребер А. П.* Избранное: природа культуры: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
- Кребер А. П., Клакхон К.* Культура: критический обзор понятий и определений // Культурология. Дайджест / РАН ИНИОН. М., 2000. С. 105–183.
- Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксперимент. изд. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.
- Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 204 с.
- Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1994. 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4)
- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Языки русской культуры, 1995. 406 с.
- Мёрдок Дж. П.* Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 49–57.
- Мёрдок Дж. П.* Общий знаменатель культур // Вестник культурологии. 2005. № 1. С. 202–226.
- Морозова С. В., Оржековская Л. В., Якушкина Н. В. и др.* Культурология: Учеб. пособие для студентов всех специальностей / Под ред. С. М. Прокопьева; Моск. гос. ун-т печати. М., 2010. Ч. 1. 248 с.
- Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. 5: Языковые универсалии. 300 с.
- Ойоткинова Н. Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск, 2012. 354 с.
- Ойоткинова Н. Р.* Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 5–18.
- Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. М.: Высш. шк., 1979. 224 с.
- Силантьев В. И.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. 584 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д–К. 702 с.

- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К–П. 704 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: Переправа через воду – Сито. 656 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). 736 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Толстая С. М. О семантическом единстве обряда // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды. М., 1988. С. 146–148.
- Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
- Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд. М.: Индрик, 1995. 512 с.
- Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс-2'96. Новосибирск, 1996. С. 52–55.
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- Тюпа В. И., Ромодановская Е. К. Словарь мотивов как научная проблема // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. От сюжета к мотиву. Новосибирск, 1996. С. 3–15.
- Ухов П. Д. Типические места (*loci communes*) как средство паспортизации былин // Русский фольклор: материалы и исследования / Редкол.: А. М. Астахова, М. О. Скрипиль (отв. ред.). М.; Л., 1957. Т. 2. С. 129–154.
- Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. М.: Языки славянской культуры, 2015. 344 с. (Серия: Коммуникативные стратегии культуры)
- Юнг К. Г. Архетип и символ: Пер. с нем. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.
- Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов: Пер. с англ. Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. 384 с.
- Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 400 с.
- Юша Ж. М. Культурные коды в ритуальной традиции тюркских народов // Материалы международного IV Форума гуманитарных наук «Великая степь. Тюркская цивилизация: от истоков к современности». Нур-Султан, 2019. С. 794–800.

References

- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo, 1979, 423 p.
- Bally Ch. Impressionizm i grammatika [Impressionism and grammar]. In: Bally Ch. *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Moscow, Editorial URSS, 2003, pp. 186–199.
- Demyankov V. Z. Ponyatiye i kontsept v khudozhestvennoy literature i nauchnom yazyke [Notion and concept in literature and scientific language]. *Voprosy filologii*. 2001, no. 1, pp. 35–47.
- Ermakov S. V., Kim I. E., Mikhaylova T. V., Osetrova E. V., Sukhovol'skiy V. G. *Vlast' v russkoy yazykovoy i etnicheskoy kartine mira* [Power in the Russian language and ethnic picture of the world]. Moscow, Znak, 2004, 408 p.

Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The body code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis, 2007, 285 p.

Jung C. G. *Dusha i mif: shest' arkhetipov: Per. s angl.* [Soul and myth: six archetypes: transl. from English]. Kiev, Gos. biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva, 1996, 384 p.

Jung C. G. *Arkhetip i simbol: Per. s nem.* [Archetype and symbol: transl. from German]. Moscow, Renessans, 1991, 297 p.

Krasnykh V. V. Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of culture (invitation to talk)]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKS Press, 2001, iss. 19, pp. 5–19.

Kroeber A. p. Izbrannoye: priroda kul'tury: *Per. s angl.* [Selected papers: the nature of culture: transl. from English]. Moscow, ROSSPEN, 2004.

Kreber A. P., Klakkhon K. Kul'tura: kriticheskiy obzor ponyatiy i opredeleniy [Culture: a critical review of concepts and definitions]. In: *Kul'turologiya. Daydzhest* [Culturology. Digest]. RAN INION. Moscow, 2000, pp. 105–183.

Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Eksperiment. izd.* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakas, Shors, Yakuts): Experimental ed.]. IPHl SB RAS. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 1383 p.

Logicheskiy analiz yazyka: *Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language: Cultural concepts]. N. D. Arutyunova (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1991, 204 p.

Meletinsky E. M. *O literaturnykh arkhetipakh* [On literary archetypes]. RSUH. Moscow, 1994, 136 p. (Chiteniya po istorii i teorii kul'tury. Vyp. 4 [Readings on history and theory of culture. Iss. 4])

Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, LRC Publishing House, 1995, 406 p.

Morozova S. V., Orzhkovskaya L. V., Yakushkina N. V. i dr. *Kul'turologiya: Ucheb. posobie dlya studentov vseh spetsial'nostey. Ch. 1* [Kulturology: Textbook for students of all specialties. Pt. 1]. S. M. Prokop'ev (Ed.). Moscow, MSUPA, 2010, 248 p.

Murdock G. P. Fundamental'nye kharakteristiki kul'tury [Fundamental characteristics of culture]. In: *Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1: Interpretatsiya kul'tury* [Anthology of cultural studies. Vol. 1: Interpretation of culture]. St. Petersburg, Univ. kniga, 1997, pp. 49–57.

Murdock G. P. Obschchiy znamenatel' kul'tur [The common denominator of cultures]. *Vestnik kul'turologii*. 2005, no. 1, pp. 202–226.

Novoye v lingvistike. Vyp. 5: *Yazykovye universalii* [New in linguistics. Iss. 5: Language universals]. Moscow, Progress, 1970, 300 p.

Oynotkinova N. R. *Altayskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov* [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres.] Novosibirsk, 2012, 354 p.

Oynotkinova N. R. Kul'turno-semioticheskie kody kalendarnoy obryadnosti yuzhnykh altaytsev [Cultural and semiotic codes of Southern Altai calendar rites]. *Siberian Journal of Philology*. 2016, no. 4, pp. 5–18.

Rozhdestvenskiy Yu. V. *Vvedenie v obshchuyu filologiyu* [Introduction to general philology]. Moscow, Vyssh. shk., 1979, 224 p.

Shatin Yu. V. *Russkaya literatura v zerkale semiotiki* [Russian literature in the mirror of semiotics]. Moscow, LRC Publishing House, 2015, 344 p. (Seriya: Kommunikativnye strategii kul'tury [Series: Communication strategies of culture])

Silantev V. I. *Poetika motiva* [Poetics of a motif]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 296 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t. T. 1: A–G [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 1: A–G]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, 584 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t. T. 2: D–K [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 2: D–K]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, 702 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t. T. 3: K–P [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 3: K–P]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 704 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t. T. 4: Pereprava cherez vodu – Sito [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 4: Crossing the water – Sieve]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, 656 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t. T. 5: S (Skazka) – Ya (Yashche-ritsa) [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 5: S (Fairy tale) – Ya (Lizard)]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012, 736 p.

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskij proekt, 2004, 992 p.

Tolstoy N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. 2nd ed. Moscow, Indrik, 1995, 512 p.

Tolstaya S. M. *Obraz mira v tekste i rituale* [Image of the world in the text and ritual]. Moscow, Russkij fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015, 528 p.

Tolstaya S. M. O semanticheskom edinstve obryada [On the semantic unity of the rite]. In: *Fol'klor: problemy sokhraneniya, izucheniya, propagandy* [Folklore: problems of preservation, study, propaganda]. Moscow, 1988, pp. 146–148.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o sibirskom tekste russkoy literatury [Siberian Mythologeme: to the question of the Siberian text of Russian literature]. *Siberian Journal of Philology*. 2002, no. 1, pp. 27–35

Tyupa V. I., Romodanovskaya E. K. Slovar' motivov kak nauchnaya problema [Dictionary of motives as a scientific problem]. In: *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury. Ot syuzheta k motivu* [Materials for the dictionary of stories and motives of Russian literature. From one story to the motive]. Novosibirsk, 1996, pp. 3–15.

Tyupa V. I. Tezisy k proyektu slovary motivov [Theses to the project of the dictionary of motives]. In: *Diskurs-2'96* [Discourse-2'96]. Novosibirsk, 1996, pp. 52–55.

Ukhov P. D. Tipicheskiye mesta (loci communes) kak sredstvo pasportizatsii bylin [Typical places (loci communes) as a means of scientific fixation of Russian epics]. In: *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya. T. 2* [Russian folklore: materials and research. Vol. 2]. A. M. Astakhova, M. O. Skripil' (Eds). Moscow, Leningrad, 1957, pp. 129–154.

Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics] Moscow, Vyssh. shk., 1989, 404 p.

Vyzhletsov G. P. Aksiologiya kul'tury v sisteme kul'turfilosofskogo znaniya [Axiology of culture in the system of cultural and philosophical knowledge]. *Vestnik NovSU*. 2000, no. 16. URL: [http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/\\$file/Vyzhl.pdf](http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/$file/Vyzhl.pdf) (accessed: 19.04.2020)

Wierzbicka A. *Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow, LRC Publishing House, 2011, 568 p. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura [Language. Semiotics. Culture])

Yusha Zh. M. *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale 21 veka. Struktura. Semantika, Pragmatika* [Folklore and rite of Tuvans of China at the beginning of the 21st century. Structure. Semantics and Pragmatics]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2018, 400 p.

Yusha Zh. M. Kul'turnyye kody v ritual'noy traditsii tyurkskikh narodov [Cultural codes in the ritual tradition of the Turkic peoples]. In: *Materialy mezhdunarodnogo 4 Foruma gumanitarnykh nauk "Velikaya step". Tyurkskaya tsivilizatsiya: ot istokov k sovremennosti* [Materials of the International 4th Forum of Humanities "Great Steppe. Turkic civilization: from origins to modernity"]. Nur-Sultan, 2019, pp. 794–800.

Приложение 1

Перечень культурных универсалий: понятийные ряды

Appendix 1

List of cultural universals: conceptual series

1. Богатство / (достаток) / бедность
2. Вера / (сомнение) / неверие
3. Власть / подчинение (исполнение)
4. Дискретность / непрерывность
5. Добро / зло
6. Душевные и социальные качества человека (ум / глупость, сила / слабость, смелость / трусость, трудолюбие / лень и др.)
7. Жизнь / смерть (бытие / небытие)
8. Запрет / разрешение
9. Здоровье / болезнь
10. Знание / незнание
11. Красота / уродство
12. Любовь / ненависть
13. Порядок / беспорядок
14. Правда (истина) / ложь
15. Правильное / неправильное
16. Право / обязанность
17. Радость / горе
18. Сакральное / профанное (высокое / низкое)
19. Свобода / несвобода
20. Слава / позор
21. Сопричастность / чуждость (свое / чужое)
22. Статика / динамика
23. Стыд (совесть) / бесстыдство

24. Счастье / несчастье
25. Удача / неудача
26. Удовольствие / страдание
27. Хорошо / плохо
28. Чистота / грязь

Приложение 2

Перечень культурных кодов и их типовых реализаций *

Appendix 2

List of cultural codes and their typical implementations

№ п/п	Наименование кода	Примеры реализации кода
1	Пространственный	Родина, чужбина, вражеская земля, верхний, средний, нижний миры, сакральный топос, стороны света, пространство инобытия, пространство человеческого бытия, пространство обитания духов и божеств, горизонталь, вертикаль, лево – право, дом, жилище, лес, дремучий бор, поле, ущелье и др.
2	Темпоральный	Годичный цикл, календарь, суточное время, обрядовое время, время первотворения, время жизни человека и др.
3	Космонимический	Небесные объекты: Солнце, радуга, северное сияние, Луна, звезды, Млечный путь, затмение солнца, затмение луны и др.
4	Природный	Стихии природы: огонь, вода (в том числе ливень, дождь), земля, воздух (в том числе ветер, ураган)
5	Минералогический	Природные минералы и металл (золото, серебро, медь), камень и др.
6	Фитонимический	Растения, характерные / нехарактерные для данного ареала и получившие образное воплощение в национальной культуре (ядовитые, съедобные, применяемые в знахарской практике), их названия, свойства, метафорические наименования растений (мать-и-мачеха) и др.
7	Зоонимический	Животные, характерные / нехарактерные для данного ареала и получившие образное воплощение в национальной культуре (звери, птицы, рыбы, насекомые, черви), их функциональные роли, свойства шкуры, зубов, когтей, шерсти и др.

* В колонке «Примеры реализации кода» представлены семантически нагруженные явления и объекты, реализующие культурные коды в фольклорных текстах и обрядовой практике народов Сибири и Дальнего Востока.

№ п/п	Наименование кода	Примеры реализации кода
8	Персонажный	Типы культурных героев (трикстер, конкистадор и др.), божество, дух, хтонические существа, человек, зверь и др., активно действующие герои повествования и второстепенные персонажи
9	Акциональный	Сотворение, созидание, разрушение, почитание, пренебрежение и т. д. – культурно значимые, нагруженные символическим смыслом действия
10	Вербальный	Прозаическая речь, рифмованная речь, ритмизованная речь, вербальные заклинания, устойчивые выражения, табуированная лексика, молитва, реплики, возгласы, восклицания участников и др.
11	Психосоматический	Эмоциональные состояния и их проявления (радость, счастье, тоска, горе, смех, слезы, гнев и др.), пограничные состояния (сон, транс и др.), рождение, смерть, тело, телесные проявления (болезнь, исцеление) и др.
12	Музыкальный / звуковой	Интонируемая речь, пение, исполнение мелодии на музыкальном инструменте, речитатив, сказительская практика, особенности интонирования, мелодии, песни, стук, грохот, выкрики, молчание и др.
13	Социальный	Семья, внутрисемейные отношения, термины родства, семейные роли, иерархия семейных ролей, инициация, кровное родство, родство по браку, вертикальная линия родства, горизонтальная линия родства, предбрачные испытания, сватовство, брак, свадьба, брачные отношения, соперник, соперница. Общественная иерархия, общественные роли (глава, шаман, воин, богатый владелец стада и т. д., хозяин – работник и др.)
14	Пищевой	Ритуальная еда, пищевые запреты и др.
15	Артефактный	Предметы, созданные человеком, – орудия труда, музыкальные инструменты, ритуальные предметы, одежда, оружие, игрушки, волшебные предметы и др.
16	Цветовой	Сегменты цветового спектра, имеющие символическое значение для той или иной национальной культуры
17	Числовой	Символика чисел, сакральное число, четный – нечетный и др.

Сведения об авторах

Дампилова Людмила Санжибоевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая Лабораторией вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

dampilova_luda@rambler.ru
ORCID 0000-0003-0917-5432
WoS ID U-3608-2019

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

silantev@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-1399-8960
WoS ID S-7121-2016

Кузьмина Евгения Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

Ким Игорь Ефимович – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

kim@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-5571-4719
WoS ID S-1351-2016

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

i.shatin@g.nsu.ru
ORCID 0000-0002-2725-2836

Information about the authors

Lyudmila S. Dampilova – Doctor of Philology, Assistant Professor, Head of the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

dampilova_luda@rambler.ru
ORCID 0000-0003-0917-5432
WoS ID U-3608-2019

Igor V. Silantev – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

silantev@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-1399-8960
WoS ID S-7121-2016

Evgeniya N. Kuzmina – Doctor of Philology, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

Igor E. Kim – Doctor of Philology, Assistant Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

kim@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-5571-4719
WoS ID S-1351-2016

Yuri V. Shatin – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

i.shatin@g.nsu.ru
ORCID 0000-0002-2725-2836

УДК 398.5 (=512.153)
DOI 10.17223/18137083/73/2

Мифологический контекст народной этимологии: гидронимы и оронимы в несказочной прозе хакасов

В. В. Миндибекова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследование посвящено описанию и характеристике топонимических преданий в фольклоре хакасов. Рассматриваются топонимы и их разновидности, характерные для несказочной прозы. Основу пространственной картины мира хакасов составляют обозначения гидрографии и рельефа местности. Исследование позволило проанализировать топонимическое пространство, которое воссоздается исполнителем в фольклорном тексте, выявить устойчивые черты мировосприятия пространства, обусловленные жанровыми особенностями хакасской несказочной прозы. В топонимах отразились религиозно-мифологические представления хакасов. В тексте представлены примеры народной этимологии топонимов Хакасии. Исследование топонимических мотивов в составе фольклорных текстов является одной из значительных и неизученных тем хакасского фольклора, чем и обусловлена актуальность статьи.

Ключевые слова

фольклор хакасов, несказочная проза, топонимические предания, фольклорный топоним, топонимическая универсалия

Для цитирования

Миндибекова В. В. Мифологический контекст народной этимологии: гидронимы и оронимы в несказочной прозе хакасов // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 29–40. DOI 10.17223/18137083/73/2

Mythological context of folk etymology: hydronyms and oronyms in the Khakass non-fairy prose

V. V. Mindibekova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Annotation

The author analyzes the main types of plots of toponymic legends that have become widespread among the Khakass people and are of artistic and historical value. The toponymic space of the Khakass non-fairy prose is considered for the first time. Of particular interest are the toponymic legends about rivers and lakes. The toponymic legends about the mountains are

© В. В. Миндибекова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

no less diverse in their composition. Stories explaining the origin of the names of various objects in the area play a significant role in the non-fairy prose. The research is based on the material of the volume "Khakas non-fairy prose" of the academic series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East" (2016). The study has identified the genre, textological and linguistic features of toponymic legends. Toponyms reflect the geographical features of the area. The legends contain terms reflecting flora and fauna of the steppe area and the rich world of nature. The image plays an important role in characterizing the toponyms and distinguishing between natural objects (the rivers Kim "Yenisei," Agban "Abakan," Ah Uus "White River," Khara Uus "Black River," Saraa adai kol "Lake of the Yellow Dog"). Toponyms can also include numbers with a specific meaning. Toponymic legends are considered to be one of the most important sources for studying the material and spiritual culture of the people. Folklore toponyms are extremely rich and unique material, which can be used to investigate the toponymic system of the non-fairy prose of the Khakass people.

Keywords

Khakass folklore, non-fairy prose, toponymic legends, folklore toponym

For citation

Mindibekova V. V. Mythological context of folk etymology: hydronyms and oronyms in the Khakass non-fairy prose. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 29–40. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/2

Изучение фольклора сибирских коренных этносов чрезвычайно актуально для сохранения традиционных культур, находящихся на грани исчезновения. Актуальность исследования вызвана существующими пробелами в комплексном теоретическом и практическом изучении фольклора хакасов.

Источниковой базой исследования послужили тексты по фольклору хакасов, опубликованные в томах академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Также к анализу были привлечены как архивные, так и опубликованные в других изданиях тексты и фонозаписи фольклорных экспедиций. Из них основную часть текстов составляют архивные материалы Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан). Большой интерес представляют тексты, расшифрованные с аудиозаписей, оригиналы которых хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки. Для сопоставления вариантов были использованы записи Н. Ф. Катанова [Образцы..., 1907а; 1907б]. Места происхождения и фиксации топонимических преданий разнообразны и включают все диалектные группы хакасов. Следует отметить широкое бытование преданий среди качинцев, кызыльцев, сагайцев и шорцев.

Исследованиям топонимов Хакасии посвящены труды М. И. Боргоякова [1974], В. Я. Бутанаева [1995], Л. Р. Кызласова [1986], Р. Д. Сунчугашева [2001; 2009] и др. В текстах сказочной прозы содержатся уникальные сведения о природе, языке и культуре народа, рассматриваются герои и события, сыгравшие значимую роль в жизни народа. Жанровые особенности сказочной прозы хакасов, вопросы классификации и систематизации ранее были рассмотрены [Миндибекова, 2014, с. 92].

Топонимические предания получили широкое бытование в хакасском фольклоре. Исследуемые варианты преданий представляют художественную и историческую ценность. В топонимических преданиях проявляется особый тип архаических мотивов, в которых отразилось своеобразие духовной и материальной жизни народа. Тексты преданий, передаваясь из поколения в поколение, сохраняют па-

мать о наиболее важных событиях в жизни народа. Топонимические предания отличаются устойчивостью по своей сохранности во времени.

Героями легенды выступают святые или мифологические персонажи, но не отличающиеся по облику от носителей традиции, иногда это реальные люди. Противопоставляться они могут по наличию или отсутствию связи с культом. Легенда является генетически зависимой от мифа. По сравнению с ним она менее сакральна. В легендах описываются события более поздние, чем в мифе, приуроченные к историческому времени.

Предания хакасов подразделяются на исторические и топонимические. Исторические предания повествуют о прославившихся в прошлом героях и описывают знаменательные события, имевшие место в жизни этноса.

Пространственный образ Хакасии составляют бескрайние степи и вековая тайга, быстрые реки и спокойные голубые озера, горные хребты и таинственные скалы. Все это поражает своей красотой. В несказочной прозе описываются природные объекты или явления, поразившие воображение человека своим величием либо необычной формой. Такие рассказы складывались по принципу сходства или контраста природного явления с человеческой жизнью. В силу этого природный объект становится поэтическим образом и неким аналогом деяний людей. В хакасском языке словосочетание *чир-суг* 'родина', передает мысль о том, насколько цельным значением для людей являются земля и вода [ХРС, 2006, с. 516–517]. Любовь к родине передают слова героя сказки *Кёре-Сарыг*, восседающего на кау-ром коне: «Хоть и неглубокая, но своя река у меня есть, хоть и низкая, но своя гора у меня есть» [ХНС, 2014, с. 173]. Данная поэтическая формула передает трепетное отношение эпического героя к своей Родине.

Топонимические предания повествуют о географических объектах и связаны с определенными локусами. Такие места играют важную роль в пространственно-временной организации фольклорной картины мира, подчеркивают уникальность конкретного места, характеризуют ландшафт.

Этимология гидронимов в мифологическом аспекте

Основу пространственной картины мира хакасов составляют обозначения гидрографии: *талай*, *суг* 'река', *кёл* 'озеро'. В топонимических преданиях дается их народнопоэтическое объяснение. В «Хакасско-русском словаре» *талай* имеет несколько значений: 1) море 2) *фольк*. большая река [ХРС, 2006, с. 579]. В текстах встречаются упоминания об *Ах-талай*, *Сарыг-талай*, *Ханым-талай*, *Хара-талай* [ХГЭ, 1997, с. 520]. К сравнению, слово *талай* упоминается и в шорских героических сказаниях. Б. И. Татаринцев пишет: «*далай* "море; большое озеро или река; водное пространство". В близких значениях и вариантах *далай* – *талай*... отмечено в ряде совр. тюрк. языков, где соответствующее слово истолковывается как монголизм» [Татаринцев, 2002, с. 70].

С древности хакасы с почтением относились к воде. Вода играет важнейшую роль в жизни человека, становясь основой жизни, источником пищи, объектом поклонения и созерцания, средством передвижения. Люди издавна заботились о том, чтобы земля была пригодной не только для них самих, но и для скота, при этом вода воспринимается как жизненная необходимость. Приведем пример: «Девушка, удивляясь, видит, для еды сиво-серого коня еда есть, для питья вода есть» [НПХ, 2016, с. 253].

Хакасские мифы повествуют о первичности воды. Земля возникает благодаря двум уткам: «Раньше кругом была вода, лишь две утки плавали на поверхности» [Образцы..., 19076, с. 522].

События, происходившие в давнее время первотворения, нашли отражение в мифах. Они объясняют устройство окружающего мира, существование всего живого на земле, появление тех или иных культурных предметов. В легенде «*Потоптаңар* («О потопе») праведный человек, зная о предстоящем потопе, начал тайно строить плот [НПХ, 2016, с. 81–82]. Его тайну пытается узнать *айна* ‘черт’. Когда человек идет на плот, *айна* подговаривает его жену. Так *айна* попадает на плот. Люди берут с собой всех птиц и зверей, кроме ворона и мамонта. Мамонт говорит, что он сорок дней продержится в воде, а ворон – что он сорок дней продержится в воздухе. На тридцать девятый день на голову мамонту садится синичка, и он тонет. О конце потопа повествуется следующее: «Вода начала убывать, все звери, все птицы разбрелись» [Там же, с. 83]. Аналогичный сюжет о потопе известен у алтайцев [НПА, 2011, с. 118–119], тувинцев [МЛПТ, 2010, с. 44–45], шорцев [ФШ, 2010, с. 328–329].

В пространственной мифологической системе присутствуют локусы сакрального характера. Люди живут в мире, населенном духами-хозяевами и божествами, с окружающими его реками, горами, он связан с ними своим рождением, жизнью и смертью. В мифологической картине мира природные объекты сакрализуются. У хакасов сохранились мифологические представления о *таг ээзи* ‘духе-хозяине гор’ и *суг ээзи* ‘духе-хозяине рек’. В текстах встречаются упоминания о духе-хозяине Енисея: *Енисейдің ээзі көк пуганың худун тарт парыпсхан анда пазырынчатханда* ‘Дух-хозяин Енисея душу синего быка забрал, когда тот кланялся’; *Сөле Енисей ээзіне* ‘Скажи духу-хозяину Енисея’ [НПХ, 2016, с. 180].

В фольклоре хакасов встречаются упоминания о Синем быке ‘*Көк пуга*’ как о хозяине озера. У хакасов с тотемическим образом Синего Быка связан целый комплекс мифических и тотемистических представлений, получивших многостороннее отражение в эпических жанрах устного народного творчества. К фольклорным материалам неоднократно обращался тюрколог М. И. Боргояков. В статье «Гунно-тюркский сюжет о прародителе олене (быке)» им трактуется вопрос об этногенетической общности мифов о прародителе-быке у гуннов и других тюркских племен. Он пишет: «Известно, что хакасы (качинцы) и некоторые другие тюркские народы в определенное время года приносили жертву реке: обычно кидали в воду черного бычка, чтобы задобрить “духов” или “хозяина” реки» [Боргояков, 1976, с. 55–59]. В том «Несказочная проза хакасов» включено несколько текстов с мифологическим сюжетом о Синем быке [НПХ, 2016, с. 174–175]. На берегах крупных рек (Абакан, Енисей) ежегодно совершались моления воде.

В мифологическом повествовании *Хам, суг ээзи, таг ээзи* («Шаман, дух-хозяин реки, дух-хозяин горы») действие происходит ранней весной во время половодья. Люди оказались в бедственном положении, когда вода затопила их *аал*: «Вода поднялась. Лед начал таять на реке, образовался затор» [НПХ, 2016, с. 87]. Собравшись вместе, люди решили обратиться к шаману. Благодаря обрядовым действиям шамана им удалось избежать наводнения. Подобный сюжет бытует и в шорском фольклоре. Легенда *Улуг кам* («Великий кам») опубликована в томе «Фольклор шорцев» [ФШ, 2010, с. 326–340].

В текстах встречается мотив опасной разрушительной силы, исходящей от водной стихии. Основной причиной возникновения этого мотива является не только наблюдение за природным циклом, но и одушевление природы, наделение при-

родных объектов человеческими качествами, а также действиями по образу и подобию людей. Об исходящей от полноводных рек опасности люди предупреждают героя. Например: «Через реку Абакан не переправляйся, иначе погибнешь!» [НПХ, 2016, с. 255]. Мифы повествуют о неразрывной связи человека с природой.

Действие многих преданий разворачивается на берегу крупных рек – Енисея и Абакана. Эти реки играют важную роль в жизни людей, являясь своеобразной границей между этносами, прошлым и настоящим.

В предании *Марыг* («Состязание») реки Абакан и Енисей начинают состязаться в силе и скорости, кто из них раньше пробьет горы и примчится первым к скале *Кек хайя*. В фольклорном тексте воспеваются могущественный характер сибирских рек. В мифологической интерпретации две реки действуют как живые существа: *Мының алнында Кимнең Абыган чарызарга маргызып алтырлар. Паза чоохтазып алтырлар: “Кем Кёк хайаа пурун читсе, ол піріккен суғ пурнаанынаң адынаң адалар”, – тін* ‘Давным-давно Енисей с Абаканом поспорили. Еще договорились, оказывается: «Кто к скале *Кёк хайа* первым придет, эта влившаяся река по имени опередившего будет называться», – говорят’ [Там же, с. 166]. Образы двух рек предстают как одушевленные мифологические персонажи, при этом подчеркивается быстрый характер течения, отмечены особенности их русла. Шумный нрав и силу рек передает выражение *нызырас сыхханнар* ‘начали громыхать’. В ходе этого состязания своенравный Абакан опаздывает. Согласно другим вариантам предания, из-за проигранного состязания Абакан рассердился, бросился с высоты и превратился в каменную бабу [Там же].

В предании *Паян-хыс* главная героиня кладет новорожденного ребенка в берестяную лодку, затем опускает лодку в реку Белый Июс, которая впадает в Енисей [Там же, с. 407]. В сюжете предания *Абахай-Пахта* главная героиня, напоив *арагой* мужа и его друзей, перескочила на коне через Енисей и вернулась на свою родину [Там же, с. 195]. На берегу реки происходят драматичные события в жизни героев: «На глазах у Абахай-Пахта животы двум сынишкам ножом распоров, в реку Енисей их бросил, оказывается» [Там же]. Мать велела погубить своих детей, чтобы они не пришли с войной на ее родину и не сделались в дальнейшем врагами ее рода. Абахай-Пахта предпочла остаться без семьи, без крова и погибнуть, но защитить от гибели свой народ.

В текстах встречается пространственная характеристика относительно местоположения героя. Например: «Утром мальчик на коня сел, в путь отправился. Вдоль реки Енисей едет» [ХНС, 2014, с. 389]; «За рекой Енисей один бай жил, говорят» [Там же, с. 437]; «Когда так ехали-ехали, эти парни берега реки Енисей достигли», «Потом сын бедняка реку Енисей напрямую перешёл» [Там же]. В предании *Тасха-Матыр* главный герой уходит охотиться в тайгу: «...в верховья реки Енисей» [НПХ, 2016, с. 407]; *Енисей суғдың озаринаң* ‘С другой стороны Енисея’ [Там же, с. 177]; *Аннаң тараан чон – пістін Кочелоровтар, өлдердең хорығып, Ким істіне* ‘Оттуда пошел народ – наши Кочелоровы, боясь смерти, в долину Среднего Енисея’ [Там же, с. 149].

Ким суғ ‘река Енисей’ – крупнейшая полноводная река в Сибири. В нее впадает около 500 рек. Енисей имеет параллельное название у хакасов и тувинцев: *Ким / Хем* от кетского *кем* ‘большая река’. Древнее название сохранилось до наших дней. В хакасском языке есть выражение: *Ким істінен тараан чон* ‘Народ, вышедший с берегов Енисея’ [ХРС, 2006, с. 516–517]; *ал кимнер* ‘хакасы, живущие в бассейне реки Енисей’ [Там же, с. 48].

Азбан суз ‘река Абакан’ – один из наиболее значимых крупнейших левых притоков Енисея. Бытует мнение, что название реки восходит к слову *аба* ‘медведь’. Приведем пример: *Пурун туста пу сугда көп аба полтыр* ‘В древности по берегам этой реки водилось много медведей’ [Образцы..., 1907а, с. 329]. Н. Ф. Катанов дал и другое толкование названия реки: «Происхождение названия реки Абакан связывается с образом хакасского *алыпа* Очен пиг (*Очең пиг*)» [Образцы..., 1907б, с. 473].

Ах Уйс суз ‘река Белый Июс’ и *Хара Уйс суз* ‘река Черный Июс’ протекают по территории Ширинского и Орджоникидзевского районов Хакасии. Июсом называют реку Чулым, правый приток Оби. В верховьях это быстрые горные реки, а в низовьях текут по степной местности. Сливаясь вместе, они образуют реку Чулым. В фольклоре Белый Июс имеет характер быстрой горной реки. Интерес представляет кызыльский текст о названии рек: «Давным-давно, там, где сливались Белый Июс и Черный Июс, ста восьмидесятилетний глава кызыльского народа по имени Хызылах вместе со стариком Хурулдаем стояли на горе и смотрели вниз. Они развели костер и поставили на него два котла с водой, взятой из каждой реки. Когда вода в них начала закипать, они увидели, что в первом котле белая накипь появилась, а в другом – черная накипь выступила [Мифы и легенды хакасов, 2007, с. 41]. Названия рек соотносятся с появившимся на котле жиром: «Хурулдай говорит: – Ну вот, Хызылах, видишь, в первом котле белый жир (*уус*), а в другом – жир черный. Так пусть эти реки называются так: одна – Белый Июс, другая – Черный Июс». Возможно, в значение цветов *ах* ‘белый’ и *хара* ‘чёрный’ добавлено и пространственное обозначение сторон – правый и левый притоки Чулыма.

Название реки Июс упоминается в историческом предании *Сыгда и Сыба*. Приведем пример: «На берегу Июса народ голодает, воду вскипятив, ее пену, черпая, едят» [НПХ, 2016, с. 245].

Таштып – это горно-степная река, протекающая по территории Таштыпского и Аскизского районов Республики Хакасия. Название реки происходит от хак. *тас тiп* ‘каменное дно’. Приведем пример: *Пазох пари, суребох пари, паза пiр суга учураптыр*: «*Тастыг чир полтыр, Тастып, – тiп адаптыр*» ‘Опять едет, догоняет, снова одну реку встретил: – Каменистая земля, оказывается, Таштып, – так назвал’ [Там же, с. 304, 305]. Н. Ф. Катанов пишет: «Таштып прозван так из-за множества белых своих камней (таш)» [Образцы..., 1907б, с. 303]. Как видим, в основе данной номинации лежит физическое свойство реки и окружающей среды.

Асхыс суз ‘река Аскиз’ является одним из главных левых притоков Абакана. В одном из хакасских преданий название связано с женщиной, работавшей батрачкой у Моол-хана. Предание повествует о ее тяжелой жизни: «Потом, очень сильно мучаясь, измучившись, своего ребёнка взяла на руки, через тасхыл перешла, оказывается. По дороге своего ребёнка три раза грудью покормила, оказывается. Грудью кормя, до устья реки Аскиз дойдя, умерла, оказывается. – Ну, раз я белый тасхыл перевалила, пусть он Аскизом будет! – сказала» [НПХ, 2016, с. 183]. В. Я. Бутанаев приводит такое объяснение: «Согласно легендам, эта река названа в честь одной девы, которая, спасаясь от своих семи сестер, погибла от голода и превратилась в каменное изваяние на берегу Аскиза» [Бутанаев, 1995, с. 28]. В тексте об Ир Тохчыне также упоминается эта река: *Ол парганнаң Асхыс суга партыр. Ол Асхысты азыра атыптыр*: “*Асхыс ползын*”, – *тiп адаптыр. Асхыстың істінде, ол хасха хара нүүрді таппин чідірібістір* ‘Оттуда до реки Ас-

киз доехал. Через Аскиз выстрелил: “Пусть Аскиз будет”, – так назвал. В Аскизе этого белолобого черного волка потерял’ [НПХ, 2016, с. 305].

В материалах Н. Ф. Катанова есть записи о происхождении названий некоторых рек Хакасии. Например, в «Рассказе о названиях речек» есть запись о том, что «Есь (Ис) прозвана так потому, что на ней жил человек, имевший много богатства (ес). Тея – похожа (тёй) на Есь» [Образцы..., 19076, с. 303].

Сюжеты о водных источниках составляют значительную группу среди топонимических преданий.

Водное пространство представлено также многочисленными озерами. В хакасском языке слово *кӧл* имеет значение ‘озеро // озерный’ [ХРС, 2006, с. 197]. В русском написании встречается в формах *коль / куль* (диал. *кул*).

Название озера Айран ‘*Айран кӧл*’ связано с одним из древних родов. Озеро расположено в Ширинском р-не Республики Хакасия. Название произошло от слова *айран* «...это кислый молочный напиток особой закваски» [Там же]. Согласно топонимическому преданию, женщины рода тумат были ленивы и не знали, как использовать излишки молочного айрана-кумыса. Тогда они стали выливать его в озеро. От айрана вода в озере стала белесой [Мифы и легенды хакасов, 1995, с. 37]. Это озеро относится к сакральным местам. На берегу этого озера проводились моления и жертвоприношения.

В топонимическом предании *Ах Асхыр кӧлдеңер* («Об озере Агаскыр») действие происходит на небольшом пресном озере, расположенном в Орджоникидзевском районе. Агаскыр (*Ах Асхыр*) букв. «Белый жеребец» – название озера и *аала* в долине реки Черный Июс в Орджоникидзевском р-не Хакасии. Фольклорная версия происхождения гидронима *Ах Асхыр* отразилась в предании, записанном на кызыльском диалекте: *Пір хати пір аңчыл, ах асхырлыг аңнап киліп, асхырын тузахтап салтыр. Тузахтаан асхыры, кӧлге кіріп, ӧл партыр. Ол сыын аң пу кӧл Ахасхыр тіп адал паган. Аал Ах асхырох тіп адал паган* ‘Однажды один охотник, на белом жеребце охотиться приехав, своего жеребца стреножил. Стреноженный жеребец, войдя в озеро, погиб. С тех пор это озеро Агаскыр называется. Аал также Агаскыром называется’ [НПХ, 2016, с. 164–165]. Топоним *Агаскыр* образован путем сложения двух основ: *ах* ‘белый’ и *асхыр* ‘жеребец’.

В топонимическом предании *Алтын кӧл* («Золотое озеро») происхождение названия озера связано с женским гребнем: *Пір хыс алтын таргагын кӧл хазында кӧлге тастаптыр. «Алтын таргагым тастадым, Алтын кӧл адалзын», – тіген* ‘Одна девушка свой золотой гребень бросила на берегу озера. «Свой золотой гребень я бросила, пусть называется Золотое озеро», – сказала’ [Там же]. *Алтынкуль* (*Алтын кӧл*) – букв. «золотое озеро»; озеро на реке Сос в Бейском р-не Хакасии.

Это озеро упоминается в предании «Кутен-Пулух и Ах Кюмюк»: «Грудь перевязав, обратно поехал, потом его кремь стал тяжелым. Тяжело стало, – сказав, он его в Алтынкуль бросил» [Там же, с. 248–249].

В предании *Сараа адай кӧлдеңер* («Об озере Собачьем») действие происходит на озере Марчал, расположенном на реке Туим в Ширинском районе Республики Хакасия. Марчалкол (*Марчалкӧл*) – букв. «солонцовое озеро». В предании говорится о двух братьях-охотниках, живших среди густой тайги на берегу этого озера. У них была охотничья рыжая собака. Братья стали делить имущество. Когда всё поделили, осталось поделить рыжую собаку. Каждому из них хотелось заполучить собаку. Приведем пример из текста, записанного на качинском диалекте: *Че, пірсібісте дее полбазын», – тіп, сараа адайның азагына тас палгап, чуртаан чирлерінең хости улуг нимес кӧлге кирібіскеннер. Аннаң андар ол кӧл Сараа адай*

тін адалча ‘Тогда пусть ни у кого из нас её не будет, – так сказав, на ногу рыжей собаки камень привязав, рядом с местом, где они жили, в небольшое озеро бросили. С тех пор это озеро Собачьим называется’ [НПХ, 2016, с. 166–167]. В повествовании не только отражается хозяйственная жизнь и описывается раздел имущества братьями, но и воплощен архетипический мотив братьев-соперников.

Озеро Илек *‘Илек көл’* расположено в Ширинском р-не. Согласно топонимическому преданию, название озера связано с судьбой девушки, которую хотели выдать замуж за нелюбимого человека. От отчаяния несчастная девушка сошла с ума. Сбежав от мужа, она бродила, лишенная разума: *Иди, ирінзер айланарға хынмин, ачырғанып, көлге кірбістір. Ол кірібіскен көлні Илек көл тін адап салтырлар* ‘Она не хотела возвращаться к мужу и от горя утопилась в озере. Озеро, в котором она утопилась, озером Илек назвали’ [Там же]. Человека, потерявшего разум, называли *илек*.

Топонимические предания, объясняя происхождение названий рек и озер, опираются на мифологические представления, характерные для данной национальной картины мира.

Этимология оронимов в мифологическом аспекте

Пространственную картину мира составляют обозначения рельефа местности: *тағлар* ‘горы’ и *хайалар* ‘скалы’. Существует много легенд и преданий о жизни гор. Согласно одной из них, «Культайга пришел свататься к горе Читы-хыс. Но та отказалась выходить за него замуж. Тогда он превратил ее в камень» [Там же, с. 177]. Горы предстают как одушевленные мифологические персонажи: *Пурунда-ғылар мынаң алнында “Тайгалар, тағлар ааллашчаңнар”, – тін, чоохтасчаңнар* ‘Предки прежде «Тайга, горы между собой женились», – так говорили’ [Там же, с. 172].

В текстах описываются конкретные места и известные участники событий. Их упоминание усиливает достоверность рассказываемого. Например: – *Ол хайанын ады Хара хайа ползын. Хара нұрді харап тапчатханын мынан! – тидір* ‘Пусть название этой скалы будет Харахая! Черного волка отсюда я увидел! – говорит’ [Там же, с. 304–305].

В предании об эпическом герое Ир Тохчине есть сюжеты с топонимическими мотивами. Герой предания дает имена природным объектам, когда гонится за могучим черным белолобым волком. Ир Тохчин долго гнался за ним, преодолевая труднодоступные места. Каждый свой выстрел сопровождался им словами, дающими название местности по созвучию с названиями частей тела животного: – *Өкке читкенде, ох синіне чидісчк аттарға. Хурлугун харбап, ох суурған, сада харбап, чаа суурған. Кіріскее салған, тартып киліп атхан, алтына өгін сүре атхан: “Өкк ползын”, – тін чоохтаан* ‘Когда до [реки] Камышта добрался, на выстрел приблизился. Колчан, схватив, стрелу вынул, колчан схватив, лук вынул. Тетиву натянув, выстрелил, в подбрюшье [волку] выстрелил. “Пусть Оок будет”, – сказал’ [Там же, с. 302–305]. В конце он все же настигает и убивает волка. В награду Моол-хан отдает ему в жены свою дочь. В тексте передвижение главного героя Ир-Тохсына изображено как перемещение с севера на юг.

Многие горы являются историко-культурными достопримечательностями. Среди них известна горная гряда Сундуки, расположенная в долине реки Июс в северной части Хакасии. Древнее хакасское наименование этой горы *Хызыл хая* ‘Красная скала’. В одном из топонимических преданий есть упоминание о ее про-

исхождении: «Место, откуда Ир Тохчын выстрелил, стало горой Сундук» [НПХ, 2016, с. 291]. В настоящее время музей-заповедник под открытым небом «Сундуки» является природно-историческим памятником республиканского значения.

Куня (Кун) – ‘*Куну таг*’, букв. «гора Солнца». Священная гора Куня расположена в Усть-Абаканском районе. Это культовая гора поклонения Солнцу у хакасов. На вершине этой горы находится древняя крепость. В текстах встречается упоминание о горе Куня: «В старину под горой Куня Ир-Тохчын жил, оказывает-ся» [Там же].

Горы под названием *Читы хыс* ‘*Чити хыс*’ букв. «Семь дев» расположены в Аскизском и Таштыпском районах Хакасии. На склонах гор найдены крупные скопления петроглифов.

Достоверность изображаемых в топонимических преданиях событий подтверждается ссылками на знания, полученные от старых людей, на общеизвестность. В фольклорных текстах встречаются указания на различные реалии объективной действительности, что должно демонстрировать подлинность описываемых событий.

Событие, о котором повествует топонимическое предание, рассказчиком и слушателем воспринимается как правдивое и сопровождается словами *кӱргем* ‘видел’, *сын* ‘правда’, *андаг полган* ‘так было’. Достоверность сюжета подкрепляется своеобразными доказательствами в виде названий скал (Харахая), гор (Сундуки), сохранившихся до наших дней.

Люди издавна проявляли живой интерес к географическим объектам и их этимологии. Топонимы отражают географические особенности местности. Образы пространственного топоса передают информацию о способе существования человека в природном мире. В сказочной прозе хакасов, как правило, встречаются названия реальных топонимических объектов. Фольклорные версии этимологии топонимов основываются на мифологических воззрениях народа. Результаты исследования показали, что топонимические тексты имеют явно выраженную фольклорную специфику. Топонимический текст ориентирован на познание, а не на развлечение, его цель – убедить в реальности положенных в основу событий.

Таким образом, топонимы играют важную роль в мифологии и фольклоре хакасов. Они являются ориентиром во времени и пространстве, а также способом передачи историко-культурных ценностей народа. Топонимические тексты представляют большой интерес для дальнейшего изучения.

Список литературы

Боргояков М. И. Вопросы этногенеза хакасов XVII–XVIII вв. и исторические предания // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1974. № 5, вып. 19. С. 120–131.

Боргояков М. И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Сов. тюркология. 1976. № 3. С. 55–59.

Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Толы Хоорайдагы чир-суҥ аттары. Абакан, 1995. 267 с.

Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 302 с.

Миндибекова В. В. О жанре кип-чоох в фольклоре хакасов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 90–95.

Мифы и легенды хакасов / Сост. и пер. П. А. Трояков. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 210 с.

Мифы и легенды хакасов / Сост. и пер. П. А. Трояков. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1995. 182 с.

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28)

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30)

НПХ – Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34)

Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. СПб.: Изд-во АН СССР, 1907а. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Тексты. 668 с.

Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. СПб.: Изд-во АН СССР, 1907б. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Переводы. 659 с.

Сунчугашев Р. Д. Словарь оронимов Хакасии (географические названия). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2001.

Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. Абакан, 2009.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с.

ФШ – Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29)

ХГЭ – Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прилож. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16)

ХНС – Хакасские народные сказки / Сост. Е. С. Торокова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Омега Принт, 2014. 770 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 33)

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас орыс сөстүк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

Borgoyakov M. I. Voprosy etnogeneza khakasov 17–18 vv. i istoricheskie predaniya [Issues of Khakass ethnogenesis of the 17th – 18th centuries and historical legends]. In: *Uchen. zap. KhakNIYaLI* [Scientific notes of KhRILLH]. Abakan, 1974, no. 5, iss. 19, pp. 120–131.

Borgoyakov M. I. Gunnsko-tyurkskiy syuzhet o praroditele-olene (byke) [Gunno-Turkic plot about an ancestor-deer (bull)]. *Sov. tyurkologiya*. 1976, no. 3, pp. 55–59.

Butanaev V. Ya. *Toponimicheskiy slovar' Khakassko-Minusinskogo kraya* [Toponymic dictionary of the Khakass-Minusinsk territory]. Toly Hoorajdary chir-suf attary. Abakan, 1995, 267 p.

Fol'klor shortsev: v zapisyakh 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 godov [Folklore of Shors: in records 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007].

L. N. Arbachakova (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2010, 608 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 29).

Khakasskiy geroicheskiy epos: Ay-Khuuchin [Khakas heroic epic: Ai-Huuchin]. V. E. Maynogasheva (Record., prep. of the text, intr., comm.). Novosibirsk, Nauka, 1997. 479 s. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 16).

Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk tales]. E. S. Torokova, G. B. Sychenko (Comps). Novosibirsk, Omega Print, 2014, 770 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 33)

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.

Kyzlasov L. R. *Drevneyshaya Khakasiya* [Ancient Khakassia]. Moscow, MSU Publ., 1986, 302 p.

Mify i legendy khakasov [Khakass myths and legends]. P. A. Troyakov (Comp. and transl.). Abakan, Khak. kn. izd., 2007, 210 p.

Mify i legendy khakasov [Khakass myths and legends]. P. A. Troyakov (Comp. and transl.). Abakan, Khak. kn. izd., 1995, 182 p.

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends, folklore of Tuvans]. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2010, 372 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 28)

Mindibekova V. V. O zhanre kip-chookh v fol'klоре khakasov [On the genre of kip-choh in the folklore of Khakass]. *Siberian Journal of Philology*. 2014, no. 4, pp. 90–95.

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairytale prose of the Altai people]. N. R. Oynotkina, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30)

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytale prose of the Khakass people]. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko et. al. (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 34)

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym. T. 9: Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym: Teksty [Samples of folk literature on Turkic tribes, published by V. Radlov. Vol. 9: The dialects of Uryankhais (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts collected and translated by N. F. Katanov: Texts]. St. Petersburg, AN SSSR, 1907a, 668 p.

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym. T. 9: Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym: Teksty [Samples of folk literature on Turkic tribes, published by V. Radlov. Vol. 9: The dialects of Uryankhais (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts collected and translated by N. F. Katanov: Texts]. St. Petersburg, AN SSSR, 1907b, 659 p.

Sunchugashev R. D. *Slovar' oronimov Khakasii (geograficheskie nazvaniya)* [Dictionary of Khakass oronyms (geographical names)]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ., 2001.

Sunchugashev R. D. *Toponimiya Khakasii* [Toponymy of Khakassia]. Abakan, 2009.

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuva language]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 388 p.

Сведения об авторе

Миндибекова Валентина Виссарионовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

mindibekova@ngs.ru

ORCID 0000-0003-1093-3106

Information about the author

Valentina V. Mindibekova – Candidate of Philology, Researcher of the Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

mindibekova@ngs.ru

ORCID 0000-0003-1093-3106

УДК 398.21
DOI 10.17223/18137083/73/3

Музыка в северо-хантыйских сказках

Г. Е. Солдатова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена описанию музыкального компонента северо-хантыйской сказки. Для исследования отобраны образцы сказок в звуковом и текстовом (с расшифровками и переводом) форматах. Выделено три основных типа интонирования в хантыйской сказке, условно обозначенные как пение, речь, ритмизованная речь. На основе сегментации сказок проанализирована их структура, определена роль музыкальных эпизодов и особенности напевов. Выявлены две жанровые разновидности омузыкаленной сказки северных хантов: поющая сказка и сказка с музыкальными эпизодами. Музыка в сказках выступает в качестве дифференцирующего фактора внутри жанра, а также показывает размытость границ между жанрами фольклора северных хантов (некоторые сюжеты и напевы могут исполняться как сказка и как представление на медвежьем празднике).

Ключевые слова

фольклор, ханты, музыка в сказках, этномузыковедение

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Музыка в северо-хантыйских сказках // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 41–62. DOI 10.17223/18137083/73/3

Music in Northern Khanty Folktales

G. E. Soldatova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper describes the musical component in the folktales of the Northern Khanty. The work is based on published and unpublished sources. The author selected eighteen samples of folktales in three formats: sound recording, text transcript, and translation. Three basic types of intoning in the Khanty folktale were identified: singing, speech, rhythmized speech. Singing, in this case, is considered as intoning, intermediate between vocalization and speech. It can be shown in the musical notation indicating the pitch and rhythm. Rhythmized speech can be written without transmitting the sound pitch. Based on segmentation, the author analyzed the structure of folktales, determined the role of musical episodes and the specifics of tunes. As a result, it was established that the Northern Khanty folktale with music has two genre varieties (subgenres): a sung folktale and a folktale with musical (sung) episodes. The

© Г. Е. Солдатова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

first variety is sung from beginning to end, with its tunes correlating with the epic nature of the narration. The second variety includes introductory tunes on the jaw's harp, episodes with singing, with rhythmized speech, with a clear rhythmic formula in its tunes. The melodies from the group of tales about the greedy mouse are similar to the songs performed in dramatic performances at the Bear-Feast. Music in folktales acts as a differentiating factor within the genre and also shows the ambiguity of the boundaries between genres of the Northern Khanty folklore.

Keywords

folklore, Khanty, music in folktales, ethnomusicology

For citation

Soldatova G. E. Music in Northern Khanty folktales. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 41–62. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/3

Интонационные феномены в народной сказке относятся к междисциплинарной области исследования, общей для этномузыковедения и фольклористики, поэтому часто находятся на периферии научного знания. Сказки ряда сибирских этносов (русских старожилов, тувинцев, алтайцев, якутов, хакасов) получили комплексное освещение благодаря совместным трудам фольклористов и музыковедов по подготовке томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»¹. Накопленный в серии опыт исследования музыкального компонента сказок учитывается в данной статье. В частности, важными являются выводы о композиционном и интонационном уровнях представления музыкального начала в сказках [Леонова, 1992], о способности сказки аккумулировать все основные типы интонирования [Сыченко, 2014].

Упоминания о существовании песенной формы исполнения хантыйской сказки встречаются во многих работах этнографов, лингвистов, музыковедов, но предметом специального рассмотрения это явление стало только в одной книге.

Поющейся сказке хантов посвящена единственная в фольклористике монография, подготовленная Е. Шмидт и Т. Р. Пятниковой [2006]. В книге опубликованы тексты на казымском, березовском и шурышкарском диалектах хантыйского языка, описаны некоторые особенности жанра и выявлены сюжетные типы сказок. Большим достоинством работы является качественная подача текстов: пять из семи публикуемых образцов даны в двух вариантах – речевом и поющемся, они расшифрованы с фонограммы и записаны в двух графических системах. Над текстами поработали не только фольклористы-филологи, но и музыковед К. Лазар. В поющихся вариантах текстов ею сделана разметка типов мелодических строк. Каждой вербальной строке соответствует буквенное обозначение в латинице. Подобная система разметки предполагает наличие ключа – перечня записанных нотами строк, соответствующих каждой букве. К сожалению, по какой-то причине ноты в книгу не попали, закрыв возможность соотнесения мелодии и словесного текста.

С точки зрения этномузыковедения хантыйская народная сказка – явление практически не изученное. Отдельные сведения в научной литературе, незначительное количество опубликованных нотных примеров (см. [Мазур, Солдатова,

¹ Сведения о серии и ссылки на полнотекстовые версии томов см. на сайте: <https://www.philology.nsc.ru/departments/folklor/books/index.php>.

1997; Studies on Surgut Ostyak Culture, 1997; Сынские ханты, 2005; Солдато-ва, 2017] и др.) можно назвать лишь первыми шагами в описании жанра поющих-ся сказок, или песен-сказок. Термин, обозначающий данное явление как жанр, также не утвердился еще ни в исследовательских работах, ни в самой фольклор-ной традиции.

Народная терминология хантов маркирует словом *мо̄нц*² разные виды повествовательных текстов – не только сказки, но и мифы, предания, мифологиче-ские рассказы, иногда уточняя главное определение словами *катра* ‘старый’, *кен* ‘короткий’, *йэмэу* ‘священный’. Подобным образом к основному термину *мо̄нц* может быть добавлено слово, обозначающее песню и пение: *ар*, *арау*. В результа-те образуются народные жанровые определения поющей сказки: *арау мо̄нц* ‘поющая сказка’, *ар-мо̄нц* ‘песня-сказка’, *мо̄нц-ар* ‘сказка-песня’. Сочетания слов варьируют в разных диалектах, местностях и исполнительских традициях.

Цель данной статьи – дать общую характеристику музыкального пласта се-веро-хантыйской сказки, определить, какую роль играет музыка в структуре и интонировании сказочных текстов. Задачи описания звуковысотных и метро-ритмических параметров организации музыкальной ткани остаются за рамками данной работы. Выбор северной традиции предопределен материалом (см. об этом далее).

Под сказочными текстами подразумеваются фольклорные образцы, объеди-ненные лексемой *мо̄нц*. К музыкальному пласту сказки относятся: интонирова-ние текста в манере, отличающейся от разговорной речи (нараспев, речитативом, ритмично), и эпизоды повествования, спетые или сыгранные на музыкальном ин-струменте. В статье вместо встречающегося в публикациях термина «песенная вставка», который не только неточен и «не отражает существа явления» [Леонова, 1992, с. 40], но и противоречит синкретичной природе фольклора, намеренно употребляются слова «эпизод» или «раздел». Поющие (и любые другие музы-кальные) эпизоды – неотъемлемая часть каждого фольклорного произведения.

Предметом внимания этномузыковеда являются также звукоподражания, сиг-налы, эмфатические реплики, вплетенные в текст нарратива. В отобранных для анализа текстах подобные «омузыкаливающие» сказку моменты также заметны, но останавливаться на них особо мы не будем, потому что они встречаются и в сказках, не относящихся к жанру *арау мо̄нц* (*мо̄нц-ар*).

Учитывая сфокусированность нашего исследования на звучании и интонаци-онном процессе, при подборе **материала** нужно отдать предпочтение образцам, обеспеченным не только расшифровками и переводами текстов, но и фонозапи-сями. Музыкальный материал по сказкам, представленный одновременно в тек-стовом и аудиоформате, выбран из трех источников. Первый – фольклорные тексты и нотные записи, опубликованные в монографии «Сынские ханты» [2005]. Фонограммы к ним доступны для прослушивания: они хранятся в секторе фольк-лора народов Сибири Института филологии СО РАН и в личном архиве автора статьи. Среди этих записей – семь поющих сказок. Второй источник – материа-

² В публикациях встречаются разные транскрипции: *моц*, *мось*, *моньч*, *моньть* и др. Автор статьи здесь и далее опирается на современную орфографию хантыйского языка, в частности на данные «Диалектологического атласа уральских языков» (<https://www.philology.nsc.ru/resources/atlas.php>) и справочника «Правила хантыйской орфографии» [Не-мысова и др., 2014]. При прямом и непрямом цитировании хантыйские слова приводятся в орфографии источника.

лы готовящегося к изданию тома «Мифы, предания, сказки хантов»³, составленного безвременно ушедшим хантыйским этнографом М. А. Лапиной (МПСХ). В томе – четыре поющиеся сказки, звукозаписи которых предоставлены в копиях составителю тома сотрудниками Белоярского фольклорного архива. Третий источник – медиаресурс Обско-угорского института прикладных исследований и разработок «Электронный депозитарий по фольклору обских угров и самодийцев» (Депозитарий), где в открытом доступе находятся аудиозаписи фольклора с расшифровками и переводами текстов. В этом собрании удалось найти семь омузыкаленных сказок. В итоге отобраны 18 сказочных текстов, звучащих на шурышкарском (сынский и куноватский говоры) и казымском диалектах хантыйского языка и представляющих фольклорную традицию северных хантов.

Для выявления структуры (композиции) поющихся сказочных образцов была проведена **сегментация** звучащих текстов, основанная на сменах типа интонирования. Обнаружено три базовых типа, которые определены условно как пение, речь, ритмизованная речь. Пение во время исполнения сказки не всегда является таковым, скорее это речитирование с хорошо различимой звуковысотностью и ритмом, лишь иногда приближающееся к вокальному интонированию. Ритмизованная речь, в отличие от пения, не позволяет отразить в нотной записи высоту тона, но имеет внятный ритмический рисунок, отличающий данный фрагмент от речевого окружения.

В таблице, приведенной ниже, содержится информация обо всех анализируемых сказках: название, жанр, данные о записи, источнике, краткое содержание. Особенности структуры видны из последовательности выделенных по типу интонирования разделов, времени их звучания, а также роли музыкальных эпизодов в сюжете.

Принцип воплощения музыкального компонента сказок, соотношения его с вербальным позволяет выделить в рассматриваемом материале **две группы** текстов.

Первая объединяет сказки, исполняемые с напевом от начала до конца (3–7, 12–15)⁴. Словесный текст попадает в зону непрерывного речитативного или вокального интонирования, в музыкальном плане он наполнен максимально. В одной из сказок (6) встречается несколько строк, которые из-за усталости голоса сказительницы начинаются говорком, однако потом они все-таки допеваются. Пять образцов записаны у сынских хантов, четыре – у казымских. Сынские сказки в четырех случаях из пяти названы *моңц ар*, в одном – *ар моңц*. Жанровая атрибуция казымских текстов затруднена, поскольку термины, приведенные в описаниях образцов и в расшифровке, не совпадают. Опубликованные поющиеся сказки на полноватском говоре казымского диалекта названы *arəu mɔ[n]s* [Сказки, песни хантов..., 2016, с. 17], *arjū moŋc* [Слепенкова, 2003, с. 27]⁵. Все тексты данной группы представляют собой истории, рассказанные от третьего лица.

³ Рукопись тома находится в научно-редакционной подготовке сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

⁴ Здесь и далее цифры в круглых скобках указывают на номера текстов в таблице.

⁵ К этому образцу есть также схематическая нотная запись, выполненная К. Лазар [Слепенкова, 2003, с. 195]. Правда, сопоставить текст и мелодию невозможно, потому что под нотами слова не подписаны, а буквенные обозначения типов мелодических строк в поэтическом тексте опущены.

Сказки северных хантов, исполненные напевно или с музыкальными (поющими) эпизодами*
The folktales of the Northern Khanty, performed by singing or with musical (sung) episodes

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
Т. П. Пырысева (1930 г.р.), с. Ямгорт. Шурышкарский диалект, сынский говор. Запись Г. Е. Солдатовой, 2000						
1	Миш нэ ар – Песня Миш нэ. Мось ар, катра мось – Песня-сказка, старинная сказка [Сынские ханты, 2005, с. 251–253]	15-летнюю девушку духи увезли в лес. Там ее выдали замуж, и она тоже стала духом	Общее время	04:10	Название героини: «Тундрового зверя дочь» Обозначение темы: «меня в лес увезли» – 3 строки (1-е л.)	
			Пение	00:17		
			Речь	03:53		
2	Лҕапат яй – Семь брать- ев. Катра мось пора потар – Старинной ска- зочной поры рассказ [Сынские ханты, 2005, с. 254–256]	Дочь лесного духа живет с семью братьями, которые охотятся, добывают пуш- нину. Поэтому она отказы- вает женихам	Общее время	02:42	Констатация: «семь братьев я имею» – 2 строки (1-е л.)	
			Пение	00:11		
			Речь (м)	00:06 00:02		

* Сокращения в таблице: уч. № – учетный номер образца в Депозитарии; РР – ритмизованная речь; ПЗП – пропеваемое звукоподражание; (м) – пение без слов. Источники материалов: сказки № 1–7 – [Сынские ханты, 2005]; № 8–11 – МПСХ; № 12–18 – Депозитарий.

Продолжение таблицы

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
			Речь	00:27		
			Пение	00:12	Называние героини: «лесного <i>куля</i> дочь, пожи- ваю» (1-е л.)	
			Речь	01:20		
			Пение	00:17	Констатация: «так и ходим...», «соболя добывают...» (1-е л.)	
			Речь	00:04		
			(м)	00:02		
			Речь	00:01		
М. Н. Лонгортова (1939 г.р.), с. Муvgорт. Шурышкарский диалект, сынский говор. Запись Г. Е. Солдатовой, 2003						
3	Кат ёхартаң сэв лыпат – Раздвоенная накосная подвеска. Араң мось * – Поющаяся сказка [Сынские ханты, 2005, с. 243–245 (речевой	Девушка возвращается на стойбище за оброненным украшением. Мужчина, поднявший подвеску, уво- зит ее в верхний мир. За нарушение запрета	Общее время = Пение	04:16	Полностью слета (3-е л.). ПЗП: <i>хах/ы-хах/ы</i> (топот копыт быков-олений)	В речевом вари- анте звукоизобра- зительные слова отсутствуют

* В полевом дневнике: *ар моц*.

Продолжение таблицы

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
	вариант), 246–248 (по- ющийся вариант)]	спускает ее вниз, в море, предназначая быть женой сына водного бога				
А. А. Вальгамова (1934 г.р.), с. Овгорт. Шурышкарский диалект, сынский говор. Запись Г. Е. Солдатовой, 2003						
4	Ёхартаҥ сэв лыпат – Разделенная накосная подвеска. Мось ар – Песня-сказка [Сынские ханты, 2005, с. 249–250].	Девушка возвращается на стойбище за оброненным украшением. Мужчина, поднявший подвеску, уво- зит ее с собой. Отец и мать ищут дочь, но находят лишь ее нарту	Общее время = Пение	02:00	Полностью спета (3-е л.)	
5	Картаҥ сэви хулум эви – С украшенными косами три девушки. Мось ар – Песня-сказка [Сынские ханты, 2005, с. 259–260].	Три Порнэ приходят к же- натоу мужчине, пытаясь соблазнить. За отказ про- клинают его: когда он рас- скажет об этом жене, он должен будет умереть. Так и вышло – мужчина умер	Общее время = Пение	03:16	Полностью спета (3-е л.)	От Е. М. Лонгор- товой (1943 г.р., с. Оволынгорт) записана песня- представление медвежьего праздника «Хулум Порнэ» с той же мелодией и сходным содер- жанием

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
6	Пояр пох – Боярский сын. Мось ар – Песня-сказка [Сынские ханты, 2005, с. 261–264]	Братья обманым путем выдают девушку замуж за боярского сына. У нее рождается сын, и она убегает вместе с ним, когда идет в лес по ягоды. Придя на родное стойбище, наказывает старших братьев и снох. Остается там жить	Общее время = Пение	10:10	Полностью спета (3-е л.)	Некоторые строки начинаются гонворком, но окончание допевается
7	Караң Порнэ-ими – Шершавая Порнэ-женщина. Ар мось – Песня-сказка [Сынские ханты, 2005, с. 265–267]	Девушка нарушает запрет братьев, выпускает в дом Порнэ, но побеждает ее в схватке. Съев мясо Порнэ, убивает вернувшихся братьев, затем оживляет их. Братья ставят для сестры отдельный чум, покрытый семицветным сукном	Общее время = Пение	03:49	Полностью спета (3-е л.)	
М. А. Муратова (1935–1996), с. Лопхари. Шурьшкарский диалект, куноватский говор. Запись Е. Шмидт, 1994 (МПСХ)						
8	Тохар-Хогән-Ики Мужчина Тохар-Хоган.	Тохар-Хоган-Ики по очереди отправляет дочерей в дом будущего супруга.	Общее время Наигрыш на тумране	20:30 00:07	Вступление	

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
	Йис моньц – старинная сказка	Две старшие оказываются нерадивыми и погибают, младшая становится женой хозяина	Речь	02:27		
			Пение (песня 1)	00:16	Дух из сундука сообщает, что к хозяйну пришла не-подходящая невеста (1-е л.)	
			Речь	05:51		
			Пение (песня 2)	00:12	Дух из сундука сообщает, что к хозяйну пришла не-подходящая невеста (1-е л.)	
			Речь	06:19		
			Пение (песня 3)	00:18	Дух из сундука сообщает, что к хозяйну пришла хо-рошая невеста (1-е л.)	
			Речь	04:43		
			Общее время	12:23		
9	Накк-Анкэл-Пõх – Лич- ственничного-Ствола- Сын. Йис моньц – ста- ринная сказка	Дух в образе белки-леляги попадает в дом Мош-Хума. Проходит испытания хо-зяина, а затем хитростью добывает супругов для Мош-Хума, его сестры и для себя	Речь	06:26		
			Пение (песня 1)	00:12	Белка поет в городке Кир-Нёлпи-ими, где добывает супругу для Мош-Хума (1-е л.)	
			Речь	02:26		

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
10	Ими-Хилы – Ими-Хилы. Йис моньц – старинная сказка	Ими-Хилы помогает семейству лесных духов, они одаривают его удачей в охоте и рыбалке	Пение (песня 2)	00:09	Белка поет в городке Кир-Нёлли-ими, где добывает супруга для сестры Мош-Хума (1-е л.)	
			Речь	01:20		
			Пение (песня 3)	00:18	Белка поет в городке Кир-Нёлли-ими, где добывает супругу для себя (1-е л.)	
			Речь	01:30		
			Общее время Наигрыш на тумране	09:32 00:10	вступление	
11	Шамаш-Ху – Мужчи-на-Шамаш. Моньц – сказка	Три Порнэ ходят к Шамаш-Ху, с помощью заклинания обездвигивают его,	Речь	02:32		
			Пение (колыбель- ная)	00:14	Женщина поет своему сы-ну – великану, лежащему в железной колыбели – о том, что его отец скоро принесет добычу – челове-ка-ханты (2-е л.)	
			Речь	06:36		
			Общее время Наигрыш на тумране	07:11 00:06	Вступление	

Продолжение таблицы

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
		отбирают еду, младшая же оставляет немного рыбы. Собака «проричает» сестрам, что Шамаш-Ху убьет их. Порнэ по очереди ворожат, пытаюсь узнать, так ли это. Шамаш-Ху мстит двум старшим Порнэ, а на младшей женится.	Речь	01:07		
			РР	0:05	Закливание Порнэ (2-е л.)	
			Речь	00:35		
			РР	00:05	Закливание Порнэ (2-е л.)	
			Речь	01:10		
			РР	00:04	Закливание Порнэ (2-е л.)	
			Речь	01:05		
			ПЗП + РР	00:08	Лай собаки и «проричание» (1-е л.)	
			Речь	00:30		
			РР	00:12	Ворожба старшей Порнэ (1-е л.)	
			Речь	00:15		
			РР	00:10	Ворожба средней Порнэ (1-е л.)	
			Речь	00:09		
			ПЗП + РР	00:08	Лай собаки и «проричание» (1-е л.)	

Продолжение таблицы

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
			Речь	00:26	Ворожба младшей Порнэ (1-е л.)	
			РР	00:16		
			Речь	00:02		
			ПЗП	00:02		
			Речь	00:35		
У. Н. Шульгина (1958 г. р.), д. Нумто. Казымский диалект. Запись Р. М. Потпот, 2013						
12	Ай вой икэн ар – Песенка Мыша * [Моңш – Сказка] (Депозитарий, уч. № А-1031/2)	Мышонок плывет на ло- дочке. Тетушки хотят угостить его. Он остано- вливается только у младшей, объедается, падает, живот лопается, тетя зашивает. Мышонок обещает больше не жадничать	Речь Общее время = Пение	00:35 05:56	Вступительный коммента- рий информанта Полностью спета (3-е л.). Реплики мышонка от 1-го л. ПЗП: 'бўл- 'бўл- 'бўл / пул- пул-пул (плеск весла). Используется в конце па- раллельных строк	Половинная дли- тельность в конце строки может произвольно затя- гиваться. в это время исполни- тельница, по-ви- димому, вспоми- нает слова
13	Хылъйэ – Внучек. Песня-сказка (название	Бабушка не разрешает Ими- хилы идти в верховья реки,	Общее время = Пение	01:60	Полностью спета (3-е л.)	

* В комментарии исполнительницы: «мама рассказывала эту сказку».

Продолжение таблицы

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интонирования)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
	жанра по-хантыйски не дано) (Депозитарий, уч. № А-1031/4)	оттуда многие не верну- лись, но он все же идет ту- да. В аннотации к образу сказано, что он «отправля- ется в путь на поиски убийц своих родителей»				
Е. В. Молданова (1930–2012), г. Белоярский. Казымский диалект. Запись Т. Р. Пятниковой, 2010 (№ 14), Е. Шмидт, 1990 (№ 15)						
14	Ими-хилы –Ими-хилы. Арӑн моц – Песня- сказка (в расшифровке указано: Ими-хилы моньц-ар) (Депозитарий, уч. № А-1564/2)	Ими-хилы меряется силой с духом болезней Хинь-ики и побеждает его.	Общее время = Пение	02:49	Полностью спета (3-е л.)	Поет чисто, без зонности и осо- бых тембровых приемов, отли- чающих хантый- ское пение. Не исключено, что освоила традицию в зрелом возрасте
15	Ай вой икийэн ар – Песня мышонка. Жанр не указан **	Контаминация сюжетов о лопнувшем животе мы- шонка и олене-добыче.	Общее время = Пение	03:47	Полностью спета (3-е л.) Реплики мышонка от 1-го л.	Мелодия та же, что и в сказке 14

* Судя по тексту, в данном образце представлен фрагмент более крупного повествования.

** Раньше исполняли на медвежьем празднике (комментарий информанта).

Продолжение таблицы

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
	(Депозитарий, уч. № А-222/1/5ВХ)	1) Мышонок плывет на лодочке. Младшая тетя предлагает угощение, он объедается, живот лопается, тетя зашивает. То же со средней тетей. 2) Мышонок играет с быком, тот проглатывает его, мышонок перерезает ему горло и овладевает тушей				
Т. К. Вандымова (1933–2009), г. Белоярский. Казымский диалект. Запись С. Д. Дядюн, 2006						
16	Ай вой икийэ – Маленький мышонок. Сказка-песня для детей (название жанра по-хантыйски не дано) (Депозитарий, уч. № А-269/5)	Мышонок едет на лодочке. Тетя хочет накормить его, но он едет дальше. Встречает быка, тот проглатывает его с ягелем. Режет горло быку, переносит мясо в лодку. На обратном пути сначала отказывается обедать у тети (так как родители голодные), затем	Общее время	03:01		
			Речь	00:02		
			Пение	00:35	Мышонок едет на лодочке, хвастается (1-е л.) ПЗП: тул-тул-тул / пул-пул-пул (плеск весла)	
			Речь	00:06		На двух начальных слогах сохраняется высотная позиция предшествующего эпизода

Продолжение таблицы

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
		объедается, живот лопае- ся, тетя зашивает. Мышо- нок женится на тете	Пение	00:23	Тетя зовет мышонка поесть ухи (2-е л.)	
			Речь	00:40		
			РР	00:06	Мышонок угрожает быку перерезать горло (1-е л.) ПЗП: пен-пен-пен (звук за- точки ножа)	
			Речь	00:24		
			Пение	00:06	Мышонок говорит, что его родители хотят есть (1-е л.). ПЗП: ньдм-ньдм-ньдм	
			Речь	00:39		
Е. Г. Инырева (1926–2008), юрты Мозямы Березовского р-на. Казымский диалект. Запись Л. Р. Хомляк, 1996						
17	Ай вой икийэ – Мышо- нок. Песня-сказка (название жанра по-хантыйски не дано) (Депозитарий, уч. № А-92/1ВХ)	Содержание не приводится, так как файлы расшифров- ки и перевода не соответст- вуют аудиозаписи	Общее время	03:28		
Речь	00:02					
Пение	00:17					
Речь	00:03					
Пение	00:24					
Речь	01:20					
РР	00:08					
Речь	00:03					
РР	00:05					

№	Название. Жанр	Краткое содержание	Структура			Комментарии
			Эпизоды (по типу интониро- вания)	Хроно- метраж	Роль музыкальных эпизодов в сюжете (в скобках указано грамматическое лицо)	
			Речь	00:19		
			pp?	00:04		
			Речь	00:15		
			Эмфаза + pp	00:09		
			Речь	00:18		
Е. М. Лозямова (1934–2012), П. И. Тарлина (1935 г. р.), с. Казым. Казымский диалект. Запись Т. Р. Пятниковой, 2005						
18	Ай вой ики ар – Песня мышонка. Жанр не указан (Депозитарий, уч. № А-836/2-19)	Мышонок на лодке едет к лабазу с мясом. Тетушки по очереди зовут его обе- дать. Останавливается у младшей, объедается, жи- вот лопається, тетя зашива- ет. Садит ее в лодку и везет к лабазу, где они остаются жить вместе	Общее время	02:53		
			Речь	00:09		
			Пение	00:17		Мышонок поет про свою лодочку (1-е л.) – 4 строки
			Речь	00:19		
			Пение	00:15		Мышонок поет про свою лодочку (1-е л.) – 4 строки
			Речь	00:16		
			Пение	00:08		Мышонок поет про свою лодочку (1-е л.) – 2 строки
			Речь	00:40		
			pp	00:04		Мышонок зовет тетю за- шить живот (2-е л.)
			Речь	00:23		
			Пение	00:07		Мышонок поет про свою лодочку (1-е л.) – 2 строки

Мелодии, сопровождающие сказку на всем ее протяжении, в большинстве своем оказываются удобными для пропевания слоговых групп непостоянного состава. Они содержат варьируемую ритмически свободную часть и стабильный завершающий строку мотив-формулу, что создает ощущение текучести, бесконечности мелодии. Похожий принцип действует в мансийской песне-сказке: Н. М. Владыкина-Бачинская [1977] обнаружила в ней два типа мотивов – речитативного характера и заключительных, с определенной ритмоформулой.

Неторопливые, монотонные, «текучие» напевы поющих сказок соответствуют характеру изложения какой-нибудь истории (например, о судьбе девушки, которую братья обманым путем выдали замуж за богатого инородца) и вызывают ассоциации с эпическим жанром.

Две сказки, поющиеся не полностью, записаны на р. Сыня от Т. П. Пырсовой, которая назвала их *мось ар*, *катра мось* ‘песня-сказка, старинная сказка’ (1) и *катра мось пора потар* ‘старинной сказочной поры рассказ’ (2). Учитывая, что термин *моныц ар* употребили три информанта из этого региона, можно допустить, что он является основным для поющихся сказок сынской традиции.

Оба текста связаны с мифологическими образами, речь в них ведется от первого лица – от имени женского лесного духа, рассказывающего о себе. Образцы содержат двух- и трехстрочные поющиеся фрагменты, которые расположены на разных участках временного пространства сказки. За неимением достаточного количества подобных записей нельзя сказать, является ли фрагментарное «включение» пения нормой или сказка должна пропеваться целиком, но по каким-то причинам (осиплость голоса, болезнь, преклонный возраст) исполнена иначе. Поэтому до появления новых материалов будем считать, что упомянутые выше две сказки (1, 2) не образуют самостоятельную группу, а примыкают к первой.

Между тем **речевое исполнение** поющейся сказки хантыйские сказители считают допустимым: «Я раньше её пел, а теперь расскажу как сказку. Так рассказывать тоже можно» (Депозитарий, уч. № А-696/2, перевод). Примером бытования *моныц* в речевом и поющемся виде служит запись сказки о девушке, потерявшей наконную подвеску (3). М. Н. Лонгторгова сначала рассказала эту сказку, а затем с трудом согласилась спеть, ссылаясь на охриплость голоса и сложность такого исполнения. Пропевание сказки требует большого напряжения – и физического, и эмоционального, и интеллектуального, ведь текст должен быть четко организован, скоординирован с мелодическим клише. Оба варианта свидетельствуют о хорошем знании информантом сказочной традиции, но песенный вариант поэтически богаче: в нем чаще встречаются синтаксический параллелизм (*дочь солнца – подругу имею, / дочь месяца – подругу имею*), пропеваются звукоизобразительные слова (*быков копытища только стучат: хахлы, хахлы, хахлы*). В речевом варианте звукоподражания отсутствуют.

Вторая группа текстов – сказки с музыкальными эпизодами (в том числе инструментальными), записанные у куноватских и казымских хантов (8–11, 16–18). Инструментальные разделы присутствуют в сказках куноватской традиции, исполненных М. А. Муратовой (8, 10, 11). Перед началом сказки звучит мелодия на варгане (хант. *тумран*). Повествование начинается сразу же по окончании наигрыша, как только инструмент убирается ото рта. В нашем распоряжении имеются лишь копии записей, и на одной из фонограмм после окончания сказки примерно секунду слышен звук варгана. Поэтому нельзя исключить, что наигрыш обрамлял сказку с двух сторон. Инструментальная музыка перед началом сказки

вания никак не связана с дальнейшим повествованием и, вероятно, выполняет роль символического занавеса, границы между миром реальным и миром сказки.

Интонационно выделенные эпизоды, количество которых в одном тексте составляет от трех до восьми, органично вплетаются в ткань сказки, оживляя ее, делая более яркой и интересной. В жанрово-функциональном плане эти разделы предстают как песня (8, 9), колыбельная (10), заклинание (11), прорицание (11), гадание (11), пропеваемое звукоподражание (11, 16), эмфатическая реплика (17). Музыкально оформленной, как правило, является прямая речь персонажей, она звучит от первого лица. Второе лицо используется в колыбельной, которую лесная женщина-дух поет своему сыночку-великану (10), в эпизодах произнесения заклинаний («прилипни, прилипни», «отлипни, отлипни») (11), в вокативной реплике тети (16).

Из семи сказок с поющими эпизодами четыре принадлежат одному исполнителю (М. А. Муратовой), три относятся к одному сюжету. Разумеется, для какой-либо характеристики напевов этого крайне мало. Но и в таком скудном материале усматриваются некоторые закономерности: четкий ритм с повторяющимися ритмоформулами, регулярная метрика. Три напева Муратовой основаны на пятидольниках: $\partial-k-\partial$ и $k-k-\partial/\partial-\partial-\partial$ ⁶. О мелодиях, связанных со сказками, объединенными общим сюжетом, речь пойдет ниже.

Среди анализируемых текстов есть пять вариантов популярной **сказки о мышонке**, который обелся, и у него лопнул животик (12, 15–18), все они звучат на казымском диалекте. Образцы атрибутированы собирателями как «сказка», «песня-сказка», «сказка-песня», однако в их названиях употребляется только слово «песня»: *Ай вой (ай ланки) икэн (икийэн / ики) ар* – «Песня мышонка»⁷ (Депозитарий). В то же время есть комментарий одной из исполнительниц: «Когда я была маленькая, нам мама рассказывала эту с к а з к у...» (разрядка моя. – Г. С.) (Депозитарий, уч. № А-1031/2, перевод). Балансирование между определениями «сказка» и «песня» не случайно – способы пропевания текста, существования в нем музыки тоже различны. Два образца сказки о мышонке спеты полностью (12, 15), три – эпизодически (16–18). Четыре мелодии из пяти родственны между собой: две являются вариантами одного и того же напева (12, 18), еще две (15, 17) обнаруживают типологическое сходство с ним. Все четыре имеют в своем составе какие-либо константные элементы – устойчивые звуковысотные обороты, ритмические формулы ($k-k-k-k-\partial-\partial$ и $k-\partial-\partial$), свойственные песням медвежьего праздника северных манси и сынских хантов [Солдатов, 2015, с. 95; Сынские ханты, 2005, с. 175]. Найденная аналогия неслучайна: по свидетельству Е. В. Молдановой, рассказавшей сказку о мышонке (15), «раньше эта песня исполнялась на медвежьем празднике» (Депозитарий, уч. № А-222/1/5ВХ). Более того, мелодии трех песен с тем же названием «*Ай войи ар / Нампар вой ар*», звучащих в сценках-представлениях сынских хантов [Сынские ханты, 2005, с. 270, 288, 290], восходят к тому же инварианту, что и упомянутые напевы четырех сказок о мышонке. В содержательном плане песенные тексты отстоят от своих сказочных аналогов дальше, чем в музыкальном, а один из них имеет явную эротическую направленность, характерную для игровых эпизодов медвежьих игр.

⁶ Буквами ∂ и k обозначены соответственно долгие и краткие звуки, соотносящиеся как 2 : 1 (четвертная и восьмая длительности).

⁷ Более точный перевод: «Мышонка / мыши-мужчины песня».

Близость сказки и песен-представлений подтверждается также разножанровыми вариантами сюжета о трех Порнэ. Сказка, исполненная напевно, без эпизодов (5), обнаруживает большое сходство (мелодическое и содержательное) с песней, которую инсценируют на медвежьих игрищах⁸.

Чередование речевых и музыкальных эпизодов («смена кадра»), сходство сказочных мелодий с песнями разыгрываемых на медвежьем празднике представлений дает повод соотнести такой тип сказки с драматическим жанром. Какие изменения претерпевает сюжетно-мелодический симбиоз, реализуясь то в сказке, то в обряде, насколько он стабилен и каковы его особенности – вопросы, на которые можно ответить при наличии гораздо большего числа записей.

* * *

Количественно ограниченный звуковой материал по северо-хантыйским сказкам, связанным с музыкой, не позволяет делать глубокие выводы о природе и специфике данного феномена. Тем не менее некоторые стороны сказки, видимые с позиции этномузыковеда, несомненно, стоит отметить.

Музыка в северо-хантыйских сказках, наряду с параметрами вербального текста, является одним из факторов **внутрижанровой** дифференциации. Стилистические характеристики напеваемых сказок и поющих эпизодов рассказываемых сказок достаточно ясно проводят черту между двумя этими группами. Поэтому можно говорить о существовании двух жанровых разновидностей омузыкаленной сказки северных хантов – **поющей сказки и сказки с музыкальными (поющими) эпизодами**.

Возможность перехода сюжета и мелодии из одного жанра в другой, когда они могут представлять и как сказка, и как элемент обряда, обнажает связи **между жанрами** хантыйского фольклора, размытость и условность границ между ними.

В сказках северных хантов отражена **локальная** специфика музыкально-фольклорной культуры – приоритет человеческого голоса над голосом инструмента. В музыкальных эпизодах, за исключением вступительного наигрыша на тумране, инструменты не участвуют. Напротив, у восточных хантов, где сохранилась традиция игры на дуговой арфе и лютне, инструментальные наигрыши важны в структуре сказки⁹.

Вполне вероятно, что отмеченные черты северо-хантыйской сказки найдут соответствия в фольклоре восточных хантов. Подтвердить или опровергнуть это можно лишь после анализа большого объема звучащего материала, адекватно представляющего омузыкаленную сказку в обеих локальных традициях.

Список литературы

Владыкина-Бачинская Н. М. «Богатырь Кедровое ядрышко (пупыг-мойт)» – песня-сказка манси // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 484–497.

⁸ Записано Г. Е. Солдатовой от Е. М. Лонгоровой, 1943 г. р., из д. Оволынгорт (Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа) в 2003 г. Материалы хранятся в секторе фольклора Института филологии СО РАН и в личном архиве автора.

⁹ Аудиозаписи восточно-хантыйских сказок с наигрышами можно услышать на компакт-диске, изданном в Финляндии: The Great awakening – music of the Eastern Khanty. Produced by J. Niemi and J.-M. Jukkara. Finland, 2001 (Global Music Centre, GMCD 0107).

Леонова Н. В. О музыке в русских бытовых сказках // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / Сост. Н. В. Соболева при участии Н. А. Каргаполова. Новосибирск: Наука, 1992. С. 36–40. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)

Мазур О. В., Солдатова Г. Е. Обские угры // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. / Гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. С. 17–61.

Немысова Е. А., Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Правила хантыйской орфографии: Справочник / Под ред. А. А. Бурькина. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2014. 164 с.

Сказки, песни хантов полноватского Приобья / Сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова. Ханты-Мансийск; Ижевск: Принт-2, 2016. 344 с.

Слепенкова Р. К. Арём-моньщём ед ки манд... Если моя песня-сказка дальше пойдет...: Фольклорное творчество Евдокии Егоровны Молдановой из деревни Ванзеват. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2003. 220 с.

Солдатова Г. Е. Опыт анализа временной организации мансийских обрядовых напевов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 1 (28). С. 91–96.

Солдатова Г. Е. Хантыйский музыкальный фольклор в академическом издании // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 153–159.

Сыченко Г. Б. Музыкальный компонент хакасских сказок // Хакасские народные сказки / Сост. Е. С. Торокова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Омега Принт, 2014. С. 24–48. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33)

Сынские ханты / Г. А. Аксянова, А. В. Бауло, Е. В. Перевалова, Э. Руткаи-Миклиан, З. П. Соколова, Г. Е. Солдатова, Н. М. Талигина, Е. И. Тыликова, Н. В. Федорова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 352 с.

Шмидт Е., Пятникова Т. Р. Арӓн моньщӓт (моньщ-арӓт). Песни-сказки. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 164 с.

Studies on Surgut Ostyak Culture / М. Csepregi, Á. Kerecsi, K. Lázár. Budapest, 1997. 146 p.

Список источников

Депозитарий – Электронный депозитарий по фольклору обских угров и самодийцев. URL: <https://folk.ouipir.ru/> (дата обращения 11.08.2020).

МПЦХ – Мифы, предания, сказки хантов / Сост. М. А. Лапина. Рукопись. Место хранения – сектор фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

References

Leonova N. V. O muzyke v russkikh bytovykh skazkakh [About music in the Russian Domestic Folktales]. In: *Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: legendarnye i bytovye* [The Russian folktales of Siberia and the Far East: legendary and domestic]. N. V. Soboleva and N. A. Kargapolov (Comps). Novosibirsk, Nauka, 1992, pp. 36–40. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East])

Mazur O. V., Soldatova G. E. Obskie ugry [The Ob Ugrians]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t.* [The musical culture of Siberia. In 3 vols.]. B. A. Shindin (Ed.). Novosibirsk, 1997, vol. 1: Traditsionnaya kul'tura narodov Sibiri [The traditional culture of the peoples of Siberia], bk. 1: Traditsionnaya kul'tura korenykh narodov Sibiri

[Traditional Culture of the Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1997, pp. 17–61.

Nemysova E. A., Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Pravila khantyyskoy orfografii: spravochnik* [The rules of the Khanty orthography: Textbook]. A. A. Burykin (Ed.). Khanty-Mansiysk, Yugorskiy format, 2014, 164 p.

Shmidt E., Pyatnikova T. R. *Aräy mon'shchät (mon'shch-arät). Pesni-skazki* [Arang monshat (monsh-arat). The songs-folktales]. Tomsk, TSU Publ., 2006, 164 p.

Skazki, pesni khantov polnovatskogo Priob'ya [Folktales, songs of the Khanty of Polnovat of Ob region]. Pyatnikova T. R., Slepenskova R. K. (Comps). Khanty-Mansiysk, Izhevsk, Print-2, 2016, 344 p.

Slepenskova R. K. *Arem-mon'shchem eł ki mänı... Esli moya pesnya-skazka dal'she poydet...: Fol'klornoe tvorchestvo Evdokii Egorovny Moldanovoy iz derevni Vanzevat* [Arem-monshchem el ki manl ... If my Song-Folktale goes further ...: Folklore creativity by Evdokia Yegorovna Moldanova from the village of Vanzevat]. Khanty-Mansiysk, Poligrafist, 2003, 220 p.

Soldatova G. E. Khantyyskiy muzykal'nyy fol'klor v akademicheskoy izdani [Khanty musical folklore in the academic edition]. *Bulletin of Ugric studies*. 2017, no. 3 (30), pp. 153–159.

Soldatova G. E. Opyt analiza vremennoy organizatsii mansiyskikh obryadovykh napevov [The experiments of the results of analysis of the temporal organization of Mansi ritual tunes]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2015, no. 1 (28), pp. 91–96.

Studies on Surgut Ostyak Culture. M. Csepregi, Á. Kerecsi, K. Lázár. Budapest, 1997, 146 p.

Sychenko G. B. Muzykal'nyy komponent khakasskikh skazok [The musical component of the Khakass Folktales]. In: *Khakasskie narodnye skazki* [The Khakass Folktales]. E. S. Torokova, G. B. Sychenko (Comps). Novosibirsk, Omega Print, 2014, pp. 24–48. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 33).

Synskie khanty [The Synya Khanty]. G. A. Aksyanova, A. V. Baulo, E. V. Perevalova, E. Ruttkai-Miklian, Z. P. Sokolova, G. E. Soldatova, N. M. Taligina, E. I. Tylikova, N. V. Fedorova (Comps). Novosibirsk, IAET SB RAS, 2005, 352 p.

Vladykina-Bachinskaya N. M. “Bogatyr' Kedrovoe yadryshko (pupyg-moyt)” – pesnya-skazka mansi [“Pine Nut the Hero (pupyg-moyt)” – Song-Folktale of Mansi]. In: *Muzykal'noe nasledie finno-ugorskikh narodov* [The musical heritage of Finno-Ugric peoples]. Tallin, 1977, pp. 484–497.

List of sources

Elektronnyy depozitariy po fol'kloru obskikh ugrov i samodiytsev [Electronic depository for Ob and Samoyed folklore]. URL: <https://folk.oupiir.ru/> (accessed: 11.08.2020).

Mify, predaniya, skazki khantov [Myths, legends, tales of Khanty]. M. A. Lapina (Comp.). Manuscript. The place of storage – Sector of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology SB RAS.

Сведения об авторе

Солдатова Галина Евлампьевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ge.soldatova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1421-6075

Information about the author

Galina E. Soldatova – Candidate of Arts, Leading Researcher of the Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

ge.soldatova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1421-6075

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/73/4

**Специфика повествования о правителях
в русских мемуарах 20-х – 70-х годов XVIII века**

О. С. Рощина, О. А. Фарафонова

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются способы самопрезентации авторов в соотношении с презентацией фигуры правителя в русских мемуарах XVIII в. Для мемуаров 1720-х – 1750-х гг. характерно совмещение личного и безличного повествования с преобладанием последнего, благодаря чему создается видимость объективного взгляда на события. В адрес правителей мемуаристы не высказывают оценочных суждений и описывают только факты. В 1760-е – 1770-е гг. авторы используют по преимуществу личное повествование и отмечают какие-либо недостатки царствующих особ. В одних случаях мемуаристы извиняют их, объясняя пагубным влиянием окружения или не признавая особо серьезными. В других случаях недостатки в государственном правлении или неправильные действия монарха видятся прямым следствием качеств его личности.

Ключевые слова

XVIII век, мемуары, повествование, самопрезентация автора, фигура правителя

Для цитирования

Рощина О. С., Фарафонова О. А. Специфика повествования о правителях в русских мемуарах 20-х – 70-х годов XVIII века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 63–75. DOI 10.17223/18137083/73/4

**Specifics of the narrative about the rulers in Russian memoirs
of the 20s – 70s of the 18th century**

O. S. Roshchina, O. A. Farafonova

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Annotation

The paper considers the ways of authors' self-representation concerning the presentation of the figure of the ruler in Russian memoirs of the 18th century. The memoirs of the 20s – 50s tend to combine personal and impersonal narrative with the predominance of the latter. This combination makes the view of events seem objective. Memoirists do not make value judgments about rulers and describe only facts. However, even in an impersonal narrative, memoirists, being former participants or witnesses of the described events, cannot avoid making

© О. С. Рощина, О. А. Фарафонова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

judgments about various figures of their era. In the 60s and 70s, authors mostly used personal narrative and noticed any shortcomings of the reigning characters. In some cases, memoirists justify and explain them by the harmful influence of the courtier environment or do not recognize them as particularly serious. In other cases, shortcomings in public administration or wrong actions of the monarch are seen as a direct consequence of his personality. Memoirists, whose personal formation, as a rule, was in the time of Peter the Great (Neplyuev, Shakhovskaya), think about the figure of the sovereign as of an absolute super-personal value. Obviously, this personal value came to be devalued in the minds of people of the post-Petrine era and/or those personally affected by the rule of a monarch (Dolgorukaya, Minikh). The process of memoir individualization occurs during this period simultaneously in two directions – of the subject of the utterance and the object of description.

Keywords

the 18th century, memoirs, narrative, author's self-representation, figure of the ruler

For citation

Roshchina O. S., Farafonova O. A. Specifics of the narrative about the rulers in Russian memoirs of the 20s – 70s of the 18th century. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 63–75. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/4

Мемуарные тексты отличает безусловная уникальность и индивидуальность повествования, что определяется сразу двумя факторами. Во-первых, как отмечала Л. Я. Гинзбург, мемуары принадлежат к «промежуточным жанрам, ускользавшим от канонов и правил», в силу чего им «издавна присуща экспериментальная смелость и широта, непринужденное и интимное отношение к читателю» [1999, с. 118]. Во-вторых, жизненный путь, становящийся в мемуарах основой и главной целью повествования, уникален у каждого автора. Для культуры XVIII в. характерна ориентация на сверхличные ценности, в качестве которых мыслились, прежде всего, государь и отечество. Отношения мемуариста с властителем или властителем с ним, фавор или опала от очередного государя, судьбоносная встреча с монархом, справедливый или несправедливый суд царя, искание монарших милостей или честное служение государю и отечеству – все это неотъемлемая часть повествования о себе в русской мемуаристике XVIII в.

Опыты русской мемуаристики первой половины XVIII в., зачастую носящие еще, по мнению А. Г. Тартаковского, «внешнесобытийный по отношению к личности автора характер» [1991, с. 35], тесно связанные с древнерусской традицией отстраненного летописания, отражают процесс постепенного обретения опыта самовыражения. Как отмечает О. В. Сосновцева, «авторская индивидуальность выражена лишь в некоторых источниках Петровской эпохи: записках по различным вопросам, исторических сочинениях, частично в переписке. Антропоцентризм в Петровскую эпоху делает первые робкие, но успешные шаги» [2007, с. 10]. Г. Г. Елизаветина справедливо отметила: «...период с 30-х по 60-е годы стал для русской мемуаристики временем накопления новых качеств», временем, которое подготовило «скачок в развитии мемуарно-автобиографических жанров», произошедший в последние десятилетия XVIII в. [1982, с. 241]. Однако подробно на этом вопросе исследователи не останавливаются.

Предметом анализа в настоящей статье являются способы самопрезентации авторов в соотношении с презентацией фигуры правителя в русских мемуарных произведениях 20-х – 70-х гг. XVIII в. Говоря о русских мемуарах XVIII в., мы имеем в виду не только воспоминания, написанные на русском языке, но и мемуарные тексты, написанные на европейских языках иностранцами, долгое время находившимися на русской службе и описавшими ее. Рамки статьи не позволяют

охватить весь интересующий нас материал, поэтому для рассмотрения мы берем только некоторые наиболее репрезентативные в ракурсе нашего исследования тексты.

Материал представленного в настоящей статье исследования составляют русские мемуары 20-х – 70-х гг. XVIII в., в которых нашли отражение фигуры русских правителей от Петра I до Екатерины II. Описания в мемуарной литературе Екатерины II и Павла I в конце XVIII – начале XIX в. исходят из несколько иных интенций мемуаристов по отношению к фигуре правителей, что может являться предметом отдельного исследования. Как отмечает Е. Е. Приказчикова, «антитечность екатерининской эпохи по отношению к петровскому времени явственно бросалась в глаза современникам» [2019, с. 121].

В первые десятилетия XVIII в. «развитие мемуаротворчества идет еще весьма медленно» [Тартаковский, 1991, с. 26]. По подсчетам Тартаковского, до нашего времени дошло не более 30 мемуарных источников, датируемых первой половиной XVIII в. Исследователь отмечает, что «одной из центральных тем всех этих произведений» является Петр I, «его личность, его реформаторские усилия на военном, дипломатическом, просветительском и иных поприщах» [Там же, с. 36]. «Единственное мемуарное жизнеописание, дошедшее до нас от петровского времени, принадлежит Борису Ивановичу Куракину, который без всякого преувеличения может быть назван первым русским мемуаристом» [Там же, с. 39]. Но и в этом тексте, оставшемся, по словам Тартаковского, «не более чем яркой вспышкой» в русской мемуаристике первой половины XVIII в., носившей по преимуществу летописно-аналитический характер, Петр является едва ли не центральной фигурой, относительно которой Б. И. Куракин (1676–1727) выстраивает повествование о себе самом. История царствования первого русского императора становится для Куракина своего рода канвой, по которой он пишет историю своей жизни: «И того года пожалован я в спальники к царю Петра Алексеевичу, и начал того года учиться грамоте по славянски. <...> И того года я женился летом, после Петрова дня. <...> И того лета, после Петрова дня, Его Величество пошел в Переяславль со всем двором. <...> А я был в ту пору в рейтарах. <...> И на весну того года Его Величество был у города Архангельского вдругоредь, а прежде того, при матери один раз был. А я в ту пору был в градусе со спальниками, а не с начальными людьми» [Куракин, 1890, с. 247–251]. С одной стороны, такой параллелизм изображения личной истории мемуариста и истории жизни и царствования первого русского императора может объясняться реальной близостью к монарху Куракина, бывшего современником, фактически ровесником, сподвижником и свояком Петра I. С другой стороны, нельзя не отметить, что мемуары Куракина, при всей их исключительности для своего времени, отражают основную тенденцию мемуарной литературы первой половины XVIII в. Интерес к жизни и личности Петра I, очевидный пиетет перед этой фигурой во многом определяют тематику и характер повествования большинства произведений историко-биографического и мемуарного характера первой половины XVIII в.

Особое место в ряду таких текстов принадлежит произведениям Феофана Прокоповича (1681–1736), в которых образ Петра «строится по риторическому принципу, что сближает его с тем типом идеального правителя, который разработан в предшествующей литературной традиции» [Никанорова, 2001, с. 116]. Феофан Прокопович, рассказывая о болезни, смерти и похоронах Петра I в «Краткой повести о смерти Петра Великого...» (1726), использует безличные формы, излагая факты. И в то же время задействует повествование от первого лица, сочетая

множественное и единственное число в глагольных и местоименных формах. Множественное число первого лица Ф. Прокопович постоянно использует и в своих проповедях в контекстных значениях «мы – христиане» или «мы – россияне». В «Краткой повести о смерти Петра Великого...» множественное число первого лица возникает в повествовании в самом начале, фиксируя позицию «самовидцев-свидетелей, которым все сие известно есть» [Прокопович, 1831, с. 1–2], и в конце текста: «И такое-то от нас было великому Герою, Государю и отцу нашему последнее послужение, которого желали мы паче многолетно живущего и царствующего видеть с радостью, а не погребальными почестями украшать в общей печали и горести» [Там же, с. 38]. Единственное число первого лица появляется в момент наблюдения и описания разных способов выражения скорби окружающими людьми: «Разный позор был печали, по разности, чаю, натур, не аффектов; ибо не надеюсь, чтобы и един такой сыскался, котораго бы не уязвляла смерть настоящая толикаго Государя, героя и отца отечества» [Там же, с. 7]. О себе как участнике событий Ф. Прокопович рассказывает, используя номинацию «епископ Псковский» и глагольные формы третьего лица единственного числа.

Идентичную повествовательную стратегию демонстрирует Ф. Прокопович и в «Истории о избрании и восшествии на престол... Анны Иоанновны» (1730) [Прокопович, 1837], где действия будущей правительницы описываются в безличных формах. Однако уже и в безличном повествовании не только описывается ряд последовательных событий, но и излагается личное нелицеприятное отношение к членам Верховного совета. Единственное и множественное число первого лица используются при описании собственных непубличных действий, суждений и фиксации процесса письма. Описывая собственные публичные действия как официального лица, Ф. Прокопович именует себя «епископом Новгородским», используя глагольные формы третьего лица единственного числа. Как отметила Г. Г. Елизаветина, «традиция третьего лица в мемуаристике была давней, общемировой и живучей. <...> Употребление третьего лица как бы придавало значительность рассказываемому, видимость объективности, затеняя автора и выдвигая на первый план то, о чем он сообщает» [1982, с. 238–239]. В случае Феофана Прокоповича, имеющего богатейший опыт создания текстов разных речевых жанров (в том числе литературных и ораторских), использование разнообразных точек зрения и обусловленных ими повествовательных приемов еще представляется способом создать своеобразную мемуарную оптику, где бы органично сочеталось личное и сверхличное, частное и общественное, взгляд на событие, условно говоря, «изнутри» и «извне».

В мемуаристике 40-х – 50-х гг. XVIII в. авторы также зачастую совмещают личное и безличное повествование. Например, в «Записках о России» (1753) Х. Г. Манштейна (1711–1757) авторское «я» с самого начала фиксируется в позиции «знающего свидетеля»: «Пробыв большую часть моей жизни в России, я успел достаточно познакомиться с обычаями этой страны, выучиться русскому языку и был свидетелем многих необыкновенных событий» [1875, с. 2–3]. Манштейн на протяжении всего повествования, охватывающего период с 1727 по 1744 г., не столько выражает свое отношение к описываемым событиям, сколько стремится показать читателям полную и по возможности объективную картину этого периода русской истории. Используя по большей части безличное повествование, Манштейн пишет записки именно о России, а не о себе. Однако личное «я» периодически как бы «включается» в пересказ событий. Часто эти включения но-

сят у Манштейна метатекстуальный характер: «Так как я буду еще иметь случай говорить об этом канале, то распространюсь о нем ниже»; «После довольно большого отступления пора продолжать прерванную историю» [Манштейн, 1875, с. 18, 32].

Иной тип личных конструкций, встречающихся в «Записках» Манштейна, служит для оценивания мемуаристом собственного кругозора и осведомленности о событиях. В ограниченности своих сведений автору приходится признаваться крайне редко: «Не знаю, какими путями, князь Долгорукий узнал...» [Там же, с. 22]. В целом же Манштейн выстраивает свое повествование таким образом, что у читателя не возникает сомнений в достоверности и полноте описываемого. Мемуарист встает в своего рода историографическую позицию всеведения, собирает информацию об описываемых событиях настолько возможно полно, в деталях передает, например, историю избрания новой императрицы и воцарения Анны Иоанновны, старается объяснить причины и показать последствия поступков правителей и сановников. Именно так он поступает, описывая странную для непосвященного ситуацию с казнью Долгоруких: «Это несчастное семейство провело восемь лет спокойно в своей ссылке. Как вдруг <...> возобновили старое обвинение в составлении подложного завещания. <...> Князей Василия и Ивана <...> колесовали, двое других четвертованы, еще двое или трое наказаны другого рода смертью. Этот переход от освобождения к казни, без сомнения, покажется странным; я постараюсь несколько объяснить дело» [Там же, с. 28]. Объясняя такую внезапную перемену судьбы Долгоруких, Манштейн пишет: «Говорят, будто Волынский всего более содействовал их гибели, но истинная причина будет все-таки заключаться в злом сердце Бирона, который никогда не мог простить их требования, чтобы императрица не брала его с собой из Митавы» [Там же, с. 29–30]. Манштейн чрезвычайно подробно останавливается на истории Бирона, видя в нем главную причину многих событий царствования Анны Иоанновны. Личная позиция мемуариста по отношению к излагаемым фактам и описываемым историческим персонажам, как правило, едва различима в «Записках» Манштейна, становится совершенно очевидной, когда речь идет о Бироне.

В. А. Нащокин (1707–1759) в «Записках» (1759) также использует как личные, так и безличные формы повествования. Автор стремится «для достопамятства внести в журнал» [Нащокин, 1998, с. 277] значимые события как общероссийские, так и личные, при этом обе линии повествования, не отделяясь друг от друга, ведутся в стиле хроники. Безличное повествование используется для описания или упоминания казней, ссылок, свадеб, смертей, кратких биографий известных людей, пожаров, наводнений, нашествия саранчи, солнечного затмения, постройки дворцов и церквей, обстоятельств военных кампаний, маневров и дислокации войск, дворцовой жизни и т. п. Местоименные формы первого лица единственного числа появляются для уточнений, был он сам свидетелем описываемых событий или нет, не часто в описании событий, связанных с его службой, и всегда в описании семейной хроники (рождений, смертей, браков, продвижений по службе своих многочисленных родственников).

Правители описываются по преимуществу безлично и безоценочно в традиционных риторических формах их именования: «всемиловитейшая государыня императрица и самодержица всероссийская Екатерина Алексеевна»; «его императорское величество», «государь» Петр II; «ее императорское величество», «государыня» Анна Иоанновна; «ее императорское величество», «наша всемиловитейшая государыня», «великая государыня императрица» Елизавета Петровна;

все монархи «изволят» совершать какие-либо действия [Нащокин, 1998]. Однако, как видим, только ближайшие члены семьи Петра I (Екатерина Алексеевна и Елизавета Петровна) удостоиваются панегирических именований. Бирон и Анна Леопольдовна даже не упоминаются как правители, при этом Нащокин фиксирует, что в 1747 г. «обедал у бывшего в России регента» в Ярославле, где «герцог фон Бирон со своей фамилией живет в аресте. Оный герцог одарил меня буланым жеребцом ценою рублей до ста» [Нащокин, 1998, с. 264]. При описании правителей «я» автора «Записок» появляется считанные разы – только в отношении Петра I и Елизаветы. Даже описывая личные чувства и свои действия в конкретных ситуациях, автор избегает высказывать личные мнения, суждения и оценки в стремлении выдержать беспристрастное объективное повествование. Какие-либо оценочные высказывания (лестные и нелестные) появляются лишь иногда в характеристиках известных людей своей эпохи.

Мемуарные тексты авторов второй половины XVIII в. могут содержать диаметрально противоположные характеристики монархов. Одним из ярких примеров служит изображение Анны Иоанновны в записках Н. Б. Долгорукой (1714–1771) и Б. Х. Миниха (1683–1767). «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой» (1767) выделяются на фоне мемуарных произведений XVIII в. предельной сосредоточенностью автора на истории «своих бедствий». Долгорукая пишет об Анне Иоанновне: «престрашного была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста» [Долгорукая, 1991, с. 262]. Миних же, описывая Анну Иоанновну, отмечает, что «эта великая государыня обладала от природы большими достоинствами. Она имела ясный и проницательный ум, знала характер всех, кто ее окружал, любила порядок и великолепие <...> она была великодушна и находила удовольствие в том, чтобы творить добро и щедро вознаграждать за заслуги» [Миних, 1991, с. 58–59].

Очевидная разница в описании императрицы Анны Иоанновны легко объяснима положением, в котором оказались оба мемуариста с ее приходом к власти. Для Долгорукой смерть юного Петра II и последующая «коронная перемена» (т. е. смена правителя) были катастрофой, повлекшей за собой ссылку, ужасные потери, страшную казнь мужа: «Как скоро вступила в самодержавство, так и стала искоренять нашу фамилию» [Долгорукая, 1991, с. 263]. Для Миниха же время правления Анны Иоанновны было временем расцвета его карьеры, именно при ней он стал президентом Военной коллегии и генерал-фельдмаршалом. Пытаясь найти оправдание жестокости императрицы в отношении Долгоруких, Миних пишет: «...недостаток ее заключался в том, что она любила покой и почти не занималась делами, предоставляя министрам делать все, что им заблагорассудится, чем и объясняются несчастья, постигшие семьи Долгоруковых и Голицыных, ставшие жертвами Остермана и Черкасского, опасавшихся их превосходства по уму и заслугам» [Миних, 1991, с. 59]. В гонениях на виднейших вельмож и влиятельные семейства империи Миних обвиняет не императрицу, а ее фаворита: «Волынский, Еропкин и их друзья стали жертвами Бирона. <...> Я сам был свидетелем того, как императрица плакала горькими слезами, когда Бирон метал громы и молнии и угрожал нежеланием больше служить, если императрица не пожертвует Волынским, а также другими» [Там же].

Записки Миниха официально называются «Очерк, дающий представление об образе правления в Российской империи» (1763–1764) и, по мнению Е. Анисимова, они «ставят главную цель – показать молодой, неопытной в делах управления

императрице (Екатерине II), как пагубна для государства может быть “слабость” государя к фавориту» [Анисимов, 1991, с. 15]. Миних не стремился написать собственно свои воспоминания. Выполняя поставленную перед ним Екатериной II задачу представить обзор предшествовавших ей правлений, Миних старался быть как можно более объективным, но, «чем ближе становится время, в котором он жил и о котором пишет, тем живее становится изложение, хотя все менее и менее объективным. Но этого и не следует ожидать от активного участника острых политических смут у подножья трона» [Там же]. Это особенно заметно при сопоставлении характеристик, которые он дает временам Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. При первой, как мы уже отметили, он стал фельдмаршалом и весьма влиятельным в России человеком, при второй оказался в жесточайшей опале и едва не лишился самой жизни. Повествование о времени Анны Иоанновны превращается у Миниха в довольно подробный рассказ о себе и своих деяниях, «я» автора в этой части «Очерка» по сравнению с остальным текстом актуализировано в высшей степени. Рассказ о правлении Елизаветы Петровны значительно меньше по объему, Миних пытается быть объективным, но, как отмечает Анисимов, «хитроумно обходит острые углы», замалчивая некоторые «неудобные» для его повествования факты и преподнося описываемое так, что у читателя может сложиться впечатление, что автор записок сам был свидетелем того, о чем пишет. Но если это совершенно справедливо в отношении его истории времени правления Анны Иоанновны, то невозможно по отношению к Елизавете: Миних был арестован сразу же по приходе дочери Петра к власти и все 20 лет ее царствования провел в ссылке. И именно Елизавете Миних дает более подробную и обстоятельную личностную характеристику, сосредоточившись на особенностях ее характера. Если в качестве «слабостей» Анны Иоанновны Миних несколько раз отмечает ее «стремление к покою», которое давало «министрам возможность удовлетворять свои амбиции и действовать в своих интересах» [Миних, 1991, с. 60], то о недостатках правления Елизаветы, проистекающих из недостатков ее собственной натуры, пишет значительно подробнее: «Она была непримирима <...> потому что никогда не хотела простить ни графа Остермана, ни графа Левенвольде, ни Головкина, ни Менгдена, ни меня, ни моего сына, который никак не участвовал в моих ошибках, если можно назвать ошибками повиновение приказам императрицы Анны, моей государыни» [Там же, с. 73]. Итог правления «его государыни» Миних, очевидно, считает более благотельным для России, нежели последствия царствования Елизаветы: «Она [Анна] придала пышность своему двору, построила императорский дворец, увеличила гвардию за счет Измайловского и конногвардейского полков, значительно увеличила артиллерию, содержала армию и флот в превосходном состоянии, основала Кадетский корпус и, умирая, оставила в казне два миллиона наличными деньгами» [Там же, с. 56]. Что же касается Елизаветы, то Миних не отмечает ни одного хоть сколько-нибудь положительного результата ее правления: «...разорительные монополии и ужасный таможенный сбор; плохое состояние флота <...>; плохое состояние Ладожского канала, упадок города Кронштадта; <...> жестокая и разрушительная война с королем Пруссии, в течение которой были пролиты потоки христианской крови <...> вывезены из России несметные суммы, при этом империя не получила никакой выгоды» [Там же, с. 73]. Личная позиция самовидца помогает Миниху придать своему повествованию достоверный характер. Аргумент «сам видел», «сам был свидетелем», повествование от первого лица являются в его мемуарах наиболее весомыми доказательствами истинности рассказываемого. Понятно, что зна-

чительно чаще он прибегает к этому приему в описаниях Анны Иоанновны, история царствования которой изображается Минихом как, по сути, его собственная история. В части «Очерка», посвященной правлению Елизаветы Петровны, Миних лишь дважды употребляет личные конструкции, стараясь придать своему тексту отстраненно-объективный тон.

Я. П. Шаховской (1705–1777) в «Записках» (1772), постоянно обращаясь к «благодарному», «любезному», «любопытному», «патриотический дух имеющему» читателю, ведет повествование только от первого лица и дает «краткое описание знатнейших мною произведенных дел и воспоследовавших со мною приятных или противных приключений» [Шаховской, 1998, с. 11]. Описывая личностные качества и поведение в конкретных ситуациях множества людей, в том числе и правящих особ, с которыми ему довелось общаться лично, Шаховской не дает никаких характеристик Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне, которых видел лишь издали, а также и Петру III, который «подписал указ об увольнении [Шаховского] от всех дел» [Там же, с. 153] и встречи с которым были мимолетны. Но описывает Бирона, Елизавету и Екатерину II, которые оказывали ему «многие милости». Каждый правитель, как и любой другой человек, в мемуарах Шаховского изображается только в связи с конкретной рассказываемой автором ситуацией, основным действующим лицом в которой является он сам.

В частности, мемуарист описывает произошедший в 1735 г. «колкий и дерзкий с его светлостью разговор» по поводу предоставленных фельдмаршалом Минихом сведений, когда герцог Бирон говорил «осердясь, весьма вспыльчиво», а герцог «Записок», «следуя [своим] правилам, чтобы во всяких случаях справедливость предпочитать всему, робким быть за стыд почитая <...> отвечал, что то донесение несправедливо» [Там же, с. 18–19]. Шаховской пишет, что в нарушение его ожиданий впоследствии Бирон относился к нему весьма благосклонно и милостиво, удостоивая разговоров и аудиенций, будучи уже регентом.

Достаточно места в «Записках» Шаховского уделяется «вселюбезной дочери» [Там же, с. 56] Петра I, на указы которого автор часто ссылается, предпринимая попытки возобновить их действие во времена правления Елизаветы. Шаховской говорит о «безмерной к милосердию склонности» государыни, аттестует ее как «великодушную и справедливую любящую», «милостивое и добродетельное сердце» [Там же, с. 57, 63, 65] имеющую в ситуациях, когда спорные дела решаются в основном в его пользу. И в то же время, описывая придворные интриги, Я. П. Шаховской неоднократно показывает, как «добродетельное сердце всемилостивейшей монархини <...> пленяется коварством» противников автора, которые умеют «оное доброе сердце в свою надобность употреблять» [Там же, с. 96–97]. Также Шаховской описывает, что ему трижды пришлось напоминать императрице о необходимости возобновления выплаты ему приостановленного жалования, однако не позволяет себе какие-либо комментарии по поводу «забывчивости» государыни. Рассказывая о своем дневании у тела почившей императрицы, автор говорит, что он ее «чистосердечно с рабскою верностью любил» [Там же, с. 158].

О призвавшей Шаховского обратно на службу после восшествия на престол Екатерины II он говорит, что «разум и честный характер, с многими дарованиями соединенный, уже за несколько лет во всех ее поведеньях познавал» [Там же, с. 165], называет ее «разумной, милостивой и трудолюбивой монархиней» [Там же, с. 167], перечисляет «отменные знаки милости и доверенности ее величества» [Там же, с. 172] в путешествии в Москву на коронацию и обратно через Переяславль, Ростов и Ярославль, где Шаховской по собственному почину взялся произ-

водить ревизии воеводских канцелярий и магистратов. Однако, как и в случаях с описанием Елизаветы Петровны, при победе своих противников он сетует: «для чего <...> наиразумнейшие, добродетельнейшие <...> монархи не могут избегнуть злоковарных сетей, в которые льстецы <...> их заводят, и <...> отгоняют беспристрастно с искреннею любовью монархам и отечеству служащих людей» [Шаховской, 1998, с. 174].

Обосновывая правильность и пользу для отечества своих действий, Шаховской приводит примеры из Священного писания, ссылается на труды Диоклетиана и Фенелона, использует русские пословицы и поговорки. В конце «Записок» автор приводит обоснование их написания, апеллируя не к читателю-современнику, но к потомкам: «...дабы и по смерти моей, когда найдутся такие люди, которые при рассуждениях об оных делах разно толковать будут, удобнее было детям моим и их потомкам при таких случаях меня извинить» [Там же, с. 175]. Существенно, что в своих обширных «Записках» Шаховской дает очень скудные и отрывочные сведения о семье, сосредоточивая внимание исключительно на своей деятельности сановника.

Манера повествования в «Записках» (1773) И. И. Неплюева (1693–1773) и в «Записками» Я. П. Шаховского схожа – описание событий с точки зрения их непосредственного участника: «...я только веду историю о всем том, что ко мне единственно принадлежит» [Неплюев, 1998, с. 438]. Большую часть своей жизни Неплюев служил отечеству за границей или на его окраинах. За время службы ему пришлось видеть многих правителей, о чем он, в частности, и сообщает в своих «Записках». Говоря о монархах, Неплюев показывает, как формируется его мнение о них на основе личного опыта. В отношении Петра I помимо описаний конкретных ситуаций (экзаменовки, определения на службу, опоздания на службу, приглашения на родину), в которых Петр предстает мудрым и милостивым правителем, Неплюев приводит и дидактические речи монарха: «Не кланяйся, братец! Я ваш от Бога приставник, и должность моя – смотреть того, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь, не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь, а буде худо, так я – истец» [Там же, с. 420]. Описывая получение в Константинополе известия о смерти Петра, Неплюев не только фиксирует свои эмоции, но и высказывает заключительное суждение о его правлении, чего, сразу оговоримся, не удостоивается больше ни один правитель в его описаниях: «Я омочил ту бумагу слезами, как по должности о моем государе, так и по многим его ко мне милостям, и ей-ей не лгу, был более суток в беспамятстве; да иначе бы и мне грешно было: сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России не взгляни, все его своим началом имеет» [Там же, с. 424].

Во времена правления Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны Неплюев служил за границей, поэтому они упоминаются только в связи с оказанием помощи его семье в переезде в Константинополь и пожаловании чинов. Бирон и Анна Леопольдовна не упоминаются вовсе. Дочери Петра I автор «Записок» в итоге извиняет лишение его «знатного поста, ордена и деревень» [Там же, с. 426] по ее указу об отмене наград и званий, данных в бывшее правление: «...увидев дочь государя, мною обожаемого, в славе, ей принадлежащей, и в лице ее черты моего государя Петра Первого, так обрадовался, что забыл и все минувшее и желал ей от истинной души всех благ и последования ей путем в Бозе опочивающего родителя» [Там же, с. 427]. Также прощается Елизавете назначение командиром в Оренбургскую экспедицию (по сути, в ссылку), поскольку впоследствии, «видев

делам моим успех в пользу отечества, был совершенно доволен и спокоен, забыв ту прискорбность, с коею в сию экспедицию прибыл» [Неплюев, 1998, с. 429]. Неплюев сообщает, что получает отказ на свое прошение об отставке от Петра Федоровича, которому в бытность его великим князем сам отказывал в его желаниях, поскольку «все те начало свое брали от людей, жаждущих только своей корысти, с повреждением общей пользы и учрежденного законом порядка, то я <...> почасту представлял, по чему то исполнить вредно» [Там же, с. 437]. Поэтому восшествие на престол Екатерины II воспринимается как «утешение опечаленной России» [Там же, с. 438], и впоследствии она характеризуется «пекущейся неусыпно о устройении непоколебимого благополучия отечества» [Там же, с. 443].

Сама эпоха XVIII в. предопределила сверхличный характер культуры, особенно первой половины столетия. Петровские преобразования, утвердившие культ государства, сама личность Петра I, воспринимавшаяся как абсолют, становление и расцвет классицизма, утверждавшего примат разума и долга, – все это в совокупности, безусловно, определяло самоощущение человека, берущегося за фиксацию своих воспоминаний. Для русских мемуаров 20-х – 50-х гг. XVIII в. характерно совмещение личного и безличного повествования с преобладанием последнего (Прокотович, Манштейн, Нащокин). Благодаря чему авторы создают ощущение объективного взгляда на события, но даже в безличном повествовании мемуаристам, бывшим участниками или свидетелями описываемых событий, не удается избежать оценочных высказываний в адрес различных деятелей своей эпохи. При этом в адрес правителей мемуаристы избегают высказывать оценочные суждения, могущие бросить хоть тень сомнения на законность и правильность действий монарха, и описывают только факты, зачастую высказываясь в панегирической тональности. При этом фигуры правителей, находившихся у власти недолгое время и, по-видимому, в сознании мемуаристов не соответствовавших образу государя или не совершивших сколь-нибудь заметных деяний для отечества, могут обходиться молчанием.

В 1760-е – 1770-е гг. авторы мемуаров используют по преимуществу личное повествование и уже позволяют себе отмечать недостатки царствующих особ. В одних случаях мемуаристы так или иначе извиняют их, объясняя пагубным влиянием окружения или не признавая особо серьезными (Неплюев, Шаховской). В других случаях недостатки в государственном правлении или неправильные действия монарха видятся прямым следствием нелицеприятных качеств личности правителя (Долгорукая, Миних). Таким образом, в сознании мемуаристов, личностное формирование которых, как правило, еще пришлось на петровское время (Неплюев, Шаховской), фигура государя продолжает мыслиться как безусловная сверхличная ценность. Очевидно, она уже девальвируется в таком качестве в сознании людей постпетровской эпохи и / или лично пострадавших от правления какого-либо монарха (Долгорукая, Миних). Процесс индивидуализации в мемуаротворчестве в этот период происходит в двух направлениях одновременно – субъекта высказывания и объекта описания. Очевидно, что от начала столетия к 70-м гг. XVIII в. в России происходит эволюция мемуарного жанра – акцент повествования постепенно смещается от внешнего к внутреннему, от фиксации событий, свидетелями которых оказывались мемуаристы, к повествованию о собственной, личной, истории, в которой они выступают уже не столько пассивными свидетелями, сколько активными участниками и творцами ее.

Список литературы

- Анисимов Е. Путники, прошедшие раньше нас // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л.: Худож. лит., 1991. С. 3–24.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 416 с.
- Долгорукая Н. Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л.: Худож. лит., 1991. С. 256–279.
- Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1982. С. 235–263.
- Куракин Б. И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная. 1676–1709 // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890. С. 243–287.
- Маништейн К. Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 399 с.
- Миних Б. Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л.: Худож. лит., 1991. С. 26–79.
- Нащокин В. А. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 225–320.
- Неплюев И. И. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–445.
- Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 466 с.
- Приказчикова Е. Е. Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 119–128.
- Прокопович Ф. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской // Сын отечества. 1837. Ч. 184, отд. 2. С. 23–73.
- Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 120 с.
- Сосновцева О. В. Источники личного происхождения Петровской эпохи // Изв. Саратов. ун-та. Серия: История. Международные отношения. 2007. Т. 7, № 1. С. 3–11.
- Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.
- Шаховской Я. П. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 9–176.

References

- Anisimov E. Putniki, proshedshie ran'she nas [Travelers who passed before us]. In: *Bezvremen'e i vremenshchiki. Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timeless and temporary. Memories of the “era of palace coups” (1720s - 1760s)]. Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 3–24.
- Dolgorukaya N. B. Svoeruchnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoy, docheri g.-fel'dmarshala grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva [Personal notes of Princess Natalia Borisovna Dolgorukaya, daughter of General Field Marshal, Count, Boris

Petrovich Sheremetev]. In: *Bezremen'e i vremenshchiki. Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timelessness and Timekeepers. Memories of the “era of palace coups” (1720s – 1760s)]. Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 256–279.

Elizavetina G. G. Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov [Establishment of genres of autobiography and memoirs]. In: *Russkiy i zapadnoevropeyskiy klassitsizm. Proza* [Russian and Western European classicism. Prose]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 235–263.

Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Moscow, Intrada, 1999, 416 p.

Kurakin B. I. Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina im samim opisannaya. 1676–1709 [Life of Prince Boris Ivanovich Kurakin described by himself. 1676–1709]. In: *Arkhiv kn. F. A. Kurakina* [Archive of Prince F. A. Kurakin.]. St. Petersburg, 1890, pp. 243–287.

Mansteyn C. H. *Zapiski Manshteyna o Rossii. 1727–1744* [Manstein's Notes on Russia]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1875, 399 p.

Munnich B. C. Ocherk, dayushchiy predstavlenie ob obraze pravleniya Rossiyskoy imperii [Essay, giving an idea of the image of the Russian Empire reign]. In: *Bezremen'e i vremenshchiki. Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timelessness and Timekeepers. Memories of the “era of palace coups” (1720s – 1760s)]. Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 26–79.

Nashchokin V. A. Zapiski [Notes]. In: *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 225–320.

Neplyuev I. I. Zapiski [Notes]. In: *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 385–445.

Nikanorova E. K. *Istoricheskiy anekdot v russkoy literature 18 veka: Anekdoty o Petre Velikom* [Historical anecdote in Russian literature of the 18th century: Anecdotes about Peter the Great]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001, 466 p.

Prikazchikova E. E. Izobrazhenie monarkhov v russkoy memuarnoy literature 18 veka: v poiskakh obraza ideal'nogo pravatelya [The image of monarchs in Russian memoir literature of the 18th century: in search of the image of the ideal ruler]. *Humanitarian Vector*. 2019, vol. 14, no. 5, pp. 119–128.

Prokopovich F. Istoriya o izbranii i vosshestvii na prestol blazhennoy i vechno-dostoynoy pamyati gosudaryni imperatritsy Anny Ioannovny, samodержitsy vsereiyskoy [The story of the election and ascension to the throne of the blessed and everlasting memory of the sovereign Empress Anna Ioannovna, autocrats of all Russia]. In: *Syn otechestva* [Son of the Fatherland]. 1837, pt. 184, dt. 2, pp. 23–73.

Prokopovich F. *Kratkaya povest' o smerti Petra Velikogo, imperatora i samodержitsa Vserossiyskogo* [A short story about the death of Peter the Great, Emperor and autocrat of all Russia]. St. Petersburg, Tip. I. Glazunova, 1831, 120 p.

Shakhovskoy Ya. P. Zapiski [Notes]. In: *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 9–176.

Sosnovtseva O. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya Petrovskoy epokhi [Sources of personal origin of the Peter's era]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2007, vol. 7, no. 1, pp. 3–11.

Tartakovskiy A. G. Russkaya memuaristika 18 – pervoy poloviny 19 v.: ot rukopisi k knige [Russian memoiristics of the 18th – first half of the 19th century: from manuscript to book]. Moscow, Nauka, 1991, 288 p.

Сведения об авторах

Рощина Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

roschina67@mail.ru

ORCID 0000-0001-9534-4436

Фарафонова Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

oxana.faroks@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4205-6793

Information about the authors

Olga S. Roshchina – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

roschina67@mail.ru

ORCID 0000-0001-9534-4436

Oksana A. Farafonova – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

oxana.faroks@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4205-6793

УДК 882-054.72 (092) Ремизов
DOI 10.17223/18137083/73/5

А. М. Ремизов в журнале символистов «Весы»: к истории сотрудничества

Е. Е. Вахненко

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Раскрывается история отношений А. М. Ремизова с печатным органом символистов «Весы» (1903–1909 гг.) в контексте редакционной политики издания, а также с позиций художественно-эстетических ценностей писателя. Контакты начинающего писателя с московскими и петербургскими символистами в некоторой степени способствовали формированию его художественных ориентиров и поэтики произведений в русле декадентской эстетики. Попытки Ремизова на протяжении шести лет войти в состав постоянных сотрудников «Весов» так и не получили положительного разрешения. Но они показали независимость авторской позиции от редакционной политики журнала в выборе художественных приоритетов, а также способствовали формированию литературной личности писателя вне идейно-эстетической программы символистов.

Ключевые слова

периодика, «Весы», редакционная политика, В. Я. Брюсов, символисты, модернизм

Благодарности

Публикация выполнена при поддержке РНФ (проект № 20-18-00007).

Для цитирования

Вахненко Е. Е. А. М. Ремизов в журнале символистов «Весы»: к истории сотрудничества // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 76–90. DOI 10.17223/18137083/73/5

Alexey Remizov in the symbolist magazine “Vesy”: to the history of cooperation

E. E. Vakhnenko

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Annotation

The paper reveals the history of the relations of Alexey M. Remizov's and the symbolists' magazine “Vesy” (1903–1909) in the context of the periodical editorial policy and from the standpoint of the artist's aesthetic values. The documentary basis of Remizov's relationship with the magazine's board can be considered his correspondence with Valery Bryusov, as well as fragments of the epistolary heritage of both a personal nature (letters to his wife

© Е. Е. Вахненко, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

Seraphima Remizova-Dovgello) and official correspondence with leading employees of St. Petersburg press. The contacts of the novice writer with Moscow and St. Petersburg symbolists, his gradual entry into the circle of modernist writers contributed to some extent to the formation of his artistic guidelines and poetics of his works in the framework of decadent aesthetics. Invited by Valery Bryusov, Remizov published the reviews of the cultural life in the provinces and in the capital for several years, most often anonymously, in the magazine's sections "Chronicle," "On Life," and "Miscellaneous". His literary works sent to the editorial board did not pass the censorship and were not accepted for publication because of the hostile attitude of the magazine's owner S. A. Polyakov. Remizov's attempts to become a permanent member of the "Vesy" staff for six years did not yield a positive outcome. However, they showed the independence of the author's position from the editorial policy of the magazine in his choice of artistic priorities and contributed to the formation of the writer's literary personality outside the ideological and aesthetic program of the symbolists.

Keywords

periodicals, "Vesy," published politics, V. Ya. Bryusov, symbolism, modernism

Acknowledgments

This publication was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00007).

For citation

Vakhnenko E. E. Alexey Remizov in the symbolist magazine "Vesy": to the history of cooperation. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 76–90. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/5

Московский литературный и критико-библиографический ежемесячник «Весы» (1904–1909) относился к модернистским журналам-манифестам двух первых десятилетий XX в. («Мир искусства», «Золотое руно», «Аполлон»), которые отражали художественно-эстетические ориентиры столичной аудитории, профессионально разбирающейся в культурных и литературных веяниях времени.

«Весы» как печатный орган символистов развивался в стратегическом направлении петербургских журналов «Мир искусства» (1898–1904) и «Новый путь» (1903–1904). Первый номер открывался уведомлением редакции, в котором оба проекта названы «старшими братьями» издания. Преемственность выпуска в свет журналов нового типа, основанная на тенденции противостояния эстетики грубому реализму и материализму, была отмечена Д. В. Филосовым в приветственной статье, в которой он подхватил идею Брюсова об основании символистской «школы» поэзии, назвав ее важной в культурно-историческом смысле, борьбой «декадентов» с «босьяками»¹.

С. А. Поляков, основатель и редактор «Весов», известный меценат, учредитель модернистского книгоиздательства «Скорпион», под эгидой которого выходил журнал, идеолог символистов В. Брюсов при поддержке Вяч. Иванова обозначили принципы художественно-эстетического развития издания. Специфика редакционной политики заключалась в отказе освещать социально-политические проблемы времени и в наполнении содержания исключительно критико-библиографическим материалом (художественные произведения до ноября 1905 г. не принимались коллегией к рассмотрению), содержание которого прежде всего было направлено на отражение эстетической и литературной программы символистов. Образцами ежемесячника нового поколения объявлены европейские журналы:

¹ Филосов Д. В. Новый журнал «Весы», издание «Скорпиона» // Новый путь. 1904. Январь. С. 244–248.

английский «The Athenaeum», французский «Mercure de France», немецкий «Literarische Echo», итальянский «Marzocco».

В. Брюсов, ведущий критик издания и автор программной статьи-манифеста «Ключи тайн», которой открывался первый выпуск «Весов», с опорой на эстетику французских символистов и учение Потебни обозначил специфику современного понимания искусства (как синкретизм реалистического и условного), провозгласив художника не просто демиургом, но обладателем мистического знания, ключами тайн². Соответственно и критик должен быть посвященным, знатоком нового типа искусства и мастером слова.

В первое десятилетие XX в. на фоне существующей периодической печати журнал Полякова воспринимался как уникальный проект, содержание которого в виде хроникальных заметок, философских и критических статей отражало духовные искания интеллигенции, тенденции символистского искусства.

С журналом сотрудничали поэты, прозаики, критики, художники, философы, музыкальные и театральные деятели, историки литературы и искусства, переводчики (Бальмонт, Брюсов, Белый, Волошин, Гиппиус, Вяч. Иванов, Мережковский, Розанов, Сологуб, Ремизов, Блок, Садовский, Каллаш, Коровин, Лернер, Рафалович, Рачинский, Ликиардопуло, Феофилакт, Милиоти); многие из них входили в состав постоянных участников журналов 1900-х гг.: «Мир искусства», «Северный вестник», «Новый путь», «Вопросы жизни», «Искусство», «Золотое руно», «Передел». Вскоре «Весы» был признан декадентским органом, как и издательство «Скорпион».

В 1904 г. А. Белый так охарактеризовал направление журнала: «"Весы" прежде всего тенденциозный орган с фанфарами, плакатами, зазываниями в сторону "нового искусства" <...> в "Весях" молодая русская литература прокладывает себе путь к официальному признанию. Для этого "Весам" нужно идти нога в ногу с заграничными декадентскими органами – важно завязать в один общеевропейский узел разнородные фракции декадентства» [Андрей Белый..., 2017, с. 457]. В 1906 г. издание признавалось Брюсовым единственным декадентским жизнеспособным печатным проектом. В обзоре литературных веяний 1900-х гг. Е. Аничков отметил, что в потоке художественных тенденций «Весы» остались духовным оплотом символистов, не меняя направления³.

О скором выходе «Весов» в кругах московской и петербургской интеллигенции, а также в провинции стало известно с ноября 1903 г. из объявлений-анонсов в периодической печати. К сотрудничеству с журналом были привлечены писатели, входящие в круг общения Брюсова и формирующиеся как художники-декаденты. В числе начинающих авторов был и А. Ремизов. В июне 1903 г. он поселился в Херсоне, служил в театре и был абсолютно неизвестен как писатель в столичных интеллектуальных кругах.

В конце октября – начале ноября 1902 г. Ремизов на несколько дней приехал из Вологды в Москву на заседание Литературно-художественного кружка, посетил квартиру Брюсова, в переписку с которым вступил в сентябре, обращаясь с просьбами о присылке авторских статей и сборников. Будущий идеолог «Весов» заинтересовался начинающим писателем, сторонником кружка политических ссыльных в Вологде, как творческая личность Ремизов его не привлек: «При-

² Брюсов В. Ключи тайн // Весы. 1904. № 1. С. 3–21.

³ Аничков Е. Символизм и прекрасная ясность // Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1923. С. 62–63.

шлось познакомиться мне с целым рядом новых и молодых <...> Еще какой-то из Вологды Ремизов. Они сидят там, в Вологде, выписывают Верхарна, читают, судят. Этот Ремизов немного растерянный маньяк» [Брюсов, 1927, с. 122–123]. Рукопись книги «Стернь», воспоминания о тюрьме и ссылке в Усть-Сысольск 1897–1900 гг., Ремизов послал Брюсову в 1902 г. и забрал в 1904 г.: за это время решение о ее публикации в «Скорпионе» так и не было принято⁴. Однако протекция и поддержка известного символиста позволили ему обратиться в временные издания Москвы, Петербурга, Ярославля и начать путь в литературе⁵.

Вскоре Брюсов пригласил Ремизова к сотрудничеству с изданием обозревателем культурной жизни в провинции. 4 декабря Ремизов обращается к нему с просьбой опубликовать перевод первой части романа С. Пишибышевского «Сыны земли»⁶. 13 декабря получает ответ, в котором основатель «Весов» акцентирует внимание на ключевом принципе редакционной политики – критико-публицистическом характере материалов – и просит прислать корреспонденцию о художественной жизни и деятельности Ремизова в Херсоне [Брюсов, 1994, с. 170].

В мае 1903 г. Ремизов был приглашен В. Мейерхольдом заведовать литературным бюро «Товарищества Новой Драмы» при Театре-студии на второй сезон 1903–1904 гг., в это время он сформировал теоретическую платформу театра нового типа. Задачи, принципы функционирования, репертуар, оценка двух сезонов были освещены им в статье «Товарищество новой драмы. Письмо из Херсона». В ней Ремизов, который не только заведовал репертуарной секцией, но и пытался реализовать собственные творческие проекты, обозначил характер постановок модернистского театра и дал критическую оценку традиционной манере игры актеров, не подготовленных для воплощения пьес нового театра, поведению «развращенной» публики, отметив задачу к организации театрального действия «новой драмой», которая «ждет к себе нового актера, не обмазанного румянами косности, а с открытым перемучившимся сердцем, с душой дерзающей» [Ремизов, 1904, с. 37]. Особенное внимание автор уделил постановке символической драмы С. Пишибышевского «Снег» (премьера состоялась 19 декабря 1903 г.) в собственном переводе⁷, дал оценку игре актеров, констатировал ее непонимание и неприятие зрителями.

О специфике «новой драмы» как особого типа сценического искусства Ремизов писал в статье «Городской театр», объясняя зрителю особенность игры и восприятия содержания: «Символическая драма, как один из главных побегов искусства, стремится к синтезу, к символу (соединению) от отдельного к целому. В этом и вся идейность такой драмы, но, чтобы ее уловить и заметить, необходима аккомодация (приспособление) духовного зрения: мы так привыкли искать в искусстве воспроизведения жизни, новой ли, старой ли, ее смысла или бессмыслицы, цели и т. д., что попытку разбить стены повседневности и представить бьющуюся душу человеческую легко и проглядеть. А раз это просмотрено, такая драма теряет всякую ценность и смысл, и даже интерес» [Ремизов, 2002, с. 156]. Несмотря на то что провинциальная публика не поняла и не приняла новаторского подхода, корреспонденция Ремизова имела большое значение именно в «Ве-

⁴ Ремизов А. М. Собр. соч. М.: Рус. книга, 2003. Т. 10: Петербургский буерак. 175 с.

⁵ О начале отношений Ремизова и Брюсова см. статью А. В. Лаврова [Брюсов, 1994, с. 137–149].

⁶ При жизни Ремизова и после перевод не был опубликован.

⁷ *Пишибышевский С. Снег: Драма в 4-х актах* / Пер. с пол. С. Ремизовой, А. Ремизова. М.: Театр. б-ка М. А. Соколовой, 1903. 66 с.

сах»: интеллектуальная аудитория получила представление об опытах Мейерхольда в русле символистской эстетики. Неслучайно С. А. Поляков под псевдонимом С. Ещбоев назвал работу Ремизовых единственным стильным переводом, пропущенным цензурой, но подверг критике знание польского языка авторами, признав его слишком индивидуальным, свободным, что способствовало «затемнению многих мест пьесы» и вызвало недоумение публики⁸.

В феврале-марте 1904 г. Ремизов отправил в редакцию издания несколько работ: перевод статьи З. Пшесмыцкого «Японская гравюра», заметки «О театре Новой драмы», «О гастролях Коммиссаржевской», сообщения о киевской и одесской выставках картин современных иностранных художников, о деятельности венгерского дирижера и композитора Артура Никиша, концертировавшего в России. Только одна заметка «Нам пишут из Одессы»⁹ без подписи автора появилась в майском выпуске журнала.

До конца весны Ремизов не был знаком с редакционной коллегией «Весов» и не надеялся на тесное сотрудничество, осознавая свою художественную самобытность и характер творческого поиска: «Нет, я ни к кому не подхожу: ни к “революционерам”, ни к “Весам” <...> Все они ничего моего не прошли, им мое не родное, хотя и есть со мной общее» [На вечерней заре, 1987, с. 244]. В конце мая 1904 г. Ремизов впервые посетил собрание сотрудников «Весов», в письме к супруге С. П. Ремизовой-Довгелло он высказывает надежду посредством Брюсова опубликовать отдельной брошюрой, прилагающейся к журналу, поэму «В плену», но почти сразу отказывается от этого решения, понимая, что по цензурным требованиям, а также из-за неблагоприятного отношения Полякова к его творчеству рукопись не может быть опубликована¹⁰.

Его опасения были обусловлены опытом неудачной публикации прозаической поэмы (написана ритмической прозой) в петербургских изданиях. Так, в апреле 1902 г. Ремизов получил отказ от помощника редактора журнала «Мир Божий» А. И. Богдановича напечатать «В плену», содержание которой он признал «вымученным, претенциозным и неестественным»¹¹. В конце декабря Ремизов отправил рукопись Брюсову, который редактировал журнал «Новый путь»; 29 января 1903 г. от редактора-издателя П. П. Перцова он получил отказ в публикации по причине «исключительной формы», мало удобной для журнала¹², и в этот же день – письмо от Брюсова, который отказался печатать поэму по причине ее «бессюжетности» [Брюсов, 1994, с. 153]. В 1903 г. она также не была принята ни в «Северные цветы», ни в переработанном виде в «Мир Божий»¹³.

В течение года отношения писателя с редакцией журнала оставались достаточно напряженными, поскольку уверенности в выборе литературной позиции

⁸ Ещбоев С. Станислав Пшибышевский. Снег <...> // Весы. 1904. № 5. С. 55–56.

⁹ С 23 февраля по 21 мая 1904 г. Ремизовы проживали в Одессе.

¹⁰ Рукопись некоторое время находилась у Полякова, который надеялся ее издать. См. письма от 29, 30 мая, 1 июня 1904 г. [На вечерней заре, 1987, с. 237–310; 245–246, 248]; письмо Брюсова [Брюсов, 1994, с. 181]. Поэма вышла под заголовком «Белая башня (В плену)» (Проталина. СПб., 1907, с. 114–150).

¹¹ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 2, 2 об.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ После ряда отказов Ремизов отредактировал текст и в январе 1904 г. отправил рукопись в журнал «Мир искусства» в специальный поэтический номер. В мае редактор литературного отдела Д. В. Философов вернул ее автору в связи с отменой выпуска [Брюсов, 1994, с. 175].

и опыта сотрудничества со столичными изданиями у него не было: «С “Весами” совсем запутался <...>» [На вечерней заре, 1987, с. 267]. «Дорогой Валерий Яковлевич! Посылаю о “Товариществе Новой Драмы”. Если все это ерунда, бросьте в печку. Измытарился <...>» [Брюсов, 1994, с. 181].

Корреспонденции Ремизова отличались индивидуальностью стиля, ярко выраженной авторской позицией, претензией на художественную оригинальность, что, несомненно, соответствовало тенденциям, способствующим формированию литературной платформы символистского издания.

В. Брюсов, требовательно относившийся к качеству присылаемых в редакцию статей, в ответах на письма провинциального автора просил изменить стиль сообщений, которые размещались часто анонимно в разделе «Хроника» (обзор литературной, художественной, театральной и музыкальной жизни в России и за рубежом) и не должны были отличаться от других материалов тематической разнородностью и художественностью изложения: «<...> присылайте нам корреспонденции – как можно менее притязательные, даже близящиеся к репортерскому <...>» [Там же, с. 182]. Одна из пространных заметок Ремизова 1904 г. «Нам пишут из Киева...»¹⁴ (№ 12, с. 77–78) отличалась от сообщений в рубрике аналитическим характером. В ней Ремизов попытался объяснить новаторский подход молодых музыкантов, которые продолжили тремя концертами, состоявшимися в феврале, марте и апреле в Киеве, петербургскую традицию организации камерных «Дирекцией вечеров современной музыки».

В целом первый год сотрудничества Ремизова с «Весами» не принес ему удовлетворения и уверенности в выборе стратегии художественного поиска, укрепилось ощущение индивидуальности творческого самовыражения («И к “революционерам” не подхожу, и к “полиции” не подхожу, и к “Весам” (“декаденты”) не подхожу, и к “Правде” (“большевики”) не подхожу» [На вечерней заре, 1987, с. 239]) на фоне тяжелого психологического состояния угнетенности и неуверенности в будущем, несмотря на поддержку Брюсова, который неоднократно писал начинающему автору о его интересных поэтических и прозаических экспериментах, способствовал публикации произведений в альманахе «Северные цветы», в журнале «Новый путь» (в конце 1903 г. он предложил Ремизову должность секретаря редакции) [Брюсов, 1994, с. 170]¹⁵.

В начале февраля 1905 г. Ремизовы получили разрешение от Департамента полиции на жительство в столице, благодаря ходатайству Д. П. Святополка-Мирского, и переехали в Петербург. Постепенно они вошли в столичный литературный круг и сблизились с символистами (Блоком, Белым, Брюсовым, Вяч. Ивановым, Мережковским, Гиппиус), стали завсегдатаями литературных салонов, посетителями «Башни» Вяч. Иванова. Поступив на службу делопроизводителем в редакцию журнала «Вопросы жизни», Ремизов укрепил свое положение начинающего писателя, сотрудничая не только с изданиями символистов (скорпионовский альманах «Северные цветы»), но и с популярной в кругах интеллигенции газетой либерального направления «Наша жизнь», а также заявил о себе как об авторе крупной жанровой формы на страницах журнала «Вопросы жизни», где в течение полугода печатал роман «Пруд» (с № 4–5 по № 10–11), но без окончания.

¹⁴ В Киеве писатель жил с 21 июня 1904 г. после нескольких месяцев пребывания в Одессе, в Москве, Петербурге, Вологде.

¹⁵ Ремизов вынужден был отказаться от предложения в связи с запретом на проживание в столицах в течение 5 лет после окончания вологодской ссылки.

В январе 1905 г. Ремизов жил в Москве и неоднократно посещал редакцию «Весов», общался с Брюсовым, который ценил начинающего писателя за оригинальный стиль и самобытную манеру письма: «Отзыв Брюсова: “ваше для нас – на сером парчовая заплата”» [На вечерней заре, 1987, с. 277], и практически не отказывал в публикации корреспонденций о культурной жизни провинции и столицы. Так, в первом номере журнала появились два сообщения: о постановке пьесы Г. Гофманшталя «Женщина в окне» Театром Новой драмы на тифлисской сцене и выставке картин польского художника Болеслава Бегаса в Киевском музее древностей и искусств. Оба текста опубликованы анонимно в разделе «Мелочи» и, следуя логике их размещения, не должны были отличаться оригинальностью. Однако сообщение о художественных шедеврах Б. Бегаса выделяется эмоциональным накалом, особой поэтической манерой, которую можно встретить в ремизовских стихотворениях в прозе¹⁶: «Останавливают, Распятие, Могучий дух, Шопен... Изображен осьмиконечный крест, посреди голова Иисуса Христа, а короткая перекладина – кисти пригвожденных рук... “В руке твои предаю дух мой”... Живьем сдирают кожу. Напряженно глядит обнаженный череп, а над ним впившаяся рука, и вокруг всего тела руки... руки царапают, раздирают, гложут человека до кости...» [Ремизов, 1905].

Во втором номере «Весов» впервые в основном содержании журнала была опубликована статья Ремизова «Письмо из Киева. Киевский художественно-промышленный и научный музей», в которой автор описал древности южнорусской старины, предметы мирового искусства, представляющие культурную и историческую ценность, собранные в залах открывшегося музея. Этот текст можно назвать своеобразным манифестом писателя, возмущенного процессом реставрации старинных памятников культуры, который в его восприятии равноценен их уничтожению. В этом же выпуске Ремизов поместил заметку без подписи «Нам пишут из Петербурга» о состоявшемся в столице вечере современной музыки. Эмоциональный, образный рассказ автора о прозвучавших сонатах бельгийского скрипача Виктора Врельса, немецкого пианиста Макса Регера, помещенный среди кратких сообщений в рубрике «Из жизни», можно назвать эссеистическим повествованием.

Чувствуя и понимая творческий потенциал и художественную одаренность Ремизова, Брюсов в январе 1905 г. обратился к нему с просьбой написать рецензию на книгу Л. И. Шестова «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)». Текст Ремизова «По поводу книги Л. Шестова “Апофеоз беспочвенности”» оказался лишен жанровых признаков рецензии, представляя очерк-эссе, написанный художественным стилем в поэтической тональности, самостоятельное завершённое произведение, в котором отразилась особенность мировосприятия Ремизова, его понимание мира, лишенного системности и логики, глубокое субъективное чувство жизни, созвучное мыслям философа. В «Весах», где критический отдел был представлен рецензиями и отзывами, созданными в русле традиционной публицистики, самобытный отклик Ремизова выбыл из канонической жанровой канвы и был отвергнут Брюсовым¹⁷. В письме С. П. Ремизовой-Довгелло писатель объяснил свое понимание брюсовских слов «парчовая заплатка»: «пишу с голоса, а не по “правилам”» [На вечерней заре, 1987, с. 279].

¹⁶ См. стихотворения в прозе в херсонской газете «Юг» 1903 г.: «Лепесток» (14 авг. № 1560), цикл «По весне северной» (17 сент. № 244), «Чайка» (12 авг. № 1558).

¹⁷ Публикация состоялась в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 7. Отд. I. С. 204).

Но истинной причиной отказа редактора от рецензии являлось неприятие творчества Ремизова С. А. Поляковым, которая была раскрыта Вяч. Ивановым в письме автору от 25 мая: «<...> Рецензию на “Апофеоз” – провести не мог: она совсем не по вкусу Сергею Александровичу – благодаря, мне кажется, некоторой причудливости тона и стиля... Но в Вас – художника вера *здесь есть*» [Переписка В. И. Иванова..., 1996, с. 87].

Влияние владельца «Весов» на формирование редакционной политики издания было достаточно жестким, и решения В. Брюсова о принятии или отказе к публикации произведений часто пересматривались, о чем Брюсов признавался К. Бальмонту 19 апреля 1909 г.: «Устно, письменно и печатно уверяю я всех, что “Весы” никогда не были “моим” журналом, и никто мне не верит. Даже в области чисто редакционной я никогда не имел возможности делать вполне то, что хотел. (Примеры: я не мог пригласить в сотрудники Ремизова <...>)» [Переписка..., 1991, с. 204].

В конце апреля Ремизов узнал от Вяч. Иванова об изменении программы «Весов»: о введении беллетристического отдела с осени 1905 г. [На вечерней заре, 1990, с. 457], что способствовало выходу журнала из состояния начинающегося кризиса и предотвращению его закрытия¹⁸. С. А. Поляков 21 июня 1905 г. обратился с просьбой в Главное управление по делам печати и 7 октября получил разрешение¹⁹. Последний номер журнала должен был выйти с новым подзаголовком «Ежемесячник искусств и литературы» и измененным содержанием, но по причине революционных событий выпуск был задержан и вышел в двойном формате в январе 1906 г.

Эта новость дала Ремизову надежду на активное сотрудничество с изданием уже в качестве беллетриста: в «Весы» писатель отослал рассказ «Пожар», написанный в русле декадентской поэтики, в котором обозначена тема торжества inferнальной силы над проклятым городом и людьми, забывшими Бога, акцентированы мотивы хаоса, разрушения гармонии бытия человека. Однако этот текст не был принят к печати, впервые опубликован в «Золотом руне» (1906, № 4, с. 54–60). Вероятнее всего рассказ не был одобрен Поляковым, поскольку Брюсов с весны уже практически не принимал участия в редактировании и администрировании журнала, о чем сообщал в конце августа Ремизову [Брюсов, 1994, с. 193]²⁰.

Желание Брюсова сотрудничать с молодым талантливым писателем Ремизовым неоспоримо, его имя с первого выпуска «Весов» значилось в списке сотрудников (до апреля 1905 г., в конце 1908 г. было вновь введено в перечень участников), но в действительности писатель так и не смог не только в начале, но и в последующие годы существования издания войти в число постоянных авторов. Все его публикации либо отвергались редакционной коллегией в лице С. А. Полякова, либо размещались в рубриках «Хроника», «Из жизни», «Мелочи» чаще всего анонимно. Попытки Ремизова напечатать в издательстве «Скорпион» поэму «В плену» и роман «Пруд» (без выплаты гонорара), а также ряд произведений

¹⁸ См.: Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 278–279.

¹⁹ Садовской Б. А. «Весы» (Воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб.: Atheneum: Феникс. 1993. С. 45.

²⁰ См. выдержки из писем Н. О. Лернеру и В. В. Розанову [Брюсов, 1994, с. 192].

в альманахе «Северные цветы» до 1905 г. также не увенчались успехом²¹. Такая промежуточная позиция неучастия в издании при его видимом участии, желание Брюсова ввести Ремизова в состав постоянных сотрудников и категорическое неприятие его творчества Поляковым, повлияла на автора «Пруда». Для Ремизова Брюсов был единственным заинтересованным человеком в редакционной коллегии журнала в публикации его сочинений и неоднократно этому способствовал. После того как Брюсов известил его о самоустранении от ведения редакционных дел, Ремизов считал дальнейшее участие в «Весах» невозможным: «С “Весами” мне теперь никаких дел вести не придется» [Брюсов, 1994, с. 193]. С июня по декабрь 1905 г. писатель не опубликовал ни одного произведения в этом издании. Последняя анонимная заметка Ремизова в майском номере журнала информировала читателей о состоявшемся в Санкт-Петербурге вечере современной музыки²² по стилю и содержанию вполне соответствовала хроникальным сообщениям (излагалась программа вечера), отличалась сухостью изложения и отсутствием эмоционального отклика на событие.

В конце 1905 г. журнал «Вопросы жизни» прекратился; служба в этом издании была единственным заработком для писателя и его супруги, корректора издания, и Ремизовы оказались в крайне сложном материальном положении, затянувшимся на несколько лет, существуя только на доход от уроков, которые давала С. П. Ремизова-Довгелло в Рождественском коммерческом училище М. А. Минцловой. Ремизов искал возможность опубликовать рассказы в различных изданиях, обращаясь в редакции московских и петербургских газет и журналов, занимался переписью собак («Занимаюсь самыми “фантастическими” делами – считать по дворам собак (статистика)» [На вечерней заре, 1900, с. 470]), пытался устроиться на службу, обращаясь за помощью к влиятельным знакомым в литературных кругах: Д. В. Filosoфову, З. Н. Гиппиус²³.

В начале 1906 г. он посылает рассказ «Слоненок» Андрею Белому, который тесно сотрудничал с символистскими изданиями и в письме от 10 января заверял Ремизова о возможности принятия рассказа к публикации: «“Слоненка” еще не получил; как получу, сейчас же отнесу в “Весы”, а если в “Весах” не пойдет, за “Золотое Руно” – почти ручаюсь» [Лавров, 2011, с. 458]. Одновременно с просьбой Белому о содействии писатель обращается к Брюсову с информацией о передаче «Слоненка» в «Весы» [Брюсов, 1994, с. 194]. В течение нескольких месяцев Ремизов ожидал ответа от Брюсова: 3 февраля и 14 марта он просил известить его о мнении Полякова и дальнейшей судьбе рассказа [Там же, с. 195, 198], в начале месяца посетил редакцию и вскоре получил отказ в публикации без указания причины, но с красноречивой оговоркой Брюсова: «Очень жалею, что бессилиен помочь Вам в “Весах”» [Там же, с. 198]²⁴. Рассказ «Богомолье» был от-

²¹ Об истории публикации «Пруда» в: *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб.: ООО «Издательство Росток», 2018. Т. 14: Звезда надзвездная. С. 239–241.

²² «30 апреля 1905 г. в С.-Петербурге состоялся вечер современной музыки...» // *Весы*. 1905. № 5. С. 71.

²³ См. главу «Статуэтка. 1. На XI-ой версте» в: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М.: Рус. книга, 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 205–206; письмо З. Н. Гиппиус С. П. Ремизовой-Довгелло от 8 октября 1906 г.: *Lampl H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener slawistischer Almanach*. 1978. Bd. 1. S. 165–166.

²⁴ После отказа Брюсова Ремизов пытался пристроить рассказ в «Адскую почту», но получил отказ в связи с несоответствием тематике журнала [Брюсов, 1994, с. 198–199]; в июне он через Е. А. Ляцкого передает рассказ в «Вестник Европы» (ОР РНБ. Ф. 634.

правлен следом за «Слоненком» в начале марта 1906 г., но вскоре передан Поликсене Соловьевой в детский журнал «Тропинка» [Лавров, 2011, с. 468]. Оба произведения не соответствовали тематике издания, как и сказка «Котофей Котофейич», которая была отправлена в «Весы» в мае после отказа С. А. Соколова принять ее в «Золотое Руно» по причине сложности перевода на французский язык²⁵. Эти произведения значительно отличались от художественных приоритетов редакционной коллегии «Весов». В рассказах «Богомолье» и «Слоненок» отразился интерес Ремизова к особенностям психологии ребенка, его переживаниям и страданиям, прозвучал мотив прозрения, катарсиса, стремления детского сознания к душевной чистоте, к освобождению от греха, к осознанию святости. Обращение писателя к детской теме также не соответствовало программе беллетристического отдела журнала. Литературная сказка «Котофей Котофейич», в которой Ремизов акцентирует внимание на особенностях мироощущения ребенка, демонстрирует знание его психологии, глубокое проникновение в глубины сознания, понимание тонкостей восприятия действительности (что отразилось на образном и языковом уровнях его произведения). Эта сказка значительно отличалась от редких произведений сказочно-мифологического характера, публикуемых на страницах журнала Ф. К. Сологубом, и не отвечала художественно-эстетической программе «Весов».

Ремизов прекрасно понимал, что его произведения в тематическом и жанровом плане не всегда подходили декадентским изданиям (в них не было обращения к общественной проблематике, отражения событий современной истории, мистических мотивов, символистской идеи двоемирия), но он, руководствуясь материальной нуждой и желанием войти в качестве постоянного сотрудника в элитарный в литературной и культурной среде символистский журнал «Весы», регулярно обращался к Брюсову за поддержкой. Но от декадентской эстетики он свое творчество не отделял, в июле 1905 г. в письме к Ремизовой-Довгелло отмечает: «<...> в следующих книжках В<опросов> Ж<изни>: выкуривают “декадентство”, а стало быть и мое» [На вечерней заре, 1990, с. 467], как и для критиков он долгое время оставался писателем-декадентом²⁶.

Многочисленные unsuccessful попытки сотрудничества писателя со «Скорпионом» и его дочерними органами печати не получили благоприятного разрешения, вскоре он прекратил контакты с редакцией и стал взаимодействовать с печатным

Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 4), в июле отправляет рукопись в «Золотое руно» и вновь получает отрицательный ответ (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1, 10). И только в феврале 1907 г. он обращается к редактору московского журнала «Перевал» С. А. Соколову (Кречетову) с просьбой о публикации рассказа (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 17, 20, 21). Рассказ был напечатан в седьмом номере этого оппозиционного «Весам» и «Золотому руно» издания.

²⁵ См.: Соколов С. А. Письма А. М. Ремизову: 14 янв. 1905 – 24 сент. 1912 г. // ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 5. Все произведения в «Золотом Руно» печатались на русском и французском языках. В июле 1906 г. Ремизов получает известие от Н. П. Рябушинского о том, что сказка была им пересмотрена и не принята к печати, так как имеет слишком детский характер (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 1). После эту сказку 1905 г. Ремизов включил в «Посолонь», в 1912 г. в переработанном виде под названием «Зайка» она войдет в 6-й том Собрания сочинений писателя и в последнее прижизненное издание книги сказок (Ремизов А. Посолонь: Волшебная Россия. Париж: Таир, 1930).

²⁶ О восприятии творчества Ремизова до 1907 г. см.: Обатнина Е. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: НЛЮ, 2008. С. 11–15.

проектом «Золотое Руно» (1906–1909), набирающим популярность в модернистской среде²⁷.

В течение двух с половиной лет Ремизов не опубликовал в «Весах» ни одного произведения, его имя не значилось в списке участников издания, переписка с Брюсовым не отражала его интереса к публикации в журнале. После неудачной попытки объединения «Меча» и «Весов» по инициативе Д. Мережковского и З. Гиппиус²⁸ и революционных событий обстановка в коллегии журнала изменилась. В конце 1906 г. Брюсов практически устранился от сотрудничества с изданием, разочаровавшись в тщетных попытках преобразовать редакционную политику по собственному усмотрению²⁹. Весной и летом 1907 г., когда «Весы» и «Золотое Руно» вели активную полемику, упрекая и обвиняя друг друга в плагиате и низком качестве художественного материала, Ремизов находился в чрезвычайно трудной материальной ситуации: отчаянно искал место службы³⁰ и держался за любую возможность публикации своих произведений; участвовать в корпоративных распрях сотрудников этих журналов он не стремился, находясь в позиции стороннего наблюдателя³¹. С 1907 г. после выхода в свет книги сказок «Посолонь» и сборника древнерусских апокрифов «Лимонарь сиречь луг духовный» творческий потенциал Ремизова получил новую оценку в писательской и критической среде: обвинения в приверженности к декадентской эстетике практически сошли на нет, его стали воспринимать как великолепного стилиста, мастера слова, сказочника³².

Кризисный период конца 1908 и начала 1909 г. стал временем перемен не только в редакционной политике, но и в составе основных сотрудников «Весов». Конфронтация журналов, обусловленная С. Городецким, который выступил в «Золотом Руно» с резкой критической статьей «Глухое время», значительно обострилась. Он отмечал, что в результате затяжной полемики двух декадентских изданий обозначился упадок «Весов» (и символизма в целом), наиболее проявившийся в отсутствии критики и в хаотичности организации журнала³³. Эта ситуация поставила под сомнение возможность дальнейшего выхода издания, благополучно разрешившись к концу января 1909 г.

3 декабря 1908 г. Брюсов обращается к Ремизову с просьбой в 1909 г. войти в штат основных сотрудников «Весов», так как журнал перестает выходить под эгидой «Скорпиона» и начинает функционировать как самостоятельное издание

²⁷ Весной и летом 1906 г. в «Золотом Руно» готовился к печати цикл сказок Ремизова из неизданной книги «Посолонь» (опубликован в № 7–9, 10).

²⁸ Подробнее: *Лавров А. В.* Из редакционного портфеля «Весов»: неизданный меморандум З. Н. Гиппиус // Из истории символистской журналистики: «Весы». М.: Наука, 2007. С. 70–79.

²⁹ См. письмо В. Брюсова З. Гиппиус от 27 декабря 1906 г. [Брюсов, 1994, с. 678].

³⁰ В августе 1907 г. Ремизов обращается к М. О. Гершензону за помощью в поисках места службы, предпринял попытки устроиться в терюкскую библиотеку и помощником библиотекаря в Политехнический институт. См.: *Гершензон М. О.* «Узнать и полюбить». Из переписки 1893–1925 годов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 308–312.

³¹ В конце августа Мережковский, Гиппиус, Брюсов, Белый, Кузмин, Балтрушайтис, Ликиардопуло заявили в «Весах» об отказе сотрудничать с «Золотым Руно» (Весы. 1907. № 8. С. 78–79).

³² См. рецензии и отзывы за 1907 г. в научной библиографии А. М. Ремизова. URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/>.

³³ См.: *Городецкий С.* Глухое время // Золотое Руно. 1908. № 6. С. 69–70.

(С. А. Поляков остался лишь номинальным его руководителем в течение года, передав управление журналом Брюсову): «До сих пор Вы, можно сказать, только числились среди сотрудников “Весов”. Я несколько раз объяснял Вам причину этого, и мне хочется думать, что Вы наконец поверили моим объяснениям. Нам, ближайшим деятелям “Весов”, мне, Бор<ису> Ник<олаевичу> и др., всегда было грустно, обидно и даже как-то оскорбительно, что Вы не с нами. Но в этом вопросе приходилось уступать внешней силе. Теперь, как только это стало для нас доступно, мы просим Вас не вменять нам прошлого в вину и дружески войти в наш круг, который всегда Вас любил и ценил. Не хорошо будет с Вашей стороны, если Вы будете нам мстить за наш грех невольный» [Брюсов, 1994, с. 204].

6 декабря Ремизов откликнулся на предложение Брюсова и в конце декабря отправил в редакцию мистический рассказ «Жертва» (вышел в первом номере 1909 г.), который отвечал художественно-эстетической программе издания. Это повлекло недовольство и возражения секретаря редакции «Золотого Руна» Г. Тастевена: в январском письме он, отвечая на вопрос Ремизова, информирует о невозможности публиковаться одновременно в двух оппозиционных друг другу журналах, ссылаясь на решение Н. П. Рябушинского. В скором времени Тастевен в недатированном письме выступил с ультимативным словом, поставил вопрос о выборе издания и потребовал решающего ответа от Ремизова: «“Золотое Руно” всегда привыкло считать Вас одним из ближайших своих сотрудников, наиболее родственных ему по духу и складу творчества, и поэтому Ваше участие в органе, резко враждебном всему, что исповедует “З<олотое> Руно”, нас глубоко смущает <...> Поэтому на Ваше участие в № I “Весов” редакция не может не смотреть как на демонстрацию против журнала: так смотрит Николай Павлович, таково же, я убежден, мнение ближайших сотрудников “Золотого Руна”: Чулкова, Блока, Городец<кого>, Зайцева и др.<...>»³⁴. В постскрипуме Тастевен акцентирует внимание Ремизова на том, что в ближайшее время редакция «Золотого Руна» планирует поместить аналитическую статью о его творчестве³⁵, недвусмысленно склоняя к выбору позиции. В письме Г. И. Чулкову Тастевен выразил свою мысль вполне определенно – от Ремизова требовался жертвенный поступок: «<...> Писал Ремизову по поводу его участия в “Весах”, указывая, что инцидент с Городецким является открытым вызовом, брошенным Петербургской группе и что “З<олотое> руно” вправе ожидать известных жертв от своих ближайших сотрудников, раз вопрос идет о достоинстве журнала» [Блок в неизданной переписке..., 1982, с. 347]. В ответе на обращение Тастевена Ремизов подчеркивает нейтральное отношение к обоим изданиям, допуская одновременное сотрудничество с этими органами печати, ссылаясь на аналогичную позицию литераторов: Блока, Вяч. Иванова, Бальмонта, Сологуба, Белого, Кузмина³⁶.

В течение года обстановка в «Весах» была напряженной: из-за непрекращающегося противостояния московских и петербургских символистов. В. Брюсов устраняется от руководства «Весами», и Ремизов неофициально прекращает сотрудничество с изданием. Только в середине сентября он вновь обращается к А. Белому с просьбой перепечатать «Письмо в редакцию», опубликованное в «Русских ве-

³⁴ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 214. Тастевен Г. Письма А. М. Ремизову 11 мая 1907 – 21 декабря 1909 гг. Л. 16.

³⁵ На страницах журнала подобная статья не появилась.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 16.

домостях» 6 сентября (№ 7–9) в связи с обвинением в плагиате³⁷, в котором он не только опроверг обложные нападки, но и обозначил творческий метод и принципы работы с фольклорными текстами. Но этот важный для Ремизова шаг не был поддержан – А. Белый не откликнулся на обращение и письмо не напечатал (опубликовано в сентябрьском номере «Золотого Руна»). С этого момента контакты Ремизова с редакционной коллегией «Весов» прекратились, и журнал перестал издаваться после выхода декабрьского номера за 1909 г.

Попытки Ремизова войти в круг постоянных сотрудников издания на протяжении периода существования «Весов» как декадентского органа печати не увенчались успехом. Корреспонденции начинающего автора значительно отличались от традиционных публицистических материалов журнала образной насыщенностью, богатством языка и стиля, художественной концептуальностью, и в связи с оригинальностью, жанровым несоответствием часто не принимались к публикации. Отдельные произведения, которые писатель надеялся увидеть на страницах беллетристического отдела, в основном не отвечали художественно-эстетической программе «Весов» и были отвергнуты редакционной коллегией во главе с издателем С. А. Поляковым, не понимающим и не принимающим творчество Ремизова.

Список литературы

Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915 / Вступ. ст. А. В. Лаврова; подгот. текста, коммент. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т. В. Павловой. М.: НЛЮ, 2017. Т. 1: 1902–1909. 744 с.

Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92, кн. 3: Александр Блок. Новые материалы и исследования. С. 153–539.

Брюсов В. Дневники. 1891–1910 / Подгот. к печати И. М. Брюсовой, примеч. Н. С. Ашукина. М.: Изд-во М. и М. Сабашниковых, 1927. 203 с.

<Брюсов В. Я.> Переписка с А. М. Ремизовым: (1902–1912) / Вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Литературное наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98, кн. 2: Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 137–217.

Лавров А. В. Андрей Белый и А. М. Ремизов / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы / Отв. ред. Н. Ю. Грыкалова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. Вып. 4. С. 437–508.

На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1987. № 6. С. 237–310.

На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. № 9. С. 443–498.

³⁷ В письме в редакцию «Писатель или списыватель» (Биржевые ведомости. 1909. № 11160, 16 июня (веч. вып.). С. 5–6) Ремизов обвинялся в плагиате на основании текстологического сопоставления сказок «Мышонок» и «Небо пало» с источниками из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (1908). Обе сказки были напечатаны без ссылок на оригинальный текст. Ремизов считал автором статьи А. А. Измайлова. Подробнее об этом инциденте см.: Данилова И. Ф. Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала) // История и повествование: Сб. ст. М.: НЛЮ, 2006. С. 292–316; На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 г. / Предисл. и коммент. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2015. № 3. С. 153–203; Вахненко Е. Е. А. М. Ремизов в изданиях С. М. Проппера «Биржевые ведомости» и «Огонек»: к истории сотрудничества (1907–1911) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 79–92.

Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. ст., примеч. и подгот. писем А. Ремизова – А. М. Грачевой; подгот. писем Вяч. Иванова – О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 72–118.

Переписка <В. Брюсова> с К. Д. Бальмонтом. 1894–1918 / Вступ. ст. и подгот. текстов А. А. Нинова; коммент. А. А. Нинова, Р. Л. Щербакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 98, кн. 1. С. 30–239.

<Ремизов А. М.>. Городской театр // Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Часть II: Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / Публ. и вступ. ст. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 г. СПб.: Дм. Буланин, 2002. С. 156–157.

<Ремизов А. М.> Нам пишут из Киева // Весы. 1905. № 1. С. 82–83.

Ремизов А. М. Товарищество Новой Драмы: Письмо из Херсона // Весы. 1904. № 4. С. 36–39.

Архивы

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 135; 143; 192; 203; 214. *Тастевен Г.* Письма А. М. Ремизову 11 мая 1907 – 21 декабря 1909 гг.; 249. Ремизов А. М. Письма ему (70) <...> 1902–1904 гг.

References

Andrey Belyy i Emiliy Metner. *Perepiska. 1902–1915. T. 1: 1902–1909* [Andrei Bely and Emilius Metner. Correspondence. 1902–1915. Vol. 1: 1902–1909]. A. V. Lavrov (Intr.), A. V. Lavrov, J. Malmstad, T. V. Pavlova (Prep. of the text, comm.). Moscow, New Literary Observer, 2017, 744 p.

Blok v neizdannoy perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921) [Block in unpublished correspondence and diaries of contemporaries (1898–1921)]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 92, kn. 3: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya* [Literary heritage. Vol. 92, bk. 3: Alexander Blok. New materials and research]. 1982, Moscow, Nauka, pp. 153–539.

Bryusov V. *Dnevnik. 1891–1910* [Diaries 1891–1910]. I. M. Brussova (Prep. for printing), H. S. Ashukin (Comm.). Moscow, M. i M. Sabashnikov Publ., 1927, 203 p.

Bryusov V. Ya. *Perepiska s A. M. Remizovym: (1902–1912)* [Bryusov V. Ya. Correspondence with A. Remizov: (1902–1912)]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 98, kn. 2: Valeriy Bryusov i ego korrespondenty* [Literary heritage. Vol. 98, bk. 2: Valery Bryusov and his correspondents]. 1994, Moscow, Nauka, pp. 137–217.

Lavrov A. V. *Andrey Belyy i A. M. Remizov* [Andrei Bely and A. Remizov]. In: *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and materials]. Gryakalova N. Yu. (Ed.). St. Petersburg, “Pushkinskiy Dom” Publ. H., 2011, iss. 4, pp. 437–508.

Na vecherney zare: *Perepiska A. Remizova s S. Remizovoy-Dovgello* [At dawn: The correspondence of A. Remizov with S. Remizova-Dovgello]. *Europa Orientalis*. 1987, no. 6, pp. 237–310.

Na vecherney zare: *Perepiska A. Remizova s S. Remizovoy-Dovgello* [At dawn: The correspondence of A. Remizov with S. Remizova-Dovgello]. *Europa Orientalis*. 1990, no. 9, pp. 443–498.

Perepiska V. Bryusova s K. D. Bal'montom. 1894–1918 [Correspondence of B. Brusov with K. D. Balmont. 1894–1918]. A. A. Ninov (Intr., prep. pf texts),

A. A. Ninov, R. L. Shcherbakov (Comm.). In: *Literaturnoe nasledstvo*. T. 98, kn. 1 [Literary heritage. Vol. 98, bk. 1]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 30–239.

Perepiska V. I. Ivanova i A. M. Remizova [Correspondence of V. Ivanov and A. Remizov]. A. Remizov, A. M. Gracheva (Intr., comm., pred. of letters), O. A. Kuznetsova (Prep. Of the letters of V. Ivanov). In: *Vyacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniya* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Research]. Moscow, Nasledie, 1996, pp. 72–118.

Remizov A. M. Gorodskoy teatr. Pis'ma A. M. Remizova k P. E. Shchegolevu. Chast' II: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev: (1903–1904) [City Theater. Letters of A. Remizov to P. Shchegolev. Part II: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev: (1903–1904)]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 g.* [Yearbook of the Pushkin House Manuscript Department for 1997]. St. Petersburg, Dm. Bulanin, 2002, pp. 156–157.

Remizov A. M. Nam pishut iz Kievа [They write to us from Kiev]. *Vesy*. 1905, no. 1, pp. 82–83.

Remizov A. M. Tovarishchestvo Novoy Dramy: Pis'mo iz Khersona [New Drama Partnership: Letter from Kherson]. *Vesy*. 1904, no. 4, pp. 36–39.

List of sources

Remizov A. M. Pis'ma emu (70) ... 1902–1904. [Remizov A. M. Letters to him (70) ... 1902–1904]. In: *Manuscripts Department of the Russian National Library*. Fund 634, Inventory 1, Item Number 249.

Tasteven G. Pis'ma A. M. Remizovu 11 maya 1907 – 21 dekabrya 1909 [Letters to A. M. Remizov May 11, 1907 – December 21, 1909]. In: *Manuscripts Department of the Russian National Library*. Fund 634, Inventory 1, Item Numbers 135; 143; 192; 203; 214.

Сведения об авторе

Вахненко Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

katy250579@mail.ru

ORCID 0000-0002-2728-7465

Information about the author

Ekaterina E. Vakhnenko – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication of the Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

katy250579@mail.ru

ORCID 0000-0002-2728-7465

УДК 82. 01.
DOI 10.17223/18137083/73/6

Метасюжетные функции орфического кода в нарративах постсимволизма

Г. А. Жиличева

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается функционирование орфического кода в прозе постсимволизма: романах К. Вагинова, Б. Пастернака, рассказах В. Шаламова. Анализируется метапоэтический контекст образа бессмертной головы Орфея, сюжетных ситуаций «жертвоприношения» поэта, пребывания поэта в загробном мире. Обнаруживаются различные варианты соотношения темы Орфея с авторской рефлексией взаимодействия лирического и эпического начала в прозаическом произведении.

В результате исследования устанавливается, что в «прозе поэтов» особое место занимает столкновение точек зрения протагониста-творца и повествователя, актуализирующееся как в диегетическом мире (мотив смерти поэта), так и в нарративной структуре (гибридизация голосов повествователя и персонажа).

Ключевые слова

орфический код, метасюжет, постсимволизм, Вагинов, Пастернак, Шаламов

Для цитирования

Жиличева Г. А. Метасюжетные функции орфического кода в нарративах постсимволизма // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 91–104. DOI 10.17223/18137083/73/6

Orphic code and its roles in the metaplots of Post-Symbolist narratives

G. A. Zhilicheva

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the Orphic code of Russian Post-Symbolist prose, discussing the meta-poetical context of the immortal head motif and the plot situations of “a poet’s sacrifice” or “a poet in the underworld.” The Orphic code is viewed as correlating with an author’s reflection of the interplay between the epic and the poetical in a work of prose. In Konstantin Vaginov’s novel *The Goat Song*, Orphic motifs punctuate the clash between the two narrative instances – the protagonist (a poet) and the narrator. Orpheus, finding himself in the new Soviet world, loses his abilities to change the world with his art, to descend into the underworld,

© Г. А. Жиличева, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

and to charm its goddess. The motif of a failed rescue of Eurydice (i.e., the art) becomes prominent. In Boris Pasternak's *Doctor Zhivago*, with the narrator and the lyrical persona having a dialogical relationship, the "Orphic code" provides an essential layer of the novel's "intertextual palimpsest" (the Silver Age references) and becomes a way of reflecting on the unity of the epic and the lyrical. In Varlam Shalamov's *Kolyma Tales*, the metaphor of the underworld becomes dominant, and the Orphic code serves as a *minus-priem*, a semantic field that needs to be disavowed. A conclusion is made that the Orphic meta-plot typically involves a clash between the perspectives of an artist protagonist and a narrator, reflected both in the diegetic world (the "dying poet" motif) and in the narrative structure (the hybrid nature of the voices of both narrator and the protagonist).

Keywords

Orphic code, Post-Symbolism, metaplot, Konstantin Vaginov, Boris Pasternak, Varlam Shalamov

For citation

Zhilicheva G. A. Orphic code and its roles in the metaplots of Post-Symbolist narratives. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 91–104. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/6

В культуре начала XX в. фигура Орфея является одной из важнейших смысловых доминант, связанных с рефлексией сущности поэта и природы творчества. Литературная рецепция охватывает основные элементы мифологической истории Орфея: нисхождение в Аид за Эвридикой, путешествие с аргонавтами, жертвенная гибель от рук вакханок, бессмертие головы, обретающей дар пророчества. Необходимо отметить, что в сознании русских писателей путешествие Орфея в Аид часто контаминируется с путешествием Данте в ад, а Россия воспринимается как аналог преисподней. В литературе последующих периодов, в том числе в постсимволистских художественных практиках, орфические мотивы функционируют не только как часть мифологического контекста, но и как знак культурного диалога с символизмом.

В обширном круге исследований по данной проблематике были выявлены общие закономерности функционирования орфического кода и его реализация в поэтике конкретных авторов. Например, в известной книге Л. Силард «Герметизм и герменевтика» [2002] ведущая роль мифа об Орфее в становлении философии, эстетики и поэтики русского символизма объясняется значимостью идеи поиска мистического знания, в том числе актуализацией учений орфиков, гностицизма и герметизма.

А. А. Асоян связывает популярность фигуры Орфея в русской литературе с его ролью медиатора между культами Диониса и Аполлона: «Мысль о воплощении в Орфее "мистического синтеза обоих откровений", Диониса и Аполлона <...> привела к тому, что в начале века Орфей воистину становится культовой фигурой» [Асоян, 2015]. Л. Д. Бугаева выдвигает гипотезу о том, что орфические мотивы указывают на лиминальную фабулу нового типа, для которой важна не духовная, а телесная трансформация героя: «Орфей, нарушающий привычные представления о телесных границах и размыкающий тем самым тело-тюрьму, оказался образным воплощением глубинной мифологической схемы сюжетного развития, которая в начале XX века сменила прежнюю (основанную на духовном изменении героя)» [Бугаева, 2010, с. 28–29].

Рассмотрим частный аспект проблемы – метасюжетные функции орфического кода в прозе постсимволизма. Для исследования была выбрана так называемая проза поэтов, поскольку в «гибридном» нарративе тема Орфея открывает воз-

моя возможность не только для рефлексии взаимодействия лирического начала и «прозы» («ада») жизни, но и для метаописания эпического дискурса с помощью кругозоров героев и нарраторов, обладающих поэтическим даром.

Метасюжет такого типа представлен в текстах 1920–1950-х гг. сразу в нескольких вариантах.

Например, в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» (1927) орфические мотивы оттеняют конфликт нарративных инстанций (героя-поэта и повествователя). В уста протагониста романа – неизвестного поэта – вложена декларация, базирующаяся на идеях символистов: «...поэт должен быть, во что бы то ни стало, Орфеем и спуститься во ад, хотя бы искусственный, зачаровать его и вернуться с Эвридикой – искусством, и что, как Орфей, он обречен обернуться и увидеть, как милый призрак исчезает...» [Вагинов, 1999, с. 267].

Однако персонажи и нарраторы постсимволистской прозы не могут реализовать роль, присущую героям символистского дискурса – роль мага, жреца, демиурга [Барковская, 1996].

В «Козлиной песне» неизвестному поэту, существующему в новой советской реальности, не удастся пересоздавать мир словом, зачаровывать Персефону. (В одном из эпизодов романа сын поэта Сентября спрашивает родителей о том, не является ли неизвестный поэт Пушкиным, но Пушкин в данной реальности невозможен). Поэтому мотив неудачного путешествия за Эвридикой-искусством акцентируется, метафора ада приобретает тотальный характер. М. Н. Липовецкий приходит к выводу, что романы Вагинова «воплощают трагическое по своей природе осознание невозможности выхода за пределы катастрофической истории в область высшей (творческой) гармонии, в область вечности, которая творится культурой» [Липовецкий, 2008, с. 222].

Характерно, что в одной из своих галлюцинаций герой попадает на Страшный Суд, завершающийся сюжетной катастрофой.

– Что делал ты там, на земле? – поднимается Данте. – Не обижал ли ты вдов и сирот?

– Я не обижал, но я породил автора, – отвечает он тихим голосом, – я растлил его душу и заменил смехом.

– Не моим ли смехом, – подымается Гоголь, – сквозь слезы?

<...> – Увы, не твоим смехом. Я позволил автору погрузить в море жизни нас и над нами посмеяться.

<...> – Нет тебе места среди нас, несмотря на все твое искусство, – поднимается Дант.

Падает неизвестный поэт. Подымают его привратники и бросают в ужасный город. Как тихо идет он по улице! Нечего делать ему больше в мире [Вагинов, 1999, с. 67].

Необходимо отметить, что неизвестный поэт наказан за то, что породил «автора», создателя романа. Избыточность авторского присутствия акцентируется с помощью развернутой системы «авторских вторжений», в которых нарратор разными способами декларирует изоморфизм наличной реальности и создаваемого текста. При этом в десяти случаях повествователь называет себя словом «я», а в остальных фрагментах такого типа (сосредоточенных в первой и последней главах) говорит о себе в третьем лице, используя слово «автор», т. е. пытается присвоить все нарративные позиции (автор-рассказчик-герой).

Нарратор не только риторически обозначает свою власть, но и постепенно воплощается в диегетическом мире (описываются его дом, вещи, книги), появляются главы под названиями «Междусловия», «Интермедии», содержащие характеристику его действий. Окончательная «материализация» нарратора происходит в главе «Появление фигуры», в эпизоде сочинения персонажами (в том числе и поэтом-Орфеем) круговой новеллы. «Автор» начинает подглядывать и подслушивать, изменять «декорации» пространства, таким образом, он является своеобразной коллективной проекцией героев. Однако вину за его появление в мире чувствует именно неизвестный поэт, воспринимающий «автора» как своего двойника.

Характерно, что нарратор усиливает свое влияние по мере развития действия [Шиндина, 1991], а активность кругозора героя-поэта, напротив, постепенно сходит на нет. Стихотворения героя вводятся в роман только как элементы высказываний повествователя – вставные тексты становятся частью событийного ряда. Они всегда комментируются нарратором, т. е. помещаются в своего рода композиционную «резервацию».

В эту ночь смотрел Агафонов из окна гостиницы на просторный проспект, на белую петербургскую ночь. Сел за столик, выпил пивца, положил листок и стал читать свои последние стихи:

Нам в юности Флоренция сияла,
Нам Филострата нежного на улицах являла –
Не фильтрами мы вызвали его,
Не за околицей, где сором поросло.
Поэзией, как утро, сладкогласной
Он вызван был на улице неясной.

А когда прочел, то ясно увидел, что стихи плохи... Он пососал, неизвестно для чего, дуло револьвера, отошел в уголок комнаты и выстрелил в висок [Вагинов, 1999, с. 132].

В стихотворении героя используется центральный персонаж вагиновской поэтической мифологии – Филострат, воплощающий идеальную ипостась поэта-провидца. Отметим, что в ранней поэме писателя, так называемой «Поэме о Филострате» (1925), мотив пребывания в аду разворачивается на фоне аллюзий на «Пир во время чумы» Пушкина. Героев, собирающихся победить страх смерти культурной практикой («Избрали греческие имена синьоры, / Ушли из города, засели в замке / Поэзию над смертью развели» [Вагинов, 2000, с. 74]), постигает неудача. Персонажи поэмы странно реагируют на книгу Данте: «Наш дивный друг, всегда такой веселый / Повесился над Данта песнью пятой. / Нам Дант становится опасен, / Хотя ни в ад, ни в рай не верим мы» [Там же, с. 73].

Дантовское искусство, дискурсирующее мир, созданный Творцом, опасно для реальности, лишенной трансцендентного измерения. Даже Филострат не может противостоять разрушению и страху, хотя сам он продолжает творить и поэтому не погибает.

Страшнее жить нам с каждым годом,
Мы правим пир среди чумы,
Погружены в свои печали <...>
И мифологией случайно

Мы вызываем страшный мир
В толпу и город малолюдный
[Вагинов, 2000, с. 71].

В «Козлиной песни» ситуация пребывания в «страшном мире» усугубляется, хронотоп ада расширяет свои границы, поэтому стихотворению неизвестного поэта о Филострате не удастся отменить катастрофические события. Герой ощущает себя уже не ипостасью Филострата, не Орфеем, а «просто Агафоновым». Будучи «узнанным», поименованным, герой укореняется в «искусственном аду» и гибнет. Выстрел в висок маркирует отказ от пророческого дара, поскольку бессмертная голова Орфея разрушается.

Таким образом, конфликт поэта и нарративного мира разрешается смертью поэта. Характерно, что в финале романа нарратор с некоторой угрозой сообщает читателю о незаконченном процессе текстопорождения, который не останавливает даже смерть основных персонажей: «автор молод еще» и «расскажет еще одну петербургскую сказку» [Вагинов, 1999, с. 146].

Другой вариант метасюжета, связанного с орфическим кодом, актуализируется в случае диалогического взаимодействия повествователя и лирического героя. Так, для романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1957) характерен своеобразный нарративный синкретизм. Поэтому орфический код становится не только одним из ключевых слоев «палимпсестной» [Гаспаров, 1993] интертекстуальности романа, отсылающих к теме Блока и лирики Серебряного века, но и способом рефлексии лиро-эпического единства.

Синкретизм манифестируется двойной фокализацией повествования, т. е. совмещением внутренней (субъективной, лирической) и внешней (объективированной, эпической) точек зрения. Живаго мечтает о книге прозы, пишет прозаические дневниковые заметки, а нарратор, в свою очередь, использует «случайные метры», давая возможность лирике проступать сквозь нарратив не только в композиционных вставках (сценах написания стихов или их чтения), но и в основном повествовании.

Например, фрагмент из второй главы романа, где впервые называется имя protagonista – Юра – ритмизован как стихотворение, его можно представить разбитым на строки:

За окном не было
ни дороги, ни кладбища, ни огорода.
На дворе бушевала вьюга,
воздух дымился снегом.
Можно было подумать
Будто вьюга заметила Юру
и, сознавая, как она страшна, наслаждается производимым на него впечатлением

[Пастернак, 1989, с. 16].

Анализируемый эпизод, благодаря своей ритмической неоднородности (после ключевого события – «вьюга заметила Юру» – квазистихи трансформируются в прозу, ритмический ряд совпадает с синтаксическим) привлекает внимание читателя к изменению нарративной модальности. Повествование о внешних событиях трансформируется в описание способов восприятия мира, наррация переключается в регистр «мнения», что маркируется словами «можно было подумать», «будто».

Необходимо отметить, что, несмотря на рассуждения о природе поэтического дара, прямой номинации темы Орфея в романе нет, но присутствуют косвенные маркеры орфического кода. Например, в повествовании часто появляются эпизоды, связанные с образом бессмертной головы. Так, в первом описании Живаго «голова» («глава») упоминается трижды.

Он поднял голову и окинул с возвышения осенние пустыри и главы монастыря отсутствующим взором. Его курносое лицо исказилось. Шея его вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоет [Пастернак, 1989, с. 15].

Е. Фарино обнаруживает мифологические коннотации мотива головы в данном эпизоде: «Появляясь на месте мотивов “могила – холмик – материнская могила” <...> голова сменяется “главами монастыря” и этим самым вводит христианскую идею ‘глава = церковь = Христос = глава мира’» [Faryno, 2011, p. 152]. Кроме того, исследователь соотносит героя с пророком Илией и Иоанном Крестителем: «Библейский пророк Илия интерпретируется в христианской традиции как предтеча Христа и Иоанна Крестителя. В первой главке мотив Иоанна Крестителя выражен слабо, но тем не менее он явственно звучит в троекратном повторе мотива “головы / глав”. Позже он станет сквозным мотивом ‘казни-декапитации’ в романе <...> Это подводит к еще одному аспекту Юрия Живаго – к его статусу ‘богослова’ и к повтору в нем функции Иоанна Богослова» [Ibid., p. 154].

Христианский мифологический контекст накладывается на орфический код, голова соотносится с мотивами жертвоприношения и творчества.

Например, в эпизоде перед арестом и допросом в вагоне Стрельникова, сон Живаго описан так: «Голова доктора плавала в поту на промокшей от пота подушке» [Пастернак, 1989, с. 187]. Характерно, что арест Живаго, происходящий в момент, когда все в поезде спят, спровоцирован вопросом доктора, адресованным часовому: «Какая это река?» [Там же, с. 189].

Описание «плывущей» головы, встреча со стражем, тема реки – это контаминация индексов орфического кода, формирующих контекст парадигматического для романа события – события жертвоприношения (или многократно повторяемой в сюжете ситуации «Гefsиманского сада»).

Кроме того, упоминания головы встречаются в эпизодах творчества. Так, создание стихотворений в Варыкино начинается с особого состояния – «У доктора от недосыпу ломило голову» [Там же, с. 330], а в последних «московских» заметках доктора говорится о том, что пробуждение поэтического дара обусловлено головокружением.

Я живу на людном городском перекрестке. Летняя, ослепляемая солнцем Москва, накаляясь асфальтами дворов, разбрасывая зайчики оконницами верхних помещений и дыша цветением туч и бульваров, вертится вокруг меня и кружит мне голову и хочет, чтобы я во славу ей кружил голову другим. Для этой цели она воспитала меня и отдала мне в руки искусство [Там же, с. 366].

Другой индекс орфического кода – разорванное тело певца – приобретает в романе особое звучание. Разорванным предстает все мироздание, уже в начале романа констатируется, что объекты мира, называемые словом «Живаго», исчезли: «Маленьким мальчиком он застал еще то время, когда именем, которое он носил, называлось множество саморазличнейших вещей <...> Вдруг все это раз-

летелось...» [Пастернак, 1989, с. 16–17]. Поэтому герой должен выполнить функцию медиатора, «собрать» космос заново, однако ему удастся воссоздать только лирический мир.

В двенадцатой части романа – «Лесное воинство» – реализуется мотив «Орфей в Аиде». По мнению Ф. Т. Гриффитса и С. Дж. Рабиновича, лес, где Живаго находится в плену у партизан, – аналог Аида из поэмы Вергилия. Не случайно герой выбирается из плена, ориентируясь на своеобразную «золотую ветвь» – рябину, ветки которой напоминают руки Лары [Гриффитс, Рабинович, 2005, с. 279].

Однако импульсом к побегу доктора (девятая глава) служат последовательно вводимые эпизоды седьмой и восьмой глав, содержащие метафорику расчлененного тела.

В седьмой главе герой слушает заговор ворожеи Кубарихи и видит галлюцинацию – призрак головы Лары. Интересно, что голова Лары ранее в романе уже описывалась как своеобразный призрачный «объект желания».

Комаровский барабанил пальцами по оконному стеклу, в такт лошадям, неторопливо цокавшим внизу по асфальту проезда. «Лара», – шептал он и закрывал глаза, и её голова мысленно появлялась в руках у него, голова спящей с опущенными во сне ресницами, не ведающая, что на нее бессонно смотрят часами без отрыва. Шапка её волос, в беспорядке разметанная по подушке, дымом своей красоты ела Комаровскому глаза и проникала в душу [Пастернак, 1989, с. 45].

Однако Живаго, в отличие от Комаровского, воспринимает возлюбленную как творение бога-художника («...бесподобно простой и стремительной линией, какою вся она одним махом была обведена кругом сверху донизу творцом» [Там же, с. 277]), а ее голову называет «боготворимой».

Всё поплыло перед ним. В это время вместо ожидаемого снега начал капать дождь. Как перекинутый над городской улицей от дома к дому плакат на большущем полотнище, протянулся в воздухе с одной стороны лесной прогалины на другую расплывчатый, во много раз увеличенный призрак одной удивительной боготворимой головы. И голова плакала, а усилившийся дождь целовал и поливал ее [Там же, с. 277–278].

В эпизоде возникает несколько сюжетных подмен: поет не Орфей, а Кубариха; вместо головы Орфея появляется голова Лары; женщина, а не Орфей, играет роль жертвы: «Предмет нашего обожания тем более кажется нам жертвою, чем более мы любим» [Там же, с. 277]. Кроме того, герой не пытается оживить Эвридику, вывести «призрак» из Аида – напротив, воспоминание о возлюбленной «пробуждает» поэта к жизни.

В восьмой главе тема расчлененного тела оборачивается другой стороной: в лагерь партизан приползает покалеченный белыми «окровавленный человеческий обрубок» [Там же, с. 278], затем Памфил Палых убивает топором свою семью.

Таким образом, поэтическое откровение, представленное призраком Лары, контрастирует с историческим временем, «прозаическим», материальным, кровавым миром гражданской войны.

Мотив пребывания поэта в загробном мире реализуется в романе и в эпизодах расставания Живаго с Ларой (часть четырнадцатая «Опять в Варыкине»). Лимитная ситуация в данном случае имеет важные отличия от пребывания в плену:

в повествовании появляются маркеры христианских представлений об аде, например отсылки к Данте («...у доктора было такое чувство, точно он поздним вечером стоит в темном дремучем лесу своей жизни» [Пастернак, 1989, с. 334]), при этом данные ассоциации связаны не с внешними обстоятельствами, а с внутренним состоянием героя.

Сходство между лиминальными эпизодами из разных частей романа подчеркнуто повторяющимся сравнением Лары с рисунком, линией.

Я положу черты твои на бумагу, как после страшной бури, взрывающей море до основания, ложатся на песок следы сильнейшей, дальше всего доплескивавшейся волны. Ломаной извилистой линией накидывает море пемзу, пробку, ракушки, водоросли, самое легкое и невесомое, что оно могла поднять со дна [Там же, с. 340].

Характерно, что творчество Живаго сродни его дару врачевания, он удаляет из текстов «кровавое», чтобы не «ранить» других, превращая реальность в художественный мир.

Он пил и писал вещи, посвященные ей, но Лара его стихов и записей, по мере вымарок и замене одного слова другим, все дальше уходила от истинного своего первообраза, от живой Катенькиной мамы, вместе с Катей находившейся в путешествии.

Эти вычеркивания Юрий Андреевич производил из соображений точности и силы выражения, но они также отвечали внушениям внутренней сдержанности, не позволявшей обнажать слишком откровенно лично испытанное и невымышленное бывшее, чтобы не ранить и не задевать непосредственных участников написанного и пережитого. Так кровное, дымящееся и неостывшее вытеснялось из стихотворений, и вместо кровоточащего и болезнетворного в них появилась умиротворенная широта, подымавшая частный случай до общности всем знакомого [Там же].

Живаго и в данном случае не спасает Эвридику, но спасает свой лирический дар, осознавая потерю возлюбленной как остановку событийного ряда, которая дает время для творчества. Тем самым выстраивается ментальное поэтическое пространство, которое подменяет сюжетное, вместо «живой Катенькиной мамы» появляется бессмертная муза лирики Живаго.

В части пятнадцатой – «Окончание» (в эпизодах путешествия доктора из Варыкино в Москву), опять появляются пространственные атрибуты ада: выжженная земля «цвета пламени», змеящаяся по полям «улыбка дьявола». Лиминальная стадия сюжета «растягивается», повествователю как будто уже не о чем рассказывать, и нарратив длится по инерции. Финалистская тенденция ярко проявляется в первой фразе данной части: «Остается досказать немногосложную повесть Юрия Андреевича, восемь или девять последних лет его жизни перед смертью...» [Там же, с. 349].

Эффект исчерпанности повествования призван подчеркнуть ценность поэтического финала: главным результатом истории оказываются стихи Живаго. Нарратор уступает место лирическому герою, появляется возможность рекуррентного восприятия событий истории. Орфей в каком-то смысле оказывается победителем в поединке бессмертной поэзии и прозы жизни.

Однако в прозе постсимволизма орфический код может использоваться и в качестве минус-приема, т. е. смысловой сферы, нуждающейся в отрицании, подме-

не, субституции. Так, в эссе Варлама Шаламова «О прозе» (1965) декларируется, что автор «новой прозы» является не туристом-Орфеем, а Плутоном, поднявшимся из ада.

Новая проза отрицает этот принцип туризма. Писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник и не в писательском обличье, не в писательской роли.

Плутон, поднявшийся из ада, а не Орфей, спускавшийся в ад.

Выстрадавшее собственной кровью входит на бумагу как документ души, преображенное и освещенное огнем таланта [Шаламов, 2013, т. 5, с. 151].

Е. Михайлик полагает, что произведения писателя уникальным образом интерпретируют «индивидуальную и коллективную травму» [2018, с. 18]. Читатель Шаламова сталкивается с парадоксальной интенцией: автор настаивает, что его текст является свидетельством, обладающим статусом документа, но отрицает очерковый характер, публицистичность и документальность текста в обычном толковании этих терминов.

Я не пишу <...> рассказов – вернее, стараюсь написать <...> то, что было бы не литературой <...> К очерку никакого отношения проза «КР» [«Колымских рассказов». – Г. Ж.] не имеет <...> В «КР» отсутствуют пиисания, отсутствует цифровой материал, выводы, публицистика [Шаламов, 2013, т. 5, с. 147].

Художественность формируется не на границах жизни и литературы, а с помощью пересечения границ. Коммуникация, основанная на трансгрессии, отражается в диегетическом мире: акцентируется тема перехода границы (границы лагеря, границы тела, границы между кругозорами автора и героя).

Существование человека в лагере описано с помощью самого архаичного мифологического комплекса европейской наррации – путешествия героя в царство мертвых [Фрейденберг, 1998]. Шаламов как бы возвращается от исчерпавшей себя литературной условности к первозданной логике мифа.

Заметим, что в рассказах многократно используется слово «ад»: «в этом аду» («Красный крест», 1959 [Шаламов, 2013, т. 1, с. 167]), «ад за нашими плечами» («Необращенный», 1963 [Там же, с. 273]), «я возвращался из ада» («Поезд», 1964 [Там же, с. 657]), «причал ада» («Причал ада», 1967 [Там же, т. 2, с. 325]), «земной ад» («Леша Чеканов, или однодельцы на Колыме», 1970–1971 [Там же, с. 325]), «меня, прошедшего тот же ад» (Триангуляция III класса, 1973 [Там же, с. 335]), «сослуживец по аду» («Афинские ночи», 1973 [Там же, с. 413]).

Кроме того, в сюжете акцентируются символические детали, указывающие на пребывание в аду (погружение в глубину, холод, лед, тьма). Например, в экспозиции рассказа «Боль» (1967) лагерь соотносится с «темной глубиной», «дном жизни» и противопоставляется «гомеровским небесам»:

Это странная история, такая странная, что и понять ее нельзя тому, кто не был в лагере, кто не знает темных глубин уголовного мира, блатного царства. Лагерь – это дно жизни <...>

Есть мир высших сил, мир гомеровских богов, спускающихся к нам, чтобы показать себя и своим примером улучшить человеческую породу <...>

Есть мир и подземный ад, откуда люди иногда возвращаются, не исчезают навсегда. Зачем они возвращаются? Сердце этих людей наполнено вечной тревогой, вечным ужасом темного мира, отнюдь не загробного.

Этот мир реальней, чем гомеровские небеса [Шаламов, 2013, т. 2, с. 166].

Получается, что автор, познавший подземный мир, сопоставляет себя с создателем первых европейских эпических текстов – Гомером. Но автор-Плутон у Шаламова действует в другой логике, поскольку трагический опыт «кругов ада» сопротивляется литературной адаптации. Опыт смерти не является инициацией героя, не ведет к поэтическому бессмертию (часто в рассказах герои-писатели оказываются лишь шутами «блатарей»).

Одним из ярких воплощений подмены Орфея Плутоном является рассказ Шаламова «Шерри-бренди» (1958). Можно сказать, что название текста тематизирует полемику лирики и эпоса, поскольку «колымская» история именуется цитатой из стихотворения Осипа Мандельштама.

Название и финал рассказа образуют символическую рамку: вино и хлеб, который смешивается с кровью из десен умирающего поэта. По мысли О. Р. Миннуллина, эти образы, сочетаясь с рассуждениями повествователя о природе слова, указывают на роль поэта-жертвы и поэта-Христа [Миннуллин, 2012]. Рассказ начинается со знаковой фразы: «Поэт умирал» [Шаламов, 2013, т. 1, с. 101]. Выбор Мандельштама в качестве прототипа умирающего поэта усиливает мистериальный контекст сюжета, ведь в творчестве Мандельштама темы Орфея и Данте занимают существенное место.

Орфические мотивы, как и в других проанализированных нами случаях, позволяют автору соотнести лирическое и нарративное. Колымский ад, изображенный в рассказе, пронизывается особым музыкальным ритмом внутреннего монолога героя, поэзия воздействует на нарратив:

Строфы и сейчас легко вставляли, одна за другой, и, хоть он давно не записывал и не мог записывать своих стихов, все же слова легко вставляли в каком-то заданном и каждый раз необычайном ритме. Рифма была искателем, инструментом магнитного поиска слов и понятий. Каждое слово было частью мира, оно откликалось на рифму, и весь мир проносился с быстротой какой-нибудь электронной машины... [Там же, с. 103].

Более того, в сознании героя присутствуют образы из поэтического творчества автора, о чем свидетельствует бросающаяся в глаза анахрония. В медитации поэта, умирающего в реальности 1938 года, мир уподоблен «электронной машине», появившейся в СССР только в 1950-е. В стихотворении Шаламова «Некоторые свойства рифмы» (1957) встречаются схожие уподобления рифмы и магнита, мира и ЭВМ:

Ты – волшебная наука
Знать, что мир в себе хранит.
Ты – подобье ультразвука,
Сверхчувствительный магнит
<...>
Все, что в памяти бездонной
Мне оставил шар земной,

Ты машиной электронной
Поднимаешь предо мной
[Шаламов, 2013, т. 3, с. 342].

Таким образом, герой и автор продуцируют единый комплекс поэтических образов. Однако в прозе Шаламова смысловая сфера орфического кода радикально преобразуется: в хронотопе ада поэтический смысл невозможно конденсировать и транслировать. Поэтому Орфей не выходит из Аида, а предсмертное стихотворение героя, оно же – будущее стихотворение Шаламова, растворяется без следа, остается лишь потенциальным. В отличие от финала романа Пастернака, где появляется «книга» стихов, в данном случае исчезнувшее стихотворение Орфея не обретает своих читателей.

Поэту дарится своеобразное откровение о бренности материального воплощения смысла:

Записать, напечатать – все это суета сует. Все, что рождается небескорыстно, – это не самое лучшее. Самое лучшее то, что не записано, что сочинено и исчезло, растаяло без следа... [Там же, т. 1, с. 103].

Л. Юнгерсон полагает, что «Рассказ о лагере – это текст, стершийся и пишущийся заново, т. е. свидетельствующий об утрате истинного смысла событий. Очевидно, само понятие смысла неприменимо к лагерному опыту и появляется лишь за счет позднейшей реконструкции фактов. Истинно лишь то, что не фиксируется. Таково значение фразы, приписанной Шаламовым умирающему Мандельштаму: “Самое лучшее то, что не записано, что сочинено и исчезло, растаяло без следа”» [Юнгерсон, 2005, с. 342].

Кроме того, «растаявшее» творение раскрывает стратегию Плутона – выйти из Аида и забрать его с собой, растворить, преобразовав в литературу. Традиционными способами эстетизировать ад нельзя, поэтому нужно дезинтегрировать классическую сюжетную схему: показать тщетность усилий Орфея и необходимость нового синтеза жизни и текста (слово «жизнь» в рассказе о смерти поэта употребляется 23 раза).

Характерно, что прозу героя-поэта повествователь называет плохой, хорошая проза – проза Плутона, которая говорит не о победе искусства над адом, а о парадоксальном «оживлении» жизни в ситуации погружения в смерть. Так, в эссе «О прозе» словосочетание «живая жизнь» присутствует почти в каждом абзаце.

Наступает момент, когда человеком овладевает непреодолимое чувство поднять этот вывод наверх, дать ему живую жизнь. Это неотвязное желание приобретает характер волевого устремления. И не думаешь больше ни о чем. И когда (ощущаешь), что чувствуешь снова с той же силой, как и тогда, когда встречался в живой жизни с событиями, людьми, идеями (может быть, сила и другая, другого масштаба, но сейчас это не важно), когда по жилам снова течет горячая кровь <...>.

Автор хотел получить только живую жизнь <...>

Писатель становится судьей времени, а не подручным чьим-то, и именно глубочайшее знание, победа в самых глубинах живой жизни дает право и силу писать [Шаламов, 2013, т. 5, с. 151].

Таким образом, воссоздать присущий «живой жизни» смысл, отмененный лагерем, можно только раздвоившись на героя-Орфея, навсегда застрявшего в аду, и вышедшего из ада повествователя-Плутона.

Все проанализированные случаи показывают, что поэтическая перформативность, воплощенная в Орфее, является скрытым основанием метасюжета, вытесненным истоком нарративности. Лирическое начало в эпическом произведении меняет статус, превращаясь из изображающего принципа в изображенный объект, что дает автору возможность отстранения от своего поэтического альтер эго.

Метасюжет базируется на двойной трансгрессии: с одной стороны, лирика трансформирует ад прозы, с другой стороны, точка зрения поэта испытывается логикой нарративного сюжета. Герой-поэт, или лирическое альтер эго автора, метафоризируется как жертва, а проза – как мир, возводимый с помощью этой строительной жертвы. Таким образом, смерть Орфея оборачивается рождением нарратора.

Список литературы

Асоян А. А. Семиотика мифа об Орфее и Эвридике. СПб.: Алетейя, 2015. URL: <https://www.litres.ru/aram-asoyan/semiotika-mifa-ob-orfee-i-evridike/> (дата обращения 15.04.2020).

Барковская Н. В. Поэтика символистского романа. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1996. 286 с.

Бугаева Л. Литература и rite de passage. СПб.: Петрополис, 2010. 408 с.

Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе / Сост., вступ. ст. и примеч. Т. Л. Никольской, В. И. Эрля. СПб.: Академический проект, 1999. 590 с.

Вагинов К. К. Стихотворения и поэмы. Томск: Водолей, 2000. 192 с.

Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX в. М.: Наука, 1993. 304 с.

Гриффиц Ф. Т., Рабинович С. Дж. Третий Рим. Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / Пер. с англ. Е. Г. Рабинович. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 336 с.

Липовецкий М. Н. Паралогии. Трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: НЛЮ, 2008. 848 с.

Михайлик Е. Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения. М.: НЛЮ, 2018. 376 с.

Миннуллин О. Р. Интертекстуальный анализ рассказа «Шерри-бренди»: Шаламов – Мандельштам – Тютчев – Верлен // *Філологічні студії. Науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету*. 2012. Вип. 8. С. 223–241.

Пастернак Б. Л. Доктор Живаго / Вступ. ст. Е. Б. Пастернака. М.: Книжная палата, 1989. 429 с.

Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Вост. лит., 1998. 800 с.

Шаламов В. Т. Собрание сочинений: В 6 т. + т. 7, доп. / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., примеч. И. Сиротинской. М.: Книжный клуб «Книговек», 2013.

Шиндина О. В. Театрализация повествования в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // *Театр*. 1991. № 11. С. 161–171.

Юнгерсон Л. Кожа – метафора текста в лагерной прозе Варлама Шаламова // *Тело в русской культуре* / Сост. Г. Кабакова, Ф. Конт. М.: НЛЮ, 2005. С. 340–347.

Faryno J. Муаровая капуста и тетрадь откровений (археопоэтика «Доктора Живаго» 2) // *Studia Slavica Hung.* 2011. No. 1 (56). P. 133–190.

References

- Asoyan A. A. *Semiotika mifa ob Orfee i Evridike* [Semiotics of the Orpheus and Eurydice Myth]. St. Petersburg, Aleteya, 2015. URL: <https://www.litres.ru/aram-asoyan/semiotika-mifa-ob-orfee-i-evridike/> (accessed: 15.04.2020).
- Barkovskaya N. V. *Poetika simvolistskogo romana* [Poetics of a symbolist novel]. Ekaterinburg, USPU Publ., 1996, 286 p.
- Bugaeva L. *Literatura i rite de passage* [Literature and rite de passage]. St. Petersburg, Petropolis, 2010, 408 p.
- Faryno J. Muarovaya kapusta i tetrad' otkroveniy (arkheopoetika "Doktora Zhivago" 2) [Moire cabbage and a notebook of revelations (Archeopoetics of "Doctor Zhivago" 2)]. *Studia Slavica Hung.* 2011, no. 1 (56), pp. 133–190.
- Freydenberg O. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and ancient literature]. Moscow, Vost. lit., 1998, 800 p.
- Gasparov B. M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki russkoy literatury 20 v.* [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow, Nauka, 1993, 304 p.
- Griffiths F. T., Rabinowitz S. J. *Tretiy Rim. Klassicheskiy epos i russkiy roman (ot Gogolya do Pasternaka)* [Third Rome. Epic and the Russian novel from Gogol to Pasternak]. E. G. Rabinovich (Transl. from English). St. Petersburg, Ivan Limbakh PH, 2005, 336 p.
- Lipovetskiy M. N. *Paralogii. Transformatsiya (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: The transformations of (post)modernist discourse in Russian culture of the 1920s–2000s]. Moscow, New Literary Observer, 2008, 848 p.
- Mikhailik E. *Nezakonnaya kometa. Varlam Shalamov: opyt medlennogo chteniya* [Illegal comet. Varlam Shalamov: the experience of slow reading]. Moscow, New Literary Observer, 2018, 376 p.
- Minnullin O. P. Intertekstual'nyy analiz rasskaza "Sherri-brendi": Shalamov – Mandel'shtam – Tyutchev – Verlen [Intertextual Analysis of "Cherry Brandy": Shalamov – Mandel'shtam – Tyutchev – Verlaine]. *Philological Studies: Scientific Bulletin of Kryvyi Rih State Pedagogical University*. 2012, vol. 8, pp. 223–241.
- Pasternak B. L. *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow, Knizhnaya palata, 1989, 429 p.
- Shalamov V. T. *Sobraniye sochineniy: v 6 t. + t. 7, dop.* [Collected works: in 6 vols. + vol. 7, enl.]. I. Sirotinskaya (Comp.). Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek, 2013.
- Shindina O. V. *Teatralizatsiya povestvovaniya v romane K. Vaginova "Kozlinaya pesn"* [Dramatization of the narrative in Konstantin Vaginov's "The Goat Song"]. *Teatr*, 1991, no. 11, pp. 161–171.
- Sylard L. *Germetizm i germeneytika* [Hermetism and hermeneutics]. St. Petersburg, Ivan Limbakh PH, 2002, 328 p.
- Vaginov K. K. *Polnoe sobranie sochineniy v proze* [Complete collection of works in prose]. T. L. Nikolskaya, V. I. Erlya (Comps.). St. Petersburg, Akademicheskii proyekt, 1999, 590 p.
- Vaginov K. K. *Stikhotvoreniya i poemyy* [Poetry and poems]. Tomsk, Vodoley, 2000, 192 p.
- Yungerson L. Kozha – metafora teksta v lagernoy proze Varlama Shalamova [Skin as a Metaphor of Text in Varlam Shalamov's Camp Prose]. In: *Telo v russkoy kul'ture*

[Body in Russian culture]. G. Kabakova, F. Kont (Cmps.). Moscow, New Literary Observer, 2005, pp. 340–347.

Сведения об авторе

Жиличева Галина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

gali-zhilich@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5048-0426

Information about the author

Galina A. Zhilicheva – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodics of Literature Teaching of the Institute of Philology, Mass Media and Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

gali-zhilich@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5048-0426

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/73/7

Рецепция творчества Шарля Бодлера в поэзии Игоря Северянина

Е. В. Кузнецова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматриваются подходы Игоря Северянина к ретрансляции в своей лирике творческого наследия Шарля Бодлера. Интерпретации подвергается как сам образ автора «Цветов зла», так и некоторые значимые для его поэзии мотивы, темы и приемы. Основными способами осуществления рецепции являются переводы, стихотворные послания, иронические стилизации, вариации, аллюзии. Обращение Северянина к Бодлеру является второй волной «бодлерианства» в культуре русского Серебряного века, существенно отличающейся от первой волны более дерзким отношением к фигуре предшественника, а также иронической игрой с поэтикой его лирики.

Ключевые слова

И. Северянин, Ш. Бодлер, символизм, постсимволизм, бодлерианство, рецепция, ирония

Для цитирования

Кузнецова Е. В. Рецепция творчества Шарля Бодлера в поэзии Игоря Северянина // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 105–118. DOI 10.17223/18137083/73/7

Reception of Charles Baudelaire's work in the poetry of Igor Severyanin

E. V. Kuznetsova

*M. Gorky Institute of World Literature RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper considers Igor Severyanin's approaches to the retransmission of Charles Baudelaire's creative heritage in his lyrics. In the late 19th – early 20th century, there was a surge of interest in the works of French symbolists and their predecessors, especially to the fate and literary heritage of the author of "Flowers of evil." Severyanin addressed Baudelaire's poetry later, at the turn of the 1910s, referring both to his original texts, and translations and critical articles by his older contemporaries (V. Bryusov, F. Sologub, Viach. Ivanov, Ellis, Andrej Belyj, etc.). The analysis covers the peculiarities of this second-wave "Baudelairianism," its differences from senior and junior symbolists' apprenticeship, namely, the ironic game involving both the image of the "pariah poet" and some of the key themes and motifs of his po-

© Е. В. Кузнецова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

etry. In 1909, Severyanin begins mastering Baudelaire's style by translating his sonnets, but later these, not being entirely successful, are ironically reinterpreted and published in the collection "Poesoantract" as purposeful parodies. Another version of the reception is presented in the poem "Sextina" (1910). Weaving a web of verbal puns, the Russian poet inscribes himself in the Pantheon of the famous rulers of doom, while destroying Baudelaire's tragic aura and placing himself in the vacant place of the poet persecuted by public opinion. Thus, the Severyanin's reception is seen to reveal the evolution of pre-modernist and modernist cultural codes being a part of the mass discourse, ironic distancing from them, and their loss of philosophical and ideological foundations. A conclusion is drawn that the deferential attitude to Baudelaire's legacy is due both to the change in the readers' perception in general and to the Severyanin's aspiration for new avant-garde poetics.

Keywords

I. Severyanin, Ch. Baudelaire, symbolism, post-symbolism, baudelarianism, reception, irony

For citation

Kuznetsova E. V. Reception of Charles Baudelaire's work in the poetry of Igor Severyanin. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 105–118. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/7

В конце XIX – начале XX в. в русской литературе, особенно в поэтическом творчестве, наблюдался период бурного увлечения западноевропейскими эстетическими исканиями. Поэзия французского и бельгийского символизма и предсимволизма (Ш. Бодлер, П. Верлен, С. Малларме, А. Рембо, Э. Верхарн и др.), а также символистская драма и проза (М. Метерлинк, позднее творчество Г. Ибсена, А. Стриндберга, Г. Гауптмана, К. Гамсуна) активно изучаются, переводятся, ставятся на русской сцене, пропагандируются в критических статьях, публичных лекциях и докладах. Становление русского символизма происходило с опорой на опыт западноевропейских литераторов. В Брюсов под влиянием статей З. Венгеровой о французских поэтах-символистах [Венгерова, 1910; 1891; 1892] в трех скандальных сборниках «Русские символисты» создает «транскрипцию французского символизма на русском языке (посредством переводов, стилизаций, оригинальных стихотворений)» [Фонова, 2016, с. 162–163], не скрывая, а подчеркивая переклички с Бодлером, Верленом, Рембо, Малларме и др. К опыту зарубежных коллег апеллируют русские символисты и в своих манифестах, выстраивая генеалогию символизма как литературного движения.

В России рецепция достижений западноевропейского модернизма идет как путем освоения конкретных художественных приемов и тем (поэтика соответствий Бодлера, музыкальность Верлена, демонический урбанизм Бодлера и Верхарна, жанр городских портретов и т. д.), так и через ассимиляцию самого образа современного поэта, дерзкого, отверженного, страдающего, шокирующего обывателей. И в этом плане важнейшим образцом становится уже овая легенда личности автора «Цветов зла». По мнению Т. В. Соколовой, «силуэт эксцентрической личности у Бодлера вырисовывается как тип индивида, в котором соединяются и лирический субъект поэзии, и сам автор, намеренно эпатажирующий читателя», в этот силуэт вписывается также Бодлер-человек в своих взаимоотношениях с современниками, друзьями, корреспондентами, коллегами и т. д. [Соколова, 2015, с. 65]. Константин Бальмонт представляется тем русским поэтом, который особенно настойчиво стремился воспроизвести в своем поведении бодлеровский тип эксцентрической личности, о его экстравагантных поступках сохранились свидетельства в дневниках и воспоминаниях В. Брюсова, Н. Тэффи, В. Ходасевича, А. Белого и др. «Русским Бодлером» современники называли также Ф. Соло-

губа, отмечая мрачность, пессимизм его лирики, эротические и демонические мотивы, культ смерти [Никитина, 1993, с. 201]. Но отдельные черты образа «проклятого поэта» воспроизводятся и в многочисленных литературных текстах, например в критических статьях русских символистов, касающихся творчества французского предшественника, или в стихотворениях-посвящениях, незамаскированных, как бы ученических, подражаниях. Подобные посвящения Бодлеру пишут К. Бальмонт («К Бодлеру»), Эллис («Бодлер», «К Бодлеру»), В. Брюсов («Надпись на экземпляре Бодлера», «A La Charles Baudelaire», «Бодлер»), восторженно упоминает в стихах имя автора «Цветов зла» молодой Н. Гумилев (стихотворение «Франция» 1907 г.). Именно Бодлер благодаря своей трагической жизни, одиночеству, глубоким душевным противоречиям и вызову общепринятым социальным и эстетическим нормам стал для русских символистов образцом поэта-декадента, человека эпохи «конца века» и быстро совершил переход от маргинала в классики современной литературы. В статье «Шарль Бодлер» (1909) Андрей Белый уже называет французского поэта, наряду с Ницше, патриархом символического течения: «Ницше – законодатель символизма германской расы. Бодлэр – законодатель символизма расы романской», отмечая, что оба столь страстно проводили в жизнь собственные принципы, что стали «живыми символами собственных мирозерцаний» [Белый, 2012, с. 191]. При этом самым страстным поклонником Бодлера стал представитель следующего поколения поэтов, младосимволист-мистик Эллис, однако его культ Бодлера все же относится к первой волне русского бодлерианства [Богомолов, 2010]. К. Депретто справедливо указывает на важность Бодлера и для декадентов, и для младосимволистов: «Для первого поколения наибольший интерес представляли бодлеровские темы отказа от повседневной рутины, поисков искусственного рая, элитистского индивидуализма, эротизма, зла... Для второго поколения на первое место выходит сонет “Соответствия” (“Correspondances”)», в котором они видят подтверждение «существования потустороннего мира» [Депретто, 2015, с. 90].

В русском модернизме начала XX в. формируется культ Бодлера, его мотивы (трагическая раздвоенность между пороком и добродетелью, сплин и идеалом, красотой и уродством, точнее, провокативное утверждение красоты в уродливом, антиморализм, урбанизм) воспринимаются с пиететом, развиваются и любовно пересаживаются на русскую почву путем многочисленных переводов наиболее значимых стихотворений и всего корпуса его главной книги «Цветы зла», вольных переложений и вариаций на темы его произведений [Фонова, 2009]¹. «Мода на Бодлера, перекликаясь с почти столетней давности модой на Байрона, выливалась в афишируемый дендизм, исключительный любовный драматизм или даже трагизм, культ страдальческой творческой личности, подогреваемый иногда разного рода зависимостями», – пишет С. Л. Фокин [2016, с. 176].

Таким образом, начинающий поэт Игорь Северянин в момент своего вхождения в литературу столкнулся с уже сформированным явлением: ориентация русского модернизма на современную западную литературу и эстетику, включенность в общеевропейский литературный и философский процесс. Хорошим тоном было разбираться в творчестве зарубежных авторов, читать их в оригинале, при случае или по заказу переводить, устанавливать интертекстуальные связи с чужими произведениями путем эпиграфов, точных или неточных цитат и т. д.

¹ Подробно рецепция Бодлера в России начиная с 1852 по 1990-е гг. описана в монографии американского слависта А. Ваннера [Wanner, 1996].

К. Депретто отмечает, что импульс к обновлению поэтики происходил в русском символизме извне, «литература обновлялась за счет переводов», и особенно важной была французская поэзия от Бодлера до Малларме [Депретто, 2015, с. 89–90]. По мнению Т. Михайловой, В. Брюсов первым на русской почве стал развивать художественные принципы Малларме, заключающиеся в игре и свободном обращении с поэтическими образами, сюжетами, удачными словосочетаниями, почерпнутыми из самых разных источников. Понимание того, что литература – это игра идей, открыло Брюсову «возможность манипулировать чужими образами, чужой мыслью» [Михайлова, 2006, с. 270]. Подобное манипулирование «уже не представлялось зазорным, так как было оправданным самой природой поэтической речи» [Там же]. В результате воплощение этого подхода приводит к переключению не предметов или понятий, а самих текстов, к диалогу смыслов. И этот принцип усваивает, активно развивает и реализует на практике поэт следующего поколения – Игорь Северянин.

С одной стороны, он заимствует литературную «моду» на европейские имена, его ранние стихотворения пестрят упоминаниями А. Дюма, А. де Мюссе, А. де Ренье, Ш. Бодлера, П. Верлена, Сюлли Прюдома, Г. Гауптмана, П. де Кока, Э. Ростана, А. Франса, А. Додэ, Г. де Мопассана, О. Уайльда, А. Шницлера и др. Но с другой стороны, поэт-постсимволист воспринимает европейский интеллектуальный контекст уже во многом не напрямую, а через призму критики и поэзии русского символизма, которую он не может игнорировать. Индивидуализм, эстетизм, антиморализм французских поэтов прочитываются уже не только посредством знакомства с оригинальными текстами (французским языком поэт владел не вполне свободно), но и через переводы или оригинальное творчество Брюсова, Бальмонта, Сологуба и др. Северянинская рецепция западноевропейского модернизма является уже второй волной освоения зарубежного литературно-эстетического поля, и аллюзии на него быстро начинают функционировать нетривиальным образом. Это не попытка скопировать интересную находку и не выражение восхищения в стихотворных посланиях. При чтении его сборников, выпущенных до 1918 г., читатель сталкивается с различными приемами включения западноевропейской поэтики и эстетики (значимые мотивы, модели публичного поведения (маски), типы персонажей, факты биографии, топосы и ключевые идеи) в ироническую игру, в результате которой культурные герои эпохи зачастую лишаются своего ореола или устоявшиеся художественные явления комически снижаются². Например, трагический пафос претекста сталкивается с жизнерадостным авторским голосом. И конечно, значимой переработке подвергается образ отверженного и страдающего поэта, клеймящего и одновременно воспевающего пороки современности. Реализация данного подхода особенно ярко проявляется в примерах, касающихся рецепции творчества Шарля Бодлера.

В 1909–1910 гг. Северянин переживает явное увлечение поэзией автора «Цветов зла». Памяти поэта он посвящает свою брошюру «Предгрозье», выпущенную в 1910 г. А в 1909 г. он пытается перевести несколько стихотворений французского поэта из сборника «Цветы зла», видимо, находясь под впечатлением от трех изданий полных переводов знаменитой книги на русский язык, вышедших

² Интерес к выдающимся личностям своей эпохи в зрелые годы нашел иное выражение в творчестве поэта. В эмиграции Северянин создает цикл сонетов «Медальоны», в которых представлены эмоционально окрашенные портреты творцов XIX–XX вв., значимых для отечественной и мировой культуры. Прямо выраженная оценка в данных стихотворных характеристиках преобладает над иронической игрой, свойственной раннему творчеству.

в 1907–1908 гг. (А. Панов, А. Альвинг и Эллис). Выпущенный еще в 1895 г. неполный перевод П. Ф. Якубовича-Мельшина, переизданный в 1909 г., Северянин считал крайне неудачным, что нашло отражение в стихотворных строках «Поэзы вне абонемент»:

Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране,
Где четверть века центрит Надсон,
А я и Мирра – в стороне;

Где вкус так жалок и измельчен,
Что даже – это ль не пример? –
Не знают, как двусложьем: *Мельшин* –
Скомпрометирован Бодлэр³...
[Северянин, 2004, с. 99]

Два собственных перевода, сделанных в это время, он публикует: в брошюру «За струнной изгородью лиры» входит сонет «Под Шарля Бодлера. Больная муза», а в брошюру «Интуитивные краски» – другой сонет «Из Шарля Бодлера. Креолка». Переводы не точны, усложненно-метафорический стиль главного пессимиста французской литературы, как и мрачная эмоциональная окраска его лирики, ускользают от Северянина, не склонного, в целом, прибегать к трагическому пафосу. Но все же эти тексты нельзя назвать вольными переложениями или вариациями, переводы такого типа с самых разных языков делал и Бальмонт, больше выражая в них себя и свой стиль, нежели представляя переводимого автора.

Интереснее другое. В 1915 г., уже став популярным поэтом, Северянин публикует в сборнике «Поэзоантракт» сразу четыре подобных перевода, написанных в 1909 г.: «Под Шарля Бодлера. Отрезвление», «Под Шарля Бодлера. Музыка», «Под Шарля Бодлера. Больная муза», «Под Шарля Бодлера. Цыгане в пути»⁴. Но все эти тексты помещены в разделе с говорящим названием «Лироирония», в который входят и шуточные стихотворения («Иногда...», «Поэзия мещанки», «Полонез “Бравура”», «Восьмистрочие»), и откровенные пародии, например «На мотив Гейне», «Знать это надо ли?..» (на лирику И. Бунина) или «На чужой мотив. В пику Л. А.» (вероятно, пародия на экспрессионистичный стиль и пафос прозы Леонида Андреева). В таком контексте публикуемые переводы Бодлера меняют свой статус относительно переводов, опубликованных ранее в брошюрах, и получают ироническую окраску. Скорее всего восприятие этих текстов изменилось с годами для самого автора. Трагическая лирика отверженного французского поэта, создающего художественный эффект на столкновении контрастов, воспринимается в 1915 г. уже как поза, как игра в трагизм, а неудачные переводы, невольно снизившие высокие образы, превращаются в сознательные пародии. Отметим, что к 1915 г. мода на Бодлера среди русских читателей в целом идет на спад, отноше-

³ Здесь и в других стихотворных примерах выделено мною. – Е. К.

⁴ Всего Северянин перевел не менее восьми сонетов Бодлера. Об этой работе он сообщает в письме к К. М. Фофанову и указывает, что прибег к помощи матери, владевшей французским языком, видимо, более свободно. Этот факт приводят В. Н. Терехина и Н. И. Шубникова-Гусева [2004, с. 817]. Однако стилистическая индивидуальность его переводов вряд ли может объясняться просто недостаточным владением языком оригинала.

ние к нему меняется, ироническая окраска вышеназванных сонетов, старательно подчеркнутая, отражает смену вкусов публики и процесс падения кумира. Неудачный перевод становится удачной пародией.

Особенно явно несоответствие стилистики заметно при сравнении северянского сонета «Под Шарля Бодлера. Цыгане в пути» и бодлеровских «Цыган». Прочитаем сначала Северянина:

Вчера опять пророческое племя
Пустилось в путь, забрав своих детей;
У матерей созрел *дюшес груди*;
Зрачки горят... (*Не знойно ль было семя?..*)

Отцы бредут, блестя своим оружием,
И табором раскинулась семья,
Тяжелыми *глазами обоймя*
Простор небес с тоскливым равнодушьем.

Всегда при них звучнее песни птиц.
Им божество дает благоволения:
Там, где они, – пышнее *цвет растенья*,
Там орошен *утеса гордый шниц*.

И, как сады, цветут для них пустыни...
Для них *нет тайн*, – и счастья нет отныне...
[Северянин, 2014, с. 403]

Выделенные нами курсивом словосочетания грешат косноязычием (*цвет растенья* вместо *цветение растений*), стилистической несочетаемостью отдельных слов с основной лексикой стихотворения (*дюшес*, *шниц*). Это придает возвышенному сонету, транслирующему романтическую мифологию «цыгане – символ свободы и гармонии с природой», комическую окраску, и перевод читается как пародия на романтическую лирику. Приведем сонет Бодлера в переводе Вяч. Иванова:

Вчера клан ведунов с горящими зрачками
Стан тронул кочевой, взяв на спину детей
Иль *простерев сосцы отвиснувших груди*
Их *властной* жадности. *Мужья* со стариками

Идут, увешаны блестящими клинками,
Вокруг обоза жен, в раздолии степей,
Купая в небе *грусть провидящих очей*,
Разочарованно бродящих с облаками.

Завидя табор их, из глубины щелей
Цикада знойная скрежещет веселей;
Кибела множит им избыток сочный злака,

Изводит ключ из скал, в песках растит оаз –
Перед скитальцами, чей невозбранно глаз
Читает таинства родной години Мрака
[Бодлер, 1970, с. 31].

Торжественный стиль Иванова, придающий всей картине исхода цыганского табора космогоническое звучание, создается за счет старославянизмов и слов

«высокого стиля»: *властной, простерев, мужья, очей, оаз, невозбранно, таинства, Мрака*. В его переводе отсутствуют лексемы, очевидно выделяющиеся стилистической окраской. Северянин же использует преимущественно слова среднего стиля, разбавляя их лексемами, не входящими в поэтический словарь русского языка и звучащими диссонансом.

Сходная эволюция восприятия собственного переводного текста прослеживается у Северянина и в отношении рецепции творчества другого французского поэта, Анри де Ренье. В 1910 г. он делает два перевода его стихотворений: «Из Анри де Ренье. Боги» и «Пленница. Сонет. (Из Анри де Ренье)». Первое стихотворение было опубликовано в том же году в брошюре «Колье принцессы», а потом вошло в сборник «Громокипящий кубок». Второй текст был напечатан в брошюре «Электрические стихи» (1910), а в 1915 г., как и переводы Бодлера, попал в раздел «Лироирония» сборника «Поэзоантракт». Если перевод «Богов» выполнен традиционным поэтическим языком, то «Пленница» представлена на русском языке с существенными отступлениями не только от стиля подлинника, но и от норм литературного стиля вообще:

Ты убежала от меня, ты убежала,
Отдав свои глаза, как амулет!..
Запомнила рука моя – как жало –
Вес горла твоего, и вкус, и цвет,
И линию исчезнувшего тела,
К которому желание **крылит**..
Ты ночь и лес поставить захотела
Преградою меж нами. Но, налит
Твоею вероломной красотой,
Я воссоздам расплывшуюся тьмою
Твою красу. Забрезжили поля..
Я выкурю твой образ отомщенно,
И будешь ты – вся мрамор иль земля,
Вся гнев немой – **змеиться** возмущенно!..
[Северянин, 2004, с. 488]

Сонет характеризуется введением типичных северянинских неологизмов («крылит», «змеиться»), реализацией метафор (например, строка «Отдав глаза свои, как амулеты...»), появлением просто эпатажных строк («**Вес** горла твоего, и **вкус**, и **цвет**»), которые можно считать иронической аллюзией на символистскую теорию соответствий. В совокупности данные вольности привели к искажению трагического пафоса оригинала и превращению перевода в пародию. Изменение статуса данного текста и перенос его самим автором в разряд лиро-иронических произведений вполне закономерен.

Переосмысление Северяниным своих вольных переводов в пародийном ключе явилось приметой важной тенденции: в русском обществе восприятие «трагической личности» в 1910-х гг. меняется с почтительно-восторженного на снисходительно-ироническое. Мода на трагизм проходит. Ин. Анненский точно почувствовал эту смену парадигмы романтико-символистского проживания жизни как жизни исключительной личности и описал отличие соотношения «реальное бытие – искусство» у нового поколения поэтов, входивших в литературу на рубеже 1910-х гг.: «Те прежние – романтики – умели только верить и гибнуть, они пожертвовали своему Богу даже последними цветами молодости – красотой мечты.

Но уже вовсе не таковы современные поэты, да и вообще наши молодые художники слова. И если это – богема, то буржуазная богема. Новые писатели символизируют собою в обществе инстинкт самосохранения, традиций и медленного культурного преуспевания. Их оправдание в искусстве и ни в чем более» [Анненский, 2002, с. 307]. Ин. Анненский констатирует, что не жизнью, ставшей легендой, завоевывается отныне место на Олимпе и повышается ценность «писанных кровью» строк, а искусством, которое само по себе имеет цену хорошо сделанного продукта, вне трагического ореола его творца. Хотя, добавляет поэт и критик далее, изжить прежнюю парадигму было трудно, поэтому «все эстетики нет-нет да и вообразят себя *трагичными*... (курсив автора. – Е. К.)» [Там же, с. 308]. Прежний подлинный трагизм становится позой, костюмом напрокат... Конечно, не ко всем поэтам-постсимволистам это применимо, но все же наблюдение Ин. Анненского представляется нам верным.

Процессу переосмысления прежних эстетических и поведенческих норм способствовало и «кривое зеркало» литературной пародии, отражавшей все шаги русского символизма. Еще в 1911 г. пародист «Голоса Москвы» В. Голиков под псевдонимом Wega публикует пародийное продолжение «Евгения Онегина», высмеивая и русский модернизм, и русское бодлерианство. Современная Ольга Ларина «читает Бальмонта и Блока, / романсы Скрябина поет / И над Бодлером слезы льет! / – О, боже, значит декадентка, / И, верно, с дурью голова! <...>» [Wega (Головин В.), 1911, с. 1]. «Круг чтения» современной барышни, в который попадает и Бодлер, оценивается в ироническом ключе и показывает ее саму не в лучшем свете, с точки зрения критика.

Своеобразному «перерождению» восприятия автора «Цветов зла» способствовали и невольные пародии на его творчество, возникавшие под пером откровенных эпигонов и слабых поэтов, пытавшихся скопировать его манеру. Например, молодой автор А. И. Тиняков замыслил стать «русским Бодлером», но судьба разочарованного гения, как и маска трагического поэта, оказалась ему не по плечу. Его вариации на бодлеровские темы, например провокационный антиэстетизм «Падали», сегодня читаются как озорные пародии благодаря коротким бойким стихотворным строкам и уменьшительно-ласкательной лексике, несоответствующей философско-драматичному лирическому сюжету:

На весенней *травке падал*...
Остеклевшими глазами
Смотрит в небо, тихо дышит,
Забеременев червями.

Жизни новой зароденье
Я приветствую улыбкой,
И алеют, *как цветочки*,
Капли сукровицы липкой
[Тиняков, 1998, с. 64].

Существование Бодлера в культурном пространстве Серебряного века осложнялось еще тем, что его оригинальному творчеству уже присуща ирония над романтическим трагическим пафосом, который он ощущает как исчерпавший себя и стремится преодолеть, утрируя его. Например, в стихотворении «Закат романтического солнца» («Романтический закат» в русских переводах) сгущаются многие штампы романтизма. Но иронический оттенок не всегда считывался русско-

язычной аудиторией, и бодлеровский ультраромантизм частенько принимался за чистую монету⁵.

Следует процитировать интересный опыт Андрея Белого «Подражание Бодлеру» (1899), который представляет собой доведенные до предела романтические образы, антитезы и контрасты в сочетании с надрывно-пафосной интонацией:

О! Слушали ли вы
Глухое **рокотанье**
Меж **пропастей тупых?**
И **океан угроз**
Бессильно жалобных?
И **грозы мирозданья?**
Аккорды резкие
Невыплаканных слез?

О! Знаете ли вы
Пучину диссонансов,
Раскрытую, как пасть,
Между **тернистых скал?**
И пляску бредную
Уродливых кадансов?
И тихо плачущий
В безумстве идеал?
[Белый, 2006, с. 432–433]

Стихотворение это не публиковалось в прижизненных сборниках поэта, вряд ли было известно Северянину и не оказало на него прямого воздействия. Но оно демонстрирует возможность существования уже в конце XIX в. (когда Бодлер еще только входил в русское культурное сознание) иного, шуточно-ироничного отношения к его творчеству и пародийной рецепции, осуществляющейся в нагнетании гипербола и в сконцентрированной романтической лексике: *рокотанье, пропасти, океан угроз, грозы мирозданья, пучина диссонансов, тернистые скалы, безумство, идеал*. Легкость перехода границы, отделяющей подражание (перевод) от литературной пародии, не исключает также попытку освоения Белым поэтики контрастов предтечи русского символизма.

В стихотворении «Секстина» (1910), опубликованном в сборнике «Громокипящий кубок», Северянин иначе обращается к творчеству «певца зла», используя уже его литературную репутацию и включая в свою игру общеизвестные факты биографии «отверженного» поэта:

Я заклею, как некогда **Бодлэр;**
То – я скорблю, то – мне от смеха душно.
Читаю отзыв, точно ем **«эклер»:**
Так обо мне рецензия... воздушна.
О, критика – проспавший **Шантеклер!** –
«Ку-ка-ре-ку!», ведь солнце не послушно.

⁵ На этот факт справедливо указал С. Л. Фокин [2016, с. 180].

Светило дня душе своей послушно.
Цветами зла увенчанный **Бодлэр**,
Сам – лилия... И критик-шантеклер
Сконфуженно бормочет: «Что-то душно»...
Пусть дирижабли выглядят воздушно,
А критики забудут – про «эклер». <...>

Иному, впрочем, ближе «шантеклер».
Такой «иной» воздушен, как «эклер»,
И от такого вкуса – сердцу душно.
«Читатель средний» робко и послушно
Подумает, что **пакостен Бодлэр**,
И примется браниться не воздушно... <...>

Близка гроза. Всегда предгрозые душно.
Но хлынет дождь живительный воздушно,
Вздохнет земля свободно и послушно.
Близка гроза! В курятник, **Шантеклер!**
В моих очах **e'clair**, а не «эклер»!
Я отомщу *собой*, как – **Бодлэр!**
[Северянин, 2004, с. 95]

С одной стороны, мы видим, что поэт апеллирует к конфликту Бодлера с литературной критикой своего времени, осудившей и запретившей «Цветы зла» как аморальную книгу, и проецирует эту ситуацию на свое положение в литературе. В 1910 г. Северянин после отзыва Л. Толстого о его стихотворении «Хабанера II» из брошюры «Интуитивные краски» получил множество полярных критических откликов и снискал скандальную славу. Но при этом молодой русский поэт вовсе не был гоним, а тем более судим, как его французский собрат. Критическое «улюлюканье» скорее сыграло ему на руку, сделало популярными его поэзоконцерты и подготовило успех первой книги. Дебютный сборник Северянина «Громокипящий кубок» не запрещался, а наоборот, был принят преимущественно благосклонно и критикой, и простыми читателями, а позже многократно переиздавался. Поэтому, сравнение с Бодлером в «Секстине» выглядит по меньшей мере натяжкой, а скорее, является позой, игровым, скрыто-ироническим присвоением все еще популярного образа «проклятого поэта». Но одновременно идет снижение самой этой модели. Во-первых, вряд ли «читатель средний» в России начала XX в. уже мог быть шокирован бодлеровской поэзией, поверить уничтожающей Бодлера критике и начать его бранить, так как с середины XIX в. восприятие тем и образов автора «Цветов зла» существенно образом изменилось. Мы уже отмечали, что Бодлер был почитаем в это время как никогда. Такой анахронизм сознательно допускается Северяниным, проводящим параллели с реакцией критики и «среднего читателя» на его собственное творчество, еще не получившее широкого признания.

О завуалированной иронии по отношению к воспроизводимому треугольнику «поэт – критика – читатели» свидетельствуют и зоологические сравнения, смешивающие лексику и фауну двух стран: русский критик – это петух-шантеклер (от фр. Chantecler – имя петуха, героя сатирической пьесы Э. Ростана «Chantecler», популярной в России в 1910-е гг.), а поэт (даже французский) – это курский соловей. Сама фамилия Бодлера многократно обыгрывается в тексте, рифмуясь с «эклер» (название пирожного и калька с фр. éclair – «молния») и «шантеклер»,

словами не из поэтического канона. Тем самым демонический поэт Бодлер, сотрясатель моральных устоев буржуазного общества, оказывается в одном ряду с пирожным и петухом. Весьма двусмысленно и сравнение Бодлера с лилией, символом чистоты и невинности, а также сакральным цветком русского младо-символизма, эмблемой Девы Марии. Конечно, как художник Бодлер неповинен с точки зрения предъявленных ему в свое время обвинений в оскорблении общественной нравственности, но невинным в прямом смысле слова, учитывая известные уже в начале XX в. подробности его личной жизни, никто бы не решился его назвать.

Вышесказанное не означает, что Северянин не ценил творчества своего предшественника и не осознавал его вклада в создание современной поэзии, но у «Секстины» были свои цели. Плетя паутину словесных каламбуров, русский поэт вписывает себя в пантеон прославленных властителей дум, одновременно разрушая трагический ореол Бодлера и помещая самого себя на вакантное место гонимого критикой поэта.

После 1918 г., находясь в эмиграции, Северянин существенным образом меняет свою поэтику, он хочет выступать уже не в образе коварного ироника, а в роли беспристрастного судьи и отказывается от иронической игры. Он создает сонет «Бодлер», вошедший в сборник «Медальоны», где характеристика французского поэта предстает снисходительно сочувственной, стихия игрового соперничества исчезает:

В туфле ли маленькой – «Les fleurs du mal»,
В большом ли сердце – те же результаты:

Не злом, а добродетелью объаты
Земнившие небесную эмаль. <...>

Ты в комнаты вечерний вступишь воздух,
О ледяных задумаешься звездах,
Утончишь слух, найдешь для сердца тишь.

И выпрыгнут обиженно в окошки
Грехом наэлектриченные кошки,
Лишь пса **раскаянья** ты присвиштишь
[Северянин, 2014, с. 992–993].

Постаревший «певец зла» предстает в этом стихотворном портрете усталым, немощным, раскаивающимся грешником и романтиком в душе, чье минувшее бунтарство представляется заблуждением молодости. Но заметим, что и от демонической масштабности образа ничего не остается в этом сонете, который даже несколько обиден своим сочувствием.

Если в конце XIX в. один из первых русских декадентов Александр Добролюбов всерьез носил в честь Оскара Уайльда в петлице белую гардению, а подражая Бодлеру, проповедовал культ Красоты, Мечты и Смерти и курил опиум [Пайман, 1998, с. 68], то к рубежу 1910-х гг. рецепция Северянина, относящаяся уже ко второй волне русского бодлерианства, демонстрирует интересную эволюцию культурных кодов, их принадлежность уже к массовому дискурсу (упомянув те или иные имена, автор уверен, что его читатель их знает и поймет скрытые намеки), ироническое дистанцирование и утрату философско-мировоззренческих основ. Бодлер, Верлен, Оскар Уайльд и другие представители литературы предмодернизма и модернизма становятся знаковыми именами, типажам, приобретают

качество этикетки, называющей, но не раскрывающей в полной мере какой-либо феномен. Как справедливо отмечено К. Г. Исуповым, «в иронически-игровой поэзии Северянина состоялось самоотрицание декаданса не путем прямого присвоения его ценностей, а в театрализованном (трагическом по существу) отстраненно-эстрадном изживании его как особого стиля жизни и стиля поэтического мышления» [Исупов, 1987, с. 16]. Почтительно-дерзкое отношение к наследию Бодлера обусловлено как изменением отношения к нему читающей публики в целом, так и стремлением Северянина к новой авангардной поэтике. Поэт-эгофутурист уже не старается органично усвоить что-то из завоеваний западноевропейских авторов, как это делали символисты, т. е. растворить чужой стиль в своем и переработать его так, чтобы источник заимствования был практически незаметен. Он сохраняет ощущение чужой, инородной поэтики и присутствие личности другого автора (указание имени в заглавии, эпиграфе, текстуальные аллюзии), с которым ведется диалог с позиции вневходимости.

Список литературы

- Анненский Ин.* О современном лиризме // Критика русского символизма: В 2 т. М.: АСТ, Олимп, 2002. Т. 2. С. 267–360.
- Белый А.* Шарль Бодлер // Белый А. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. С. 191–197.
- Белый А.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб.; М.: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. Т. 2. 654 с.
- Богомолов Н. А.* Из истории русского бодлерианства: Три заметки // Богомолов Н. А. Вокруг Серебряного века. М.: НЛЮ, 2010. С. 544–554.
- Бодлер Ш.* Цветы зла / Отв. ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1970. 480 с.
- Венгерова З.* Жизнь Бодлера // Венгерова З. Литературные характеристики. СПб., 1910. Кн. 3. С. 165–187.
- Венгерова З.* Бодлер // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1891. Т. 7. С. 214–215.
- Венгерова З.* Поэты-символисты во Франции. Верлен, Малларме, Рембо, Мореас // Вестник Европы. 1892. Кн. 9, № 10. С. 115–143.
- Депретто К.* Русский символизм и возрождение поэтики // Депретто К. Формализм в России: предпосылки, история, контекст. М.: НЛЮ, 2015. С. 89–100.
- Исупов К. Г.* Историко-бытовые архетипы в творческом поведении Северянина // О Игоре Северянине: Тез. докл. науч. конф. Череповец, 1987. С. 15–17.
- Михайлова Т.* Брюсов в 1890-е годы: от французской теории символизма к русской поэтической практике // Искусство versus литература: Франция – Россия – Германия на рубеже XIX–XX веков. М.: ОГИ, 2006. С. 263–279.
- Никитина М. А.* Федор Сологуб // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. С. 201–202.
- Пайман А.* История русского символизма. М.: Республика, 1998. 415 с.
- Северянин И.* Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классический розы / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Н. Терехина, Н. И. Шубникова-Гусева. М.: Наука, 2004. 882 с.
- Северянин И.* Полн. собр. соч.: В 1 т. М.: Альфа-книга, 2014. 1128 с.
- Соколова Т. В.* Силуэт эксцентрической личности в творчестве Бодлера // Шарль Бодлер & Вальтер Беньямин: Политика & Поэтика. М.: НЛЮ, 2015. С. 48–68.

Терехина В. Н., Шубникова-Гусева Н. И. Примечания // Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классический розы / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Н. Терехиной, Н. И. Шубниковой-Гусевой. М.: Наука, 2004. С. 645–803.

Тиняков А. И. (Одинокий). Стихотворения / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н. А. Богомолова. Томск: Водолей, 1998. 414 с.

Фокин С. Л. Николай Гумилев и Шарль Бодлер. Статья первая // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 170–187.

Фонова Е. Г. Рецепция творчества Ш. Бодлера в русском символизме // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 155–169.

Фонова Е. Г. Hommage Бодлеру // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 438–446.

Wega (Головин В.). Евгений Онегин (Продолжение) // Голос Москвы. 1911. № 148, 29 июня. С. 1.

Wanner A. Baudelaire in Russia. Gainesville: University Press of Florida, 1996. 255 p.

References

Annenskiy In. O sovremennom lirizme [On modern lyricism]. In: *Kritika russkogo simvolizma: V 2 t.* [Criticism of Russian symbolism: In 2 vols]. Moscow, AST, Olimp, 2002, vol. 2, pp. 267–360.

Baudelaire Sh. *Tsvety zla* [Flowers of evil]. N. I. Balashov (Ed. in ch.). Moscow, Nauka, 1970, 480 p.

Belyy A. Sharl' Bodler [Charles Baudelaire]. In: Belyy A. *Sobranie sochineniy. Arabeski. Kniga statey. Lug zelenyy. Kniga statey* [Collected works. Arabesque. Book of articles. The meadow is green. Book of articles]. Moscow, Respublika, Dmitriy Sechin, 2012, pp. 191–197.

Belyy A. *Stikhotvoreniya i poemy: V 2 t.* [Poems and poetry: In 2 vols]. St. Petersburg, Moscow, Akademicheskii proekt, Progress-Pleyada, 2006, vol. 2, 654 p.

Bogomolov N. A. Iz istorii russkogo bodlerianstva: Tri zametki [From the history of Russian bodmerianism: three notes]. In: Bogomolov N. A. *Vokrug Serebryanogo veka* [Around the Silver Age]. Moscow, New Literary Observer, 2010, pp. 544–554.

Depretto K. Russkiy simvolizm i vrozozhdenie poetiki [Russian simbolizm and revival of poetics]. In: Depretto K. *Formalizm v Rossii: predposylki, istoriya, kontekst* [Formalism in Russia: background, history, context]. Moscow, New Literary Observer, 2015, pp. 89–100.

Fokin S. L. Nikolay Gumilev i Sharl' Bodler. Stat'ya pervay [Nikolai Gumilev and Charles Baudelaire. Article One]. *Solov'evskie issledovaniya*. 2016, iss. 1 (49), pp. 170–187.

Fonova E. G. Retsepsiya tvorchestva Sh. Bodlera v russkom simvolizme [Reception of creativity of Sh. Baudelaire in Russian]. *Solov'evskie issledovaniya*. 2016, iss. 1 (49), pp. 155–169.

Fonova E. G. Hommage Bodleru [Hommage to Baudelaire]. *Voprosy literatury*. 2009, no. 5, pp. 438–446.

Isupov K. G. Istoriko-bytovye arkhetyipy v tvorcheskome povedenii Severyanina [Household and historical archetypes in creative behavior of Severyanin]. In: *O Igore Severyanine: Tez. dokl. nauch. konf.* [On Igor Severyanin: Proc. of sci. conf.]. Cherepovets, 1987, pp. 15–17.

Mikhaylova T. Bryusov v 1890-e gody: ot frantsuzskoy teorii simvolizma k russkoy poeticheskoy praktike [V. Bryusov in the 1890s: from the French theory of symbolism

to the Russian poetic practice]. In: *Iskusstvo versus literatura: Frantsiya – Rossiya – Germaniya na rubezhe 19–20 vekov* [Art versus literature: France – Russia – Germany at the turn of the 19th–20th centuries]. Moscow, OGI, 2006, pp. 263–279.

Nikitina M. A. Fedor Sologub [Fedor Sologub]. In: *Russkaya poeziya “serebryanogo veka”, 1890–1917: Antologiya* [Russian poetry of the “Silver Age”, 1890–1917: Anthology]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 201–202.

Payman A. *Istoriya russkogo simvolizma* [The history of Russian symbolism]. Moscow, Respublika, 1998, 415 p.

Severyanin I. *Gromokipyashchiy kubok. Ananasy v shampanskoy. Solovey. Klassicheskiy rozy* [A thundering cup. Pineapples in champagne. Nightingale. Classic Rose]. V. N. Terekhina, N. I. Shubnikova-Guseva (Comps). Moscow, 2004, Nauka, 882 p.

Severyanin I. *Poln. sobr. soch.: V 1 t.* [Complete works.: In 1 vol.]. Moscow, Al’fakniga, 2014, 1128 p.

Sokolova T. V. Siluet ekstsentricheskoy lichnosti v tvorchestve Bodlera [The silhouette of an eccentric personality in Baudelaire’s work]. In: *Sharl’ Bodler & Val’ter Ben’yamin: Politika & Poetika* [Charles Baudelaire & Walter Benjamin: Politics & Poetics]. Moscow, New Literary Observer, 2015, pp. 48–68.

Terekhina V. N., Shubnikova-Guseva N. I. Primechaniya [Notes]. In: Severyanin I. *Gromokipyashchiy kubok. Ananasy v shampanskoy. Solovey. Klassicheskiy rozy* [Thunder-boiling cup. Pineapples in champagne. Nightingale. Classical Rose]. V. N. Terekhina, N. I. Shubnikova-Guseva (Comps). Moscow, Nauka, 2004, pp. 645–803.

Tinyakov A. I. (Odinokiy). *Stikhotvoreniya* [Poems]. N. A. Bogomolov (Prep. of the text, intr., commentaries). Tomsk, Vodoley, 1998, 414 p.

Vengerova Z. Bodler [Baudelaire]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar’ F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [Encyclopedic Dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. St. Petersburg, 1891, vol. 7, pp. 214–215.

Vengerova Z. Poety-simvolisty vo Frantsii. Verlen, Mallarme, Rembo, Moreas [Symbolist poets in France. Verlaine, Mallarmé, Rimbaud, Moreas]. *Vestnik Evropy*. 1892, bk. 9, no. 10, pp. 115–143.

Vengerova Z. Zhizn’ Bodlera [Baudelaire’s life]. Vengerova Z. *Literaturnye karakteristiki* [Literary characteristics]. St. Petersburg, 1910, bk. 3, pp. 165–187.

Wanner A. *Baudelaire in Russia*. Gainesville, University Press of Florida. 1996, p. 255.

Wega (Golovin V.). Evgeniy Onegin (Prodolzhenie) [Eugene Onegin (Continuation)]. *Golos Moskvy*. 1911, no. 148, 29 June, p. 1.

Сведения об авторе

Кузнецова Екатерина Валентиновна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)

katkuz1@mail.ru

ORCID 0000-0001-6045-2162

Information about the author

Ekaterina V. Kuznetsova – Candidate of Philology, Researcher in M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

katkuz1@mail.ru

ORCID 0000-0001-6045-2162

УДК 821.161.1(571)" 1920/1930" - 1/-9-93
DOI 10.17223/18137083/73/8

**Как писать для детей о «нашем крае»:
версия писателей Западной Сибири конца 1920-х –
начала 1930-х годов**

Н. Н. Родигина

*Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

На материале выступлений в периодической печати и докладов на Первом съезде писателей Западной Сибири (1934 г.) рассматриваются мнения литераторов, педагогов и представителей партийной бюрократии о задачах и тематических приоритетах региональной детской литературы, о том, кто может быть детским писателем. Охарактеризована деятельность детской секции Западно-Сибирского комитета Союза писателей (первоначально существовала при Сибгосиздате). Сделан вывод о том, что если 1920-е гг. для сибирской детской литературы были временем активного поиска тем, образов, литературных форм, то к 1933–1934 гг. утвердился соцреалистический канон детской книги, согласно которому основные требования к художественным произведениям для детей – идеологическое соответствие, педагогический потенциал, увлекательность содержания.

Ключевые слова

детская литература Сибири, литературный процесс 1920–1930-х гг., история региональной литературы

Для цитирования

Родигина Н. Н. Как писать для детей о «нашем крае»: версия писателей Западной Сибири конца 1920-х – начала 1930-х годов // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 119–132. DOI 10.17223/18137083/73/8

**How to write for children about “our land”:
a version of the writers of Western Siberia
in the late 1920s and early 1930s**

N. N. Rodigina

*Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The study analyses the publications in “Siberian lights” and “Siberian pedagogical magazine” of the 1920s – early 1930s and the reports of the First Congress of writers of Western Siberia

© Н. Н. Родигина, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

(1934). The opinions of writers, teachers, publishers, and representatives of the party bureaucracy about the tasks and thematic priorities of regional children's literature and future children's writer qualities are studied. The activities of the children's section of the West Siberian Committee of the Union of Writers are considered. The Committee meetings focused on the tasks, thematic priorities of Siberian children's literature, and working methods of children's writers with the members organizing literary evenings for schoolchildren, competitions for the best works for children, promoting children's books about the region. Encouraging motivations for addressing the Siberian children's literature issue were the party resolutions "On the publishing house "Molodaya Gvardiya" (1931), "On the perestroika of literary and artistic organizations" (1932), "On the establishment of the publishing house "Children's literature" (1933), preparation for the First Writers' Congress of Western Siberia, the First Congress of Soviet writers. Also, the lack of works about the region for children, the growth and differentiation of the professional community of local writers were vital. The author concludes that for Siberian children's literature, the 1920s were a period of the active search for themes, images, literary forms, calls for party mobilization in the "workshop of children's writers and poets." It was not until 1933–1934 when the socialist-realist canon of children's books was established, with the main requirements for children's artistic works being ideological conformity, pedagogical potential, and fascinating content.

Keywords

children's literature of Siberia, the literary process of the 1920s–1930s, the history of regional literature

For citation

Rodigina N. N. How to write for children about "our land": a version of the writers of Western Siberia in the late 1920s and early 1930s. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 119–132. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/8

Репрезентация Сибири в детской литературе – тема, которая в последнее время стала привлекать внимание как литературоведов, так и историков (см. [Абрамова, 2016; Бондарев, 2017; Капинос, 2017; Макаренко, Полева, 2017] и др.). Представляется важным определить, с какими целями литераторы Западной Сибири, писавшие для детей в конце 1920-х – начале 1930-х гг., актуализировали тему Сибири; какие обстоятельства влияли на дискурс региональных писателей о детской литературе; какие акторы, помимо писателей, принимали участие в обсуждении вопроса о том, какой должна быть детская литература. На мой взгляд, это не только расширит представления о литературном процессе в Сибири в период активного «огосударствления» литературы и формирования соцреалистического канона [Гюнтер, 2000, с. 283], но позволит уточнить состав авторского корпуса детской литературы о Сибири и на примере конкретного региона определить участие различных социальных институтов в процессе «формовки советского детского читателя».

На замысел статьи оказали влияние наблюдения и выводы Х. Гюнтера [2000], Е. Добренко [1997] о формах и этапах влияния государства на литературный процесс в 1920–1930-е гг., о системообразующих характеристиках тоталитарной культуры и литературы как составной ее части, об истоках и интерпретациях соцреализма начала 1930-х гг., об институтах «формовки советского читателя».

Я опиралась на аргументированное мнение историков детской литературы И. Н. Арзамасцевой [2003], М. Р. Балиной [2013] о том, что детская литература с первых лет образования советского государства стала объектом его пристального внимания и контроля. При этом, как свидетельствуют работы М. Р. Балиной [2013], И. В. Кондакова [2008], в 1920-е гг. детская литература еще была полем

экспериментов, на котором были активны разные игроки (исследователи детского чтения, создатели новой социалистической детской книги, художники-конструктивисты и др.), и «голос власти» звучал достаточно неопределенно, ибо первые ее документы расплывчато указывают на необходимость создания новой литературы для юношества. Ситуация кардинально поменялась после Постановления ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1933 г. о создании издательства «Детская литература», закрепившего за государством функции заказчика, производителя и цензора литературы для советских детей. Этому постановлению предшествовала эмоциональная дискуссия догматических марксистов, определявших позицию Комиссии по детской книге при Народном комиссариате просвещения РСФСР (Н. К. Крупской, Э. Яновской, Е. Флериной и др.), с детскими поэтами и писателями К. И. Чуковским, С. Я. Маршаком и др., которая подробно описана Б. Хеллманом [2016, с. 327–334]. Суть дискуссии сводилась к критике тех произведений, которые не преследуют очевидных для юных читателей «воспитательных, агитационных или познавательных целей». Хеллманом охарактеризованы и мероприятия властных структур, в первую очередь Наркомата просвещения, в формировании советского социального заказа к детской литературе, раскрыта роль Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, М. Горького в этом процессе.

Многую были учтены наблюдения О. Ронена о том, что на содержание детской литературы повлияло определение соцреализма, данное А. А. Ждановым на Первом съезде советских писателей в 1934 г., по которому соцреализм ставит перед собой тенденциозную воспитательную цель – «идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма» [Ронен, 2000, с. 969]. При этом отмечено, что детской литературе генетически присуще воспитательное начало, потребность в котором любознательный ребенок будет удовлетворять даже тогда, когда он обращается к яростно антидидактическим произведениям [Там же, с. 970].

С. Г. Маслинская, характеризуя авторский корпус «детского цеха» советских писателей послереволюционных десятилетий, выделила следующие мотивы прихода в детскую литературу: 1) старт для номенклатурной карьеры (С. Михалков); 2) неудачные попытки писать для взрослых или случайные обстоятельства (П. П. Бажов, Н. Н. Носов, А. М. Волков, Л. И. Лагин); 3) шанс сохранить статус советского писателя (М. М. Пришвин) [Маслинская, 2014, с. 395]. Выводы исследователя, коррелируют с материалами, собранными Г. Н. Тубельской [1970], изучавшей сибирскую детскую литературу 1920-х гг.

Работы С. Г. Маслинской, Е. О. Путиловой позволили составить представление о роли педагогов, детских писателей, чиновников образования, сотрудников Детгиза в формировании института экспертов отечественной детской книги, выявить общие тенденции развития критики детской литературы в СССР [Маслинская, 2015; Путилова, 1982].

Понимание задач и функций детской литературы людьми, причастными к созданию детских книг, будет неполным без обращения к советским концепциям детства 1920–1930-х гг. Я разделяю мнение Д. В. Димке, что представители революционной культуры 1920-х гг. отвергали представления о детстве как утраченном рае. Они строили «новый мир», и детям следовало как можно скорее повзрослеть, чтобы присоединиться к взрослым и помочь им в создании справедливого общества [Димке, 2013, с. 83]. Если в первое послереволюционное десятилетие дети, в отличие от взрослых, рассматривались как неиспорченные дореволюционной социализацией, считались наиболее подходящим материалом для создания нового человека и могли быть воспитателями взрослых, то уже с начала

1930-х гг. они должны были учиться и играть под надзором взрослых [Димке, 2013, с. 92–94].

В качестве источников мною были востребованы неопубликованные протоколы заседаний детской секции Западно-Сибирского оргкомитета Союза писателей за 1933–1936 гг., стенограммы Первого съезда писателей Западно-Сибирского края (1934 г.), хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО). Для сравнения «столичной» и «провинциальной» версий задач и функций детской литературы мною были привлечены опубликованные стенограммы докладов Первого съезда советских писателей (1934 г.), а также публикации «Сибирских огней» (1922–1935), «Сибирского педагогического журнала» (1924–1935) (с 1926 г. – «Просвещение Сибири»), посвященные региональной детской литературе.

Как выяснила Г. Н. Тубельская, первые книги для детей о Сибири, написанные представителями «местных литературных сил», стали публиковаться в первой половине 1920-е гг. По ее мнению, первой детской книгой, изданной Сибирским государственным издательством (далее Сибгосиздат) в Новониколаевске, стала сказка Л. Н. Сейфуллиной «Хехекса и плакса» (1922). По-видимому, не случайно, именно Сейфуллина вошла, наряду с представителями Соцвоса¹ и Сиббюро РКСМ, в комиссию по детской литературе, образованную Сибгосиздатом в 1921 г. [Тубельская, 1970, с. 42–43]. В том же году в Барнауле, в Алтайском отделении Госиздата, вышла первая книга Г. М. Пушкирева «Детвора». Сейфуллина так отзывалась о ней: «Маленькая, недурно изданная книжечка, по содержанию мило-забавная. Автор легко скользит по быту, по детской психологии. Педагогу она не даст ничего, но интеллигентных родителей позабавит»². С 1924 г. Пушкирев начинает работать в Сибгосиздате и участвовать в работе детской комиссии. Примечательно, что с первых лет работы Пушкирев посредством публикаций в «Сибирском педагогическом журнале», а потом и в «Просвещении Сибири» информировал учителей и педагогическую общественность об учебной и детской литературе, издававшейся Сибгосиздатом. Так, сообщая в журнале об учебной литературе, вышедшей в 1924 г., он упоминает пьесу В. П. Правдухина «Новый учитель» о жизни сельской школы. «Это чрезвычайно мало, но и это немногое, особенно вначале, издавалось в очень скверных условиях, при большой напряженности», – с горечью пишет Пушкирев³. В своих последующих публикациях он переходит от отчетов о проделанной работе к мобилизационным призывам к писателям, школьным учителям, партийцам, комсомольцам: принять участие в сборе и записи материалов для будущих художественных произведений, направлять их в периодические издания, привлечь к этой работе детей. Он предлагает и перечень сюжетов, которые должны конструировать образ новой Сибири: природа и быт края; борьба с колчаковщиной; пионерское движение; быт сельской детворы. Он советовал учителям рекомендовать школьникам следующие темы сочинений: «Как я участвовал в партизанском движении?»; «Как мы скрывались от белых?»; «Что натворили в нашей деревне колчаковцы?». Ото-

¹ Соцвос – подразделение Наркомпроса, руководившее дошкольными учреждениями, общеобразовательными школами, социально-правовой охраной детей и осуществлявшее контроль за повышением квалификации всех работников социального воспитания.

² Л. С. [Сейфуллина Л. Н.] Глеб Пушкирев «Детвора», Барнаул, 1922 // Сиб. огни. 1922. № 5. С. 184.

³ Г. П. [Пушкирев Г. М.] Сибирское краевое издательство // Сиб. пед. журн. 1925. № 1 (11). С. 74.

бранные сочинения предназначались для отправки в местные периодические издания⁴. «О Сибири мыслят не иначе, как о “стране собак и медведей”, о ней не знает и не будет знать подрастающее поколение. Вот здесь и хочется сказать: давайте создавать свою детскую сибирскую литературу, суровую, крепкую, как кондовая сибирская лиственница, со своим колоритом, со своим внутренним содержанием», – писал он вполне в духе эпохи, приглашая в соавторы всех активных современников вне зависимости от их литературной социализации да и профессиональной принадлежности⁵.

В 1925 г. в русле Постановления ЦК РКП(б) «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» от 6 февраля 1924 г., призвавшего принять меры к созданию советской детской литературы, Сибгосиздатом был объявлен конкурс на лучший рассказ и пьесу для детей. На конкурс поступило 20 пьес и свыше 50 рассказов. Ни одна из пьес не была отмечена премией, но три были одобрены («Семка-чеснок» Е. Хвоцинской, «Беспризорники» Г. Пушкарева, «Я буду пионерка» А. Макарова). Распределение премий за рассказы наглядно свидетельствует о тематических приоритетах конкурсной комиссии. Первую премию получила писательница из Барнаула А. Сенч за рассказ «Повстанчик» о мальчике-партизане, боровшемся с колчаковцами. Вторую – рассказ «Лита» О. Быстровой из Бурятии о жизни бурятской девочки при советской власти [Тубельская, 1970, с. 43].

Пушкарев без особого оптимизма оценил произведения, представленные на конкурс: «Сибирь очень лакомый кусок для писателя. Ее колорит, ее борьба с колчаковщиной и т. д. дали неисчерпаемый материал для писателей. Я подчеркиваю – для писателей, ибо большинство писателей не творят, а халтурят за счет богатой Сибири»⁶. Отмечая востребованные темы (деятельность партизан, советский быт, пионерское движение), он критиковал коллег за идеализированное изображение детских домов (Голубев «Буран»), трафаретное изображение края, незнание реалий местной жизни и природы (Голубев «Буран», Громов «Общее дело»), нереалистичное, фальшиво-героическое изображение детей – участников партизанского движения (А. Сенч «Повстанчик», Громов «Общее дело»), избыток кровавых сцен борьбы с белогвардейцами (А. С. Новиков-Прибой «Зуб за зуб», П. Г. Низовой «В горах Алтая») и одновременно с этим за сентиментальность, «карамельность» в изображении партизан.

В 1926 г. свое видение задач детской книги излагает в журнале «Просвещение Сибири» А. М. Топоров – учитель, создатель знаменитой школы-коммуны «Майское утро», литературный критик из крестьянской среды. Обосновывая необходимость увеличения количества школьных библиотек, он называет следующие требования, которым должна удовлетворять литература для детей: 1) марксистская идеология; 2) серьезное, реальное содержание; 3) крайне популярное, художественное изложение; 4) хорошее техническое выполнение; 5) дешевизна. Если первые два пункта Топоров считает очевидными и не нуждающимися в пояснениях, то, комментируя популярность и художественность, ссылается на опыт «классических писателей художественной и научной литературы», которые замеча-

⁴ П. [Пушкарев Г. М.] О детской литературе // Сиб. пед. журн. 1925. № 2. С. 98.

⁵ П. [Пушкарев Г. М.] О детской литературе // Сиб. пед. журн. 1925. № 1 (11). С. 97.

⁶ Пушкарев Г. М. Сибирь в художественной литературе // Просвещение Сибири. 1926. № 3. С. 93.

тельны тем, «что самые глубокие идеи облачают в простые, доступные, образные формы языка»⁷.

Параллельно с обсуждением требований к современной детской литературе писателями и педагогами ставился вопрос о том, кто будет создавать произведения для детей. Так, Т. Бочаров на страницах того же журнала в статье с «говорящим» названием «Забытый вопрос» агитирует включиться в процесс создания сибирской детской литературы – как учебной, так и художественной, и научно-популярной, – отделы Географических обществ в крупных сибирских городах, университетских ученых и сибирское учительство. Использовать сам журнал «Просвещение Сибири», газету «Юный ленинец» для мобилизации читателей на борьбу с «книжным голодом»⁸. Показателен редакционный комментарий к статье в форме обращения к подписчикам: 1) содействовать созданию сибирской детской книжки; 2) разоблачать подлинную макулатуру, которую дают некоторые «писатели» о Сибири, не зная Сибири⁹. Таким образом, читателям предлагали одновременно освоить роли авторов, критиков и цензоров детской литературы, что соответствует не только общероссийской тенденции партийной мобилизации в литературу, но и стремлению вовлечь читателей в процесс воспитания «правильных» советских писателей. Так, со страниц столичного журнала, специализировавшегося на освещении вопросов детского чтения, «Книга детям» Е. Фрумкина доказывала необходимость изменения системы работы литвузов, литфаков и редакций издательств, для того чтобы обеспечить «приток новых кадров из глубоких слоев рабочих масс», а также целесообразность привлечения тех культурных работников, которые «выросли из интеллигентных слоев», но «были подавлены царизмом» и не обладают боевой закалкой пролетариата. По мнению автора, в «огне строительства, бок о бок с рабочими и крестьянами многие из легкомысленно заклеянных штампом буржуазности» станут «настоящими помощниками рабочего класса в строительстве нашей культурной жизни»¹⁰. На региональном уровне стимулом к такого рода обращениям стало постановление бюро Сибкрайкома от 8 февраля 1927 г. В нем говорилось: «Отмечая распыленность литературных работников Сибири и почти полное отсутствие идеологического влияния и руководства партии среди них, считать необходимым усиление работы Сибирского союза писателей как основной организации литераторов... В целях укрепления коммунистического ядра в Союзе писателей считать необходимым вхождение в Союз всех коммунистов-литераторов» (цит. по: [Парамонов, 1977, с. 186]). Представляется продуктивным рассматривать вслед за И. А. Калининым призывы к литературной мобилизации как попытку речевой инициации прежде «немых» угнетенных, когда подчинение осуществляется не через речевую социальную «немоту», а через настойчивое побуждение к речи; не через лишение права говорить, а, наоборот, через конституирование обязанности говорить [2012, с. 602]. При этом сибирские писатели, критики, педагоги, как и их столичные коллеги, пытались создавать образцы того, что и как должен говорить о социалистической Сибири этот подвергающийся одновременно социальному освобождению и дискурсивному подчинению человек. Впоследствии, в 1934 г. призыв к мобилизации в детскую литературу был официально провозглашен с трибуны Первого съезда

⁷ Топоров А. В поход за школьной книгой (В порядке постановки вопроса) // Просвещение Сибири. 1926. № 6. С. 39.

⁸ Бочаров Т. Забытый вопрос // Просвещение Сибири. 1926. № 6. С. 44.

⁹ Просвещение Сибири. 1926. № 6. С. 43.

¹⁰ Фрумкина Е. Кадры детской литературы // Книга детям. 1930. № 2–3. С. 3.

советских писателей С. Я. Маршак: «Мы уверены, что среди наших ученых, изобретателей, инженеров, красноармейцев, моряков, машинистов, охотников, летчиков найдется не мало людей, одаренных наблюдательностью, художественной памятью и воображением. Эти люди сумеют передать детям огромный опыт... часто неведомый профессиональным литераторам»¹¹.

Наряду с конкурсами на лучшую детскую книгу, попыткой компенсировать нехватку литературы о Сибири и предложить образцы сибирского литературного канона, можно считать издание сборника хрестоматийного типа (в этом качестве он был рекомендован для учащихся школ второй ступени) Г. П. Вейсберга, Г. М. Пушкарева «Сибирь в художественной литературе» (М., Л.: Госиздат, 1927). Сборник включал в себя отрывки из художественных произведений о крае, объединенные в следующие тематические разделы, являвшиеся с точки зрения составителей самыми значимыми: 1) туземная Сибирь и сибирская старина; 2) кандальская Сибирь и приискатели; 3) крестьянская Сибирь до революции и переселение; 4) революционное движение в Сибири и гражданская война; 5) новая Сибирь. В числе авторов А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, А. П. Чехов, Н. М. Ядринцев и др. «Новую» Сибирь представляли тексты Л. Н. Сейфуллиной, В. Я. Зазубрина и др. В рецензии на сборник И. Н. Орловский высказал сомнения в критериях отбора произведений (недоумение рецензента вызвало, к примеру, отсутствие в списке авторов П. Л. Драверта, И. В. Федорова-Омулевского), замечания по поводу соразмерности разделов и отсутствия методического сопровождения текстов (вопросов и заданий). «Книга, по нашему мнению, в основных своих разделах недоработана и сделана наспех... Книга методически совершенно не проработана и в этом отношении представляет сырой материал», – констатирует рецензент¹². Судя по всему, Пушкарев и сам был не особенно доволен сборником. Так, он пишет, что «книга вышла из печати в совершенно искаженном против оригинала виде»¹³, оправдывается за ошибки в фамилиях авторов, а также за то, что из текста выпали произведения И. В. Федорова-Омулевского, А. Е. Новоселова, С. И. Исакова и др. Произведения, помещенные в сборник, конечно, нельзя отнести к детской литературе. Но, несомненно, как и многие другие тексты «школьного канона», они относятся к «взрослым» книгам в круге детского чтения и формируют литературный вкус и пристрастия учащихся, поэтому важно, кого Г. М. Пушкарев как детский писатель, сотрудник издательства и критик детской литературы в одном лице считал достойным для изучения в массовой школе.

Параллельно сибирские литераторы активно сотрудничают в «Сибирском детском журнале» (1928–1931 гг.; с июля 1928 г. выходил под названием «Товарищ»), воплощавшем, как показано К. В. Абрамовой [2016] и Е. В. Капинос [2017], авангардные идеи советской пропаганды, при помощи «литературы факта» конструировавшим новые пропагандистские мифы о Сибири. Именно детские журналы, находящиеся под влиянием ЛЕФовских идей, стали территорией репрезентации своего, уже достаточно известного к тому времени, литературного «я» детской аудитории для М. А. Кравкова, Г. М. Пушкарева, В. Д. Вегмана, Г. А. Вяткина, А. М. Топорова и др.

¹¹ *Маршак С. Я.* Свод докладов С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный Съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. Репринтное издание 1934 года. М., 1990. С. 24.

¹² *Орловский И. Н., Вейсберг Г. П., Пушкарев Г. М.* Сибирь в художественной литературе. М., Л.: Госиздат, 1927 // Просвещение Сибири. 1927. № 4. С. 108.

¹³ *Пушкарев Г. М.* Письмо в редакцию // Сиб. огни. 1927. № 2. С. 254.

В 1933 г. в «Сибирских огнях» выходит обширная статья детской писательницы, члена детской секции Западно-Сибирского организационного комитета Союза писателей К. Н. Гайлит. Статья начинается уже традиционным для изучаемого периода утверждением о том, что детских книг о Сибири ничтожно мало. Однако перечень образов нового социалистического края, достойных пера детских писателей, существенно увеличивается: «Сибирь перестраивается. Сносятся вековые таежные массивы, уступая место индустриальным гигантам... В великом напряжении ударных строек, в ломке межей, чересполосицы, в коллективе, на колхозных полях, в ожесточенной классовой борьбе стирается вековая грань, межа города и деревни»¹⁴. Всю детскую литературу о Сибири Гайлит делит на две группы: 1) произведения сибирских писателей о крае; 2) тексты не сибиряков (в их числе она упоминает В. В. Бианки «Аскыр», Д. Альтаузена «Якутенок Олеська», С. А. Ауслендера «Ромка», Л. И. Гумилевского «Золотой узел», Н. И. Леонова «В горных долинах Алтая», «Охотники» и др., П. Г. Низового «В горах Алтая»). Основным объектом внимания автора становится литературное творчество писателей-сибиряков: Г. А. Вяткина, Г. М. Пушкарева, М. А. Кравкова, А. А. Кузнецовой, В. А. Зверева, М. Таежного. Критикуя коллег, Гайлит предлагает свое видение задач детской литературы и требований к детскому писателю: 1) детский писатель не просто занимательный рассказчик вещей... не обремененных нагрузкой положительного воспитательного содержания, он мудрый и вдумчивый проводник ребенка в большой, новый мир реальных вещей, людей и отношений; 2) задача писателя – вместе со школой и детскими организациями готовить нынешних пионеров к построению бесклассового общества, показывать Сибирь так, чтобы этот «показ волновал юного читателя, ставил перед ним какие-то проблемы, вызывал яркие, горячие мечты, помог ребенку широко развернуть свою творческую энергию во всех направлениях»; 3) не в форме прописной морали прививать детям марксистско-ленинское мировоззрение, надо писать «без душного трафарета, сюсюкания и срывов»; 4) нужно смелее обращаться к сюжетам революционного прошлого, показывать Сибирь социалистическую, но не в виде «ходячего энциклопедического справочника», а в занимательной форме¹⁵. Клеопатра Никифоровна пишет и о работе уже упомянутой детской секции, которая занималась чтением и обсуждением произведений для детей, отклоняла или рекомендовала их к публикации в Сибгосиздате, выполняя таким образом функции критики и цензуры. Секция привлекала к сотрудничеству не только профессиональных или начинающих литераторов («отыскивание, открытие новых писательских кадров – ближайшая задача секции»), но и педагогов, работников детских коммунистических организаций, библиотекарей, сотрудников Новосибирского ТЮЗа.

Протоколы заседаний секции за 1933–1936 гг. дают возможность выяснить ее состав, основные направления деятельности, а главное понимание ее участниками задач детской сибирской литературы. Членами секции в эти годы были К. Н. Гайлит, А. И. Герман, Е. К. Стюарт, А. Р. Пугачев, П. В. Гинцель, С. Х. Баранов, М. А. Кравков, В. И. Мрачковский, Г. М. Пушкарев, В. А. Зверев, А. А. Кузнецова, Г. А. Вяткин, Ю. Мориц¹⁶. В «читках» принимали участие представители Крайоно и Горбюро пионерской организации, педагоги-словесники. Протоколы обсуждений текстов коллег создают впечатление неформальной и критичной ат-

¹⁴ Гайлит К. Н. Заметки о детской литературе // Сиб. огни. 1933. № 5–6. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 150–156.

¹⁶ ГАНУ. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 29. Л. 33.

мосферы. Так, автору книги стихов «Звери» И. А. Мухачеву адресовали замечания за то, что «непонятна целевая установка автора», а стихи не реалистичны, противоречат действительности. Пейзажи лубочны, охотник не разоблачается автором за свои выдумки, текст нуждается в серьезной переделке¹⁷. Основаниями для критики становились бессюжетность; отсутствие в произведении воспитательных установок; аполитичность или «политическая неверность»; бессмысленность, «картинность» выражений; несоответствие возрасту. Таким образом, детская книга должна была соответствовать следующим критериям: 1) быть дидактичной; 2) познавательной; 3) политически грамотной; 4) не содержать фактических и стилистических ошибок; 5) быть понятной детям.

Возвращаясь к направлениям деятельности секции, отмечу среди них встречи с читателями, участие в конкурсах детского творчества, выступления в периодической печати и на радио с рассказами о новых детских книгах сибирских авторов, организация литературных кружков в школах № 12 и 36 Новосибирска и т. д., т. е. писатели стремились воспитывать своих читателей. С точки зрения выявления особенностей «говорения» сибирских писателей с детьми показательно обращение к пионерам на творческом вечере детской секции в Новосибирском ТЮЗе 25 января 1934 г.: «Вы совершенно правы, когда требуете от писателей интересной детской книги. Советские писатели пока дали вам немного очень хороших детских книг. Вся беда в том, что у нас не было еще создано тех условий, при которых можно было бы продуктивно писать, работать над детской книгой... По постановлению Центрального Комитета партии от 23 апреля 1932 г. в корне изменено это положение, оно создало новые условия для писателя, призвало писателя к творческой работе, к созданию новой советской книги. Писатели Западной Сибири, молчавшие долгие годы, сейчас включились в работу над детской книгой»¹⁸. Сочетание риторики партийных чисток с констатацией недостатков и рапорта о проделанной работе характерно и для других публичных обращений к детям сибирских писателей.

Вопрос о детской книге для сибиряков стал одним из злободневных на Первом съезде писателей Западной Сибири в июне 1934 г. От имени детской секции выступала К. Н. Гайлит. Она подчеркнула, что детские писатели почувствовали партийное внимание раньше, чем «взрослые», поскольку постановление ЦК по поводу «Молодой гвардии» было в 1933 г. на несколько месяцев раньше, чем постановление о литературной организации РАПП¹⁹. Попутно замечу, что на съезде именно РАППовцы обвинялись в том, что детской литературе почти не уделялось внимание (доклад Ф. А. Березовского)²⁰. Председатель оргкомитета по созданию краевого отделения Союза советских писателей А. А. Ансон утверждал, что в течение нескольких лет в Сибири все более или менее удовлетворительные произведения вызвали возражения со стороны «левых загибщиков», которые задавали тон на фронте детской литературы²¹.

Гайлит констатировала, что сибирская детская литература «еще не успевает за бегом большевистских пятилеток» ни в количественном, ни в качественном отношении. В отличие от своей ранее упомянутой статьи, где речь шла о собственном видении задач детского писателя, в докладе она ссылается исключительно

¹⁷ ГАНО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 29. Л. 9–10.

¹⁸ Там же. Л. 23 – 23 об.

¹⁹ Там же. Д. 34. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 33. Л. 53.

²¹ Там же. Д. 36. Л. 58.

на партийные требования к литературе: «Партия требует, чтобы детская литература дала такие книги, которые помогли бы партии воспитать в коммунистическом духе молодое поколение, чтобы оно было готово к предстоящим боям, получив крепкую зарядку в этом и прочную базу в смысле знаний для побед»²². Объектами критики докладчицы стали не только сибирские писатели, пишущие для детей мало («в 1932 г. было издано в Сибири две детских книги, в 1933 г. – две детских книги») и создающие сухие, не отвечающие запросам ребенка произведения, но и газета «Советская Сибирь», журнал «Сибирские огни», уделявшие недостаточно внимания детской литературе. Обвинения в антипартийном поведении были адресованы библиотекарям, не «продвигающим» произведения сибирских писателей. Позволю себе привести фрагмент стенограммы, свидетельствующий об эмоциональном модусе доклада: «Накануне съезда, когда у меня доклад был подготовлен, я захотела узнать в детской библиотеке – есть ли отзывы ребят о сибирских детских писателях. Я считала, что приду в советское учреждение, которое возглавляется Крайоно, что во главе этого учреждения находится коммунист, который знает политику партии в отношении писателей. Но я получила ответ очень знаменательный – мы сибирских детских писателей к читателям не продвигаем.

- Почему?
- Потому, что не считаем их квалифицированными.
- Кого вы продвигаете?
- Классиков.
- Кого же, например, Вяткина не считаете квалифицированным?
- Не считаем.
- Гинцеля, Пушкарева?
- Не считаем квалифицированными.

Это – антипартийный поступок, потому что партия требует развития всемерно продукции советского писателя. Горький обращается к ребятам Советского Союза с просьбой, чтобы они писали, что хотят читать, а кабинет детского чтения закрывает произведения детских авторов. Если Крайоно здесь не повинен, пусть ударят по тем лицам, которые проводят такую политику, умышленно закрывая перед ребятами книжки сибирских писателей»²³. В этом фрагменте примечательна не только ссылка на Горького, который становится к началу 1930-х гг. главным классиком и основным теоретиком детской литературы, но и позиция «надзирать и наказывать», которую с опорой на «линию партии» присваивает себе детский писатель. Характерна и милитаристская риторика, используемая значительной частью выступавших (Л. Н. Эльбакьянц: « Попрошу... изъять эту книжку “Молочный колхоз” как совершенно враждебную нашей детворе»; «Каков фронт нашей борьбы?»²⁴; А. А. Ансон: «Наша детская литература и наша критика это два наиболее отсталых участка работы на нашем писательском фронте»²⁵; и др.).

Выступления литераторов, писавших для детей, позволяют составить представление об их тематических приоритетах, творческих планах и проблемах. В числе последних назывались чрезмерное вмешательство критиков в процесс редактирования детских книг (Г. А. Вяткин, В. А. Итин), тяжелые условия рабо-

²² ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

²³ Там же. Л. 13–14.

²⁴ Там же. Ф. Р-272 (Яновский Н. Н.). Оп. 1. Д. 419. Л. 30, 34.

²⁵ Там же. Л. 66.

ты. Типично в этом смысле выступление П. В. Гинцеля, который с горечью говорил: «Прежде всего мешала служба в двух учреждениях. У меня дьявольская нагрузка: с 9 до 4 в учреждении, а с 8 вечера до 2 ночи – литературная работа. При таких условиях работать было очень тяжело, такая нагрузка страшно утомляла, выматывала и, конечно, в значительной мере снижала продуктивность. Приходилось писать уже истрепанным и вызвать свежие образы было очень трудно. В последнее время к этому присоединилась угроза выселения из квартиры... Но самое главное, это оторванность от новой жизни. У меня тематика преимущественно сельская, а я в продолжение 10-ти последних лет в деревне был в общей сложности каких-нибудь девять месяцев? Откуда же я мог черпать живой материал?»²⁶.

В большинстве докладов звучало мнение о том, что детская литература – слабое звено «литературного цеха» сибирских писателей, и в этом были солидарны и сами литераторы, и представители партийной и педагогической бюрократии (хотя из официальных откликов о съезде в периодической печати это утверждение практически исчезло). Однако принимаемая единодушно, судя по докладам, мысль о том, что детская литература должна «правильно», по-социалистически, освещать новую реальность, сочеталась с пониманием необходимости того, чтобы тексты были интересными, познавательными. «Мы не можем кормить детей скучными “политграмотными” книжками, которые нам рекомендовали отдельные редакторы, рецензенты и критики, мы должны им дать интересный, увлекательный художественный материал, на котором они могли бы учиться», – говорил под аплодисменты участников съезда А. А. Ансон²⁷. Несколькими неделями позже эту мысль похожими словами сформулировал С. Я. Маршак в докладе на Первом съезде советских писателей, что свидетельствует, как и публикации специализированных журналов «Детская литература», «Книга детям», о точках соприкосновения в понимании задач детской литературы у столичных и провинциальных литераторов.

Во второй половине 1930-х гг. дискуссии о задачах, темах, образах детской литературы в западносибирском сообществе детских писателей и педагогов практически прекратились, это связано как с утверждением соцреалистического канона в детской литературе, так и с тем, что значительная часть их участников была репрессирована (к примеру, А. М. Топоров) и расстреляна (А. А. Ансон, Г. А. Вяткин, К. Н. Гайлит, В. А. Итин, М. А. Кравков, В. А. Зверев, В. Д. Вегман).

Итак, со второй половины 1920-х гг. на страницах «Сибирских огней» и «Сибирского педагогического журнала» начинается обсуждение вопроса о том, кто и как должен конструировать образ Сибири для детей. Репрезентационным каркасом новой Сибири стала идея перехода от Сибири каторжной, места угнетения крестьян и инородцев, к Сибири, героически сражавшейся с колчаковцами в годы Гражданской войны, а затем территории борьбы с кулачеством и строительства новых социалистических городов-заводов. Как и в столичных специализированных журналах «Книга детям», «Детская литература», представителями местного литературного сообщества, педагогами, партийными чиновниками отстаивалась идея партийной мобилизации в детскую литературу. К началу 1930-х гг. формируется перечень требований к детской литературе, которая должна воспитывать строителей коммунистического общества, выполняя одновременно идеологиче-

²⁶ ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 35. Л. 78.

²⁷ Там же. Д. 36. Л. 58.

скую и дидактическую функции, быть интересной и познавательной для детей. При этом дети рассматривались как маленькие взрослые, которые быстрее, чем взрослые усваивают нормы нового социалистического мира.

Список литературы

Абрамова К. В. Сибирский детский журнал: темы, мотивы, редакционная тактика // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 166–176.

Арзамасцева И. Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930. М.: Прометей, 2003. 404 с.

Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей, 1920-е – 1930-е гг. СПб.: Алетейя, 2013. С. 7–19.

Бондарев А. Г. Детская литература Иркутской области: сибирский миф XX века // Литература в школе. 2017. № 10. С. 31–33.

Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 7–15.

Димке Д. Ребенок-ангел vs ребенок-герой: некоторые замечания по антропологии педагогики // Детские чтения. 2013. Т. 3, № 1. С. 74–99.

Добренко Е. А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. 320 с.

Калинин И. Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е – начало 1930-х гг. // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: НЛЮ, 2012. С. 587–663.

Капинос Е. В. Пропагандистские мифы в «Сибирском детском журнале»: ученики Ленина, пионеры на камлании, Тельбес // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 63–78.

Кондаков И. В. Детство как убежище, или «Детский дискурс» советской литературы // Какорея. Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 138–167.

Макаренко Е. К., Полева Е. А. Итоги и перспективы исследования современной сибирской литературы для детей и юношества (отчет по гранту РГНФ и администрации Томской области) // Вестник ТГПУ. 2017. № 2 (179). С. 128–134.

Маслинская С. Г. Михаил Абрамович Гершензон: профиль критика детской литературы в 1920–1930-е гг. // Детские чтения. 2015. Т. 8, № 2. С. 65–75.

Маслинская С. Г. Нужен ли детский писатель? (К истории становления советской детской литературы) // Детские чтения. 2014. Т. 6, № 2. С. 381–398.

Парамонов С. У истоков новой литературы (Сибирский Союз писателей) // Сиб. огни. 1977. № 10. С. 184–190.

Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы, 1917–1941. М.: Дет. лит., 1982. 175 с.

Ронен О. Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 969–979.

Тубельская Г. Н. Из истории детской литературы Сибири в 20-е годы // Тр. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. Улан-Удэ, 1970. Т. 6. С. 37–87.

Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: НЛЮ, 2016. 560 с.

References

- Abramova K. V. Sibirskiy detskiy zhurnal: temy, motivy, redaktsionnaya taktika [Siberian children's magazine: themes, motives, editorial tactics]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2016, no. 2, pp. 166–176.
- Arzamastseva I. N. *“Vek rebenka” v russkoy literature 1900–1930* [“The age of a child” in the Russian literature 1900–1930]. Moscow, Prometey, 2003, 404 p.
- Balina M. R. Sovetskaya detskaya literatura: neskol'ko slov o predmete issledovaniya [Soviet children's literature: a few words about the subject of research]. In: *“Ubit’ Charskuyu...” : paradoksy sovetskoy literatury dlya detey, 1920-e – 1930-e gg.* [“To kill Charskaya...” : paradoxes of Soviet children's literature, 1920–1930s]. St. Petersburg, Aleteyya, 2013, pp. 7–19.
- Bondarev A. G. Detskaya literatura Irkutskoy oblasti: Sibirskiy mif 20 veka [Children's literature of the Irkutsk region: Siberian myth of the 20th century]. *Literature at school*. 2017, no. 10, pp. 31–33.
- Gyunter Kh. Totalitarnoe gosudarstvo kak sintez iskusstv [Totalitarian state as a synthesis of arts]. In: *Sotsrealisticheskiy kanon* [Socio-realistic canon]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 7–15.
- Dimke D. Rebenok-angel vs rebenok-geroy: nekotorye zamechaniya po antropologii pedagogiki [Child-angel vs child-hero: some remarks on the anthropology of pedagogy]. *Children's Readings*. 2013, vol. 3, no. 1, pp. 74–99.
- Dobrenko E. A. *Formovka sovetskogo chitatelya: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury* [Formation of Soviet reader: social and aesthetic prerequisites of Soviet literature reception]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1997, 320 p.
- Hellman B. *Skazka i byl'. Istoriya russkoy detskoy literatury* [Fairy tales and true story. History of Russian children's literature]. Moscow, New Literary Observer, 2016, 560 p.
- Kalinin I. Ugnetyennye dolzhny govorit': massovyy prizyv v literaturu i formirovanie sovetskogo sub'ekta, 1920-e – nachalo 1930-kh gg. [The oppressed must speak: mass appeal to literature and the formation of the Soviet subject, 1920s – early 1930s]. In: *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Practices of internal colonization in the cultural history of Russia]. Moscow, New Literary Observer, 2012, pp. 587–663.
- Kapinos E. V. Propagandistskie mify v “Sibirskom detskom zhurnale”: ucheniki Lenina, pionery na kamlanii, Tel'bes [Propaganda myths in the “Siberian children's magazine”: Lenin's students, pioneers on kamlania, Telbes]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2017, no. 1, pp. 63–78.
- Kondakov I. V. Detstvo kak ubezhishche, ili “detskiy diskurs” sovetskoy literatury [Childhood as a refuge, or “children's discourse” of Soviet literature]. In: *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakoreya. From the history of childhood in Russia and other countries]. Moscow, Tver, Nauchnaya kniga, 2008, pp. 138–167.
- Makarenko E. K., Poleva E. A. Itogi i perspektivy issledovaniya sovremennoy sibirskoy literatury dlya detey i yunoshchestva (otchet po grantu RGNF i administratsii Tomskoy oblasti) [Results and prospects of research of modern Siberian literature for children and youth (report on the grant of the Russian State Scientific Research Foundation and Tomsk region administration)]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017, no. 2 (179), pp. 128–134.

Maslinskaya S. G. Mikhail Abramovich Gershenzon: profil' kritika detskoy literatury v 1920 – 1930-e gg. [Abramovich, Mikhail Gershenzon: a profile criticism of children's literature in the 1920 –1 930s]. *Children's Readings*. 2015, vol. 8, no. 2, pp. 65–75.

Maslinskaya S. G. Nuzhen li detskiy pisatel? (K istorii stanovleniya sovetskoy detskoy literatury) [Do we need a children's writer? (To the history of the formation of Soviet children's literature)]. *Children's Readings*. 2014, vol. 6, no. 2, pp. 381–398.

Paramonov S. U istokov novoy literatury (Sibirskiy Soyuz pisateley) [The origins of the new literature (Siberian Union of writers)]. *Sibirskiy ogni*. 1977, no. 10, pp. 184–190.

Putilova E. O. *Ocherki po istorii kritiki sovetskoy detskoy literatury, 1917–1941* [Essays on the history of criticism of Soviet children's literature, 1917–1941]. Moscow, Detskaya literatura, 1982, 175 p.

Ronen O. Detskaya literatura i sotsialisticheskiy realizm [Children's literature and socialist realism]. In: *Sotsrealisticheskiy kanon* [The socio-realistic canon]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 969–979.

Tubel'skaya G. N. Iz istorii detskoy literatury Sibiri v 20-e gody [From the history of children's literature in Siberia in the 20s]. In: *Trudy Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Proceedings of the East Siberian state Institute of culture]. Ulan-Ude, 1970, vol. 6, pp. 37–87.

Сведения об авторе

Родигина Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)
natrodigina@list.ru
ORCID 0000-0003-4938-0924

Information about the author

Nataliya N. Rodigina – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
natrodigina@list.ru
ORCID 0000-0003-4938-0924

УДК 3.09 – 821.161.12
DOI 10.17223/18137083/73/9

**Гоголевский текст в пьесах Н. Коляды
(на материале поэмы «Мертвые души» и комедии «Ревизор»)**

В. Ю. Баль

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются драматургические ремейки Н. Коляды, созданные на материале гоголевских произведений – поэмы «Мертвые души» и комедии «Ревизор». Выявляется рецептивная модель «гоголевского текста» в творчестве Н. Коляды с опорой как на текстовый драматургический материал, так и на театральные постановки. Обе постановки в творческой интерпретации Коляды связаны с актуализацией сюжета Страшного суда, в его оппозициях – суда и возмездия, греха и покаяния. Подобный подход не уводит современного драматурга от литературного первоисточника, несмотря на введение в инсценировки элементов фарсового балагана, а, наоборот, позволяет более рельефно обозначить экзистенциальную и национальную проблематику гоголевских произведений.

Ключевые слова

Н. Коляда, Н. В. Гоголь, «Мертвые души», «Ревизор», ремейк

Для цитирования

Баль В. Ю. Гоголевский текст в пьесах Н. Коляды (на материале поэмы «Мертвые души» и комедии «Ревизор») // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 133–147. DOI 10.17223/18137083/73/9

**“Gogol’s text” in the plays by N. Kolyada
(the poem “Dead souls” and the comedy “The Inspector”)**

V. Yu. Bal

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the theatrical remakes of Gogol’s works: the comedy “The Inspector” and the poem “Dead Souls.” Considering the creative interpretation of N. Kolyada, both performances are related to the actualization of the Last Judgment themes – judgment and retribution, sin and repentance. Such an approach allows for a more vivid description of existential and national problems in performances N. Kolyada. It is concluded that N. Kolyada differently adapts Gogol’s works for his performances. In the case of “The Inspector,” Kolyada uses the elements of theatrical language (attributes of the stage space, costumes, mu-

© В. Ю. Баль, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

sic) to mainstream opposition “purity – dirt” and “righteousness – sin,” the oppositions that allow identifying the situation of the imaginary and real Inspector. When being staged, the poem “Dead Souls” changes its nature of the genre with the dramatization – the epic beginning is transformed under the influence of medieval drama traditions. In the performance, the plot of the Last Judgment changes the character system: Korobochka and Chichikov, first of all. The sentimental finale of the Last Judgment reveals in Korobochka the ability to love and becomes the key to the revitalization of her soul. The metonymic correlation of Korobochka with the entire Russian people determines the transformation of the image of Chichikov. Kolyada highlights in Chichikov not entrepreneurial obsequiousness, but a sense of contempt for the Russian people: he calls it “dubinogolovy.” An ontological issue related to the manipulation between life and death is removed from the semantic field of his image, but social and moral issues remain.

Keywords

N. Gogol, N. Kolyada, “Dead souls”, “The Inspector”, remake

For citation

Bal V. Yu. “Gogol’s text” in the plays by N. Kolyada (the poem “Dead souls” and the comedy “The Inspector”). *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 133–147. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/9

Судьба русской классики в современном театральном пространстве – это вопрос, обладающий бесспорной актуальностью. Актуализация классических произведений в форме ремейка – очевидная тенденция современной русской драматургии рубежа XX–XXI вв. [Любимцева, 2016; Нефагина, 1996; Смирнов, 2004]. Одним из оригинальных современных драматургов, который апеллирует к творческому наследию классики, является Н. Коляда [Марон, 2016, с. 141–184; Щербакова, 2013, с. 31–51]. По отношению к классическим произведениям Коляда использует творческий метод, который связан с «вживанием» в известные широкой публике сюжеты мировой литературы путем «встраивания» в них героев из современной российской повседневности [Щербакова, 2013, с. 32]. Используя терминологию Е. Г. Таразевич [2005], Коляда тяготеет к «ремейку-мотиву» и «ремейку-адаптации», которые позволяют ему создавать личное высказывание о вечных вопросах человеческого бытия в ситуации диалога с классиком.

Коляда часто вовлекает произведения Н. В. Гоголя в поле своих театральных экспериментов. В гоголеведении уже обозначена проблема творческого диалога между Гоголем и Колядой [Канарская, 2019; Лазарева, 2013; Марон, 2016; Журчева, 2013; Ципуштанова, 2012]. Авторы работ остановились не только на технической стороне рецептивной модели, перечисляя применяемые Колядой приемы классика, но и проанализировали смысловой эффект используемых прецедентных текстов. Исследователями была обозначена близость художественного мышления Коляды творческой манере Гоголя – совмещение комического и трагического, гротескно-натуралистического и экзистенциально-метафизического.

В то же время нет отдельных работ о рецептивном механизме комедии «Ревизор» и поэмы «Мертвые души» в творчестве Коляды¹. Исследовательский интерес представляют принципы сценического воплощения гоголевских текстов в ре-

¹ Интерпретации современных постановок «Ревизора» и «Мертвых душ» представлены в ряде работ, которые являют односторонний взгляд на эту проблему. Почти все современные режиссеры упрекаются в разрыве с национальной культурной традицией [Ким, 1999; Молчанова, 2016; Пращерук, Клягина, 2016; Ткач, 2016].

жиссерской обработке Коляды. Театральные постановки позволяют проследить, с одной стороны, механизмы творческого диалога современного автора с классиком, с другой стороны, принципы сценического воплощения классических произведений для современного зрителя.

Коляда не ограничивается в своих театральных постановках уровнем подстраивания под вкусы обывательской публики, несмотря на то, что известна его растиражированная творческая формула «Чтобы было понятно Маше с Уралмаша». Китчевое начало в постановках Коляды – это манипулятивный эффект, который позволяет запустить зрительский механизм критической рефлексии по отношению к классическому произведению². В постановках Коляды разговор о классике – это разговор о современности. В густой «оболочке» фарсового балагана постановок озвучиваются вечные бытийные вопросы, которые неизбежно прорываются на фоне любого социально-исторического ландшафта.

Премьеры обоих спектаклей состоялись в Коляда-театре (Екатеринбург): «Ревизор» в 2005 г., «Мертвые души» в 2013 г. Между этими постановками есть преемственность – логика драматургического действия в обоих связана с темами греха, возмездия и покаяния.

В инсценировках Коляда использует уже отработанный набор приемов, которые присутствуют во всех его спектаклях. В силу этой причины техническая сторона гоголевских постановок для нас не представляет исследовательского интереса, тем более что она уже описана в целом ряде работ [Щербакова, 2013; Старова, 2015]. Наш исследовательский фокус связан со смысловым эффектом, достигаемым средствами художественной выразительности театрального языка Коляды.

В обоих постановках Коляда отказывается от эстетической стилизации нраво-описательных картин национальной жизни. Режиссер использует емкие и неожиданные метафоры при изображении национального быта, цель которых не быть реалистически достоверными, а явить «шоковые» средства художественной выразительности.

Центральное место в постановке «Ревизора» принадлежит *земле*, введенной по принципу поп-арта в постановочную палитру³. С одной стороны, первый эффект, который создается введением «живого» материала в постановку, – это разрушение условности искусства и реализация гоголевской метафоры «Ревизора» как зеркала. Зеркала достаточно неприятного, смотреть в которое не очень хочется. Это разрушение четвертой стены сразу обозначает, что «Ревизор» – это комедия не только о прошлом России, но и настоящем.

С другой стороны, архетипический *образ земли* стал формой выражения нового содержания в творческой системе Гоголя [Иваницкий, 2000, с. 3]. Коляда, вводя земляную метафорику в постановку, идет не в разрез с гоголевским художественным мышлением, а, наоборот, вслед за ним⁴. Для Коляды важны не сказочно-

² Н. Г. Щербакова [2013] отмечает, что именно через китч в сценическом языке Коляды осуществляется связь между классическим искусством и зрителем – потребителем массовой культуры.

³ Использование натуральных материалов часто встречается в постановках Коляды. Например, в постановке «Корабль дураков» присутствует вода, в «Борисе Годунове» – плахи и сырое мясо.

⁴ «Земляная» тема имеет обширную традицию в гоголеведении. Начало ее рассмотрения связано с наблюдениями А. Белого [1934]. Затем смысловой потенциал мифологемы земли подчеркнул М. Виролайнен [1979], мистико-теософский аспект обозначил М. Вайс-

мифологические «земляные» сюжеты, связанные с архаическим мироощущением в ранних гоголевских циклах, а уже их выражение на уровне тропа, когда они «уходят в стиль» (Ю. В. Манн).

Коляда масштабирует в своей постановочной логике образ города как обиталища «свинных рыл». Режиссер помещает в центр сцены «земляной островок», по консистенции являющий именно образ трясины, бесформенной и разъезжающейся, генетически связанной с миргородской лужей и метонимически соотносимой с образом России. Безусловно, трясина ассоциативно связана с проблемой неустроенности дорожного пространства России. Но для Коляды вслед за Гоголем важна не столько физическая плоскость социально-экономической отсталости России, сколько метафизический взгляд на эту проблему. Взгляд, обнажающий торжество «животно-растительной земляной плоти» как формы псевдобытия [Иваницкий, 2000, с. 114]. Неизбежное прохождение всех действующих лиц через трясину буквализирует свиную ипостась чиновников, погрязших во грехе. Но в то же время оформление сценического пространства и костюмы актеров актуализируют оппозицию «чистота – грязь», соотносимую с оппозицией «праведность – грех». Обе оппозиции корреспондируют одновременно с физической и метафизической плоскостями существования героев. Оппозиции обозначаются через сценические действия очищения в буквальном смысле – тела, в символическом – души. Пространство сцены – это баня (деревянные разноуровневые лавочки, тазы, мочалки, висящие полотенца и проч.). Одевание героев, напоминающее «исподнее», подчеркивает банный контекст всего происходящего – они либо вот-вот пойдут в баню, либо только что вернулись. Банный топос имплицитно усиливает «обнаженную телесность» спектакля. Углубляется эффект обнаженной телесной натуралистичности «босоногостью» – герои обуты в традициях советской деревни в калоши на босу ногу, которые удобно снимать для мытья ног от грязи в тазу. Это внешнее действие героев «мытья / готовности к мытью тела», сопровождающее игру актеров, выступает как иронический комментарий к внутреннему действию, которое ориентировано на проблему духовной жизни героев, ее чистоты / праведности и греховности. Коляда разрушает традиционное представление о бедности и непритязательности одежды, покрывающей тело, как символе чистой души. Тела героев комедии в ветхих одеждах становятся миметическим выражением немиметического образа души. Непрерывающееся мытье ног во время всего действия спектакля становится символом суррогатного покаяния и очищения: грязь физическая получает метафизическую семантику.

Тема греха и покаяния продолжается в музыкальном сопровождении. Окольцовывает действие песенная обработка сказа «О двух великих грешниках» (1876) из неоконченной поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Один из ключевых образов некрасовской поэмы вводит тему «великого грешника». Музыкальный подтекст создает параллель между шайкой разбойников под предводительством Кудеяра-атамана и «командой» чиновников, во главе которой стоит Городничий, и актуализирует тему покаяния, связанную с идеей национального возрождения.

Встраивается в эту драматургическую логику и образ Хлестакова. Хлестаков самый *грязный* в постановке – гениальная сцена вранья сопровождается буквальным «кувырканием» в грязи, его «заваливают» грязью чиновники, принося ему

копф [2002], и комплексный анализ этого архетипа в диахроническом аспекте представлен у А. Иваницкого [2000].

подношения. С одной стороны, его миссия, всего вываленного в грязи, – быть физическим воплощением нечистой всеобщей чиновничьей совести, выступающей и заявляющей о себе вопреки тщательному и регулярному мытью. С другой стороны, вакханалия сочинительства, сопровождаемая упоительным вымазыванием себя в грязи, раздвигает границы образа Хлестакова, масштабируемого до образа «хлестаковщины» [Лотман, 1988]. Грязь становится участником его фантазий. Она и погоны, и должности, и послужные списки – всё лепится из грязи. Тем самым грязевая метафорика распространяется на государственный аппарат, порождением которого является трагическая личность Хлестакова. Манера актерской игры исполнителя роли Хлестакова (О. Ягодин), которой присущ задумчивый неподвижный взгляд, подчеркивает трагедию маленького человека, назначившего себя на короткий миг фельдмаршалом.

Дополнительный смысловой объем «грязевая метафорика» получает в порочной грязной сцене Хлестакова с дочкой и женой городничего. Свадебные наряды героинь в сцене усиливают визуальный эффект от их буквального вываливания в грязи Хлестаковым. Сцена вводит мотив поруганной женской чести, особенно если учитывать финал пьесы. Коляда через грязевую метафорику делает их жертвами, а точнее – преданными чиновниками. В сцене соблазнения они становятся своеобразной формой взятки.

Думается, что в этой сцене Коляда снижает и огрубляет эротику гоголевского патристического чувства, которая была представлена в мистическом гимне женщине-Родине в финале первой части поэмы «Мертвые души»⁵. В постановке происходит метонимический перенос, дочь и жена городничего, участвующие в сделке с нечистой силой, являют образ России поруганной и обесчещенной. Трагический «выверт» получает сюжет обручения Хлестакова с Марьей Антоновой в свете земледельческого мифа. Не Бог обручается с женщиной, олицетворяющей одновременно землю и народ, а сам дьявол творит над ней бесчинства. Представление в подобном ракурсе женских образов актуализирует блоковский подтекст, генетически восходящий к Гоголю [Белый, 1934, с. 294–297]. Мерцающие интертекстуальные вкрапления из стихотворения «Россия» (1908) приносят дополнительные смыслы в женские образы. Костюмы героинь – серые ватники поверх белых сорочек, изношенные шалевые платки, босые ноги обуты в калоши – создают натуралистическую тюремную убогость, перекликающуюся с образом нищей России, взгляд на которую вызывает «острожную тоску». Музыкальное сопровождение женских образов романсом Е. Д. Юрьева «В лунном сиянии...», являющее сентиментальный сюжет первой любви, ассоциативно соотносится с дорожной тоской блоковского лирического героя:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, –
Как слезы первые любви!
[Блок, 1988, с. 436].

В постановке происходит внешнее снижение блоковского микросюжета «какому хочешь чародею отдай разбойную красу» [Там же]. Мистическую подоплеку союза Хлестакова и Марьи Антоновны осознает сам Городничий, подчеркивая

⁵ Эротический подтекст патристического чувства впервые обозначил А. Белый [1934, с. 294–297], а затем М. Эпштейн [2015, с. 31–46] и М. Вайскопф [2002].

факт своего будущего родства с Дьяволом. Гоголевская оппозиция «Городничий – Хлестаков» реализуется противопоставлением мнимого дьявола и мнимого Бога. Эта самостоятельность Городничего, осуществляющего «товарообменные» действия во имя искупления грехов, выражается в его костюме. Герой одет в верхнее богослужбное облачение православного священника – фелонь.

Особое место в истории постановок гоголевского «Ревизора» принадлежит финалу – «немой сцене»⁶. Коляда отказывается от внешнего подражания гоголевским ремаркам, но сохраняет глубинный гоголевский смысл. Условно можно выделить три ключевых содержательных момента, которые важны для разговора о финале комедии: 1) трагический потенциал образа Городничего; 2) сценическая актуализация известия о приезде настоящего Ревизора; 3) постановка «немой сцены».

Трагический пафос образа Городничего снижен аккомпанементом гармонии. Аккомпанемент – какофония на разрыв – отражает крик возмущения и негодования Городничего. Актер показывает не раскаяние Городничего, а потерю своей репутации в глазах общественности. В финальной реплике Городничего сквозит только страх за свою карьеру и благополучие семьи, но не более.

Из постановки изъята фигура Жандарма – о прибытии настоящего Ревизора сообщают Добчинский и Бобчинский, которые абсолютно голые в этот момент забрасываются грязью. Это сценическое совмещение, с одной стороны, отражает ситуацию «нераскаяния» чиновников, с другой – материализует один из нюансов «всеобщего страха» (Ю. В. Манн) в комедии, когда страх связан не столько с боязнью быть разоблаченным и получить возмездие, сколько с боязнью стать «козлом отпущения» государственной системы. По-гоголевски «вымороченная» парадоксальность актуализируется Колядой, когда персонажи, не причастные к чиновничьему аппарату, но при этом испытывающие страх перед силой государственных вельмож, которая может либо карать, либо миловать, замыкают на себе известие как о ложном, так и об истинном ревизоре. Обозначается эффект, необходимый Гоголю, – осознание суда, источником которого являются именно Высшие силы, а не представитель полицейско-бюрократической государственной системы. Коляда, изымая из «немой сцены» картинность и скульптурность, дает свой ответ на вопрос о готовности чиновников предстать перед истинным Ревизором. Закольцовывание сценического действия песней «О двух великих грешниках» задает тему раскаяния. В инсценировке представлена ситуация после «немой сцены» – все чиновники стоят со склоненными головами. Отстоит от чиновников Городничий с подносом в руках, на котором одновременно самовар как знак приветствия гостя и свеча как знак духовного акта общения с Богом. В этой поляризации сценических атрибутов выражается открытость финала комедии, в котором сохраняется гоголевская «ситуация Ревизора».

Постановка поэмы «Мертвые души» продолжает традицию «Ревизора» в осмыслении темы суда и возмездия. В спектакле сохраняется эпический размах национальной жизни, который представлен через галерею помещиков в густом

⁶ Сегодня в гоголеведении существуют различные аспекты интерпретации «немой сцены» – литературоведческая [Манн, 2007, с. 198–204], живописная [Лебедева, 2001], театральная [Купцова, 2003; Манн, 2003], подтверждающие ее исключительный смысловой резерв. Эта многослойность интерпретаций усложняет задачу ее сценического воплощения. Учитывая изумительный сценический эксперимент В. Мейерхольда с восковыми фигурами, творческая задача становится почти невыполнимой. В этом смысле экзамен на постановку «Ревизора» – это во многом экзамен на воплощение «немой сцены».

окружении народной толпы. Коляда через актуализацию темы суда вносит драматическое напряжение, необходимое для сценического воплощения, которого нет в исходном литературном материале.

Коляда отказывается от эстетической стилизации помещичьего быта. Режиссер, являя фарсовую версию национальной жизни, максимально сближает гоголевскую Россию с современной. Логика постановки Коляды – это не размеренное нравоописательное повествование от помещика к помещику, а фокусировка на изображении стихии народной жизни. В инсценировке представлено большое количество массовых народных сцен в духе народного балагана. Обе части постановки открываются отрывками из «Антиформалистического райка» Дм. Шостаковича, отразившего отношение композитора к пропагандистской компании за народность и против антинародности и формализма в музыке. Эта музыкальная «увертюра» актуализирует «мысль народную» как ключевую для постановки и подготавливает зрителя к неожиданным приемам ее сценической актуализации, в которой не будет идеализации и возвеличивания великого русского народа.

Сцена в постановке – это пространство бесконечных массовых сцен, в которых есть место застольям, песням и пляскам. На месте лирических размышлений о русском народе наглядное представление его коллективного портрета в массовых сценах. Сценическому воплощению коллективного портрета не присуще изображение истинно народного духа, а наоборот, – псевдонародного. Псевдонародного в значении поверхностного, связанного с массовыми стереотипами в формах «сувенирной идентичности» в пространстве массовой культуры. Массовые сцены являют сниженный вариант народной ярмарки, в которой центральное место занимает танцующий, поющий и участвующий в застольях русский народ под «попсовые» и «шансонные» песни. Вся музыкальная подборка песен выражает в сниженном варианте ключевые идеи русской картины мира: дорога, воля, простор⁷. Через музыкальную подборку иронически трансформируется гоголевская формула, *те песни, которые могли родиться только у народа, привыкшего к широким пространствам*. Музыкальная стихия массовой музыкальной культуры становится выражением «коллективного бессознательного», создающего иллюзию суррогатного народного единства.

Но в постановке у фарсового представления стихии народной жизни есть второе дно, которое связано с актуализацией вопросов жизни и смерти. Актеры обряжены в облегающие костюмы, сочетающие в своем принте одновременно мотивы жостовской росписи, отсылающей к формам сувенирной идентичности, и рентгеновского снимка человека (особенно это видно на примере нижних конечностей). Многие танцы сопровождаются размахиванием хвойными букетами, отсылающими к русской традиции погребальных ритуалов. Лейтмотивом является поза неподвижного замирания актеров с раскрытыми ртами. В ремарке жест обозначен «будто после апоплексического удара» [Коляда, 2017, с. 205]. Визуально этот сценический жест отсылает к картине Мунка «Страх», которая является символом экзистенциального ужаса. Эта фиксация «постапоплексического» состояния становится своеобразной вариацией «немой сцены».

⁷ Гр. «Белый день» («Галина»), И. Слуцкий («Калина красная»), гр. «Високосный год» («Тихий огонек»), Олег Митяев («За туманом»), В. Цыганова («Русская водка»), гр. «Любэ» («От Волги до Енисея»), И. Газманов («Как хотели за меня всё решать»), «Ах ты доля моя доля»), Елена Ваенга («Тайга»).

Проступающее сквозь стилистику народного промысла напоминание о быстротечности и конечности жизни отсылает к сюжету макабрических танцев и привносит дополнительный жанрово-родовой оттенок в постановку – традицию аллегорической драмы «пляска смерти»⁸. Это жанровое вкрапление актуализирует тему Страшного Суда. В этой логике особую смысловую нагрузку приобретает сюжет продажи мертвых душ, который наполняет дополнительными смысловыми оттенками образы действующих лиц. Коляда вопреки исследовательской традиции в гоголеведении высвечивает в образе Коробочки экзистенциальную глубину [Канарская, 2019]. Сюжетная ситуация поездки Коробочки вслед за Чичиковым приобретает метафизическое измерение. Изначально отправляясь в город для уточнения вопроса о цене мертвых душ, она оказывается включенной в сюжетную реализацию Страшного Суда. Причем в гоголевском исходном тексте она имплицитно его прогнозировала вопросом Чичикову: «Не хочет ли мертвых душ из земли откапывать?». Ее драматургическое первенство проступает на фоне городских дам. Если для Коробочки вопрос о продаже мертвых душ усложняется по мере развития действия, то для дам он уплощается. Поверхностный взгляд городских дам на вопрос о продаже мертвых душ отражается в сценической атрибутике постановки. Атрибутике, которая связана не с религиозными, а с мистико-спиритуалистическими ассоциациями – к актерам в определенные моменты липнут металлические ложки, тарелки на столах начинают вертеться.

Представление Коробочки в фокусе сюжета Страшного Суда не дискредитирует ее образ как самой страшной грешницы, а, наоборот, изображает способной к раскаянию. Если обвиняемая на Страшном Суде – это Коробочка, то главный обвинитель – сам Гоголь, а свидетели обвинения – незримо присутствующие в видении Селифана восставшие мертвецы:

Глянь-ка, вылезли из нор какие-то тюрюки и байбаки... Будто на Страшном Суде поднялись из-под земли обглоданные червями скелеты... А еще вышел на улицу кто-то, будто Смерть, худой, какой-то длинный, длинный, с простреленной рукою – такого высокого роста, какого даже и не видно было. Барин, они бледны, бледны, один другого костистей, стали вокруг кибитки, того и гляди – растерзают, барин... [Коляда, 2017, с. 226].

Главный оживший мертвец Гоголь нагляден и узнаваем. Модификация образа оживающего мертвеца в образе оживающего памятника классику представляет его как проводника божественной правды, вершащего возмездие. Судейская интонация ожившего гоголевского памятника – это доведенная до предела Учительская интонация русского писателя.

Финалы первого и второго действия схожи вопросом Гоголя «Что, Настасья Петровна, торговала мертвыми душами?», но различаются ответами «подсудимой». Если в конце первого действия Коробочка признается, и одновременно ее охватывает раскаяние:

⁸ Подчеркивание бренности жизни на фоне ее радостей отсылает к средневековой традиции, которая наглядно была представлена на обложке поэмы, выполненной самим Гоголем. Обложка, в которой ведущее место принадлежит мотиву черепа, восходит к жанру ванитас. Философия этого средневекового жанра живописи нашла непосредственное выражение в нравственном смысле гоголевской поэмы [Джулиани, 2010].

Господи, да что же я наделала? Продала мертвых людей своих... <...>
Зачем я их продала? Кому? Зачем я это сделала? Зачем я это сделала? Зачем?
[Коляда, 2017, с. 227],

то в конце второго действия постановки возникает спасительный аргумент:

Не продавала, нет... Не продавала... Покойника-то своего, Ивана Петровича Коробочку, я не продала ли? Нет, он у меня дома остался, за часами лежит... Хотя я его оставила, слава Богу, хоть душу его не продала... Не продавала! Не продавала! Не продала! Не продала! [Там же, с. 255].

В образ Коробочки привносятся сентименталистские коды, которые свойственны поэтике авторских пьес Коляды [Дубровина, 2013]. Этот смысловой поворот снимает напряжение метафизической трагедии введением элемента «слезной драмы», который высвечивает в героине способность к естественному чувству любви, выступающую залогом оживления мертвой души.

В отношении помещиков Коляда идет по пути радикального осовременивания: типаж гоголевской эпохи заменяется типажом современной России. На наш взгляд, удачным это решение сложно назвать. Замены весьма спорны, например, Собакевича актер наделяет манерой говорения и мимикой Б. Н. Ельцина, Плюшкин – это бывший криминальный авторитет.

Образ Чичикова тяготеет к театральной традиции представления его как плута. Актер подчеркивает в нем циничного афериста. Усиливается циничное предпринимательское начало в словесной перепалке с Коробочкой. Чичиков бросает обвинение в дубиноголовости не только в ее адрес, но и всего русского народа:

О, великий русский народ! До чего ж вы все тут дубиноголовые! Эх,
Русь, тройка, Родина моя дубиноголовая! Эх! [Коляда, 2017, с. 215].

Соотнося это обвинение с местом, которое Коробочка занимает в постановке, мы видим, что она метонимически выражает весь русский народ⁹. На эволюцию об-

⁹ В этом уподоблении старухи всей России не столько прочитывается ирония над эротикой патристического гоголевского чувства, сколько возникают ассоциации со стихотворением Евтушенко «Старухи»:

...В *воротничках немодных отложных* (курсив мой. – В. Б.),
почти бесплотны, чай старухи пили,
но благодарно видел я, что в них
воплощены черты России были
[Евтушенко, 1980, с. 20].

Это стихотворение к Гоголю никакого отношения не имеет, а соотносится с литературными настроениями, нашедшими выражение в деревенской прозе, прежде всего в творчестве В. Распутина. Настроениями, которые отразили пессимистический взгляд на судьбу нравственных основ национальной жизни. Одновременно оно полемически обыгрывает блоковский традицию представления России как молодой женщины:

К старухам не пристал налет блатной,
и в *стеганках, служивших им без срока* (курсив мой. – В. Б.),
одергивали чей-то мат блажной
надменным взором незнакомок Блока
[Там же].

Стоит также обратить внимание, что серый ватник Коробочки в постановке декорирован кружевным воротничком.

раза Коробочки указывает смена ее костюма. Если вначале она появляется в пестром облегающем костюме, принт которого выполнен в духе народных промыслов, то к «судебному» моменту она одета в серый поношенный ватник, а цветной розовый берет заменен на темный головной платок. Ассоциативная память опознает в последнем наряде Коробочки метафору тяжелой жизни русского народа в катаклизмах истории XX в. Этот шлейф ассоциаций масштабирует образ Коробочки, включая ее в одну из магистральных тем русской литературы – темы народа.

В свете этой подачи образа помещицы актуализируется именно сюжетная ситуация столкновения Чичикова и народа. Усиление этого столкновения происходит также в силу того, что Чичиков произносит многие лирические отрывки с едкой иронической интонацией. В противовес подобной трактовке лирических поэзных отступлений выступает только судебная функция оживающего памятника Гоголю. Главный перл Чичикова, настойчиво повторяемый на протяжении всей постановки, – «Вперед, Россия», откровенным образом профанирует финал гоголевской поэмы, который пронизывает мучительный вопрос «Русь, куда несешься ты?..». Профанируется не только идея национального пути развития, но и национальной идентичности. В постоянных понуканиях Селифана Чичиков подчеркивает, что любовь к быстрой езде – это национальное качество, в случае отсутствия любви – лишение национальной принадлежности. В подобной режиссерской подаче лирических фрагментов поэмы происходит демонстрация фальшиво-патриотического пафоса:

Эх, жизнь! Эх, Родина моя! До чего же все зачудительно! До чего же люблю я эти перелески и пригорки, этих великих русских людей! Да гони ты, Селифан, скотина ты эдакая, не любишь ты что ли быстрой езды?! [Коляда, 2017, с. 247].

Финал второго последнего действия в постановке условно распадается на две части. Первая часть – это реплика Чичикова, который замирает перед тайной Руси, произнося без иронии последний лирический пассаж поэмы. Вторая часть – это авторская ремарка:

Едет Чичиков по России. Велика Россия. Много Чичиковых [Коляда, 2017, с. 255].

В подобном столкновении переосмысливается конфликт идеала и реальности. Продолжая логику Гоголя – представления Чичикова как национального сверхтипа, Коляда в то же время высвечивает в нем не предпринимательскую угодливость, а циничный патриотизм. В Чичикове Коляды гипертрофировано чувство презрения к русскому народу, он упивается своей ловкостью его обмана. Идеальная ситуация прозревания мистической тайны Руси – это своеобразный путь духовного возрождения, который Коляда допускает для Чичикова и, пожалуй, даже героя своего времени с его циничным «чувством Родины».

Подводя итоги, можно сказать, что в драматургических ремейках Коляда сохраняет аксиологические и онтологические гоголевские смыслы. Обращаясь к произведениям, которые явили исключительную глубину осмысления метафизических основ национальной жизни, режиссер в своих инсценировках в неразрывном единстве актуализирует проблемы национальной и экзистенциальной идентичности. Сохраняется (в случае с «Ревизором»), привносится (в случае с поэмой «Мертвые души») драматическое начало, позволяющее усилить звучание темы суда и возмездия, греха и покаяния. Гоголевский метафизический взгляд

на реальность и человека созвучен магистральному сюжету Коляды, «сюжетный пик» которого связан с переходом от «пороговой ситуации» к «пороговому сознанию» [Лейдерман, 1997].

В случае с комедией «Ревизор» Коляда усиливает драматургическое действие банно-грязевой метафорикой и музыкальным сопровождением. В своей интерпретации комедии он отказывается от воспроизведения характеров, развитие которых движет сюжет. Тем самым Коляда отходит от жанрового компонента «комедии характеров», усиливая именно фарсовое и гротескное начало, которое он подчеркивает подзаголовком «народная комедия».

Более существенные трансформации происходят с текстом поэмы. Размеренное эпическое повествование в инсценировке сменяется площадным балаганом, имитирующим коллективную народную жизнь. На фоне этого гротескного изображения народной жизни, имеющего визуальный подтекст средневековой моралистической живописной традиции, с большей очевидностью обозначается сюжетный пик «пороговой ситуации», связанной с образом Коробочки. В силу этой жанровой сценической трансформации поэмы изменяется функция авторского начала, которое трансформируется в образ оживающего памятника, воплощающего праведный гнев Высших сил. Трансформации подвергается и образ Чичикова. Из семантического поля его образа изымается онтологическая проблематика, связанная с манипуляциями между жизнью и смертью, но остается социальная и нравственно-этическая. Обе постановки в совокупности актуализируют особый взгляд на гоголевские женские образы в свете традиции русской литературы осмыслить Родину через образы матери, жены, возлюбленной. В трактовке женских образов Коляда проявляет самостоятельность, привнося дополнительные смыслы из культурного поля русской поэзии XX в.

Список литературы

- Блок А. А. Избр. соч. М., 1988. 688 с.
- Виролайнен М. Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя) // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 125–141.
- Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002.
- Джулиани Р. О жанре и источниках обложки «Мертвых душ» // Н. В. Гоголь и его Творческое наследие. X Гоголевские чтения: Сб. докл. М., 2010. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1433/> (дата обращения 01.02.2019).
- Дубровина И. В. Функционирование сентименталистских кодов в поэтике современной драмы (на материале драматургии Н. Коляды): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Евтушенко Е. Е. Избр. соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2.
- Журчева О. В. Миметическое и немиметическое в новейшей русской драме: «гоголевская трилогия» Николая Коляды // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 68–71.
- Иваницкий А. И. Гоголь. Морфология земли и власти. М., 2000. 188 с.
- Канарская Е. И. Двоемирие в художественной системе Н. В. Коляды: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2019. 276 с.
- Ким М. Х. Драматургия Гоголя и ее сценическое воплощение: Дис. ... канд. искусств. М., 1999. 157 с.

Коляда Н. В. Мертвые души // Коляда Н. Собр. соч.: В 12 т. Екатеринбург, 2017. Т. 11. С. 188–256.

Купцова О. Н. «Ревизор»: «явление последнее» (о театральной истории «немой сцены») // Н. В. Гоголь и театр. III Гоголевские чтения: Сб. докл. М., 2003. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1674/> (дата обращения 21.03.2020).

Лазарева Е. Ю. Н. В. Гоголь в экзистенциальной интерпретации Н. Коляды // Преподаватель. XXI век. 2013. № 1. С. 351–355.

Лебедева О. Б. Брюллов. Гоголь. Иванов. Поэтика «немой сцены» – «живой картины» комедии «Ревизор» // Поэтика русской литературы. К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сб. ст. М., 2001. С. 113–126.

Лейдерман Н. Л. Драматургия Николая Коляды: Критический очерк. Каменск Уральский, 1997.

Лотман Ю. М. О Хлестакове // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 293–325.

Любимцева Л. Н. Драматургические ремейки в русской литературе конца XX – начала XXI века: к вопросу о типологии жанра // Восточнославянская филология: Сб. науч. тр. Горловка, 2016. Вып. 2 (26): Литературоведение. С. 116–121.

Манн Ю. В. Мейерхольдовский «Ревизор» в аспекте театральной традиции // Н. В. Гоголь и театр. III Гоголевские чтения: Сб. докл. М., 2003. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1678/> (дата обращения 01.02. 2019).

Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Марон А. Формы выражения авторского сознания в драматургии Николая Коляды: Дис. ... д-ра филол. наук. Жешув, 2016.

Молчанова С. В. Хрестоматийный спектакль без гоголевского финала // Пушкин и Гоголь в современном театре. Право на классику: Материалы научных экспертных семинаров. М.: Институт Наследия, 2016. С. 24–29.

Нефагина Г. Л. «Римейк» в современной русской литературе // Взаимодействие литератур в мировом славянском процессе: Сб. науч. тр. Гродно, 1996. Вып. 2. С. 145–158.

Пращерук Н. В., Клягина Л. Р. Колядагоголь. О спектаклях «Ревизор», «Мертвые души», «Женитьба» // Пушкин и Гоголь в современном театре. Право на классику: Материалы научных экспертных семинаров. М.: Институт Наследия, 2016. С. 16–24.

Старова Е. А. Драматургия Николая Коляды как свертхтекстовое единство: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2015.

Смирнов С. Р. Римейк (парафраза) в «новой русской драме» // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное изменение пространства: Сб. ст. Иркутск, 2004. С. 305–308.

Таразевич Е. В. Римейк в современной русской драматургии // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: Сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2005. Ч. 1. С. 318–321.

Ткач Т. С. Петербургская гоголиада. Диалог с автором или режиссерский монолог о себе? // Пушкин и Гоголь в современном театре. Право на классику: Материалы научных экспертных семинаров. М.: Институт Наследия, 2016. С. 29–30.

Ципуштанова М. А. Гоголевский текст в творческой рецепции Николая Коляды (пьеса «Старосветская любовь») // Вестник Удмурт. ун-та. 2012. Вып. 4. С. 43–45.

Щербакова Н. Г. Театральный феномен Н. Коляды: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2013.

Эпштейн М. Родина-ведьма // Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М.: НЛО, 2015. С. 31–47.

References

Blok A. A. *Izbr. soch.* [Selected works]. Moscow, 1988, 688 p.

Dubrovina I. V. *Funktsionirovanie sentimentalistskikh kodov v poetike sovremennoy dramy (na materiale dramaturgii N. Kolyady)* [The functioning of sentimentalist codes in the poetics of modern drama (based on the material of dramaturgy by N. Kolyada)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2014.

Dzhuliani R. O zhanre i istochnikakh oblozhki “Mertvykh dush” [About the genre and sources of the cover of Dead Souls]. In: *N. V. Gogol' i ego Tvorcheskoe nasledie. 10 Gogolevskie chteniya: Sb. dokl.* [N. V. Gogol and his creative heritage. The 10th Gogol's readings: coll. of reports]. Moscow, 2010. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1433/> (accessed: 21.03.2020).

Epshteyn M. Rodina-ved'ma [Motherland-witch]. In: *Ironiya ideala. Paradokсы russkoy literatury* [The irony of the ideal. Paradoxes of Russian literature]. Moscow, New Literary Observer, 2015, pp. 31–47.

Evtushenko E. E. *Izbrannye sochineniya: V 2 t.* [Selected works: In 2 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1980, vol. 2.

Ivanitskiy A. I. *Gogol'. Morfologiya zemli i vlasti* [Gogol. Morphology of the earth and power]. Moscow, 2000, 188 p.

Kanarskaya E. I. *Dvoemirie v khudozhestvennoy sisteme N. V. Kolyady* [World duality in the artistic system of N. V. Kolyada]. Cand. philol. sci. diss. Nizhniy Novgorod, 2019, 276 p.

Kim M. Kh. *Dramaturgiya Gogolya i ee stsenicheskoe voploshchenie* [Gogol's dramaturgy and its stage embodiment]. Cand. of art sci. diss., Moscow, 1999, 157 p.

Kolyada N. V. Mertvye dushi [Dead souls]. In: Kolyada N. *Sobr. soch.: V 12 t.* [Collected works: In 12 vols]. Ekaterinburg, 2017, vol. 11, pp. 188–256.

Kuptsova O. N. “Revizor”: “yavlenie posledneye” (o teatral'noy istorii “nemoy stsiny”) [“The Examiner”: “the latest phenomenon” (about the theatrical history of the “silent scene”)]. In: *N. V. Gogol' i teatr. 3 Gogolevskie chteniya: Sb. dokl.* [N. V. Gogol and the theater. The 3rd Gogol's readings: coll. of reports]. Moscow, 2003. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1674/> (accessed: 21.03.2020).

Lazareva E. Yu. N. V. Gogol' v ekzistentsial'noy interpretatsii N. Kolyady [Gogol in the existential interpretation of N. Kolyada]. *Prepodavatel XXI vek.* 2013, no. 1, pp. 351–355.

Lebedeva O. B. Bryullov. Gogol'. Ivanov. Poetika “nemoy stsiny” – “zhivoy kartiny” komedii “Revizor” [Bryullov. Gogol. Ivanov. The poetry of the “silent scene” – “live painting” comedy “Examiner”]. In: *Poetika russkoy literatury. K 70-letiyu professora Yu. V. Manna* [The poetics of Russian literature. To the 70th anniversary of Professor Yu. V. Mann]. Moscow, 2001, pp. 113–126.

Leyderman N. L. *Dramaturgiya Nikolaya Kolyady: Kriticheskiy ocherk* [Drama by Nikolai Kolyada: A critical essay]. Kamensk Ural'skiy, 1997, 160 p.

Lotman Yu. M. O Khlestakove [About Khlestakov]. In: *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol': Kniga dlya uchitelya* [At the school of poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol. A book for the teacher]. Moscow, 1988, pp. 293–325.

Lyubimtseva L. N. Dramaturgicheskie remeyki v russkoy literature kontsa 20 – nachala 21 vekov: k voprosu o tipologii zhanra [Dramaturgical remakes in Russian literature of the late 20th – early 21st centuries: on the question of the typology of the genre]. In: *Vostochnoslavianskaya filologiya: sb. nauch. tr.* [East Slavic philology: Collection of sci. papers]. Gorlovka, 2016, iss. 2 (26): Literaturovedenie [Literary studies], pp. 116–121.

Mann Yu. V. Meyerkhol'dovskiy “Revizor” v aspekte teatral'noy traditsii [Meyerhold's “Examiner” in the aspect of theatrical tradition]. In: N. V. Gogol' i teatr. 3 Gogolevskie chteniya: Sb. dokl. [N. V. Gogol and the theater. The 3rd Gogol's readings: coll. of reports]. Moscow, 2003. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1678/> (accessed: 21.03.2020).

Mann Yu. V. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's creativity: meaning and form]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ. H., 2017.

Maron A. *Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v dramaturgii Nikolaya Kolyady* [Forms of expression of the author's consciousness in Nikolai Kolyada's drama]. Dr. philol. sci. diss. Rzeszów, 2016, pp. 141–184.

Molchanova S. V. Khrestomatiynyy spektakl' bez gogolevskogo finala [A textbook performance without Gogol's finale]. In: *Pushkin i Gogol' v sovremennom teatre. Pravo na klassiku: Materialy nauchnykh ekspertnykh seminarov* [Pushkin and Gogol in a modern theater. The right to the classics: materials of sci. expert. seminars]. Moscow, Institut Naslediya, 2016, pp. 24–29.

Nefagina G. L. “Rimeyk” v sovremennoy russkoy literature [“Remake” in modern Russian literature]. In: *Vzaimodeystvie literatur v mirovom slavyanskom protsesse: Sb. nauch. tr.* [The interaction of literature in the world Slavic process: Coll. of sci. papers]. Grodno, 1996, iss. 2, pp. 145–158.

Prashcheruk N. V., Klyagina L. R. Kolyadagogol'. O spektaklyakh “Revizor”, “Mertvye dushi”, “Zhenit'ba” [On the performances of “The Examiner”, “Dead Souls”, and “Marriage”]. In: *Pushkin i Gogol' v sovremennom teatre. Pravo na klassiku: Materialy nauchnykh ekspertnykh seminarov* [Pushkin and Gogol in a modern theater. The right to the classics: materials of sci. expert. seminars]. Moscow, Institut Naslediya, 2016, pp. 16–24.

Shcherbakova N. G. *Teatral'nyy fenomen N. Kolyady* [Theatrical phenomenon of N. Kolyada]. Cand. of art sci. diss., St. Petersburg, 2013.

Smirnov S. R. Rimeyk (parafraza) v “novoy russkoy drame” [Remake (paraphrase) in the “new Russian drama”]. In: *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmenenie prostranstva: sbornik statey* [Siberia: a look from the outside and from the inside. Spiritual change of space: coll. of art.]. Irkutsk, 2004, pp. 305–308.

Starova E. A. *Dramaturgiya Nikolaya Kolyady kak sverkhstekstovoe edinstvo* [The dramaturgy of Nikolai Kolyada as a supertext unity]. Abstract of Cand. philol. sci. diss., Samara, 2005.

Tarazevich E. V. Rimeyk v sovremennoy russkoy dramaturgii [A remake of contemporary Russian drama]. In: *Sovremennaya russkaya literatura: problemy izucheniya i prepodavaniya: Sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Russian Literature: Problems of Study and Teaching: Coll. of art. on the materials of the intern. sci.-pract. conf.]. Perm', 2005, pt. 1, pp. 318–321.

Tkach T. S. Peterburgskaya gogoliada. Dialog s avtorom ili rezhisserskiy monolog o sebe? [Petersburg “gogoliada.” Dialogue with the author or director's monologue about himself?]. In: *Pushkin i Gogol' v sovremennom teatre. Pravo na klassiku: Materialy nauchnykh ekspertnykh seminarov* [Pushkin and Gogol in a modern theater.

The right to the classics: materials of sci. expert. seminars]. Moscow, Institut Naslediya, 2016, pp. 29–30.

Tsipushtanova M. A. Gogolevskiy tekst v tvorcheskoy retseptsii Nikolaya Kolyady (p'esa "Starosvetskaya lyubov") [Gogol's text in the creative reception of Nikolai Kolyada (play "Starosvetskaya lyubov")]. *Bulletin of Udmurt University*, 2012, iss. 4, pp. 43–45.

Vayskopf M. *Syuzhet Gogolya. Morfologiya. Ideologiya. Kontekst* [The plot by Gogol. Morphology. Ideology. Context]. Moscow, RSUH, 2002, 689 p.

Virolaynen M. Mir i stil' ("Starosvetskie pomeshchiki" Gogolya) [Peace and style ("Old world landowners" by Gogol)]. *Voprosy literatury*. 1979, no. 4, pp. 125–141.

Zhurcheva O. V. Mimeticheskoe i nemimeticheskoe v noveyshey russkoy drame: "gogolevskaya trilogiya" Nikolaya Kolyady [Mimetic and non-mimetic in the latest Russian drama: "Gogol's trilogy" by Nikolai Kolyada]. *Samara Journal of Science*. 2013, no. 4 (5), pp. 68–71.

Сведения об авторе

Баль Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

balverbal@gmail.com

ORCID 0000-0001-8786-0617

Information about the author

Vera Yu. Bal – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of General Literary Studies, Publishing and Editing of National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

balverbal@gmail.com

ORCID 0000-0001-8786-0617

**Вторичная долгота гласных
в говорах теленгитского диалекта алтайского языка**

А. К. Дарыджы

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Работа основана на лингвистическом материале, собранном автором в районах компактного проживания теленгитов. Проведенное исследование полевого материала позволило выявить долгие гласные в говорах теленгитского диалекта алтайского языка. Анализ данных гласных дал возможность сделать заключение о природе их возникновения: они имеют вторичное происхождение, т. е. являются результатом фонетических процессов – компенсация выпавшего конечного согласного словоформы; стяжение двух гласных в один слог в результате выпадении интервокального согласного; слияние гласных на стыке морфем.

Ключевые слова

алтайский язык, теленгитский диалект, кош-агачский говор, улаганский говор, вокализм, вторичная долгота гласных

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Дарыджы А. К. Вторичная долгота гласных в говорах теленгитского диалекта алтайского языка // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 148–157. DOI 10.17223/18137083/73/10

**Secondary vowel longitude
in the sub-dialects of Telengit dialect of the Altai language**

A. K. Darydzhy

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Telengit dialect is one of the southern dialects of the Altai language, with the native speakers living in the South-Eastern part of the Altai Mountains, mostly in the Kosh-Agach and Ulagan

© А. К. Дарыджы, 2020

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2020. № 4

Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

districts of the Altai Republic. There are two sub-dialects in the Telengit dialect: Kosh-Agach and Ulagan, named after the administrative districts. The research materials are the linguistic data collected by the author in the areas of compact residence of Telengits. The paper aims at describing secondary vowel longitude in the sub-dialects of the Telengit dialect of the Altai language in a comparative aspect. Research objectives were identifying the secondary long vowels, describing the phonetic processes that produce this type of longitude, and comparing this phonetic phenomenon with similar processes in the Northern dialects of the Altai language and other Turkic languages of southern Siberia. Long vowels in the Telengit sub-dialects have a secondary origin, i.e., they are the result of phonetic development. The main ways of longitude formation in the Telengit sub-dialects are compensation of the fallen final consonant of the word form, the contraction of two vowels in one syllable due to the loss of the intervocalic consonant, and the fusion of vowels at the junction of morphemes. The secondary longitude formed due to the dropped auslaut consonant replacement is characteristic of the Altai southern dialects, including the Telengit sub-dialects. The longitude formed by the intervocalic consonant loss and the morpheme junction is characteristic of the entire South Siberian area of the Turkic languages.

Keywords

Altai language, Telengit dialect, Kosh-agach sub-dialect, Ulagan sub-dialect, secondary vowel longitude

Acknowledgments

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Darydzhy A. K. Secondary vowel longitude in the sub-dialects of Telengit dialect of the Altai language. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 148–157. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/10

Теленгитский диалект – один из южных диалектов алтайского языка, носители которого локализируются в юго-восточной части Горного Алтая и наиболее компактно проживают в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Алтай.

В 2000 г. теленгиты были отнесены к коренным малочисленным народам Российской Федерации (Постановление Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта). По результатам Всероссийской переписи 2010 г.¹ теленгитов насчитывается 3 712 человек.

В данной работе речь теленгитов населенных пунктов, имеющих ряд общих специфических черт, мы определяем как говор. В теленгитском диалекте мы выделяем два говора – кош-агачский и улаганский, названные так по административным районам.

Целью данной статьи является описание вторичной долготы в говорах теленгитского диалекта алтайского языка в сопоставительном аспекте.

Задачи исследования: выявление вторичных долгих гласных; описание фонетических процессов, при которых возникает данный тип долготы; сопоставление данного фонетического явления с подобными процессами в северных диалектах алтайского языка, а также в других тюркских языках Южной Сибири.

В тюркских языках принято выделять первичные и вторичные долготы гласных. По мнению И. Я. Селютиной, «проведенные экспериментально-фонетиче-

¹ <https://clck.ru/R7PT3>

ские исследования показывают факультативное произношение так называемых первичных долгих гласных в алтайском литературном языке и его диалектах, т. е. первичная долгота гласных как система в алтайском языке не сохранилась» [Селютина, 2002, с. 75].

Вторичная долгота гласных в тюркских языках образуется: 1) вследствие выпадения согласных в интервокальной позиции и последующего стяжения гласных *müüs < müjüz ~ mügüz* ‘рог’ [ДТС, с. 352], *yur < oğur < aqır* ‘тяжелый’ [Там же, с. 18]; 2) в результате замещения выпавшего звука *туу < тау* ‘гора’ [Там же, с. 526], *суу < суу* ‘вода’ [Там же, с. 513], *буу < бау* ‘узел’ [Там же, с. 77] и др.

Н. П. Дыренкова в алтайском языке выделяет долготы различного происхождения: 1) «долгота и удвоение гласного во многих словах являются результатом выпадения тех или иных звуков, особенно часто – заднеязычного *ɣ* (*g*) – удлинение гласного стяженного слога: *ичеен – ичеген* ‘нора’, *сүүн – сүгүн* ‘радоваться’, *ээр (эзер)* ‘седло’; 2) долгота гласного наблюдается в стяженных формах в результате выпадения согласного неударного аффикса: *баладаа – баладагы* ‘находящийся у ребенка’, *кемеге – кемее* ‘в лодку’; 3) долгота гласного наблюдается при присоединении к основе, оканчивающейся на гласный, аффиксов, начинающихся с гласного, например будущее время глагола: *иште+ер* ‘он будет работать’, *бед-ре+ер* ‘он будет искать’» [Дыренкова, 1940, с. 24–25].

Г. Ф. Бабушкин считал, что «в теленгитском диалекте образование вторичных долгот гласных, по-видимому, относится к разным историческим периодам. К более раннему периоду относятся, видимо, долготы типа *сөөк* ‘род’, *жаан* ‘большой’, *оок* ‘мелкий’, *уул* ‘парень’, которые в современном языке не объяснимы, а объясняются лишь исторически» [Бабушкин, 1966, с. 169]. «Примерно к этому же времени, т. е. к среднетюркскому периоду, относится исчезновение велярного *ɣ* в словах *суг* ‘вода’, *таг* ‘гора’ и др. и образование дифтонгов, а также и долгих гласных *у* в алтайском и части его диалектов. Переход сочетаний гласного *ɛ / ɜ* в долгие гласные произошел на почве совместного развития тюркских языков Сибири и монгольских языков» [Баскаков, 1958, с. 44].

Долгие гласные в говорах теленгитского диалекта, как и в алтайском литературном языке, вторичного происхождения, т. е. являются результатом фонетического развития. Долгота, образованная путем выпадения тех или иных согласных, встречается в рассматриваемых говорах чаще и охватывает большее количество словоформ, чем в алтайском литературном языке.

Большое число вторичных долгих гласных в теленгитском диалекте возникло в результате элизии согласного типа *-ɣ-* в интервокальной позиции (табл. 1).

Таблица 1

Вторичные долгие в именных основах теленгитского диалекта

Table 1

Secondary long vowels in the nominal bases of the Telengit dialect

Теленгитский диалект	Алтайский литературный язык
к-а. <i>чеедек</i> , улг. <i>чөөдэк</i>	<i>чегедек</i> ‘накидка замужней женщины’
к-а, улг. <i>тарбаан</i>	<i>тарбаган</i> ‘сурок’
к-а. <i>төрбөн</i> , улг. <i>төрбән</i>	<i>төрбөгөн</i> ‘родственник’
к-а. <i>оббөн</i> , улг. <i>оббән</i>	<i>оббөгөн</i> ‘мужчина’
к-а. <i>эмеен</i> , улг. <i>эмән</i>	<i>эмеген</i> ‘женщина’
к-а. <i>телеен</i> , улг. <i>телән</i>	<i>тейлеген</i> ‘коршун’

Примечательно, что у носителей алтайского литературного языка в устной речи констатируется вариативное произношение вышеперечисленных слов с долгими гласными: *төрбөн* ‘родственник’, *тарбаан* ‘сурок’ и др.

(1)

к-а. Торколой алтай кем-кийим, *эмеен* тон, *чеедек*, бычкак бөрүк үсе көктөр.

Торколой=Ø алтай кеп=Ø кийим=Ø эмеен
Торколой=NOM алтайский форма=NOM одежда=NOM женский
тон=Ø чеедек=Ø бычкак=Ø
пальто=NOM накидка=NOM шкура лап животных=NOM
бөрүк=Ø үсекö ктö=өр
шапка=NOM всё шить=PrP/3

‘Торколой шьёт всё, и алтайскую национальную одежду, и женское пальто, и накидки, и шапки из лисьих лапок’.

(2)

улг. *Јаман јүрәрдә болушаан төрәйн не керәк аа ол?*

јаман јүр=әр=дә болуш=па-ан төрәйн=Ø не
плохо жить=PrP=LOC помогать=NEG-PP родственник=NOM зачем
керәк аа ол=Ø
нужен PTCL он=NOM

‘Зачем же родственник, который не помогал в трудные моменты?’

В настоящее время в речи носителей кош-агачского говора наблюдается процесс утраты вторичной долготы. Представители среднего и младшего поколений отдают предпочтение варианту с кратким гласным (табл. 2).

Таблица 2

Утрата количественной характеристики у гласных
в кош-агачском говоре

Table 2

Loss of quantitative characteristics in vowels
in the Kosh-Agach sub-dialect

Кош-Агачский говор	Алтайский литературный язык
<i>эмеен</i> ~ <i>эмен</i>	<i>эмеген</i> ‘женщина’
<i>өббөн</i> ~ <i>өбөн</i>	<i>өбөгөн</i> ‘мужчина’
<i>албаам</i> ~ <i>албам</i>	<i>албагам</i> ‘не брал=я’
<i>айтпаар</i> ~ <i>айтпар</i>	<i>айтпагар</i> ‘не говорите’
<i>кашаа</i> ~ <i>каша</i>	<i>кажаган</i> ‘двор’

(3)

к-а. *Алдырбастын келгенин коптон турардан тургай оны көрбөм дө, укпам да.*

Алдырбас=тын келген=и-н копто=п тур=ар=дан
Алдырбас=GEN приезд-ACC сплетничать=CV AUX:стоять=PrP=ABL
тургай о-ны көр=бө-м дө ук=па-м да
POST он-ACC видеть=NEG-1SG PTCL слышать=NEG-1SG PTCL
‘Не то, чтобы сплетничать по поводу приезда Алдырбаса, я его даже не виде-
ла и не слышала’.

(4)

к-а. Мени келген деп кемге де **айтпап** дейле, тал-табыш жок чыгала жүре ле берген.

мен=и кел=ген деп кем=ге де айт=па-р
я=ACC приходить=PP CONJ кто=DAT PTCL говорить=NEG-2PL
де=йле тал-табыш=Ø жок чыг=ала жүр=е
говорить=CV шум=NOM нет выходить=CV уходить=CV
ле бер=ген
PTCL AUX:давать=PP/3

‘Молча ушла, сказав, чтобы никому не говорили о её приезде’.

В улаганском говоре в некоторых основах фиксируется элизия интервокального согласного типа «г» с дальнейшим образованием долгого гласного, но отсутствует в кош-агачском (табл. 3).

Таблица 3

Вторичная долгота в улаганском говоре

Table 3

Secondary longitude in the Ulagan sub-dialect

Улаганский говор	Кош-Агачский говор, алтайский литературный язык
<i>саал</i>	<i>сагал</i> ‘борода’
<i>теенäk</i>	<i>тегенек</i> ‘колючка’
<i>соона</i>	<i>согоно</i> ‘лук’
<i>тоолат-</i>	<i>тоголот-</i> ‘катить’
<i>теерик</i>	<i>тегерик</i> ‘круглый’

(5)

улг. Ол ла **саалдарданг** таркаан улус дийт ол Темдäk кесäk чы.

ол ла саал=дар=дан тарка-ан улус=Ø
тот PTCL саал=PL=ABL распространяться=PP/3 люди=NOM
ди=йт ол Темдäk=Ø кесäk=Ø чы
говорить=PR тот Темдек=NOM часть=NOM PTCL

‘Говорят, те, кто из рода Темдек (с фамилией Темдек), произошли от рода *саал*’.

(6)

улг. **Караан** кижии аа мен интернетти кайдан билäрим.

караан кижии=Ø аа мен=Ø интернет=ти кайдан
старый человек=NOM PTCL я=NOM интернет=ACC откуда
бил=är=им
знать=PrP=1SG

‘Я ведь старый человек, откуда мне знать интернет’.

Долгую *аа*, которая функционирует во всех позициях телёсских (чолушманских) словоформ, не свойственных алтайскому литературному языку и языку чуйских (кош-агачских) теленгитов, отмечает Н. Д. Алмадакова: улг. *чокчаай*, к-а., лит. *чочогой* ‘кедровая шишка’, улг. *кудаай*, к-а. лит. *кудагай* ‘сватья’, улг. *таак*,

к-а. *такаа* ‘курица’, улг. *псаа*, к-а. *боосу*, лит. *бозу* ‘телёнок’ [Алмадакова, 2018, с. 102–107].

В позиции внутреннего сандхи у аффикса прошедшего времени на *=ган* в улаганском говоре, а также в речи старшего поколения села Курай кош-агачского говора констатируется процесс выпадения согласного «г» в интервокальной позиции с дальнейшим удлинением гласного, в то время как в речи остальных носителей кош-агачского говора в данном случае употребляется полная форма, как в алтайском литературном языке (табл. 4).

Таблица 4

Вторичные долгие гласные на морфемном шве
в улаганском и кош-агачском говорах

Table 4

Secondary long vowels on the morphemic suture
in Ulagan and Kosh-Agach sub-dialects

Улаганский говор, кош-агачский говор (с. Курай)	Кош-Агачский говор, алтайский литературный язык
улг. <i>божаан</i> , к-а. <i>бошоон</i>	<i>божогон</i> ‘закончился’
улг. <i>бедирййн</i> , к-а. <i>бедиреен</i>	<i>бедиреген</i> ‘искал’
улг., к-а. <i>јаанаан</i>	<i>јаанаган</i> ‘повзрослел’
улг., к-а. <i>баштаан</i>	<i>баштаган</i> ‘начал’
улг. <i>токтаан</i> , к-а. <i>токтоон</i>	<i>токтогон</i> ‘закончился’
улг., к-а. <i>сакаан</i>	<i>сакыган</i> ‘ждал’

(7)

улг. *Оо барала үч кўн јадала олкалды деен.*

оо бар=ала үч кўн=Ø јад=ала

туда идти=CV три день=NOM лежать=CV

ол↓кал=ды де-ен

умирать-(CV)-AUX:=PAST/3 говорить-PP/3

‘Говорили, что, прибыв туда, прожив три дня, он умер’.

(8)

к-а. (с. Курай) *Үч баласына деп, өчөөн чилеп бир кунан ийнек арттыркүйен.*

үч бала=сы=на деп өчө-өн чилеп

три ребенок=POSS/3=DAT CONJ издеваться-PP/3 PTCL

бир кунан ийнек=Ø арттыр↓күй-ен

один двухгодовалый корова=NOM оставить-(CV)-AUX: PP/3

‘Трёх своим детям, будто издеваясь, оставили одну двухгодовалую корову’.

В говорах теленгитского диалекта при агглютинации аффикса дательного-напрavitельного падежа на *-га* к основе слова на гласный фиксируется элизия согласного типа «г» с дальнейшим образованием долгого гласного (табл. 5).

Образование вторичной долготы на морфемном шве
в говорах теленгитского диалекта

Таблица 5

Secondary longitude formation on the morphemic suture
in the sub-dialects of the Telengit dialect

Table 5

Говоры теленгитского диалекта	Алтайский литературный язык
<i>маа</i>	<i>меге</i> 'мне'
<i>саа</i>	<i>сеге</i> 'тебе'
<i>балаа</i>	<i>балага</i> 'ребенку'
к-а. <i>кишьее</i> , улг. <i>кижйй</i>	<i>кижиге</i> 'человеку'
<i>тураа</i>	<i>турага</i> 'дому'

Таким образом, в говорах теленгитского диалекта, как и в алтайском литературном языке, встречаются такие виды вторичной долготы, как: 1) компенсационная долгота, образованная при выпадении конечного согласного слова (табл. 6); 2) долгота, образованная при выпадении интервокального согласного и стяжении двух гласных в один слог (табл. 7); 3) долгота, образованная в позиции внутреннего сандхи (табл. 8)².

Долгота, образованная в результате выпадения
конечного согласного типа «г / ɣ», в диалектах алтайского языка
и в тюркских языках Южной Сибири

Таблица 6

Longitude formed due to the loss of the final consonant type “g”
in the dialects of the Altai language and in the Turkic languages of southern Siberia

Table 6

Алтайский язык		Хак. язык	Шор. язык	Чул. язык	Тув. язык
северные диалекты	южные диалекты				
<i>таг</i> ~ <i>тау</i> ~ <i>туу</i> ~ <i>ту</i> 'гора'	<i>туу</i>	<i>таг</i>	<i>таг</i>	<i>таг</i>	<i>даг</i>
<i>саг-</i> ~ <i>саа-</i> 'доить'	<i>саа-</i>	<i>саг-</i>	<i>саг-</i>	<i>саг-</i>	<i>саг-</i>
<i>дьаг</i> ~ <i>дъуу</i> 'сало'	<i>јуу</i>	<i>чаг</i>	<i>чаг</i>	<i>чаг</i>	<i>чаг</i>
<i>паг</i> ~ <i>пуу</i> 'верёвка'	<i>буу</i>	<i>паг</i>	<i>паг</i>	<i>паг</i>	<i>баг</i>
<i>суг</i> ~ <i>суу</i> ~ <i>су</i> 'вода'	<i>суу</i>	<i>суг</i>	<i>суг</i>	<i>суг</i>	<i>суг</i>

² Примеры в таблицах даны в той орфографической норме, в которой они представлены в словарях и грамматиках.

Таблица 7

Долгота, образованная в результате выпадения
интервокального согласного в основе, в диалектах алтайского языка
и в тюркских языках Южной Сибири

Table 7

Longitude formed due to the loss of an intervocalic consonant in the base
in the dialects of the Altai language and in the Turkic languages of southern Siberia

Алтайский язык		Хак. язык	Шор. язык	Чул. язык	Тув. язык
северные диалекты	южные диалекты				
ээр 'седло'	ээр	изер	эзер	эзер	эзер
тöд 'верблюд'	тöд	тибе	тебе ~ тöд	—	теве
мүүс 'рог'	мүүс	мүүс	мүүс	—	мыйыс

Таблица 8

Образование долгот на морфемном шве в диалектах алтайского языка
и в тюркских языках Южной Сибири

Table 8

Formation of longitudes on the morphemic suture in the dialects of the Altai language
and in the Turkic languages of southern Siberia

Алтайский язык		Хак. язык	Шор. язык	Чул. язык	Тув. язык
северные диалекты	южные диалекты				
дьи- > дьиш 'он будет есть'	де- > деер 'он скажет'	узу- > узиш 'он будет спать'	иште- > иштеер 'он будет работать'	сана- > саниш 'он будет считать'	чору- > чоруур 'он пойдёт'
сарна- > сарнаган / сарнаан 'пел'	баишта- > баиштаган, теленг. баиштаан 'начал'	хайна- > хайнаан 'кипел'	чажа- > чажаан 'жил'	мақта- > мақтаан 'хвалил'	мана- > манаан 'ожидал'

Вторичная долгота, образованная в результате замещения выпавшего ауслаутного согласного, чаще всего увулярного «г», характерна для южных диалектов алтайского языка, включая говоры теленгитского диалекта. Однако в последнее время в северных диалектах алтайского языка наметилась тенденция элизии финального «г» и удлинения препозитивного к нему гласного, что свидетельствует о схожих фонетических процессах в южно-алтайских и в северно-алтайских диалектах.

Долгота, образованная в результате выпадения интервокальных согласных, свойственна всему южносибирскому ареалу тюркских языков: алт., хак., шор., тув. сөдк < *сөңік 'кость', алт. уул, хак., шор., тув. оол < *огул 'парень', алт. буур / боор, хак., шор. наар, тув. баар < *багыр 'печень'.

Долгота, образуемая на стыке морфем – корневой и аффиксальной (см. табл. 8), является общим фонетическим явлением, встречающимся во всех южно-сибирских тюркских языках, противопоставленным древнетюркскому и другим современным тюркским языкам. Долгота в этом случае возникает чаще всего при присоединении к основе, оканчивающейся на гласный, формы будущего времени на *=ar* / *=er* и формы прошедшего времени на *=gan* / *=gen*, где согласный *g*, как правило, выпадает, оказавшись в позиции между двумя гласными.

Список литературы

Алмадакова Н. Д. Долгий гласный [a] в именных словоформах телёсского говора улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 99–112.

Бабушкин Г. Ф. О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Т. 4. С. 167–177.

Баскаков Н. А. Алтайский язык: введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958.

ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева. Л., 1969.

Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М., 1940.

Селютин И. Я. Фонетика языков народов Сибири. Горно-Алтайск, 2002.

Список сокращений

к-а.	–	кош-агачский говор	тув.	–	тувинский язык
улг.	–	улаганский говор	хак.	–	хакасский язык
теленг.	–	теленгитский диалект	шор.	–	шорский язык
чул.	–	чулымско-тюркский язык			

References

Almadakova N. D. Dolgiy glasnyy [a] v imennykh slovoformakh telesskogo govora ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [The long vowel [a] in the nominal word forms of the teles speech of the Ulagan dialect of the Telengit language (in a comparative aspect)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*, 2018 vol. 17, no. 2: Philology, pp. 99–112.

Babushkin G. F. O nekotorykh foneticheskikh i morfologicheskikh osobenno-styakh telengitskogo dialekta altayskogo yazyka [On some phonetic and morphological features of the Telengit dialect of Altaian]. In: *Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov* [Questions of dialectology of the Turkic languages]. Baku, 1966, vol. 4, pp. 167–177.

Baskakov N. A. *Altayskiy yazyk: vvedenie v izuchenie altayskogo yazyka i ego dialektov* [The Altai language (Introduction to learning Altai and its dialects)]. Moscow, 1958.

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. M. V. Nadelayev (Ed.). Leningrad, 1969.

Dyrenkova N. P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Oyrot grammar]. Moscow, 1940.

Selyutina I. Ya. *Fonetika yazykov narodov Sibiri* [Phonetics of the languages of the peoples of Siberia]. Gorno-Altaysk, 2002.

Сведения об авторе

Дарыджы Аина Краевна – младший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

aina.bidinova@yandex.ru

Information about the author

Aina K. Darydzhy – Junior Researcher at the Laboratory of the Verbal Cultures of Siberia and the Far East, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

aina.bidinova@yandex.ru

УДК 811.512.1'366
DOI 10.17223/18137083/73/11

**Перспектив и проксиматив:
результаты и перспективы их исследования
в тюркских языках**

И. А. Невская

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается категория проксиматива (также обозначаемая как перспектив) с прототипическим значением *be going / about to do something* 'быть на грани совершения действия', выражающая предварительную, пороговую, фазу действия, когда уже видны признаки приближения самого действия или одной из его фаз. Далеко не во всех языках мира она имеет грамматические средства выражения. Перспектив и проксиматив не имеют также на данный момент всеми признанного определения в общей и типологической лингвистике. Мы рассматриваем терминологические системы, в которые включаются эти термины различными типологами, описываем историю изучения средств выражения фазы приближения действия грамматическими средствами тюркских языков, представляем их типологию, выделяем среди них акциональные и аспектуально-временные проксимативные подсистемы, обобщаем источники их грамматикализации и их ареальные изоглоссы, очерчиваем перспективы их дальнейшего исследования.

Ключевые слова

проксиматив, перспектив, будущее время, тюркские языки, грамматикализация, языковой ареал

Для цитирования

Невская И. А. Перспектив и проксиматив: результаты и перспективы их исследования в тюркских языках // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 158–172. DOI 10.17223/18137083/73/11

**Prospective and proximative:
results and perspectives of their research
in Turkic languages**

I. A. Nevskaya

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This paper describes the category of *proximative* (also called *prospective*), which is supposed to express the prototypical semantics *be going / about to do something* and refer to a prelimi-

© И. А. Невская, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

nary stage of action. Proximative means are extremely diverse and numerous in Turkic languages. All Turkic languages use various intentional forms and constructions to render proximative semantics under certain conditions, mostly with inanimate subjects or involuntary actions.

Oghuz Turkic seems to be the only branch that does not use proximative forms based on the infinitive or purpose converb of the lexical verb in combination with existential and positional auxiliary verbs. Only Oghuz Turkic seems to have a proximative form with the postposition *iizere* 'on'.

Both Azeri varieties show convergence with Persian (and other Iranian languages spoken in the Caucasus, and also with Aramaic). Kipchak Turkic languages spoken in Central Asia have an array of isoglosses in common with South Eastern Turkic in their proximative morphology. We can probably speak of a Central Asian linguistic area representing a Turkic dialect continuum that had existed there long before the formation of modern national states.

Within South Siberian Turkic, a very heterogeneous branch of Turkic, the North Altai varieties are closer to Shor and Khakas than to Southern Altai Turkic in many features, also including Proximative language encoding. Southern Altai Turkic, in its turn, shows a certain closeness to Tuvan in some proximative isoglosses, but also Kipchak languages of Central Asia in others. Tuvan is characterized by numerous Mongolian loans, also in the proximative sphere.

It appears that only the category of avertive employs materially identical language means (with minor variations) in all branches of Turkic. It is the specialized actional form "converb -A + verb *yaz-* / *žas-* / *čas-* / *d'asta-* / *žazda-*, etc." with the lexical semantics "err, fail, miss the target, lose one's way, sin, etc."

Keywords

proximative, prospective, future tense, Turkic languages, grammaticalization, linguistic area

For citation

Nevskaya I. A. Prospective and proximative: results and perspectives of their research in Turkic languages. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 158–172. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/11

Введение в проблематику

Среди редко встречающихся в языках мира грамматических лингвистических категорий, категории проспектива и проксиматива, несомненно, принадлежат к наиболее проблематичным. Они не имеют на данный момент всеми признанного определения в общей и типологической лингвистике¹ и встречаются далеко не во всех языках в виде категорий, имеющих грамматические средства выражения. Недаром немецкий типолог Ф. Планк включил их в список спорных категорий, которые заслуживают особого внимания лингвистов².

К этим категориям обычно относятся лингвистические средства, выражающие предварительную, пороговую, фазу действия, когда уже видны признаки приближения самого действия или одной из его фаз, и выражающие прототипическое значение *be going / about to do something* 'быть на грани совершения действия'. Они получили и иные терминологические обозначения в лингвистической типологии или в частных филологиях: *проспектив* (prospective) [Comrie, 1976; Плунгян, 2001; 2011; 2012]; *непосредственное / приближающееся / близкое / ближайшее будущее* (immediate / imminent future, near / nearest future, close future) [Bybee et al., 1994]; *проксиматив* (proximative) [Heine, 1994; Heine, Kuteva, 2002; Johanson, 2017].

¹ Мы впервые проанализировали данные термины в сравнительном аспекте в [Nevskaya, 2017].

² Из личной переписки с автором статьи в 2012 г.

В дальнейшем описании мы опираемся на наши собственные исследования и исследования коллег в области тюркских языков, в которых имеются широко представленные грамматические средства выражения семантики предварительной фазы действия.

Термин *проспектив* в лингвистической литературе

Термин *проспектив* используется по-разному в различных лингвистических традициях. В зарубежной русистике так определяется обращенное в будущее значение форм настоящего времени от глаголов совершенного вида [Metzler Lexikon Sprache, 2010], таких как *я уйду*. В русском языке это единственная форма, выражающая значение будущего времени у глаголов совершенного вида. Глаголы несовершенного вида имеют аналитическую форму будущего времени: *буду уходить*.

Отталкиваясь от этой точки зрения, Л. Йохансон противопоставляет *проспектив* как аспектуальную форму, реферирующую на действие до его совершения *интра терминальным* (обозначающим некое действие как находящееся в процессе протекания в момент референции), *ад терминальным* (обозначающим действие как свершившееся в момент референции) и *пост терминальным* (обозначающим в момент референции состояние, достигнутое после свершения действия) аспектуальным формам³ и определяет как *проспективную* турецкую форму на -AcAk, обычно описываемую как форму будущего времени в лингвистической литературе [Johanson, 1971; 1994; 2000]. Он пишет, что эта форма обозначает предсказываемое действие, которое *свершится / может свершиться / возможно, свершится / собирается свершиться / должно свершиться / ожидается, что свершится* и т. д. после момента референции; ее значение будущего действия осложнено различными модальными и аспектуальными компонентами. Он также утверждает, что в большинстве тюркских языков еще не сложилась собственно временная (*straight* 'прямая, однозначная, специализированная') форма будущего времени [Johanson, 1971; 2017].

В отличие от Л. Йохансона, Б. Комри использует термин *проспектив* по отношению к аналитическим формам английского языка с прототипической семантикой *be going / about to do something* 'собираться что-то делать / быть на грани совершения некоего действия', относящимся к такой ситуации, когда признаки приближающегося действия уже очевидны в момент референции [Comrie, 1976]; эту точку зрения принимает и В. А. Плунгян [2001; 2011; 2012].

Б. Комри считает, что эта категория симметрична перфекту: перфект передает свершившееся действие как еще релевантное для момента говорения, а *проспектив* обозначает действие, которое еще не свершилось, а только планируется или задумывается, как актуальное для момента говорения. Он выделяет 2 типа *проспективных* значений: 1) общее, которое не характеризует временной зазор до наступления действия – *the ship is going to sail* 'корабль собирается отплыть', и 2) значение непосредственного следования предполагаемого действия за моментом референции – *the ship is about to sail* 'корабль вот-вот отплывет'.

Б. Комри также обращает внимание на такое качество *проспектива*, как его сочетаемость с различными показателями времени: *The ship is going to sail* 'Корабль собирается отплыть', *The ship was going to sail* 'Корабль собирался от-

³ Такие формы часто совмещают аспектуальное и темпоральное значения в современных тюркских языках.

плыть', *The ship will be going to sail* 'Корабль будет собираться отплывать'; сравните алтайский пример (1). Это качество сближает английские формы, выделяемые Комри как перспективные, скорее с формами акционсанта и модальности, чем с аспектуально-темпорально-модальными формами, к которым близки перспективные формы в концепции Л. Йохансона.

- (1) алт. *Qazan emdi qayn-arya tur-d-i*⁴.
 казан сейчас кипеть-INF AUX: стоять-PST-3
 'Казан (т. е. вода в казане) вот-вот закипит.'

Перспектив Б. Комри противопоставляет будущему времени. Он видит различие в них в их отношении к категории истинности. Если действие, которое предсказывалось формой будущего времени, не осуществится, то высказывание окажется ложным. Если ситуация, предсказываемая высказыванием *Bill will throw himself off the cliff* 'Билл бросится с утёса', не осуществится, то высказывание было ложным. Высказывание с формой перспектива обладает истинностью, даже если планируемая ситуация не наступит: *Bill is going to throw himself off the cliff* 'Билл собирается броситься с утеса' означает, что он действительно собирался броситься с утеса в момент референции.

Б. Комри различает категории перспектива и намерения. Он пишет, что истинный перспектив не обладает компонентом намерения, но не все языки обладают формами перспектива, отличными от форм намерения. Так, русская конструкция *собираться что-то сделать*, которую мы использовали в переводах выше, всегда имеет компонент намерения. Тестом на то, является ли та или иная форма формой перспектива или намерения, является возможность ее употребления с неодушевленным субъектом: только одушевленные субъекты обладают свободой воли и могут иметь намерения и желания. Русская конструкция с *собираться* звучит очень неестественно с неодушевленными субъектами: *Поезд собирается прибыть в 2 часа дня*. Более идиоматично было бы: *Поезд должен прибыть в 2 часа дня*.

Он также пишет о формах русского языка, которые выражают перспектив в определенных контекстах, хотя их основное значение далеко не перспектив. Английское предложение *There are going to be apples for pudding* наиболее адекватно переводится формой русского будущего времени *Будут яблоки на десерт* (сравните с неграмматическим предложением **Собираются быть яблоки на десерт*).

Б. Комри сформулировал свои представления о грамматическом перспективе как универсальной межъязыковой категории как гипотезу, а Остен Даль [Dahl, 1985, p. 111–112] первым показал, что такая категория присутствует как грамматическая категория со своими специализированными средствами выражения во многих языках разных систем. Он пишет, что форма *aller* + *инфинитив* во французском, *gaan* + *инфинитив* в языке африкаанс, сунданская конструкция с *bade* являются формами предварительной фазы действия.

Термины *непосредственное* / *приближающееся* / *близкое* / *ближайшее будущее* и *проксиматив*

Исследованию описываемых категорий в типологическом плане долгое время препятствовало то, что формы подготовительной фазы действия во многих лин-

⁴ Мы приводим примеры по статье [Nevskaya, 2005].

гвистических традициях получили различное наименование. Их также обозначают как *immediate / imminent future* – непосредственное / приближающееся будущее, *near / nearest future* – близкое / ближайшее будущее, *close future* или *proximative* – близкое будущее или проксиматив.

Одним из первых научных трудов, где рассматриваются такие формы в типологическом плане, является коллективная монография [Bybee et al., 1994, p. 271–273]. В ней исследованы 26 форм, которые имеют значение непосредственного будущего, и пути их грамматикализации; для 19 из них это оказалась их единственная функция. Непосредственное будущее является также единственной функцией 2 форм несовершенного и 2 форм совершенного вида⁵.

Согласно [Bybee et al., 1994], эти формы могут быть либо очень «юными» формами будущего времени (формами предсказания будущего события), или уже сложившимися формами иной категории, которая не делает никаких предсказаний о будущем, а передает состояние перед наступлением события.

На рубеже XX и XXI вв. категория приближающегося события изучалась наиболее интенсивно на материале языков Африки [König, 1993, p. 294–316] и в типологическом плане [Kuteva, 2001; Heine, Kuteva, 2002; Heine, 1994]. Т. Кутева описала подобные формы в ряде языков и пришла к выводу, что это не формы собственно времени, так как они сочетаются с показателями разных времен, а формы аспекта (точнее, акционсарты – *уточнение автора статьи*), который она назвала *проксимативом* [Kuteva, 2001, p. 92–99]. Она также ввела в научный оборот оппозицию проксиматива и авертива, который самой формой выражает значение того, что приближавшееся действие, признаки которого были видны в момент референции, не осуществилось [Kuteva, 1998]; см. (2).

- (2) алт. *Meni soǵ-o d'asta-d-i-lar.* (Вербицкий, 1884, с. 85)⁶
 я.АСС бить-CONV промахнуться-PST-3-PL
 ‘Они чуть меня не побили.’

В *World Lexicon of Grammaticalization* [Heine, Kuteva, 2002, p. 317–337] обобщены исследования авторов по категории проксиматива и перечислены уже известные лексические источники грамматикализации проксимативных форм в языках разных семей и языковых типов (глаголы *приходить*, *любить*, *хотеть*, наречие *около*).

Л. Йохансон также использует термин *проксиматив* для категории, которая объединяет акционсартные формы, относящиеся к предварительной или подготовительной фазе возможного последующего действия, которое воспринимается как предстоящее, приближающееся или находящееся на грани совершения (*“Proximatives refer to a pre-phase, a phase preliminary or preparatory to a possible subsequent event, conceived of as imminent, impending, i.e. as being “about to occur”* [Johanson,

⁵ Сравните будущее значение форм настоящего времени совершенного вида в русском языке: *он сделает*, а также общетюркскую форму аориста на *-Ar* с имперфективным аспектуальным значением и значением неактуального настоящего времени в тюркских же языках Сибири, где она стала формой будущего времени: шор. *nar-ar* (идти-AOR) – ‘идёт – ходит всегда – ходил всегда – пойдёт’.

⁶ Этот пример взят из *Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка*, составленного В. Вербицким (Казань: Изд. Православного миссионерского общества, 1884). В современном алтайском языке лексический глагол в этой конструкции употребляется не в форме деепричастия, а в форме инфинитива на *-(A)paA*, что показывает расширение функций алтайского инфинитива по образцу русского.

2017]). Характерно для форм проксиматива то, что они могут сочетаться с любыми аспектуально-временными формами.

Отличие форм проксиматива как от уже сложившихся форм будущего времени (собственно будущего времени), так и от еще не совсем сложившегося будущего времени (т. е. от проспектива, по терминологии Йохансона), в том, что они имеют в качестве своего референта состояние дел, которое совпадает по времени с референционным моментом: *Чайник находится в состоянии, непосредственно предшествующем закипанию воды* означает, что это состояние в данный момент уже присутствует.

По нашему мнению, внутренняя форма термина *проксиматив* (из лат. *proximatus* 'самый близкий' в исходном пространственном и различных переносных значениях) по своей этимологической семантике ближе тому содержанию, которое вкладывается в эту категорию типологами, т. е. фазе приближения действия, совпадающей с референционным моментом.

Мне представляется более предпочтительным применять термин *проспектив* для форм, которые реферируют на само предстоящее событие, но еще не являются сформировавшимися специализированными формами собственно будущего времени, а совмещают референцию в будущее с различными аспектуальными и модальными значениями⁷. Как показывает тюркский материал, такой проспектив может быть промежуточной стадией грамматикализации форм будущего времени из акциональных проксимативных: турецкая форма на *-AcAk* еще сохраняет проксимативные употребления, хотя развивается в направлении становления как форма будущего времени; аналогично ногайская форма на *-(A)uAK* считается модальной проспективной, но выражает проксиматив в определенных конструкциях [Karakoç, 2017].

В дальнейшем изложении мы концентрируем наше внимание на категории проксиматива. Тюркские языки, как показали наши исследования и исследования коллег-тюркологов, являются ярким примером проксимативных языков.

Исследования по категории проксиматива в тюркских языках⁸

Статья [Nevskaya, 2005] впервые в тюркологии ввела в научный оборот грамматическую категорию приближающегося действия. Однако близкая тематика на материале тюркских языков описывалась в статье М. И. Черемисиной и И. А. Невской [Čeremisina, Nevskaya, 2000], в которой были представлены многочисленные аналитические формы тюркских языков Южной Сибири, состоящие из бытийных вспомогательных глаголов и инфинитива лексического глагола, определявшиеся как формы намерения. Уже тогда было ясно, что значение намерения покрывает только случаи их употребления с одушевленным субъектом, но нужного термина для них в то время не нашлось. В 2001 г. результаты моего предварительного ана-

⁷ Таких финитных или причастных форм в тюркских языках большое количество, определение их категориальной принадлежности часто представляет большие трудности (например: общетюркская форма на *-Ap*, шор. *-ГалАК*, *-чАң*, алт. причастие на *-й / АтАн* и др.).

⁸ В данной статье мы не ставим перед собой задачи дать исчерпывающий список всех исследований последних лет в этой области. То, что здесь больше внимания обращается на публикации в иностранных изданиях, объясняется в том числе тем, что они менее знакомы российскому читателю.

лиза типологии проксиматива⁹ в тюркских языках были представлены в докладе на типологической конференции во Франкфуртском университете; этот доклад вошел в сборник той конференции [Nevskaya, 2005]. Позже во вводной части другой моей статьи был дан краткий обзор данной категории в тюркских языках [Невская, 2011]. Наш анализ показал, что в каждом конкретном тюркском языке имеется собственная система проксимативных форм. Мы дали в этих работах первичное описание типологии этой категории в тюркских языках, выделили ряд проксимативных форм и пути их формирования.

В 2012 г. совместно с коллегами из Германии, Казахстана, Турции и Китая нами был организован рабочий стол по проксимативу в тюркских языках в рамках Международной конференции по турецкой лингвистике, на котором были представлены описания категории проксиматива в древнетюркском, османском, турецком, казахском, джунгарском тувинском и новоуйгурском языках [Nevskaya, 2015; Erdal, 2017; Tazhibayeva, Nevskaya, 2015; Menz, 2015; Rind-Pawłowski, 2017b; Memtimin, 2015].

В 2013 г. мы совместно с Агнес Корн организовали международный симпозиум во Франкфуртском университете по категории проксиматива и смежным с ним категориям, в первую очередь проспектива и будущего времени. Его материалы были опубликованы в виде коллективной монографии [Korn, Nevskaya, 2017].

В этом научном труде помимо тюркских языков представлены угорские, уральские, славянские, иранские, семитские и алтайские языки, а также ряд тюркских языков разных ветвей: огузские (азербайджанский в Республике Азербайджан [Rind-Pawłowski, 2017a] и в Иране [Rafiei, 2017]), кыпчакские (ногайский [Karakoç, 2017], казахский и киргизский [Nevskaya, Tazhibayeva, 2017], караимский [Csató, 2017]), карлукские (уйгурский и узбекский [Memtimin, 2017]), сибирские (тувинский [Bayur-ool, Shamina, 2017], джунгарский тувинский [Rind-Pawłowski, 2017b], алтайский и его диалекты [Ozonova et al., 2017]). М. Эрдал описал формы проксиматива в древнетюркском языке [Erdal, 2017], а А. Менц – в староосманском и современном турецком [Menz, 2017]. Для большинства языков это было первое описание данных категорий, которое послужило толчком к их дальнейшему исследованию.

Объем данной статьи не позволяет проанализировать все те результаты, которые были достигнуты в последнее десятилетие в области изучения категорий проксиматива в языках разных систем¹⁰. Мы остановимся только на некоторых аспектах тюркского проксиматива.

Некоторые результаты: тюркский проксиматив как акционсарт и как аспектуально-временная категория

Мы различаем две проксимативные категории, выражающие предварительную фазу действия, – формы акционального и аспектуального проксиматива, подобно тому, как мы различаем категорию акционсарта *перфектив* и категорию аспекта (или аспекта-времени) *перфект*.

Акциональной фазовой категории, представляющей действие как способное достичь своего естественного предела, т. е. категории перфектива, должна соответствовать акциональная категория предварительной фазы предстоящего действия, т. е. акционального проксиматива, как форма расширенной лексической

⁹ В то время мы использовали термин *проспектив* вслед за Б. Комри, описывая данную категорию, как и в ряде других ранних публикаций.

¹⁰ Более подробный анализ см. в [Nevskaya, 2017].

основы, требующая актуализации путем присоединения к ней показателей функциональных форм глагола. Аспектуальной (или аспектуально-временной, финитной) категории перфекта, реферирующего на состояние после свершения действия, – аспектуальная (или аспектуально-временная) финитная категория проксиматива, сама реферирующая на фазу приближения действия (ср. формы непосредственного будущего, по терминологии Дж. Байби). Наша позиция поддерживается данными тюркских языков, которые имеют тенденции развития финитных форм непосредственного будущего из акциональных проксимативных форм.

Формы акционального проксиматива сочетаются с граммемами различных времен. Они чаще всего генетически связаны с формами желания и намерения. Проксиматив у них развивается путем расширения сочетаемости их субъектов – от возможности их использования только с одушевленными субъектами до их использования и с неодушевленными субъектами, см. (3), где мы определяем конструкцию «инфинитив основного глагола + вспомогательный глагол *tur-*», к которому присоединяются показатели прошедшего времени и личные показатели, как акциональную проксимативную в хакасском языке. Говорящий произнес это высказывание в той ситуации, когда он уже видел признаки приближающегося мороза: на небе ни облачка, дует северный ветер, в воздухе уже стоит запах мороза, но мороз еще не настал.

- (3) хак. *Soox-tar pol-arɣa tur-d-ĩ.*
 мороз-PL быть-INF AUX: стоять -PST-3SG
 ‘Мороз вот-вот должен был нагреть.’

Этот хакасский пример иллюстрирует аналитическую конструкцию, в которой полнозначный глагол принимает форму инфинитива. В качестве грамматического ядра таких конструкций могут выступать глаголы желания, намерения, умственной деятельности, движения, а также глаголы положения в пространстве и собственно экзистенциональный глагол *пол- / бол-*. Такие конструкции часто определяются как интенциональные, но способные выражать и значение проксиматива, в основном с неодушевленным субъектом. С одушевленным субъектом необходимо исключить компонент желания субъекта действия его совершать, т. е. нужны ситуации неконтролируемого, спонтанного действия (*я вот-вот заболею / упаду*) либо просто ситуации, когда субъект готовится совершить действие против своей воли.

Учитывая, что сочетаемость с неодушевленным субъектом у этих конструкций и, соответственно, неоспоримое проксимативное значение равиваются позже, мы рассматриваем эти два значения как различные степени их грамматикализации.

Такие акциональные аналитические формы могут синтезироваться и переходить в другую категорию: происходит их фонетическая редукция, морфологическая редукция (выпадение показателей аспекта-времени), их переосмысление (инфинитивный показатель совместно со вспомогательным глаголом сам становится показателем аспекта-времени – проксиматива). В результате образуется проксиматив как аспектуально-временной показатель, см. (4), где представлена шорская форма *-(A)rGAča*, (из *-(A)rGA + čat-*).

- (4) шор. *Par-argača-m.*
 идти-PROX-1SG
 ‘Я вот-вот уйду.’

Аналогичные конструкции в алтайском с *d'at-*, хакасском с *tur-* и *čör-* имеют сходные тенденции развития.

Дальнейшими наиболее распространенными источниками образования проксимативных форм в тюркских языках, как было установлено в [Nevskaya, 2005], являются инфинитивные конструкции с пространственными послелогом в качестве их грамматического ядра (5), а также грамматикализованные конструкции прямой или косвенной речи (6).

- (5) тур. *Git-mek* *üzere-yim.*
идти-INF над-1SG
'Я вот-вот уйду. (досл.: Я – над уходом)'

- (6) кирг. *Taş* *qula-yin* *de-p* *tur-at.*
камень падать-VOL1SG сказать-CONV AUX: стоять-PRS
'Камень вот-вот упадёт. (досл.: Камень говорит: «Я упаду!»)'
[Nevskaya, Tazhibayeva, 2017]

Предварительные обобщения результатов исследований тюркского проксиматива и дальнейшие перспективы

Суммируя в очень обобщенном виде то, что уже удалось сделать для тюркских языков, хотелось бы выделить следующие моменты.

Все тюркские языки, материал которых был исследован, имеют многочисленные лингвистические средства выражения категорий проксиматива и проспектива на разных уровнях языка. Наличие грамматикализованных форм акционального проксиматива во всех этих языках, а во многих и аспектуально-временного проксиматива, позволяет сделать вывод о том, что тюркские языки являются ярко выраженными «проксимативными языками».

Примечательно, что тюркские языки стали донорами проксимативных форм для контактных языков в истории языков и в современный период. Но и они сами заимствуют такие формы из контактных языков (например: азербайджанский из иранских, тувинский из монгольского).

В письменных источниках по древним тюркским языкам мы находим многочисленные формы проксиматива – как акциональных, так и аспектуально-временных (например, древнеуйгурская форма приближающегося будущего на *-gAlIr*), т. е. эта категория присуща тюркским языкам с глубокой древности. Многие современные тюркские языки используют древнетюркские структурные типы проксимативных конструкций и форм.

Источники грамматикализации проксимативных форм современных тюркских языков разнообразны и в основном не представлены в *World Lexicon of Grammaticalization* [Heine, Kuteva, 2002]. Далее мы комментируем некоторые из них и проводим ареальные изоглоссы их распространения в тюркских языках.

- Все тюркские языки используют формы и конструкции, которые обычно считаются конструкциями намерения, для передачи проксимативной семантики, в основном с неодушевленным субъектом или если действие одушевленного субъекта является неконтролируемым. Для остальных контекстов нелегко различить проксимативное и интенциональное прочтение таких форм. При одушевленном субъекте, да еще и под воздействием традиции их описания, перенятой от непроксимативного русского языка, они «по инерции» оцениваются как интенциональные. Иногда контекстные маркеры прагматической релевантности дейст-

вия или состояния для момента референции помогают лучше оценить их истинное значение¹¹. Такие контекстные маркеры, как частицы *вот*, *вот-вот*, *чуть не* и т. п., плохо сочетаются с интенциональными контекстами; сравните *Она вот-вот думает / намеревается уйти* и *Она вот-вот уйдет*. Нам представляется, что такие формы, допускающие неодушевленный субъект, следует считать специализированными проксимативными средствами.

- Огузские тюркские языки – единственная ветвь тюркских языков, которая не использует проксимативных форм с инфинитивом или целевым деепричастием лексического глагола в сочетании со вспомогательными бытийными глаголами или глаголами положения в пространстве. В огузских языках мы также не встретили проксимативных форм, основанных на глаголе цитирования *de-* и волитивных формах лексического глагола, широко распространенные в кыпчакских, карлукских и южносибирских тюркских языках.

- Только огузские тюркские языки используют проксимативную конструкцию с послелогом *üzere* ‘на, над’ и инфинитивом лексического глагола. Однако конструкции с другими пространственными послелогам или грамматикализованными именами и инфинитивом лексического глагола существуют во всех ветвях тюркских языков: с именем лексической семантики ‘впереди’ в уйгурском, узбекском и казахском Китая, с именем ‘сторона’ в алтайском и т. д.

- Оба варианта азербайджанского языка имеют сильную конвергенцию в сфере проксимативных языковых средств с персидским и другими иранскими языками Кавказа, а также с арамейским. Необходимо ставить вопрос о наличии на Кавказе лингвистического ареала.

- Кыпчакские тюркские языки Центральной Азии имеют целый пучок изоглосс с карлукскими в сфере проксимативной морфологии, так что, возможно, стоит говорить о центрально-азиатском лингвистическом ареале, который отражает сегодня тот лингвистический континуум, который сложился в Центральной Азии еще до формирования современных национальных государств. Некоторые изоглоссы разделяет и джунгарский тувинский благодаря его современным контактам с тюркскими языками этого ареала.

- Южносибирские тюркские языки представляют собой гетерогенную группу тюркских языков. В области проксимативной морфологии мы наблюдаем значительно большую близость северо-алтайских идиом к шорскому и хакасскому, чем к южно-алтайским идиомам. Интересно, что северо-тунгусский эвенский язык обладает проксимативными конструкциями, очень близкими к шорским и хакасским. Возникает вопрос, не было ли в прошлом между ними более тесных контактов и не относится ли он тоже к лингвистическому обско-угорскому ареалу.

- Южно-алтайские идиомы, в свою очередь, показывают определенную близость к тувинскому в ряде проксимативных изоглосс, а в ряде других – к кыпчакскому киргизскому.

- Тувинский язык характеризуется многочисленными монгольскими заимствованиями в сфере проксиматива.

- Интересно, что только категория авертива во всех рассмотренных тюркских языках использует материально идентичную аналитическую (или уже синтезировавшуюся) форму из всех форм, близких к категории проксиматива: это специализированная акциональная форма «деепричастие -А + глагол *yaz-* / *žas-* / *čas-* /

¹¹ Сравните с русскими и хантыйскими лексическими средствами, используемыми для выражения семантики проксимативности [Koshkareva, 2017].

d'asta- / *žazda-* и т. д.» с лексической семантикой 'ошибаться, промахнуться, потеряться, грешить и т. п.'

Более подробное изучение тюркских проксимативных форм как с точки зрения инвентаря их форм, путей их грамматикализации и семантики, так и с типологической, исторической и ареальной точек зрения при привлечении проксимативного материала тюркских языков, где эта категория еще не описывалась, представляется нам очень многообещающей задачей для третьего десятилетия XXI в.

Список литературы

Невская И. А. Категория проспектива и некоторые перспективные формы в чалканском языке // Историко-культурное наследие Хакасии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Я. И. Сунчугашева / Под ред. И. Кидиековой. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2011. С. 181–189.

Плунгян, 2001 – Исследования по теории грамматики / Отв. ред. В. А. Плунгян. М.: USSR, 2001. Вып. 1: Глагольные категории. 312 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Плунгян, 2012 – Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2012. Т. 8, вып. 2: Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий (отв. ред. В. А. Плунгян). 1024 с.

Bayyr-ool A., Shamina L. Means of expressing prospective semantics in the Tuvan language // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 333–344.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Čeremisina M., Nevskaya I. 'I stood to lie down' and 'I sat down to leave': analytical modal infinitive constructions in South Siberian Turkic languages // Turkic Languages. 2000. Vol. 4/2. P. 77–113.

Comrie B. Aspect. New York: Cambridge University Press, 1976.

Csató É. The non-modal prospective aorist in Karaim // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 211–218.

Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. London, New York: Basil Blackwell, 1985.

Erdal M. Posterior proximate aspect and actionality in Old Turkic // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 51–56.

Heine B. On the Genesis of Aspect in African Languages: The Proximate // Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Historical Issues in African Linguistics. Berkeley, 1994. Iss. 20. P. 35–46.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Johanson L. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems [Studia Turcica Upsaliensia 1]. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971.

Johanson L. Türkeitürkische Aspektotempora // Thieroff R., Ballweg J. (eds.). Tense systems in European languages. Tübingen: Niemeyer, 1994. P. 247–266.

Johanson L. Viewpoint operators in European languages // Dahl Ö. (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27–187.

- Johanson L.* Prospectives and proximatives // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 29–34.
- Karakoç B.* Prospectives, proximatives and avertives in Noghay // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 57–76.
- König Ch.* Aspect in Maa. Afrikanistische Monographien 3. Institut für Afrikanistik. Universität zu Köln, 1993.
- Korn A., Nevskaya I.* (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017.
- Koshkareva N.* The expression of prospectivity in Khanty and Russian // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 95–112.
- Kuteva T.* Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford University Press, 2001.
- Kuteva T.* On identifying an evasive gram: action narrowly averted // Studies in Language. 1998. Vol. 22 (1). P. 113–160.
- Memtimin A.* The Prospective in Modern Uyghur // Zeyrek D., Sağın Şimşek Ç., Ataş U., Rehbein J. (eds). Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics (Turcologica 103). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 637–647.
- Memtimin A.* The Proximative in Modern Uyghur and Uzbek // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 357–366.
- Menz A.* Expressions for prospective and avertive in Turkish and Gagauz // Zeyrek D., Sağın Şimşek Ç., Ataş U., Rehbein J. (eds). Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics (Turcologica 103). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 658–667.
- Menz A.* Prospective and Proximative in Ottoman and Modern Turkish // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 219–230.
- Metzler Lexikon Sprache.* Stuttgart, Weimar: Metzler, 2010.
- Nevskaya I., Tazhibayeva S.* The category of Proximative in North-Western Turkic: Kazakh and Kirgiz in a comparative perspective // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 345–356.
- Nevskaya I.* The Typology of prospective in Turkic languages // Gippert J., Erdal M., Vossen R. (eds). Sprachtypologie und Universalienforschung. Focus on: sentence types and sentence structures, 2005. Vol. 58/1. P. 111–123.
- Nevskaya I.* Prospective in Turkic languages // Zeyrek D., Sağın Şimşek Ç., Ataş U., Rehbein J. (eds). Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics (Turcologica 103). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 630–637.
- Nevskaya I.* Introduction // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 13–28.
- Ozonova A., Tazranova A., Tybykova L., Sarbasheva S.* The expression of prospective semantics in the Altay language and its dialects // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 307–314.

Rafiei A. Prospectivity in Persian and Azeri Turkish (Iran) // Korn A., Nevskaya I. (eds). *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 251–258.

Rind-Pawłowski M. Future-related verbforms in Northern Azeri // Korn A., Nevskaya I. (eds). *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017a. P. 231–250.

Rind-Pawłowski M. Future reference forms in Dzungar Tuvan // Korn A., Nevskaya I. (eds). *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017b. P. 315–332.

Tazhibayeva S., Nevskaya I. The Category of Prospective in Modern Kazakh // Zeyrek D., Sağın Şimşek Ç., Ataş U., Rehbein J. (eds). *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics (Turcologica 103)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 658–667.

Список сокращений

алт. – алтайский язык
кирг. – киргизский язык
тур. – турецкий язык
хак. – хакасский язык
шор. – шорский язык

References

Acta Linguistica Petropolitana. Tr. In-ta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. T. 8, vyp. 2: Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 6: Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategoriy [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies of the RAS. Vol. 8, iss. 2: Studies on the theory of grammar, iss. 6: Typology of aspectual systems and categories]. V. A. Plungyan (Ed. in Ch.). St. Petersburg, Nauka, 2012, 1024 p.

Bayyr-ool A., Shamina L. Means of expressing prospective semantics in the Tuvan language. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 333–344.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, University of Chicago Press, 1994.

Čeremisina M., Nevskaja I. 'I stood to lie down' and 'I sat down to leave': analytical modal infinitive constructions in South Siberian Turkic languages. *Turkic Languages*. 2000, vol. 4/2, pp. 77–113.

Comrie B. *Aspect*. New York, Cambridge University Press, 1976.

Csató É. The non-modal prospective aorist in Karaim. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 211–218.

Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. London, New York, Basil Blackwell, 1985.

Erdal M. Posterior proximative aspect and actionality in Old Turkic. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 51–56.

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

Heine B. On the Genesis of Aspect in African Languages: The Proximative. In: *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Historical Issues in African Linguistics*. Berkeley, iss. 20, 1994, pp. 35–46.

Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 1: Glagol'nye kategorii [Studies on the Theory of Grammar. Iss. 1: Verb categories]. V. A. Plungyan (Ed.). Moscow, USSR, 2001, 312 p.

Johanson L. *Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems*. Studia Turcica Upsaliensia 1. Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1971.

Johanson L. Türkeitürkische Aspektotempora. In: *Tense systems in European languages*. R. Thieroff, J. Ballweg (Eds). Tübingen, Niemeyer, 1994, pp. 247–266.

Johanson L. Viewpoint operators in European languages. In: *Tense and aspect in the languages of Europe*. Ö. Dahl (Ed.). Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2000, pp. 27–187.

Johanson L. Prospectives and proximatives. In: *Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 29–34.

Karakoç B. Prospectives, proximatives and avertives in Noghay. In: *Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 57–76.

König Ch. *Aspect in Maa. Afrikanistische Monographien 3*. Institut für Afrikanistik. Universität zu Köln, 1993.

Koshkareva N. The expression of prospectivity in Khanty and Russian. *Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 95–112.

Kuteva T. *Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization*. Oxford University Press, 2001.

Kuteva T. On identifying an evasive gram: action narrowly averted. *Studies in Language*. 1998, vol. 22(1), pp. 113–160.

Memtimin A. The Prospective in Modern Uyghur. In: *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Turcologica 103. D. Zeyrek, Ç. Sağın Şimşek, U. Ataş, J. Rehbein (Eds). Wiesbaden, Harrassowitz, 2015, pp. 637–647.

Memtimin A. The Proximate in Modern Uyghur and Uzbek. In: *Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 357–366.

Menz A. Expressions for prospective and avertive in Turkish and Gagauz. In: *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Turcologica 103. D. Zeyrek, Ç. Sağın Şimşek, U. Ataş, J. Rehbein (Eds). Wiesbaden, Harrassowitz, 2015, pp. 658–667.

Menz A. Prospective and Proximate in Ottoman and Modern. In: *Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 219–230.

Metzler *Lexikon Sprache*. Stuttgart, Weimar, Metzler, 2010.

Nevskaya I. A. Kategoriya prospektiva i nekotorye prospektivnye formy v chalkanskom yazyke [Prospective category and some prospective forms in Chalkan language]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Khakasii: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya Ya. I. Sunchugasheva* [Historical and Cultural Heritage of Khakassia: Materials of the International Scientific Conf. devoted to the 85th anniversary of the birth of Ya. I. Sunchugashev]. I. Kidieikova (Ed.). Abakan, KhSU Publ., 2011, pp. 181–189.

Nevskaya I. Introduction. In: *Prospective and Proximate in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 13–28.

Nevskaya I. Prospective in Turkic languages. In: *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Turcologica 103. D. Zeyrek, Ç. Sağın Şimşek, U. Ataş, J. Rehbein (Eds). Wiesbaden, Harrassowitz, 2015, pp. 630–637.

Nevskaya I., Tazhibayeva S. The category of Proximative in North-Western Turkic: Kazakh and Kirgiz in a comparative perspective. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 345–356.

Nevskaya I. The Typology of prospective in Turkic languages. In: *Sprachtypologie und Universalienforschung. Focus on: sentence types and sentence structures*. J. Gippert, M. Erdal, R. Vossen (Eds). 2005, vol. 58/1, pp. 111–123.

Ozonova A., Tazranova A., Tybykova L., Sarbasheva S. The expression of prospective semantics in the Altay language and its dialects. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 307–314.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira: Ucheb. Posobie* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages: A manual]. Moscow, RSUH, 2011, 672 p.

Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017.

Rafiei A. Prospectivity in Persian and Azeri Turkish (Iran). In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 251–258.

Rind-Pawłowski M. Future-related verbforms in Northern Azeri In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017a, pp. 231–250.

Rind-Pawłowski M. Future reference forms in Dzungar Tuvan. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017b, pp. 315–332.

Tazhibayeva S., Nevskaya I. The Category of Prospective in Modern Kazakh. In: *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Turcologica 103. D. Zeyrek, Ç. Sağın Şimşek, U. Ataş, J. Rehbein (Eds). Wiesbaden, Harrassowitz, 2015, pp. 658–667.

Сведения об авторе

Невская Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
nevskayairina60@gmail.com

Information about the author

Irina A. Nevskaya – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Siberian Languages Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
nevskayairina60@gmail.com

УДК 811.512'366
DOI 10.17223/18137083/73/12

Семантика и функция форм императива в алтайском языке

А. Р. Тазранова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию семантики и функций форм повелительного наклонения алтайского языка. Центральными формами императива являются форма 2-го л. ед. ч., совпадающая с основой глагола, и форма 2-го л. мн. ч., выражающие непосредственно семантику побуждения, где адресат и исполнитель действия совпадают в лице и числе. Формы 1-го и 3-го л. императива являются многозначными, каждая форма имеет специальные императивные значения. Показана специфическая особенность алтайского императива в сфере форм 1-го л. неединственного числа, обозначающего двух и более участников действия. Этот тип императива определяется как призыв к действию, различающий минимальный и расширенный инклюзив. Впервые в системе императива алтайского языка описывается особый семантический тип – отложенный императив, выражаемый формой на =ААЫІ. В систему императивных форм включена форма на =ГЫІА со значением категоричного повеления ко 2-му л. мн. ч., т. е. ко многим адресатам-исполнителям.

Ключевые слова

тюркские языки Сибири, алтайский язык, императив, оптатив, расширенный инклюзив, минимальный инклюзив, эксклюзив, включительность, исключительность, повелительные формы, число, лицо

Для цитирования

Тазранова А. Р. Семантика и функция форм императива в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 173–187. DOI 10.17223/18137083/73/12

Semantics and function of imperative forms in the Altai language

A. R. Tazranova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is devoted to the analysis of imperative forms of the Altai language. In the system of imperatives, we have identified 11 positive forms (=Ø=; CA=; =Gĭn / =Gĭŋ (rare); =(ĭ)GAr / =AAR=; =SAGAr; =GĭlA; =Sĭn; =AAK; =AAktAr; =y/AAlĭ: =y/AAlĭk / =AAlĭktAr (ra-

© А. Р. Тазранова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

re) and 10 negative (all form with a particle of negation, but the form on =*Gĭn* / =*Gĭŋ*). It is considered that the imperative has a complete paradigm in grammatical descriptions of the Siberian Turkic languages. In this regard, the Altai language has a particular position: the imperative-Hortative of the 1st person unit number at =*Aiyn* is derived from the paradigm and referred to the indicators of the desired mood, i.e. the optative. A specific feature of the Altai imperative is the variety of forms of the 1st person non-singular number denoting two or more participants in the action. This type of imperative is defined as a call to action distinguishing between minimal and extended inclusiveness. For the first time in the Altai language, one can observe a grammatical opposition in time with two paradigms as in the Yakut language: “the imperative of the present tense” and “the imperative of the future tense.” The first group expresses the forms of 2nd dual numbers at =*AAK* / =*AAktAr*, and =*AAlik* / =*AAliktAr*; the second group is form at =*AAli*. Thus, it turns out that the lower the degree of flatness, the greater the distance from the moment of speaking. The system of imperative forms includes the form of multiplicity on =*GYLA* with the value of a categorical imperative.

Keywords

Siberian Turkic languages, the Altai language, imperative, optative, augmented inclusive, minimal inclusive, exclusive, inclusiveness, exclusiveness, imperative forms, number, person

For citation

Tazranova A. R. Semantics and function of imperative forms in the Altai language. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 173–187. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/12

Императив – это единственная грамматическая форма, выражающая побуждение к действию, которое исходит от говорящего, характеризующаяся наличием адресата и обращенностью действия в будущее, тогда как другие наклонения передают объективную информацию о некотором положении дел и отношении говорящего к сообщаемому, т. е. модальность. По мнению В. Б. Касевича, императив соотносится не с модальной рамкой высказывания, как другие наклонения, а с «коммуникативной рамкой» [2006, с. 553].

Одним из дискуссионных вопросов общего языкознания является отнесение повелительного наклонения к особой категории наклонения в принципе, – не только в тюркских, но и в других языках мира. Императив считается «неоднородным» наклонением и по семантике, и по формальным признакам. В работе В. С. Храковского и А. П. Володина (1986) императив не относится к категории наклонения. Это прежде всего связано с тем, что формальное выражение императива отличается от других наклонений разнотипностью его форм, которые семантически по-разному соотносятся со значением собственно императива и категорией лица / числа.

В. Б. Касевич, возражая им, приводит доводы принадлежности императива к той же грамматической категории, к которой относятся и другие формы наклонений. Поскольку главнейшими режимами речевой деятельности являются «передача информации и использование информации в целях управления», для их реализации выступают однопорядковые формы индикатива и императива: формы индикатива и императива, занимают одну и ту же позицию в словоформе и выполняют аналогичные синтаксические функции в предложении [Там же, с. 554]. Значением императива является «волеизъявление говорящего, результатом которого, с точки зрения говорящего, должно стать совпадение пропозиционального содержания его высказывания с действительностью» [Там же]. По определению И. А. Мельчука, «императив выражает приказание (в очень широком смысле) и представляет собой речевой акт, посредством которого говорящий выражает

свою волю и пытается воздействовать на адресата, побудив его, таким образом, к желаемым действиям» [Мельчук, 1998, с. 155]. Поэтому, в отличие от семантики других наклонений, семантика императива является более сложной, так как в его функции входит не только выражение модального значения, но и выполнение апеллятивной функции, совмещающей выражение желания с побуждением [Плунгян, 2011, с. 436]. В семантике императива содержится не только побуждение к действию, но и желание или волеизъявление говорящего, т. е. имеется оттенок модальности, а также приказ, оттенок апеллятивной составляющей.

Императив как особое наклонение традиционно выделяется во всех тюркских языках. Некоторые формы императива в тюркских языках формально и семантически тесно связаны с условным и другими наклонениями, имеющими смежные значения, поэтому многие ученые выделяют желательное-повелительное или повелительно-желательное наклонение [Кормушин, 2006, с. 294–296]. В турецком и татарском языках строится неполная парадигма императива, так как в нее не включается форма 1-го л.: в парадигму включены только показатели 2-го и 3-го л. В данных языках обращение к 1-му л. относят к желательному наклонению, в котором отсутствуют показатели 2-го и 3-го л. [Закиев, 1997, с. 364; Кононов, 1997, с. 402]. Аналогичную картину мы видим в ряде исследований алтайского языка, например: в «Грамматике ойротского языка» Н. П. Дыренковой форма 1-го л. ед. ч. на *=(A)ıyBın* рассматривается в разделе повелительного наклонения, но с оговоркой, что это форма «собственно желательная» [ГОЯ, 1940, с. 159]. Авторы новой «Грамматики современного алтайского языка» форму 1-го л. ед. ч. в парадигму императива не включают, обосновывая это тем, что «эта форма в первую очередь выражает значение желания совершить некоторое действие говорящим, а также его готовность это действие совершить» [ГСАЯ, 2017, с. 333], с чем мы полностью солидарны, так как этой формой выражается прежде всего желание.

Из тюркских языков Южной Сибири исследователи выделяют полную парадигму императива в хакасском и тувинском [Карпов, 1975, с. 196–197; ГТЯ, 1961, с. 391–394], хотя авторы ГТЯ также пишут, что «формы 1-го л. единственного, двойственного и множественного чисел включаются в данную парадигму условно, так как они выражают значение желания. Собственно императивное значение имеют лишь формы 2-го и 3-го лиц и выражают различные степени побуждения к действию: приказание, призыв, просьбу, пожелание» [ГТЯ, 1961, с. 394].

В алтайском языке в императивную парадигму обычно включают 6 положительных и 6 отрицательных показателей. Но авторы последней «Грамматики современного алтайского языка» [ГСАЯ, 2017], а также Н. Д. Алмадакова [2012], исключив из списка форму на *=AıyBın* 1-го л. ед. ч., традиционно считавшуюся формой повелительного наклонения (например, авторами ГАЯ, Н. П. Дыренковой), к показателям императива относят 10 положительных форм, включив древнюю редкую форму на *=GıBın* и формы превентива 2-го л. ед. ч. на *=DıBın* и 2-го л. мн. ч. на *=DıBıgAR*. Последние две формы, на наш взгляд, больше относятся к апрехенсиву, чем к императиву. Эта форма передает значение предостережения субъекта-адресата от совершения нежелательного действия, поступка: *ашı=ты=ıг* ‘как бы ты не упал’. Значение запрета, побуждения не совершать действия передается прибавлением к формам императива отрицательного аффикса на *=BA*, где на первое место выходит семантика запрета, побуждения, что присуще императиву, а не апрехенсиву. Мы включили в парадигму императива 12 положительных форм и 11 отрицательных, причем 2 из них, гипотетически допустимые, в текстах

не встречаются (табл. 1). В данной статье мы остановимся на особых, специфических значениях, передаваемых данными формами, которые не были отмечены в исследованиях по алтайскому языку и в последней «Грамматике современного алтайского языка», где подробно рассматриваются показатели императива и выражаемые ими значения (см. [ГСАЯ, 2017, с. 332–340]).

Показатели 2-го лица единственного числа

Полное значение императива реализуется именно во 2-м л., поэтому анализ начнем со 2-го л., где побудителем к действию выступает говорящий, а исполнителем является адресат, на которого нацелено побуждение. Нулевая форма употребляется при адресате на «ты» в обращении к сверстнику, младшему по возрасту либо близкому человеку, а также к человеку, равному по социальному положению. Главные частные значения, передающиеся 2-м л. императива, – это приказ, просьба, инструкция, предложение, разрешение, совет и согласие [Храковский, Володин, 1986, с. 136–147].

(1) *Василий Петрович, адыннан тўш!* (Манитов, 2002, с. 157)

Василий Петрович ад=ын=нан
Василий Петрович лошадь=POSS.2SG=ABL
тўш=Ø
спускаться=IMP.2SG
‘Василий Петрович, спускайся со своей лошади!’

Как видно из примера, субъект желания, говорящий, каузирует реализацию ситуации одним исполнителем, адресатом высказывания (Василий Петрович).

Если во 2-м л. ед. ч. адресатом побуждения является один исполнитель желаемого действия, то во 2-м л. мн. ч. адресатом оказываются два и более, т. е. множество исполнителей действия, на которых направлено побуждение со стороны говорящего.

(2) *Аттарыгарды мында тургузып ийгер!* (Манитов, 2002, с. 168)

ат=тар=ыгар=ды мында тургуз=ып
лошадь=PL=POSS.2PL=ACC здесь остановить=CV
ий=гер
AUX: посылать=IMP.2PL
‘Остановите тут своих лошадей!’

Эта же форма, т. е. числовой показатель, вносит семантику вежливости, когда он употребляется как форма вежливого обращения на «Вы» к одному уважаемому или почитаемому человеку либо к старшему по возрасту в качестве адресата-субъекта действия:

(3) *Куучындагар, куучындагар, таай.* (Ередеев, 2009, с. 307)

куучында=гар куучында=гар
рассказывать=IMP.2PL рассказывать=IMP.2PL
таай
дядя (со стороны матери)
‘Рассказывайте, рассказывайте, дядя.’

Таблица 1

Показатели императива в алтайском языке

Table 1

Indicators of the imperative in the Altaic language

№ примера	Лицо	Форма					
		положительная			отрицательная		
		ед. ч.	неед. ч.	неед. ч.	ед. ч.	неед. ч.	неед. ч.
1	1-е	–	=ААк		–		=БААк
2	1-е	–	=ААкАр		–		=БААкАр
3	1-е	–	=й/ААлЫ		–		=БААлЫ*
4, 5	1-е	–	=й/ААлЫк / =й/ААлЫкАр*		–		=БААлЫк / =БААлЫкАр*
		ед. ч.	мн. ч.	мн. ч.	ед. ч.		мн. ч.
6, 7	2-е	=Ø		=(Ы)еАр / =ААр	=БА		=БАеАр / =БААр
8, 9	2-е	=САн		=САеАр	=БАеАн		=БАеАеАр
10	2-е	=ГЫн / =ГЫн (редкая)		–	–		–
11	2-е	–		=ГЫлА	–		=ГЫлАбА
12	3-е		=СЫн			=БАеЫн	

Знаком «звездочка» помечены гипотетически допустимые формы.

Специфической функцией императива 2-го л. в значении просьбы является ее использование в прошениях милости и благополучия у духов Алтая: говорящий обращается к очеловеченному, одухотворенному адресату-субъекту – духу-хозяину конкретной местности, конкретного источника, конкретной горы, тайги – с определенной просьбой, с верой, что на его просьбу будет отклик, она будет осуществлена, что отмечено и в тувинском языке [Ооржак, 2019, с. 36]. Но, в отличие от тувинского, в алтайском обращение к разным духам Алтая в большинстве случаев используется в форме вежливости на «Вы», редко на «ты»:

(4) *Агаруу санаа жайагаар! Арка-сынды јенилтеер! Балдарга сүүнчи беригер, Баш болзын, аржаным!* (Ередеев, 2009, с. 356)

агаруу	санаа	жайа=гаар	арка-сын=ды
святой	мысль	сотворить=IMP.2PL.HON	спина-рост=ACC
јенилт=еер		балдар=га	сүүнчи
облегчать=IMP.2PL.HON		дети=DAT	радость
бер=игер		баш болзын	аржан=ым
давать=IMP.2PL.HON		Господи	целебный источник=POSS.1SG

‘Сотворите святыи мысли! Дайте здоровье! Детям дайте радость! О, Господи, мой высокочтимый целебный источник!’

(5) *Алтай кудайым меге болуш!*

Алтай	Кудай=ым	меге	болуш=Ø
Алтай	Бог=POSS.1SG	я.DAT	помогать=IMP.2SG

‘Мой Бог Алтай, помоги мне!’

Форма 2-го л. ед. ч. в значении инструкции используется в благословениях, напутствиях и наказах, обращенных говорящим непосредственно к адресату. Адресатом действия, реализация которого происходит по желанию говорящего, может быть не только одушевленное лицо, как отмечено в новой «Грамматике современного алтайского языка» [ГСАЯ, 2017, с. 335], но и неодушевленный предмет, что демонстрируют примеры (6), (7):

(6) *Кийис басса, алкаар: Тенери сууга өтпös бол, Эдингенге чöйилбес бол!* (УУС, 2010, с. 10)

кийис	бас=са	алка=ар	тенери
войлок	валять=COND	благословлять=PrP	небо
суу=га	өт=пös	бол=Ø	эдин=ген=ге
вода=DAT	промокать=NEG.PrP	быть=IMP.2SG	пользоваться=PP=DAT
чöйил=бес		бол=Ø	
растягиваться=	NEG.PrP	быть=IMP.2SG	

‘Когда валяют войлок, то благословляют (так): не промокай в дождь, не растягивайся [не потеряй свою форму], когда будет пользоваться тобой хозяин!’

(7) *Јааш келеетсе, айдар: јаан кырдын ары јанына јаа! Јаандардын эжигине јаа!* (УУС, 2010, с. 13)

јааш	кел-е-ет=се	айд=ар
дождь	идти-CV-AUX: лежать=COND	говорить=PrP
јаан	кыр=дын	ары
большой	гора=GEN	тот
јаа=Ø		сторона=POSS.3=INFX=DAT
идти (о дожде)=IMP.2SG		начальник=PL=GEN

эжиг=и=н=е јаа=Ø
двор=POSS.3=INFX=DAT идти (о дожде)=IMP.2SG
‘Когда собирается дождь, говорят: лей на той стороне горы, лей на дворах начальников!’

Вежливое побуждение к действию, переплетенное с семантикой просьбы, выражается в алтайском языке формами =CAn (2-го л. ед. ч.) и =CAzAp (2-го л. мн. ч.), а также древней формой =ГЫн или =ГЫн (2-го л. ед. ч.), характерной для фольклорных текстов (подробнее см. [ГСАЯ, 2019, с. 338–339]).

В системе императива 2-го л. мн. ч. рассматривается аффикс =ГЫла со значением категоричного императива, так как этот аффикс участвует в повелении ко 2-му л. мн. ч. [Озонова, 2018, с. 34], т. е. ко многим адресатам:

(8) *Онын учун оосторын танатан бѳстѳ келгиле! Ончолорынга јарт па? Сазнательный болгыла!* (Кокышев, 1971, с. 80)

онын учун	оос=тор=ын	тан=атан
поэтому	рот=PL=POSS.2SG	завязывать=PART
бѳс=тѳ	кел=гиле	ончо=лор=ын=a
тряпка=POSSV	приходить=IMP.2PL	все=PL=POSS.2SG=DAT
јарт па	сазнательный бол=гыла	
ясно Q	сознательный быть=IMP.2PL	

‘Поэтому все приходите с тряпкой для завязывания ртов! Всем понятно? Будьте сознательны!’

Таким образом, главное отличие форм императива 2-го л. мн. ч. от 2-го л. ед. ч. состоит в том, что данная форма применяется как в неофициальной речи, так и в официальной, адресатом и субъектом реализации каузируемого действия может быть как одно лицо, так и множество лиц, в обоих формах каузация исходит от говорящего, исполнение каузируемого действия может быть как в интересах говорящего (фактитивный каузатив), так и в интересах адресата (пермиссивный каузатив). 2-е л. ед. ч. императива используется в фольклорных контекстах в обращении к духам – адресатам-субъектам, причем не только к одушевленным лицам, но и к неодушевленным предметам (обычно священным объектам, явлениям природы и т. п.). Во 2-м л. мн. ч. аффикс =ГЫла может выступать в значении категоричного императива.

Форма 3-го лица единственного и множественного числа на =Сын

Когда употребляется форма 3-го л. императива, то исполнителем является референт, который не принимает участие в речевом акте. Референтом действия, выраженного глаголом в форме императива на =СЫн, может быть как один исполнитель, так и множество исполнителей. Референт императива 3-го л. может быть одушевленным лицом (человек и нечеловек, например: животное) и неодушевленным объектом. В речевом акте при императиве 3-го л. участвуют три лица, в отличие от императива 2-го л.: первое – говорящий, субъект желания, второе – адресат-посредник, передающий желание или волю говорящего, третье – субъект-исполнитель действия, который не участвует в речевом акте, но на которого направлена каузация, т. е. 3-м л. выражается косвенный императив. 3-е л. мн. ч. императива редко выражается добавлением к форме =СЫн аффикса множественности на =ЛАр, форма =СЫнЛАр характерна для разговорной речи, см. пример (9).

(9) *Энем аржан суула јунунзын, алканзын!* (Ередеев, 2009, с. 261)

эне=м аржан суу=ла јун=ун=зын
мать=POSS.1SG целебный вода=INSTR мыться=REFL=IMP.3SG
алка=н=зын
благословлять=REFL=IMP.3SG

‘Пусть моя мама целебной водой моется, просит благословения для себя!’

(10) *Ол ишти бойлоры этсиндер!*

ол иш=ти бой=лор=ы эт=син=дер
та работа=ACC сам=PL=POSS.3 делать=IMP.3=PL

‘Ту работу пусть они сами делают!’

Далее мы подробно остановимся на семантических особенностях формы 3-го л., когда референтом является неодушевленное или одушевленное лицо, но не человек; такие особенности не отмечались в [ГСАЯ, 2017, с. 335].

Когда каузируемый субъект – не человек, а животное, то говорящим передается скорее его желание, воля, т. е. в данном случае с императивным значением переплетается оптативное. Адресат – пассивный слушатель желаемого действия субъекта-каузатора:

(10a) *Ак-малым тыш турзын!* (УУС, 2010, с. 10)

ак мал=ым тыш тур=зын
белый скот=POSS.1SG мирно стоять=IMP.3SG

‘Пусть мой скот спокойно живет!’

Специфичным употреблением императивной формы 3-го л. ед. ч. является ее функционирование в фольклоре: благопожеланиях, заклинаниях и проклятиях, где доминирует оптативная семантика, состоящая в желании говорящего словами воздействовать на реальную действительность.

(11) *Айыл туткан бу балдар*

Амыр энчү јуртазын (УУС, 2010, с. 95)

Айыл тут=кан бу балдар амыр
семья создать=PP этот дети мирно
энчү јурта=зын
спокойно жить=IMP.3

‘Эти молодожены пусть живут в мире и согласии!’

В примере (11) говорящий выражает свое пожелание 3-м лицам, чтобы они сами действовали для себя и своего блага в соответствии с содержанием этих высказываний говорящего, т. е. здесь присутствует императивная семантика наряду с оптативной.

А в проклятиях и заклинаниях говорящий косвенно выражает пожелания зла референту:

(12) *Айткан сөзинг бойынга јетсин!*

айт=кан сөз=инг бой=ын=a
говорить=PP слово=POSS.2SG сам=POSS.2SG=DAT
јет=син
достигать=IMP.3SG

‘То [плохое], что ты сказал, пусть оно тебя самого постигнет!’

Таким образом, 3-м л. ед. и мн. ч. императива выражается повеление говорящего референту через посредника, т. е. семантика косвенного императива; референтом, не участвующим в речевом акте, может быть как одушевленное, так и неодушевленное лицо; в благопожеланиях и проклятиях в зависимости от контекста проявляется оптативно-императивная или чисто оптативная семантика.

Императив 1-го лица

В работе Е. И. Убрятовой, когда речь идет об императиве 1-го л. в тюркских языках, выделяются такие категории, как категория включительности (инклюзив) и исключительности (экслюзив) [Убрятова, 2011, с. 261]. Понятия «инклюзив» и «экслюзив» были впервые использованы К. Грёнбеком в отношении местоимений в якутском языке *эн биһикки* ‘мы с тобой’ и *кени биһикки* ‘мы с ним’, о семантике включительности, которая выражается показателями двойственного числа на *=ыаҕ=ын* в якутском, также говорит Л. Н. Харитонов [1947]. О форме двойственного числа в парадигме повелительного наклонения отмечается в работе Е. И. Коркиной [1970, с. 148]. Е. И. Убрятова отмечает, что в современном якутском разговорном и литературном языке формы исключительности и включительности в парадигме императива наблюдаются, хотя они определяются как формы двойственного и множественного числа [2011, с. 262]. В тюркских языках Сибири (в тувинском, тофаларском, хакасском) понятия включительности (инклюзива) / исключительности (экслюзива) применяются в области местоимений и показателей повелительного наклонения 1-го л. [ГТЯ, 1961, с. 165; Карпов, 1975, с. 189–192; Рассадин, 1978, с. 79; ГСАЯ, 2017, с. 336, Ооржак, 2019, с. 43].

И. А. Невская в сибирских тюркских языках выделяет формы минимального и расширенного инклюзива, а также экслюзива, по наличию которых разделяет сибирские тюркские языки на 2 группы: 1) языки, различающие формы минимального и расширенного инклюзива (например, тоф. *al=aali* ‘Давай возьмем (ты и я)’, *al=aaliŋ* / *al=aaliŋar* ‘Давайте возьмем (вы и я)’); 2) языки, различающие формы экслюзива, минимального и расширенного инклюзива, куда относится только хакасский язык (*al=aŋ!* ‘Давай возьмем!’, *Al=aŋnar!* ‘Давайте возьмем!’, *Al=i:biŋ!* ‘Давайте мы возьмем (но не ты)!’ [Невская, 2012, с. 78].

Таблица 2

Формы 1-го лица императива в алтайском языке

Table 2

Forms of the 1st person imperative in the Altai language

Форма	Исполнители		
	я + ты	я + он, но не ты	я + мы, я + все, включая тебя / вас
= <i>Аак</i>	<i>бар=aак</i> ‘пойдем’	—	—
= <i>АактАар</i>		—	<i>Бар=aактар</i> ‘я + множество лиц: пойдемте’
= <i>Аалы</i>	<i>Бар=aалы</i> (я и ты)	—	
= <i>АалЫк</i>	<i>Бар=aалык</i> (я и ты)	—	
= <i>АалЫктАр</i>	—	—	<i>Бар=aалыктар</i> ‘я + множество лиц: пойдемте все’

Из табл. 2 видно, что в алтайском языке императив 1 л. неединственного числа выражается в двух вариантах: 1) состав исполнителей состоит из двух персон (я – говорящий, ты – адресат) – минимальный инклюзив; 2) количество исполнителей больше двух человек (я – говорящий, мы / вы – множество-адресатов исполнителей) – расширенный инклюзив, что отмечено и другими исследователями тюркских языков [Коркина, 1970, с. 48; Рассадин, 1978, с. 225; ГСАЯ, 2017, с. 336–337]. В тувинском языке, по мнению Б. Ч. Ооржак, кроме этих двух вариантов, по комбинации субъектов действия имеется третий вариант «я + он», хотя этот вариант не имеет специфического показателя, а выражается как контекстуальное значение минимальной инклюзивной формы [Ооржак, 2019, с. 43].

В алтайском языке местоимениями *бис* ‘мы’, *бис* плюс аффикс множественного числа на *=Лар* ‘мы’ – это ‘я, ты / вы и он(а) / они’; *слер* ‘вы’ – *слерлер* ‘вы все, вы с ними’ описывается множественность, а не инклюзив и эксклюзив, что ранее отмечено и у И. А. Невской: «противопоставлены не минимальный и расширенный инклюзив, а группы лиц другим лицам, нередко ироничное: мы и нам подобные, вы и вам подобные» [Nevskaya, 2005, p. 339–357].

В отличие от императивных форм 2-го и 3-го л., где имеется в большинстве случаев семантика неотлагательности исполнения действия от каузатора, императивом 1-го л. неединственного числа может выражаться призыв к совместному действию, где говорящий принимает непосредственное участие, но при этом каузируемый адресат может не выполнять просьбу говорящего. Разными формами передаются разные оттенки просьбы, призыва (ненавязчивое побуждение, категоричный призыв, смягченное приглашение) в зависимости от контекста. Ср. примеры (13) и (14):

- (13) *Эртен ойто мында келип отураалы!* (Манитов, 2002, с. 136)
 эртен ойто мында кел=ип отур=аалы
 завтра опять здесь приходить=CV сидеть=IMP.1DUAL
 ‘Давай завтра еще раз придем и тут посидим!’
- (14) – *Эрте, Тома. База эмеш отураак?!* (Манитов, 2002, с. 146)
 эрте Тома база эмеш отур=аак
 рано Тома еще немного сидеть=IMP.1DUAL
 ‘– Рано, Тома. Давай еще немного посидим?!’

В обоих предложениях присутствуют значения желания и побуждения говорящего к совместному совершению действия «я и ты» (минимальный инклюзив), но в примере (13) обращение ненавязчивое, в отличие от примера (14), где призыв к совместному действию, не терпящий возражений со стороны адресата. Второе самое главное отличие состоит в том, что в примере (13) выражается будущее время, а в (14) – настоящее время данного момента.

В примере (15) семантика призыва адресована к множеству исполнителей, а в примере (16) обращение к одному адресату-субъекту, конкретно к малознакомому человеку, на «Вы», выражается «вежливая» форма императива, т. е. значение расширенного инклюзива (Вы и я).

- (15) *Јен-јенистен тудужып,
 Јыргаалактар, јүрелер!* (Кокышев, 1971, с. 93)
 јен-јенис=тен туд=уж=ып јырга=алак=тар
 рукав-рукав=ABL держать=RECIP=CV гулять=IMP.1DUAL=PL
 јүре=лер
 подруга=PL
 ‘Взявшись за рукава, давайте погуляем, подруги!’

(16) – *Ўйге киреектер, мында не турус? – деп, Лена кенетийин манзаара берди.* (Кокышев, 1971, с. 89)

ўй=ге кир=еек=тер мында не
дом=DAT заходить=IMP.1DUAL=PL здесь что
тур=ус деп Лена кенетийин манзаар=a
стоять=PRES.1PL CONJ Лена вдруг торопиться=CV
бер=ди
AUX: дать=PAST
'– Что мы тут стоим, давайте зайдем в дом! – вдруг Лена начала торопиться.'

Таким образом, по данным предыдущих исследований (ГАЯ, ГОЯ, ГСАЯ), в алтайском языке в системе императива 1-го л. двойственного числа выделяются три формы призыва к адресату действия: =ААк, =ААлы, =ААлЫк, отличающиеся между собой только по одному признаку – по степени категоричности. Считается, что форма на =ААк передает сильную степень категоричности; форма на =ААлЫк – среднюю; форма на =ААлы – низкую. Наше исследование показывает, что между этими формами в зависимости от контекста имеется грамматическая оппозиция по времени.

Как известно, из тюркских языков только в якутском языке в категории императива имеются формы, различающиеся в первую очередь по временной дистанции до исполнения желаемого действия: первая из них выражает побуждение к немедленному действию; вторая передает побуждение к более позднему действию. Первая группа имеет полную парадигму, в отличие от другой, где представлено только 2-е л. Императив отдаленного будущего времени в якутском языке выражается двумя формами: 1) на =аар (2 л. ед. ч.), =ымаар (2 л. мн. ч.); 2) на =аарыый (2 л. ед. ч.), =ымаарыый (2 л. мн. ч.) [Коркина, 1970, с. 161–162]. По мнению Б. Ч. Ооржак, в тувинском и шорском функцию «отложенного» императива выполняет форма будущего времени на =Ар во 2-м л. [2019, с. 44].

В алтайской системе повелительного наклонения, как показывает наш материал, в ряде контекстов можно дифференцировать две формы с темпоральной оппозицией: «императив настоящего времени» и «императив будущего времени». Первую группу выражают формы 2-го л. на =ААк / =ААктыр и =ААлЫк / =ААлЫктыр, вторую группу представляет форма на =ААлы с семантикой менее категоричного побуждения. Получается, чем ниже степень категоричности, тем больше отдаление исполнения действия от момента речи. Ср. примеры (17), (18).

(17) – *Je кожондоп береектер!* (Манитов, 2002, с. 235)

je кожондо=п бер=еек=тер
но петь=CV AUX: дать=IMP.1DUAL=PL
'Ну, давайте споем [ему]!'

(18) *Jaан-Өзөктин бажын алып алаалык дейдим!* (Каинчин, 2003, с. 349)

Jaан-Өзөк=тин баж=ы=н ал=ып
Дьяан-Езек=GEN верхушка=POSS.3=ACC брат=CV
ал=аалык де=йд=им
AUX: брат=IMP.1DUAL говорить=PRES=1SG
'Я говорю, давай купим верхушку Дьяан-Езека!'

В примерах (17), (18) выражается категоричное императивное значение, призыв к совместному действию под строгим контролем говорящего, который должен быть выполнен в момент речи или в ближайшем будущем.

(19) *Ого крестьян хозяйство тудаалы!* (Каинчин, 2003, с. 349)

ого крестьян хозяйство туд=аалы
тот.DAT крестьянский хозяйство строить=IMP.1DUAL
'Давай там построим крестьянское хозяйство!'

(20) *Оймок, айыл-јуртту болоолы?! (Ередеев, 2009, с. 309)*

Оймок айыл-јурт=ту бол=оолы
Оймок семья=POSSV быть=IMP.1DUAL
'Оймок, давай создадим семью?!'

Последние примеры с формой на =ААЫI передают побуждение, направленное в будущее, при этом не предполагается немедленное исполнение действия прямым исполнителем.

В художественной литературе примеры с формой на =ААЫк встречаются не часто, кроме форм на =ААк / =ААктАр, =ААЫI, форма на =ААЫктАр относится к разговорному дискурсу.

Выводы

1. Императив в грамматических описаниях сибирских тюркских языков имеет полную парадигму. Некоторые исследователи алтайского языка в последнее время занимают особую позицию в этом отношении: форма императива-гортатива 1-го л. ед. ч. на =АйЫн выведена из парадигмы и отнесена к показателям желательного наклонения, т. е. к оптативу, хотя первыми авторами ГАЯ [1869] и Н. П. Дыренковой [ГОЯ, 1940] она рассматривалась в поле императивных форм.

2. Повеление говорящего референтом через посредника выражается 3-м л. ед. и мн. ч. императива, т. е. семантика косвенного императива; референтом-субъектом повелеваемого действия, не участвующим в речевом акте, может быть лицо как одушевленное, так и неодушевленное; в благопожеланиях и проклятиях, а также когда субъектом действия является 3-е л., но не человек, проявляется оптативная семантика.

3. Специфической особенностью алтайского императива является многообразие форм 1-го л. неединственного числа, обозначающего двух и более участников действия. Этот тип императива определяется как призыв к действию, различающий минимальный и расширенный инклюзив.

4. Впервые в алтайском языке в ряде контекстов выделяется употребление формы на =ААлы в функции отложенного императива, подобно якутскому языку.

5. В систему императивных форм включена форма на =ГЫЛА со значением категоричного императива 2 л. мн. ч.

6. Форма превентива на =ДЫн со значением апрехенсива нами не включена в систему императива алтайского языка, так как этой формой передается не побуждение, а предостережение адресату относительно возможных негативных последствий совершения действия.

Список литературы

Алмадакова Н. Д. О форме на =айын в языке теленгитов и в литературном алтайском языке // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай)». Горно-Алтайск, 2012. С. 69–76.

ГАЯ – Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

- ГОЯ – Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940. 303 с.
- ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
- ГТЯ – Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1961. 471 с.
- Закиев М. З. Татарский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 357–372.
- Карпов В. Г. Глагол // Грамматика хакаского языка. М., 1975. С. 163–245.
- Касевич В. Б. Труды по языкознанию: В 2 т.: СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 1. 664 с.
- Кононов А. Н. Турецкий язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 394–412.
- Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 308 с.
- Кормушин И. В. Глагол. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 240–326.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Москва; Вена, 1998. Т. 2. 543 с.
- Невская И. А. Категория инклюзива и эксклюзива в алтайских языках // Вестник ТГПУ. 2012. № 1 (116). С. 75–81.
- Озона А. А. Система косвенных наклонений в грамматических исследованиях по алтайскому языку // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (36). С. 33–44.
- Ооржак Б. Ч. Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2019. 52 с.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 669 с.
- Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 288 с.
- Убрятова Е. И. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск, 2011. 282 с.
- Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947. Ч. 1.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986.
- Nevskaya I. Inclusive and exclusive in Turkic languages. In: Filimonova E. (ed.). Clusiviti. Tipological and case studies of the inclusive-exclusive distinction. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2005, p. 339–357.

Список источников

- Ередеев А. Сургалжын. Горно-Алтайск, 2009.
- Каинчин J. Ёстибисте уч Сўмер. Горно-Алтайск, 2003.
- Кокышев Л. Мечин жылдыс. Горно-Алтайск, 1971.
- Манитов С. Кайкамчылу киж. Горно-Алтайск, 2002.
- УУС – Улаганнын укаалу сөстөри. Улалу, 2010.

Список условных обозначений

ABL – аблатив, **ACC** – аккузатив, **AUX** – вспомогательный глагол, **COND** – форма условного наклонения; **CONJ** – союз; **CV**– деепричастные формы, **GEN** –

генитив, **DAT** – датив, **DUAL** – двойственное число, **HON** – уважительная форма, **INFX** – инфикс, **INSTR** – орудный падеж, **IMP** – императив, **NEG** – отрицание, **PART** – причастная форма; **PAST** – форма на =ды прошедшего времени, **PI** – множественное число, **POSS** – посессив, **POSSV** – аффикс обладания, **PP** – причастная форма, **PRES** – форма настоящего времени, **PrP** – причастие будущего времени на =ар, **Q** – вопросительная частица; **RECIP** – совместный залог, **REFL** – возвратный залог; **SG** – единственное число, / – разграничитель значений в комплексной морфеме; **V** – глагол, = – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах; 1, 2, 3 – лицо; Ø – нулевая морфема.

References

- Almadakova N. D. O forme na =ayyn v yazyke telengitov i v literaturnom altayskom yazyke [On the form in =ayyn in the Telengit language and in the literary Altai language]. In: *Materialy 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitay)"* [Materials of the International scientific and practical conference "History and culture of peoples of South-Western Siberia and neighboring regions (Kazakhstan, Mongolia, China)"]. Gorno-Altaysk, 2012, pp. 69–76.
- Dyrenkova N. P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Grammar of the Oirot language]. Moscow, Leningrad, 1941, 302 p.
- Grammatika altayskogo yazyka* [Grammar of the Altai language]. Kazan, 1869.
- Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya* [Grammar of modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altaysk, 2017, 575 p.
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka, 1961, 471 p.
- Karpov V. G. Glagol [Verb]. In.: *Grammatika khakasskogo yazyka* [Grammar of the Khakass language]. Moscow, 1975, pp. 163–245.
- Kasevich V. B. *Trudy po yazykoznaniyu: V 2 t. T. 1* [Works on linguistics in 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, SPbU, Faculty of Philology, 2006, 664 p.
- Kharitonov L. N. *Sovremennyy yakutskiy yazyk. Fonetika i morfologiya* [Modern Yakut language. Phonetics and morphology]. Yakutsk, 1947, Pt. 1.
- Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Leningrad, Nauka, 1986.
- Kononov A. N. *Turetskiy yazyk* [Turkish language]. In: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Türkic languages]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 394–412.
- Korkina E. I. *Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke* [Verb moods in the Yakut language]. Moscow, Nauka, 1970, 308 p.
- Kormushin I. V. *Glagol. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Verb. Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Praturkic protolanguage. Picture of the world of the Praturkic ethnos according to the language data]. Moscow, Nauka, 2006, pp. 240–326.
- Mel'chuk I. A. *Kurs obshchey morfologii. T. 2* [Course of general morphology. Vol. 2]. Moscow, Vienna, 1998, 543 p.
- Nevskaya I. Inclusive and exclusive in Turkic languages. In: *Clusiviti. Typological and case studies of the inclusive-exclusive distinction*. Filimonova E. (Ed.) Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2005, pp. 339–357.

Nevskaya I. A. *Kategoriya inklyuziva i eksklyuziva v altayskikh yazykakh* [Category of inclusive and exclusive in Altaic languages]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012, no. 1 (116), pp. 75–81.

Oorzhak B. Ch. *Sistema grammaticheskoy modal'nosti v tuvinskom yazyke (v so-postavlenii s tyurkskimi yazykami Sibiri)* [The system of grammatical modality in the Tuvan language (in comparison with the Turkic languages of Siberia)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2019, 52 p.

Ozonova A. A. *Ozonova A. A. Sistema kosvennykh nakloneniy v grammaticheskikh issledovaniyakh po altayskomu yazyku* [System of indirect modes in grammatical research on the Altai language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2018, no. 2 (36), pp. 33–44.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moscow, RSUH Publ., 2011, 669 p.

Rassadin V. I. *Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [Morphology of the Tofalar language in comparative coverage]. Moscow, Nauka, 1978, 288 p.

Ubryatova E. I. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po tyurkskim yazykam* [Selected works. Research on Turkic languages]. Novosibirsk, 2011, 282 p.

Zakiev M. Z. *Tatarskiy yazyk* [Tatar language]. In: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Turkic languages]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 357–372.

List of sources

- Eredeev A. *Surgaljyn*. Gorno-Altaysk, 2009.
Kainchin J. *Ystybiste ych symer*. Gorno-Altaysk, 2003.
Kokyshev L. *Mechin jyldys*. Gorno-Altaysk, 1971.
Manitov S. *Kaykamchylu kizhi*. Gorno-Altaysk, 2002.
Ulagannyr ukaalu söstörü. Ulalu, 2010.

Сведения об авторе

Тазранова Алена Робертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

atazranova@mail.ru

ORCID 0000-0001-8149-9971

Information about the author

Alena R. Tazranova – Candidate of Philology, Senior Researcher at the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

atazranova@mail.ru

ORCID 0000-0001-8149-9971

УДК 81-114.2
DOI 10.17223/18137083/73/13

Техники перспективизации текстового события и предикативные конструкции с непрямыми именными группами

М. И. Киосе

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

Аннотация

Исследуются техники конструирования перспективы в ситуациях использования не-
прямых именных групп в предикативной позиции в русском языке. На материале пред-
варительной выборки и последующего корпусного анализа с применением методик
статистического анализа и анализа корреляций определяются параметры и показатели
оформления не прямых именных групп в ядре предиката, в предикативных конструкци-
ях с семантикой кажимости и фиктивного движения, в сравнительных конструкциях.
Устанавливаются отличительные для данных образцов техники перспективизации при
конструировании текстового события с участием его компонента, выраженного непря-
мой именной группой. К ним отнесены техники пути ментального сканирования объек-
та перспективы, конструирования объекта перспективы и техника конструирования
системы координат.

Ключевые слова

перспектива, не прямая именная группа, предикация, техники перспективизации

Для цитирования

Киосе М. И. Техники перспективизации текстового события и предикативные конст-
рукции с непрямыми именными группами // Сибирский филологический журнал. 2020.
№ 4. С. 188–204. DOI 10.17223/18137083/73/13

Perspective construal techniques in indirect non-referential naming

M. I. Kiose

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The research explores the perspective construal techniques applied in predicate indirect noun
groups in Russian. In this case, the discourse perspective is construed with a highly salient ob-
ject of perspective in the construed frame of reference. To achieve this effect, the speaker /
narrator chooses a particular type of predicate indirect noun groups, such as predicate con-
structions with the verbs of fictive motion, appearance, and being (existence) or comparative
constructions. Each of these construction types demonstrates its own linguistic and cognitive
features, which are used to apply various perspectivization techniques to ensure that its inter-
pretation will proceed successfully. To detect these techniques, a complex procedure is ap-

© М. И. Киосе, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

plied. Hand-selected fragments analysis followed by corpus statistic and correlation analysis help define the parameters and values in predicate indirect noun group constructions. These parameters are referential (bodily modus type, referent type, referent focus type), lexical (first / repeated lexeme use, type of attribute in pre-position, intensifier type in pre-position), syntactic (sentence initial / final position, position before a clause, co-reference distance in words and propositions) and textual ones (textual role, new microevent introduction). Variance analysis has revealed a group of parameters typical for the studied construction types of predicate indirect noun groups. Parametric results allow describe the typical techniques of object mental scanning, object construal, frames of reference (coordinate system) construal. These include the techniques of mental path shortening / prolongation, embodiment construal alleviation / constraining, animated / non-animated object construal, stability / instability of frames of reference, etc.

Keywords

perspective, indirect noun group, predication, perspectivization techniques

For citation

Kiose M. I. Perspective construal techniques in indirect non-referential naming. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 188–204. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/13

Введение **Проблема репрезентации синтаксиса** **при конструировании перспективы текстового события**

Вопрос о том, как распределяется характеризующая и идентифицирующая нагрузка не прямых именных групп в зависимости от их синтаксической позиции получил обстоятельное решение в теориях синтаксической семантики и ономастиологии (см. [Гак, 1977; Арутюнова, 1978; Падучева, Успенский, 1979; Кубрякова, 1984; Буров, 2012] и др.). Не меньший интерес представляет исследование особенностей конструирования текстового события, для описания которого выбираются разные синтаксические конструкции с участием не прямых именных групп. В когнитивной лингвистике анализ конструирования событий может проводиться с целью установления компонентов события (в этом случае используется фреймовый анализ) и с целью определения возможных отношений между этими компонентами. Во втором случае в фокус исследования попадают техники конструирования перспективы события; при этом событие подвергается изучению с учетом точки обзора субъекта (наблюдателя), типа объекта, пути ментального сканирования объекта или пути от одного образа объекта до другого, системы координат события [Langacker, 1993; 2000; MacLaury, 2002; Taylor, 2003; Głaz, 2013; Ирисханова, 2013; Петрова, 2017]. В настоящей работе исследуются когнитивные техники конструирования перспективы текстового события, которые определяют выбор разных синтаксических конструкций для окказиональных не прямых именных групп.

Общие особенности конструирования перспективы **при использовании не прямых именных групп** **в предикативной позиции**

Объектом анализа выступают не прямые именные группы в составе именного предиката в постпозиции к глаголу существования или с опущенным глаголом

существования, ср. (1а) и (1б), в составе выражений с глаголами кажимости и фиктивного движения (1в), в сравнительных конструкциях (1г)¹.

(1а) *В одном шотландском городе жила большая чёрная собака. Правда, сначала она была **маленькой белой кошкой*** (Н. Босмит. Собака, которая была кошкой. НКРЯ);

(1б) *Бах! Я – **волшебная палочка!** Приношу пользу людям* (А. Дудолодов. Бац – и готово! НКРЯ);

(1в) *Дом сделался **некой дачей**, куда родители отправляли меня к старикам на воскресенья, томительные календарные праздники и однообразные каникулы* (М. Палей. Поминование. НКРЯ);

(1г) *Она не ругалась, не плакала, она говорила коротко и властно, как **полководец** в разгар сражения, и родственники её слушались* (А. Зайцев. Братья. НКРЯ).

Представляется интересным выяснить, какие техники перспективизации разграничивают данные использования и управляют выбором более и менее выделенной синтаксической конструкции.

Отметим, что в работах, выполненных в русле синтаксической семантики, обширное описание получили структурно-семантические показатели разных типов предикативного использования именных групп. В частности, внимания удостоились конструкции с и без использования глагола существования *быть*, так как, во-первых, этот вопрос тесно связан с выбором падежной конструкции именного компонента предиката в русском языке, во-вторых, с грамматикализацией глагола *быть*, которая становилась объектом многих исследований [Арутюнова, 1997; Пешковский, 2001 (1914); Шмелев, 2002; Борщев, Парти, 2008; Сигал, 2012]. При этом в большинстве работ семантика предложения исследуется через анализ семантических и формальных характеристик самого глагольного предиката [Падучева, 1992; 2005; Апресян, 2012]. На предмет наличия тех или иных референциальных характеристик предикативные номинации рассматриваются в составе синтаксических структур с семантикой кажимости, а также в составе эксплицитных сравнительных конструкций [Арутюнова, 1999; Кустова, 2004; Кобозева, 2007; Летучий, 2017].

Однако выбор той или иной конструкции не ограничивается исключительно семантическими характеристиками именных групп и предикатов; он также связан с особенностями конструирования перспективы текстового события и встраивания в него объекта перспективы, означиваемого сначала прямой именной группой в позиции субъекта предложения, а затем и непрямой именной группой в позиции предиката. Так, наличие или отсутствие предиката существования *быть* может облегчать или затруднять путь ментального сканирования объекта перспективы, так как в первом случае этот путь будет разворачиваться более постепенно, а во втором – более неожиданно, ср. (2а) и (2б):

(2а) *А дача таким домом не была. Она была **большой колыбелью**, с которой для каждого начиналось постижение мира* (А. Варламов. Купавна. НКРЯ);

¹ Здесь и далее все примеры (где не указан источник примеров) приведены по результатам анализа, проведенного с использованием Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

(2б) **А дача таким домом не была. Она – **большая колыбель**, с которой для каждого начиналось постижение мира.*

Путь ментального сканирования объекта несколько облегчается при этом за счет использования автором (согласно нормам языка) графического маркера (тире), который подготавливает читателя к формированию нового интегративного конструкта.

Если окказиональной непрямой именной группе предшествует глагол кажимо-сти, то актуализация визуального модуса будет способствовать облегчению пути ментального сканирования объекта, ср. (3а) и (3б):

(3а) *С тех пор эти красные решетчатые полусферы, возвышающиеся почти в каждом дворе, стали казаться мне **эхом** породившей нас культуры* (В. Пелевин. Ника. НКРЯ);

(3б) **С тех пор эти красные решетчатые полусферы, возвышающиеся почти в каждом дворе, стали **эхом** породившей нас культуры.*

Если конструируемый образ объекта перспективы имеет два характеризующих фокуса, в ядре именной группы и в атрибуте в препозиции (например, в качественном прилагательном), то путь ментального сканирования затрудняется, ср. (4а) и (4б). Введение в препозиции идентифицирующего фокуса (например, в относительном прилагательном), напротив, способствует облегчению конструирования, как в (4б), где в препозиции к окказиональному непрямому имени *совесть* используется относительное прилагательное *архитектурным*:

(4а) *И сама Валька давно уже тоже воплотила свои мечты в жизнь, она стала **дородной крысой**, превратила Эдика в крысёнка и теперь хлопотала, устраивая новую жизнь в подвале телевидения, как раз под кладовой ресторана* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница. НКРЯ);

(4б) *Только что мозг помещался, как в чаше, в своём природном ложе и казался **архитектурным сооружением*** (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света]. НКРЯ).

При этом концептуальный фокус атрибута может значительно облегчать путь ментального сканирования объекта, ср. (5а) и (5б), позволяя идентифицировать объект перспективы:

(5а) *Грудь ее сбоку похожа на **фигурную** скобку* (С. Носов. Фигурные скобки. НКРЯ);

(5б) **Грудь ее сбоку похожа на **скобку**.*

Как мы указали выше, помимо пути ментального сканирования в современной когнитологии (в том числе, в когнитивной психологии и семиотике) описаны различные компоненты перспективы и перспективизации как процесса конструирования текстового события: субъект речи (иногда процесс конструирования наблюдателя исследуют отдельно как процесс субъективизации), объект перспективы, точка обзора, ракурс, масштаб, система координат (см., например, в [Langers, 2000; Levinson, 2003; Heller et al., 2008; Ирисханова, 2013; Петрова, 2017]). Перечисленные компоненты анализируются чаще всего при изучении разных типов дискурса (см., например, [Sanders, Redeker, 1996; Perspective and Perspectivation in Discourse, 2002; Kibrik, 2011; Clark, 2016]), при этом также исследуется роль не прямых именных групп в создании этих типов дискурса [Boroditsky, 2000;

Moore, 2004; Musolf, 2016; Pascual, Oakley, 2017]. Однако, как мы полагаем, и в условиях одного текстового события можно наблюдать особенности конструирования перспективы, которые будут различать конструкции с именными группами в ядре предиката (с *быть* и опущенным *быть*) и в зависимых предикативных компонентах (сравнительных конструкциях и конструкциях с глаголами кажимости и фиктивного движения).

Типы предикативных конструкций с непрямыми именными группами и параметры их оформления

В основу исследования положен метод комплексной оценки факторов и параметров успешной интерпретации текстовых не прямых номинаций [Киосе, 2015], в ходе применения которого 1) устанавливаются значимые факторы интерпретации не прямых именных групп; 2) определяются лингвистические и когнитивные параметры оформления не прямой именной группы, показатели которых демонстрируют вариативность в сопоставляемых проявлениях; 3) с помощью анализа корпусной частотности устанавливаются относительные показатели этих параметров; 4) с помощью анализа корреляций и анализа значимости различий этих показателей определяются соответствия между разными параметрами при реализации рассматриваемого фактора; 5) с опорой на значимые расхождения показателей параметров выявляются техники конструирования текстового события. В рамках настоящего исследования в качестве фактора успешной интерпретации рассматривается фактор перспективы (перспективизации).

В ходе проведения первого этапа анализа из предварительно собранного корпуса примеров не прямых именных групп, отобранных методом сплошной выборки из русскоязычных современных художественных текстов (более двух тысяч примеров), был составлен список потенциально значимых для интерпретации данных единиц параметров (референциальных, лексических, синтаксических, графических, текстовых). Также были отобраны предикативные конструкции (ПК) оформления не прямых именных групп (ИГ), из которых для настоящего исследования мы привлекли следующие:

ПК1. [ИГ1 есть (был / будет) ИГ2] с не прямой именной группой ИГ2 в ядре предиката;

ПК2. [ИГ1 есть опущенное ИГ2] с не прямой именной группой ИГ2 в ядре предиката и опущенным предикатом существования;

ПК3. [ИГ1 казался (смотрелся) ИГ2] с не прямой именной группой ИГ2 в зависимых членах предиката при использовании с глаголами кажимости;

ПК4. [ИГ1 стал ИГ2], где не прямая именная группа ИГ2 используется после глагола фиктивного движения;

ПК5. [ИГ1 как ИГ2], где не прямая именная группа используется при эксплицитном сравнении.

Корпусный анализ показателей данных параметров был выполнен с использованием ресурсов НКРЯ с заданным подкорпусом современных (изданных после 1950 г.) прозаических художественных текстов. Обнаруженные ранее синтаксические конструкции были использованы в качестве единиц поиска, далее методом сплошной выборки были отобраны и выделены в отдельную группу примеры с не прямыми окказиональными существительными / именными группами. При общем количестве проанализированных примеров более 2,5 тыс. фрагментов, число отобранных для последующего анализа на предмет наличия / отсутствия показателей потенциальных параметров перспективизации составило 100 примеров.

Все примеры были обработаны с применением статистического анализа частотности наличия показателей параметров (по бинарному признаку, наличие или отсутствие показателей) и анализа значимых различий между численными показателями выборок.

Так, среди референциальных параметров значимыми оказались наличие показателей экстероцепции (телесного конструирования) при конструировании объекта, тип объекта перспективы, тип фокуса объекта. К лексическим параметрам отнесены кратность использования непрямого существительного, наличие препозитивного атрибута, тип атрибута, наличие интенсификатора, мотивированность лексемы. К синтаксическим и текстовым параметрам отнесены положение в составе предложения, расстояние между ИГ1 и ИГ2 одного объекта перспективы в пропозициях и словах, положение перед деепричастным оборотом, тип синтаксической роли не прямой именной группы, дейктическая ориентированность фрагмента (я / ты- и он-позиция). Также были оценены графический и орфографический параметры маркированности не прямой именной группы (например, наличие прописной буквы или знака препинания в пропозиции).

Для проведения анализа были сопоставлены показатели частотности использования параметров в пяти конструкциях. При этом в некоторых случаях были задействованы сразу две конструкции, например, с глаголом фиктивного движения и глаголом кажимости, как в примере (3а). Такие примеры мы рассматривали и оценивали в рамках обеих конструкций. Всего анализ проводился по 44 параметрам, в таблице приведены показатели параметров, демонстрирующих наиболее значимые отклонения.

Покажем, как распределились количественные показатели параметров (см. таблицу).

Анализ показателей дает возможность установить те параметры, которые в большей степени различают оформление не прямых именных групп, находящихся в рассматриваемых конструкциях. Так, при использовании конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2] редко задействуются языковые средства, означающие способы телесного конструирования, особенно с участием визуального модуса, а при использовании конструкций [ИГ1 выглядит ИГ2] и [ИГ1 есть ИГ2] – значительно чаще. Сравнительные конструкции [ИГ1 как ИГ2] чаще используются для означивания референта-человека и единичного референта, в частности. В конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2] почти нет атрибута в пропозиции и особенно атрибута с характеризующим фокусом, при этом в большинстве случаев имеет место морфологически мотивированный характер именной лексемы, а сама именная группа часто располагается в конце клаузы. В конструкции [ИГ1 становится ИГ2] чаще, чем в других случаях, задействуется интенсификатор. В ситуациях с конструкциями [ИГ1 выглядит ИГ2] и [ИГ1 становится ИГ2] мы обнаружили самое большое расстояние в словах и пропозициях между именными группами субъекта и предиката предложения, а с конструкцией [ИГ1 есть ИГ2] – самое короткое. Повышение значимости роли субъекта наблюдения обнаруживается при использовании конструкций [ИГ1 есть ИГ2] и [ИГ1 есть опущ. ИГ2]. Возрастание агентивности объекта перспективы наблюдается в конструкции [ИГ1 как ИГ2]. Чаще маркируются с помощью средств орфографии (тире и запятая) конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2] и [ИГ1 как ИГ2].

Параметры и показатели (количество и процентное отношение) оформления предикативных не прямых именных конструкций
Parameters and values (frequency and ratio) of predicate indirect names constructions

Параметры	[ИГ1 есть ИГ2]	[ИГ1 есть опущ. ИГ2]	[ИГ1 выглядит ИГ2]	[ИГ1 становится ИГ2]	[ИГ1 как ИГ2]
Общее количество	11	26	32	28	12
Референциальные параметры					
Наличие экстероцепции	4 (0,36)	5 (0,19)	17 (0,53)	8 (0,29)	3 (0,25)
Визуальный модус	2 (0,18)	2 (0,08)	14 (0,44)	3 (0,11)	2 (0,17)
Кинестетический модус	2 (0,18)	3 (0,12)	4 (0,13)	5 (0,18)	2 (0,17)
Абстрактный референт	2 (0,18)	12 (0,46)	6 (0,19)	9 (0,32)	0 (0,0)
Единичный референт	9 (0,82)	19 (0,73)	26 (0,81)	22 (0,76)	11 (0,92)
Референт – человек	4 (0,36)	12 (0,46)	11 (0,34)	15 (0,54)	10 (0,83)
Характеризующий фокус	9 (0,82)	23 (0,88)	27 (0,84)	25 (0,89)	11 (0,92)
Лексические параметры					
Повторное использование лексемы	1 (0,09)	4 (0,15)	1 (0,03)	2 (0,07)	1 (0,08)
Атрибут в препозиции	8 (0,73)	12 (0,08)	18 (0,56)	13 (0,46)	4 (0,33)
Характеризующий атрибут в препозиции	5 (0,45)	7 (0,27)	13 (0,41)	9 (0,32)	2 (0,17)

Окончание таблицы

Параметры	[ИГ1 есть ИГ2]	[ИГ1 есть опущ. ИГ2]	[ИГ1 выглядит ИГ2]	[ИГ1 становится ИГ2]	[ИГ1 как ИГ2]
Интенсификатор (наречие) в препозиции	1 (0,09)	4 (0,15)	0 (0,0)	9 (0,32)	0 (0,0)
Мотивированность лексемы	5 (0,45)	17 (0,65)	9 (0,28)	7 (0,25)	2 (0,17)
Синтаксические и текстовые параметры					
Положение в конце предложения / клаузы	4 (0,36)	14 (0,54)	9 (0,28)	7 (0,25)	5 (0,42)
Положение перед оборотом	6 (0,55)	13 (0,5)	19 (0,59)	15 (0,54)	6 (0,5)
Анафорическое местоимение в препозиции	6 (0,55)	4 (0,15)	4 (0,13)	9 (0,32)	6 (0,5)
Расстояние (слов), среднее	0,49	0,86	1,48	1,36	0,74
Расстояние (пропозиций), среднее	0,12	0,13	0,42	0,4	0,17
Я-Гы-дейксис	3 (0,27)	9 (0,35)	6 (0,19)	4 (0,14)	2 (0,17)
Текстовая роль агенса	1 (0,09)	1 (0,04)	0 (0,0)	7 (0,25)	4 (0,33)
Новое событие в постпозиции	5 (0,45)	10 (0,38)	15 (0,47)	14 (0,5)	7 (0,58)
Графическое маркирование	2 (0,18)	0 (0,0)	4 (0,13)	2 (0,07)	3 (0,25)
Орфографическое маркирование	2 (0,18)	19 (0,73)	2 (0,06)	4 (0,14)	7 (0,58)

Для установления значимости различий этих показателей был проведен анализ корреляций с выявлением коэффициента корреляции Пирсона в отношении показателей 44 параметров и пяти типов предикативных конструкций (ПК1–ПК5). При $k = 198$ и $p = 0,01$ значимыми будут показатели корреляции, превышающие 0,2. Ввиду того что таких проявлений оказалось достаточно много, приведем здесь только наиболее существенные зависимости (с коэффициентом корреляции выше 0,3).

Самые высокие индексы корреляции были обнаружены в отношении параметров использования визуального модуса для конструкции [ИГ1 выглядит ИГ2] (0,36), морфологической мотивированности для конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2] (0,363), наименьшего расстояния пропозиций для конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2] (0,376), орфографической маркированности для конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2] (0,522) и отсутствия орфографической маркированности для конструкции [ИГ1 выглядит ИГ2] (0,379), агентивность объекта перспективы в конструкциях [ИГ1 как ИГ2] (0,349) и [ИГ1 становится ИГ2] (0,314).

Выявленные отличия позволяют сделать ряд выводов об особенностях перспективизации в ситуациях использования не прямых именных групп в составе конструкций с глаголами существования, глаголами кажимости и фиктивного движения, а также в сравнительных конструкциях.

Техники перспективизации текстового события в предикативных не прямых именных конструкциях

Обнаруженные в ходе анализа зависимости в проявлениях различных параметров мы далее подвергаем анализу на предмет реализации тех или иных техник перспективизации при конструировании текстового события в отношении пути ментального сканирования, объекта перспективы, системы координат.

Техники конструирования пути ментального сканирования

Как мы обнаружили, при использовании глаголов существования сокращается сам путь ментальной траектории, которую необходимо проделать (читателю, автору) при интегрировании ментальных пространств, означиваемых двумя именными группами, прямой и не прямой, что значительно облегчает процесс интеграции, так как снижает необходимость длительного удерживания в памяти (в актуальном состоянии) референта прямого наименования. Вопреки ожиданиям, для конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2] этот путь оказывается не самым коротким, но его прохождение облегчается орфографическим маркированием, которое очевидно помогает читателю настроиться на конструирование нужной перспективы. Для конструкций [ИГ1 есть ИГ2] и [ИГ1 как ИГ2] путь ментального сканирования объекта дополнительно облегчается с помощью повторного наименования объекта анафорическим местоимением в препозиции. Для конструкций с глаголами фиктивного движения и кажимости этот путь оказывается достаточно длинным. Так, в (6а) и (6б) прямые именные группы в субъекте предложения и не прямые именные группы в предикате разделяют две пропозиции и достаточно большое (4 и 6 соответственно) количество слов.

(6а) *Трудности же в основном касались следующего: прохладная воздушная белизна, казавшаяся прежде сладкой, стала **тёплым, обвисшим и до скуки знакомым телом**, уже не привлекавшим и не радовавшим его* (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве. НКРЯ);

(6б) *Народный суд размещался на первом этаже и казался **надземным фундаментом** огромного жилого дома, выложенного из выпуклого серого камня* (А. Алексин. Раздел имущества. НКРЯ).

Для сопоставления приведем пример сравнительной конструкции с опущенным предикатом существования (7), где путь ментального сканирования объекта оказывается самым коротким как в пропозициях, так и в словах.

(7) *А жизнь – это просто **грязное стекло**, сквозь которое я лечу* (В. Пелевин. Желтая стрела. НКРЯ).

Таким образом, можно говорить о реализации техник сокращения / увеличения пути ментального сканирования в разных конструкциях.

Техники конструирования объекта перспективы

На конструирование объекта перспективы большое влияние оказывает использование лексических средств, передающих экстероцептивные ощущения, т. е. маркеров телесного конструирования.

При использовании конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2] резко снижается показатель телесного конструирования, это свидетельствует о том, что конструирование объекта будет происходить без участия телесных модусов (визуального, слухового, кинестезического, др.). В конструкциях [ИГ1 выглядит ИГ2] с глаголами кажимости (например, с глаголами *казался*, *смотрелся*), напротив, значимость телесного конструирования и визуального модуса возрастает, как в (8а).

(8а) *Я натянул зеленый, с оранжевой стропой, поношенный анорак и рядом с Андрюхой **смотрелся третьим полярным волком*** (М. Бутов. Свобода. НКРЯ).

При использовании конструкций с глаголами фиктивного движения (*стал*, *напоминает*, *сделался*) во многих случаях указатели телесного конструирования отсутствуют, ср. в примере (8б).

(8б) *Метафора стала **богом**, которому мы поклоняемся. В этом есть что-то языческое* (В. Катаев. Алмазный мой венец. НКРЯ).

Так, в примере (8а) актуализацию не прямой именной группы *третьим полярным волком* стимулирует введение предиката с телесной семантикой (*смотрелся*) в препозиции. В то же время в примере (8б) указания на телесную семантику нет. Таким образом, можно говорить о реализации техник усиления (при использовании глаголов кажимости) и ослабления (при использовании конструкций с опущенным предикатом существования) телесного конструирования объекта перспективы.

Мы полагаем, что общее снижение значимости телесного конструирования объекта перспективы становится возможным благодаря технике устойчивого ракурса перспективизации. Мы обратили внимание на существование обратной зависимости между показателями наличия телесного конструирования и уменьшенного расстояния между прямой и не прямой именными группами, очевидно, они «выбираются» говорящим в противофазе. Другими словами, если я использую, например, возможности визуального модуса при конструировании объекта перспективы, я могу позволить увеличить путь ментального сканирования. Схожая ситуация наблюдается и при использовании не прямых именных групп в субъектах предложения (см. [Киосе, 2018]). Таким образом, при использовании техники

неустойчивого ракурса перспективы усиливается влияние техники телесного конструирования объекта.

Конструирование объекта перспективы с использованием техники фокусирования его характеризующего содержания (концептуальная метафора) оказалось наиболее типичным для всех исследуемых конструкций.

Также, как мы заметили, техника выбора единичного объекта перспективы является основной в ситуации выбора любой из рассматриваемых конструкций.

В то же время наблюдаются некоторые различия в отношении типа самого объекта. Так, в сравнительных конструкциях [ИГ1 как ИГ2] в качестве объекта перспективы в два раза чаще, чем в других конструкциях, выступает человек. Для сравнительных конструкций не характерна техника конструирования объекта перспективы абстрактного типа, но в качестве объекта перспективы часто выступают именно единичные референты.

Для конструкции [ИГ1 есть опущ. ИГ2], однако, очень характерно означивание объекта абстрактного типа, что свидетельствует о том, что при конструировании абстрактного объекта перспективы мы чаще выбираем именно такую конструкцию.

Так, в примере (9) собирательный объект перспективы прямой именной группы *преподаватель и студенты* означивается непрямой именной группой, формально выраженной формой единственного числа и абстрактным существительным, так как конструируется не образ людей, а отношений между ними, т. е. интегрируются ментальные пространства в реализации метафорической модели ОТНОШЕНИЯ – ЭТО БОРЬБА. В данном случае можно утверждать, что конструируется абстрактный объект перспективы.

(9) *Он, преподаватель, и студенты – это длящаяся схватка добра и зла* (А. Азольский. Облдрамтеатр. НКРЯ).

В примере (10) формы множественного числа в действительности означивают объект с неопределенным статусом. Можно утверждать, что происходит реализация метафорической модели (ЛЮБОЙ) УЧЕНИК – ЭТО РОДНОЙ РЕБЕНОК. Поэтому используется техника конструирования слабоопределенного объекта перспективы.

(10) *Детей у неё не было, но она от этого не очень страдала: ученики – это дети в квадрате* (И. Грекова. Скрипка Ротшильда. НКРЯ).

Реализация данной техники синтаксически обеспечивается предикатным (не-референтным) статусом номинативной конструкции *дети в квадрате*.

Таким образом, наблюдаются значимые различия в выборе техник конструирования объекта перспективы при использовании конструкций [ИГ1 как ИГ2] и особенно [ИГ1 есть опущ. ИГ2]. Они позволяют представить объект перспективы в противопоставлении таких его характеристик, как конкретное и абстрактное, определенное и слабоопределенное.

Техники конструирования системы координат

Мы отметили снижение значимости формально выраженной смены персонального Я / Ты-дейксиса, что оказалось достаточно неожиданным для ситуаций с глаголами кажимости, глаголами фиктивного движения и сравнительными конструкциями. Однако этот численный показатель схож со значением показателя в ситуации с использованием не прямых именных групп в качестве субъекта пред-

ложения [Киосе, 2018], из чего мы заключаем, что смена перспективы персонального дейксиса, очевидно, сопровождается наиболее синтаксически салиентные, узнаваемые позиции не прямой именной группы. В описываемых ситуациях использования не прямых именных групп в сравнениях, конструкциях фиктивного движения и кажимости синтаксическая салиентность номинации ослаблена, так как синтаксический фокус оказывается распределен между глаголами существования / фиктивного движения / кажимости и не прямой именной группой. Возможно, сниженная синтаксическая салиентность не способствует смене дейктических моделей. Таким образом, при предикативном использовании не прямой именной группы реализуется техника конструирования устойчивой системы координат.

Как показал анализ, смена дейктических координат оказывается более характерной для ситуаций использования именной группы в ядре предиката с опущенным предикатом существования [ИГ1 есть опущ. ИГ2], как в (11), что дополнительно подтверждает высказанную выше гипотезу.

(11) *Марина – это **моя душа** перед решительным свиданием* (В. Катаев. Алмазный мой венец. НКРЯ).

В некоторых случаях смена персонального дейксиса наблюдается и в конструкциях с глаголами фиктивного движения, тогда в данных конструкциях используются дейктические местоимения (12а), иногда они играют роль интенсификаторов, а не идентификаторов (12б).

(12а) *Бочкарев заходил по площадке, отшивывая ногами ведра.
– Где уж мне с такой рожей. Может, это глупо... Я однажды замечал Голицына... Пришлось заседание вести, так мне все время казалось, что все смотрят на меня и смеются. Мне на людях всегда мучительно. Я себе **Квазимодой** кажусь* (Д. Гранин. Иду на грозу. НКРЯ);

(12б) – *Чай – это тебе не **война**, чай остывает* (В. Маканин. Кавказский пленный. НКРЯ).

Обращает на себя внимание возможность не прямых именных групп в предикате вводить новое текстовое событие, об этом также свидетельствует использование придаточных оборотов в постпозиции к не прямой именной группе, как в (13), где не прямая именная группа *огромный одуванчик* реализует семантическую категорию места в микрособытии подчинительного предложения.

(13) *Вмиг голова бурая окуталась мучной пылью и стала похожа на **огромный одуванчик**, из которого выглядывали красные глазки и высовывался ржавый язык* (Ю. Коваль. Лабаз. НКРЯ).

Применение техники введения точки отсчета для конструирования нового текстового события становится возможным за счет того, что объект перспективы предикативной не прямой именной группы занимает центральную позицию в системе координат. В данном случае *огромный одуванчик* как место становится точкой отсчета в конструировании нового микрособытия с новыми координатами: агенсами *красные глазки* и *ржавый язык* и новыми действиями *выглядывали* и *высовывался*. При этом объект предшествующего микрособытия становится местом для события последующего.

Заключение

В исследовании были определены параметры оформления предикативных конструкций с непрямыми именными группами и техники перспективизации текстового события, которые характерны для различных типов таких конструкций. С помощью корпусно-статистического анализа установлены основные параметры и их численные показатели в отношении не прямых именных групп, выраженных зависимыми членами предиката в постпозиции к глаголам существования (в том числе к опущенным), кажимости, фиктивного движения и структурам с эксплицитным сравнением. На основании данных показателей впоследствии были выявлены техники перспективизации, которые используются автором при конструировании текстового события в случае применения тех или иных конструкций. К ним мы отнесли техники конструирования пути ментального сканирования объекта перспективы, техники конструирования объекта перспективы и техники конструирования системы координат. Существование отличающихся техник позволяет предположить, что выбор предикативных конструкций диктуется разными техниками конструирования перспективы текстового события.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Грамматика глагола в активном словаре (АС) русского языка // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука / Под ред. Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского, Л. Ваннера и др. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 42–59.
- Арутюнова Н. Д.* Синтаксические функции метафоры // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1978. Т. 37. С. 251–262.
- Арутюнова Н. Д.* Бытийные предложения // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997. С. 57–59.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Борщев В., Парти Б.* Бытийные и локативные предложения – что их различает? Тема-рематическая структура или диатеза? // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 137–153.
- Буров А. А.* Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь; Пятигорск: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2012. 400 с.
- Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы) / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1977. С. 230–293.
- Ирисханова О. К.* О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. З. Демьянков. Москва; Тамбов: ИЯ РАН, ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. Вып. 15: Механизмы языковой когниции. С. 43–58.
- Киосе М. И.* Наименование в тексте: прямое и не прямое. М.: Онтонпринт, 2015. 330 с.
- Киосе М. И.* Факторы успешной интерпретации кореферентных не прямых номинаций: когнитивный анализ – статистика – эксперимент // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 3 (56). С. 16–26.
- Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М.: URSS, 2007. 352 с.
- Кубрякова Е. С.* О номинативном компоненте речевой деятельности // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 13–22.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Летучий А. Б. Сравнительные конструкции // Материалы к корпусной грамматике русского языка / Отв. ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. М.: Нестор-история, 2017. Вып. 2: Синтаксические конструкции и грамматические категории. С. 132–204.

Падучева Е. В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *Russian Linguistics*. 1992. Vol. 16. С. 53–63.

Падучева Е. В. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // *Вопросы языкознания*. 2005. № 5. С. 21–43.

Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // *Изв. АН СССР. Серия лит. и яз.* 1979. Т. 38, № 4. С. 349–360.

Петрова Н. Ю. Построение перспективы в тексте пьесы. М.: Культурная революция, 2017. 344 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

Сигал К. Я. Проблемы теории синтаксиса. М.: ИД «Ключ-С», 2012. 164 с.

Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. 888 с.

Boroditsky L. Metaphoric structuring: Understanding time through special metaphors // *Cognition*. 2000. No. 75. P. 1–28.

Clark H. H. Depicting as a method of communication // *Psychological Review*. 2016. Vol. 123 (3). P. 324–347.

Glaz A. Vantage theory as a model of categorization // *Vantage theory: A view on language, cognition and categorization* / Eds. A. Glaz, M. M. Moist, E. Tribushinina. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 249–292.

Heller D., Grodner D., M. K. Tanenhaus. The role of perspective in identifying domains of reference // *Cognition*. 2008. Vol. 108 (3). P. 831–836.

Kibrik A. A. Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011. 688 p.

Langacker R. Reference-point constructions // *Cognitive Linguistics*. 1993. Vol. 4 (1). P. 1–38.

Langacker R. Grammar and conceptualization. Amsterdam: Walter de Gruyter, 2000. 427 p.

Levinson S. Space in Language and Cognition. Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 414 p.

MacLaury R. Introducing vantage theory // *Language Sciences*. 2002. Vol. 24 (5–6). P. 493–536.

Moore K. Ego-based and field-based frames of reference in space to time metaphors // *Language, Culture, and Mind* / Eds. M. Achard, S. Kemmer. Stanford, CA: CSLI Publ., 2004. P. 151–165.

Musolf A. Political metaphor analysis: Discourse and scenarios. London: Bloomsbury, 2016. 208 p.

Pascual E., Oakley T. Fictive interaction // *Cambridge handbook of cognitive linguistics* / Ed. by B. Dancygier. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 347–360.

Perspective and Perspectivation in Discourse / Ed. by C. F. Graumann, W. Kallmeyer. Amsterdam: John Benjamins Publishing company, 2002. 400 p.

Sanders J., Redeker G. Perspective and the representation of speech and thought in narrative discourse // *Spaces, Worlds, and Grammar* / Eds. G. Fauconnier, E. Sweetser. Chicago: Chicago University Press, 1996. P. 290–317.

Taylor J. R. *Linguistic Categorization*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2003. 326 p.

Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 21.01.2019).

References

Apresyan Yu. D. Grammatika glagola v aktivnom slovare (AS) russkogo yazyka [The grammar of the verb in Active Dictionary (AD) of Russian]. In: *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Sb. st. v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Notions, texts and other inspiring subjects. Collected papers in honor of I. A. Melchuk]. Yu. D. Apresyan, I. M. Boguslavskiy, L. Vanner and others (Eds.). Moscow, LRC Publishing House, 2012, pp. 42–59.

Arutyunova N. D. Sintaksicheskie funktsii metafory [Syntactic functions of metaphor]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1978, vol. 37, pp. 251–262.

Arutyunova N. D. Bytiynye predlozheniya [Existential sentences]. In: *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [The Russian language: Encyclopedia]. Moscow, 1997, pp. 57–59.

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. 2nd ed., rev. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 896 p.

Boroditsky L. Metaphoric structuring: Understanding time through special metaphors. *Cognition*. 2000, vol. 75, pp. 1–28.

Borshchev V., Parti B. Bytiynye i lokativnye predlozheniya – chto ikh razlichayet? Tema-rematicheskaya struktura ili diateza? [Existential and locative sentences – what distinguishes them? The theme and rheme structure or the diathesis?]. In: *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst: Sb. st. v chest' E. V. Paduchevoy* [Dynamic models: Word. Sentence. Text: Collected papers in honor of E.V. Paducheva]. Moscow, LRC Publishing House, 2008, pp. 137–153.

Burov A. A. *Substantivnaya sintaksicheskaya nominatsiya v russkom yazyke* [Pro-nominal syntactic nominals in Russian]. Stavropol, Pyatigorsk, Stavropol State Univ. Publ., 2012, 400 p.

Clark H. H. Depicting as a method of communication. *Psychological Review*. 2016, vol. 123 (3), pp. 324–347.

Gak V. G. K tipologii lingvisticheskikh nominatsiy [Towards the typology of linguistic nominals]. In: *Yazykovaya nominatsiya (obshchie voprosy)* [Linguistic nominals (general issues)]. B. A. Serebrennikov (Ed.). Moscow, Nauka, 1977, pp. 230–293.

Głaz A. Vantage theory as a model of categorization. In: *Vantage theory: A view on language, cognition and categorization*. A. Głaz, M. M. Moist, E. Tribushinina (Eds.). Cambridge, Cambridge Scholars Publ., 2013, pp. 249–292.

Heller D., Grodner D., and M. K. Tanenhaus. The role of perspective in identifying domains of reference. *Cognition*. 2008, vol. 108 (3), pp. 831–836.

Iriskhanova O. K. O ponyatii perspektivizatsii v kognitivnoy lingvistike [Towards the notion of perspectivization in cognitive linguistics]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka: Sb. nauch. tr. Vyp. 15: Mekhanizmy yazykovoy kognitsii* [Cognitive studies of language: Coll. of sci. art. Iss. 15: Mechanisms of language cognition]. V. Z. Demyan-

- kov (Ed.). Moscow, Tambov, Institute of Linguistics RAS, Derzhavin TSU Publ., 2013, pp. 43–58.
- Kibrik A. A. *Reference in discourse*. Oxford, Oxford University Press, 2011, 688 p.
- Kiose M. I. *Naimenovanie v tekste: pryamoe i nepryamoe* [Naming in the text: direct and indirect]. Moscow, Ontoprint, 2015, 330 p.
- Kiose M. I. Faktory uspešnoy interpretatsii koreferentnykh nepryamykh nominatsiy: kognitivnyy analiz – statistika – eksperiment [Factors of successful interpretation of co-referent indirect names: cognitive analysis – statistics – experiment]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018, vol. 3 (56), pp. 16–26.
- Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, URSS, 2007, 352 p.
- Kubryakova E. S. O nominativnom komponente rechevoj deyatel'nosti [On the nominative component of speech activity]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1984, vol. 4, pp. 13–22.
- Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of secondary meanings and mechanisms of linguistic extension]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 472 p.
- Langacker R. Reference-point constructions. *Cognitive Linguistics*. 1993, vol. 4 (1), pp. 1–38.
- Langacker R. *Grammar and conceptualization*. Amsterdam, Walter de Gruyter, 2000, 427 p.
- Levinson S. *Space in Language and Cognition. Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 414 p.
- Letuchiy A. B. Sravnitel'nye konstruksii [Comparison constructions]. In: *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Vyp. 2: Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii* [Materials to the corpus grammar of the Russian language. Iss. 2: Syntactic constructions and grammatical categories]. V. A. Plungyan, N. M. Stojnova (Eds). Moscow, Nestor-istoriya, 2017, pp. 132–204.
- MacLaury R. Introducing vantage theory. *Language Sciences*. 2002, vol. 24 (5–6), pp. 493–536.
- Moore K. Ego-based and field-based frames of reference in space to time metaphors. In: *Language, Culture, and Mind*. M. Achard and S. Kemmer (Eds). Stanford, CA, CSLI Publ., 2004, pp. 151–165.
- Musolf A. *Political metaphor analysis: Discourse and scenarios*. London, Bloomsbury, 2016, 208 p.
- Paducheva E. V., Uspenskiy V. A. Podlezhashchee ili skazuemoe? (Semanticheskiy kriteriy razlicheniya podlezhashchego i skazuemogo v binominativnykh predlozheniyakh) [Subject or predicate? (Semantic criteria of differentiating subject and predicate in bi-nominal sentences)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1979, vol. 38, no. 4, pp. 349–360.
- Paducheva E. V. O semanticheskom podkhode k sintaksisu i genitivnom sub'ekte glagola BYT' [On semantic approach towards the syntax of genitive subject of the verb "byt'" (to be)]. *Russian Linguistics*, 1992, vol. 16, pp. 53–63.
- Paducheva E. V. Eshche raz o genitive sub'ekta pri otritsanii [Once again on the genitive case of the subject in negation]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2005, vol. 5, pp. 21–43.
- Pascual E., Oakley T. Fictive interaction. In: *Cambridge handbook of cognitive linguistics*. B. Dancygier (Ed). Cambridge, Cambridge University Press, 2017, pp. 347–360.

Perspective and Perspectivation in Discourse. C. F. Graumann, W. Kallmeyer (Eds). Amsterdam, John Benjamins Publ. Company, 2002, 400 p.

Petrova N. Yu. *Postroenie perspektivy v tekste p'esy* [Perspectivization construal in the text of plays]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2017, 344 p.

Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [The Russian syntax in scientific view]. 8th ed. Moscow, LRC Publishing House, 2001, 544 p.

Sanders J., Redeker G. Perspective and the representation of speech and thought in narrative discourse. In: *Spaces, Worlds, and Grammar*. G. Fauconnier, E. Sweetser (Eds). Chicago, Chicago University Press, 1996, pp. 290–317.

Sigal K. Ya. *Problemy teorii sintaksisa* [The problems of the theory of syntax]. Moscow, ID "Klyuch-S", 2012, 164 p.

Shmelev D. N. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku* [Selected papers on the Russian language]. Moscow, LRC Publishing House, 2002, 888 p.

Taylor J. R. *Linguistic Categorization*. 3rd ed. Oxford, Oxford University Press, 2003, 326 p.

List of sources

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 21.01.2019).

Сведения об авторе

Киосе Мария Ивановна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия)

maria_kiose@mail.ru
РИНЦ Author ID 341964
Scopus ID 56642747500
Web ID AAB-7989-2019
ORCID 0000-0001-7215-0604

Information about the author

Maria I. Kiose – Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Center of Socio-Cognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

maria_kiose@mail.ru
РИНЦ Author ID 341964
Scopus ID 56642747500
Web ID AAB-7989-2019
ORCID 0000-0001-7215-0604

УДК 811.512.151 + 81'367.51
DOI 10.17223/18137083/73/14

Изъяснительные конструкции в алтайском языке (на материале художественных и научных текстов)

А. А. Озонова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются структурные и семантические типы изъяснительных полипредикативных конструкций алтайского языка на материале художественных и научных текстов. Изъяснительные отношения выражаются монофинитными (причастно-падежными и причастно-последовательными) конструкциями и бифинитной со скрепой *dep.* Отмечается, что стратегия оформления зависимой предикативной единицы определяется прежде всего семантикой главного предиката. В качестве предиката главной предикативной единицы доминируют глаголы трех лексико-семантических групп: мыслительной, речевой и эмотивной деятельности, которые в монофинитных и бифинитных конструкциях имеют свои особенности в семантике и в употреблении.

Ключевые слова

алтайский язык, сложное предложение, полипредикативная конструкция, изъяснительная конструкция

Для цитирования

Озонова А. А. Изъяснительные конструкции в алтайском языке (на материале художественных и научных текстов) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 205–223. DOI 10.17223/18137083/73/14

Explanatory constructions in the Altai language (in literary and academic texts)

A. A. Ozonova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

We analyze the structural and semantic types of Altai polypredicative explanatory constructions (in literary and academic texts). Explanatory relations are expressed by two types of constructions: monofinite (with the infinite predicate in the subordinate clause) and bifinite (with the finite predicate in the main and subordinate clauses and their relation being analytically indicated by the linking unit or connector *dep.*). The semantic-grammatical type of the predicate in the main clause defines the semantic distinctiveness of explanatory sentences and the structural models of constructions corresponding to the semantic types. The strategy

© А. А. Озонова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

choice of the subordinate sentence structure primarily depends on the semantics of the main predicate. The verbs of three lexical-semantic groups (thought, speech, and emotion) predominantly function as a predicate of the main predicate unit. These verbs have their peculiarities in semantics and usage. For example, speech verbs are actively used in bifinite polypredicative constructions and much less in monofinite constructions. Verbs of perception suggest only sensory interpretations in monofinite constructions. However, in bifinite constructions, they also contain epistemic elements. The academic text specificity is characterized by the wide use of the verbs of thought and speech, deductive evaluative predicates as main predicates in polypredicative constructions. The functionally subordinate clauses may serve as either a subject or an object. In the Altai language, the subordinate clause, as a predicate object, contains possessive and case affixes of the accusative, dative, ablative, instrumental, and locative cases. When being a predicative subject, a subordinate clause takes the form of a nominative sentence with possessive affixes denoting the grammatical meaning of the action performer person. Bifinite constructions with verbs from various lexical-semantic groups share a subordinate subject in nominative or accusative cases, while the monofinite construction subordinate subjects have genitive or nominative cases.

Keywords

Altai language, complex sentence, polypredicative construction, explanatory construction

For citation

Ozonova A. A. Explanatory constructions in the Altai language (in literary and academic texts). *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 205–223. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/14

Введение

Целью данной статьи является описание структурно-семантических типов изъяснительных конструкций, их функционирования в художественных и научных текстах алтайского языка. Материалом исследования послужили художественные произведения алтайских писателей 1980-х гг., времени расцвета алтайской литературы, и научная монография С. М. Каташева об алтайском стихосложении «Алтай ўлгер керегинде» (1974), которая относится к числу первых серьезных научных монографических исследований на алтайском языке.

Выбор художественных текстов в качестве материала обусловлен тем, что в них используется практически весь имеющийся в языке фонд синтаксических конструкций. Кроме того, из пяти функциональных стилей (художественный, публицистический, научный, литературно-разговорный, официально-деловой), выделяемых нами для алтайского языка, художественный, наряду с публицистическим, относится к наиболее развитым. Публицистический стиль появился в советский период и продолжает активно функционировать в настоящее время. Литературно-разговорный стиль и, особенно, официально-деловой находятся на стадии формирования. Последний складывается под непосредственным влиянием русского делового стиля. Научный стиль алтайского языка представлен тремя подстилями: 1) собственно научным; 2) научно-учебным; 3) научно-популярным. Особо широкое развитие получил научно-учебный подстиль, представленный в учебной и учебно-методической литературе для школ и вузов. Собственно научная алтайская литература представлена монографиями и статьями в области лингвистики, литературоведения и этнографии. Научный текст характеризуется активным использованием сложных предложений.

Конструкции с сильно управляющими предикатами, имеющими в качестве актантов зависимое предложение, впервые системно в сравнительно-сопоставительном плане на материале языков алтайской типологической общности, в том числе

алтайского, были рассмотрены в коллективной монографии «Предикативное склонение причастий в алтайских языках» [Черемисина и др., 1984]. В отечественной лингвистике актантным предложениям в разных языках посвящены также работы В. С. Храковского [Типология..., 1985], Е. К. Скрибник [1988], В. И. Подлесской [1990], Л. А. Шаминой [1998; 2016], М. И. Черемисиной [2004], Н. Б. Кошкаревой [2004], М. Ю. Князева [2009], Н. В. Сердобольской [2017] и др.

Изъяснительные полипредикативные конструкции (далее ППК) выражают «изъяснительные отношения, которые связывают диктум – содержание или тему информации – с модусом, представляющим процесс оперирования этой информацией» [Черемисина, Колосова 1987, с. 64]. Зависимая часть (диктум) отображает событие действительности, главная часть (модус) – субъективное восприятие человеком этого события.

В алтайском языке изъяснительные конструкции, как и в других урало-алтайских языках, представлены монофинитными и бифинитными ППК [Черемисина и др., 1984]. В монофинитных конструкциях зависимая предикативная единица (ЗПЕ) замещает одну из валентностей главного сказуемого. ЗПЕ подчиняется сказуемому главной части, выступая в качестве предикативного дополнения или подлежащего. В качестве предикативного дополнения в алтайском языке она оформляется посессивными и падежными аффиксами винительного, дательного, исходного, орудного, местного падежей, которые принимает на себя зависимое сказуемое. В роли предикативного подлежащего зависимое предложение представит в форме неопределенного падежа с посессивными аффиксами, которые передают грамматическое значение лица производителя действия. В бифинитных конструкциях зависимое предложение вводится скрепой *деп* ‘что’.

В алтайском языке, в отличие от русского, косвенно-вопросительные изъяснительные предложения не составляют особого структурно-семантического типа. Их зависимая часть оформляется показателями падежа, которым управляет главное сказуемое.

(1) *Кандый сурак сурайтанын мен бойым билерим.* (Кокрышев, 1980, с. 315)

кандый	сурак=Ø	сура=йтан=ы=н	мен=Ø
какой	вопрос=NOM	спрашивать=PART=POSS.3=ACC	я=NOM
бой=ым=Ø		бил=ер=им	
сам=POSS.1SG=NOM		знать=PrP=1SG	

‘Я сам знаю, какой задавать вопрос.’

1. Монофинитные причастно-падежные конструкции: [Tv=Part=Poss=Case] (ГПЕ)

В монофинитных причастно-падежных конструкциях сказуемое ЗПЕ активно оформляется тремя из семи причастий алтайского языка: настояще-будущим *-ар* / *-бас*, прошедшим *-ган* / *-баган*, а также многозначным *-атан* / *-байтан*, который может иметь значение обычного прошедшего или долженствовательного будущего. Все эти причастия в функции зависимого сказуемого принимают формы шести (кроме родительного) падежей: неопределенного, винительного, дательного, исходного, орудного, местного. Конструктивной вершиной изъяснительной конструкции является ее конечное сказуемое. В этой функции выступают глаголы разных лексико-семантических групп, которые требуют от ЗПЕ определенной падежной формы.

1.1. Конструкции с ЗПЕ в форме неопределенного падежа: [Tv=Part=Poss=Nom] (ГПЕ)

Особенность подлежащих конструкций на материале алтайского языка подробно рассматривалась в статье М. И. Черемисиной, где она отмечает, что ГПЕ в таких конструкциях представлена «только составом сказуемого, связанного предикативными отношениями с “предикативным подлежащим – подлежащей ЗПЕ”» [2002, с. 76]. По мнению Е. И. Убрятовой, «аффикс принадлежности при сказуемом зависимого предложения и форма 3 лица ед. числа сказуемого главного предложения» являются основными признаками синтетических подлежащих конструкций [1976, с. 163]. М. И. Черемисина [2002] выделяет две основные группы глаголов, которые оформляют: именные конструкции с оценочной семантикой и глагольные в залоговых формах.

В оценочных конструкциях объектом оценки является некоторая ситуация. Объект оценки выражается ЗПЕ. Субъект ЗПЕ может быть в форме неопределенного или чаще родительного. Мы дополнили список семантических типов оценочных предикатов М. И. Черемисиной [2002], выделили 14 семантических типов оценочных предикатов и разместили в порядке убывания частотности употребления в табл. 1.

Таблица 1

Семантические типы оценочных предикатов в алтайском языке

Table 1

Semantic types of evaluative predicates in the Altai language

№	Семантические типы	Оценочные предикаты
1	Универсальные	<i>јакишы</i> ‘хорошо’, <i>талдама</i> ‘отлично’, <i>јаман</i> ‘плохо’, <i>коомой</i> ‘плохо’, <i>јүдек</i> ‘плохо, отвратительно’
2	Эмотивные	<i>каткымчылу</i> ‘смешно’, <i>ачу</i> ‘горько, больно, обидно’, <i>ачымчылу</i> ‘обидно, досадно’, <i>коронду</i> ‘больно, горько’, <i>күч</i> ‘трудно, тяжело’, <i>коркымчылу</i> ‘страшно’, <i>јескимчилү</i> ‘противно, скверно’, <i>кайкамчылу</i> ‘удивительно’, <i>сүўнчи</i> ‘бырыс’, <i>чак</i> ‘беда’
3	Дедуктивные	<i>јарт</i> ‘ясно, понятно’, <i>јарт эмес</i> ‘не ясно, непонятно’, <i>кайкамчылу</i> ‘удивительно’, <i>сан башка</i> ‘странно’, <i>јолду</i> ‘правомерно, логично, ожидаемо’, <i>бүдүмјилү</i> ‘убедительно’, <i>солун</i> ‘интересно’
4	Предикаты физического состояния	<i>күч</i> ‘трудно, тяжело’, <i>јенгил</i> ‘легко’, <i>јенгил эмес</i> ‘нелегко’
5	Предикаты психологического состояния	<i>күч</i> ‘трудно, тяжело’, <i>тегиндү эмес</i> ‘не просто’
6	Предикаты достоверности	<i>аланзылу</i> ‘сомнительно’, <i>аланзу јок</i> ‘несомненно’, <i>чын</i> ‘верно, правда (соответствует действительности)’, <i>төгүн</i> ‘неправда, ложь’, <i>быжу</i> ‘точно, верно’, <i>кыйыжы јок</i> ‘несомненно, непременно’
7	Этические	<i>уйатту</i> ‘стыдно’, <i>еп-јок</i> ‘неудобно, неприлично’, <i>кинчек</i> ‘грех’

№	Семантические типы	Оценочные предикаты
8	Нормативные	<i>јастыра</i> 'неправильно', <i>чын</i> 'верно, правильно'
9	Утилитарные	<i>тузалу</i> 'полезно', <i>туза</i> 'польза', <i>баалу</i> 'ценно', <i>једимдү</i> 'успешно', <i>једим</i> 'успех', <i>керектү</i> 'нужно', <i>учурлу</i> 'важно'
10	Экспрессивные	<i>коркыш</i> 'очень, ужасно', <i>коркышту</i> 'очень, ужасно', <i>сүреен</i> 'очень', <i>откүре</i> 'слишком'
11	Количественные	<i>ас</i> 'мало', <i>көп</i> 'много'
12	Временные	<i>уда</i> = 'продлиться, затянуться; пройти долгое время'
13	Предикаты знания	<i>јарлу</i> 'известно'
14	Модальные	<i>керек</i> 'надо, необходимо'

Некоторые предикаты могут относиться к разным группам. Например, предикат *күч* 'трудно, тяжело' может входить в группу физического и психического состояния.

В алтайских художественных текстах наиболее активны конструкции с универсальными, дедуктивными и эмотивными оценочными предикатами. В рассматриваемом научном тексте представлены только дедуктивные: *јарт* 'ясно, понятно', *јолду* 'логично, правомерно, ожидаемо', *бүдүмјилү* 'убедительно'.

(2) *Бу поэттердин мынайда бичигени јолду.* (Каташев, 1974, с. 11)

бу поэт=тер=дин мынайда бичи=ген=и=Ø јолду
 этот поэт=PL=GEN так писать=PP=POSS.3=NOM логично
 'То, что эти поэты так написали, логично.'

Залоговые формы и лексикализовавшиеся производные глаголы с аффиксами каузативного, возвратного и страдательного залогов также формируют предложения с предикативным подлежащим. Это залоговые формы от глаголов восприятия (*көрүн* = 'показываться, появляться, становиться видимым' от *көр* = 'видеть'; *угул* = 'быть слышным, слышаться, доноситься' от *ук* = 'слышать'), ментальных глаголов (*билдир* = 'становиться ясным, очевидным' от *бил* = 'знать, понимать'), глаголов речи (*јартал* = 'выясняться' от *јарта* = 'объяснять'), эмотивных глаголов (*ачындыр* = 'рассердить' от *ачын* = 'сердиться', *сүүндир* = 'обрадовать' от *сүүн* = 'радоваться', *санааркат* = 'огорчать' от *санаарка* = 'беспокоиться, тревожиться, переживать, печалиться, тосковать').

(3) *Өлөннинг шылыраганы кандый тын угулат.* (Палкин, 2006, с. 131)

өлөн=нин шылыра=ган=ы=Ø кандый тын
 трава=GEN шуршать=PP=POSS.3=NOM какой громкий
 уг=ул=ат
 слышать=PASS=PRES
 'Как громко слышится то, как шуршит трава.'

В научном тексте встретились примеры только с глаголом *билдир* = 'становиться ясным, очевидным'.

(4) *Керек дезе строфа жок то үлгерлерде жолдордын колбулу болгоны интонация, параллелизм ле эрмектин учуры ажыра билдирип жат.* (Каташев, 1974, с. 88)

керек.дезе	строфа=Ø	жок	то	үлгер=лер=де
даже	строфа=NOM	нет	PTCL	стихотворение=PL=LOC
жол=дор=дын		колбу=лу		бол=гон=ы=Ø
строка=PL=GEN	связь=POSSV		быть=PP=POSS.3=NOM	
интонация=Ø	параллелизм=Ø		ле	эрмек=тин
интонация=NOM	параллелизм=NOM		PTCL	предложение=GEN
учур=ы=Ø		ажыра	бил=дир=ип	жат
смысл=POSS.3=NOM		через	знать=CAUS=CV	AUX: лежать

‘То, что строки связаны даже в стихотворениях без строфы, становится ясным через интонацию, параллелизм и смысл предложения.’

Главное сказуемое также выражается глаголами разных лексико-семантических групп без залоговых показателей: *аста*= ‘уменьшаться’, *көптө*= ‘увеличиваться’, *сагышка (санаага) кир*= ‘вспомнить; прийти на ум’, *жара*= ‘нравиться’, *куру кал*= ‘остаться без внимания’, *тегиндү калба*= ‘не пройти зря, даром’, *токто*= ‘прекратиться, окончиться’, *башта*= ‘начинать’, *арт*= ‘оставаться’ и др.

(5) *Баш режиссер театрда көп жылдарга иштеп келгени тегиндү калбаган.* (Шинжин, 1986, с. 184)

баш	режиссер=Ø	театр=да	көп	жыл=дар=га
главный	режиссер=NOM	театр=LOC	много	год=PL=DAT
иште=п	кел=ген=и=Ø		тегиндү	
работать=CV	приходить=PP=POSS.3=NOM	даром		
кал=ба=ган				
оставаться=NEG=PP				

‘То, что главный режиссер многие годы работал в театре, не прошло даром.’

1.2. Конструкции с ЗПЕ в форме винительного падежа: [Tv=Part=Poss=Acc] (ГПЕ)

Основная семантика конструкций с винительным падежом зависимой части – отношение интеллектуального действия к некоторой ситуации действительности. Фinitное сказуемое выражается ментальными глаголами (*бил*- ‘знать, понимать’, *аайла*- ‘понимать’, *ондо*- ‘понимать’; *санан*- ‘думать’, *шүү*= ‘решать, размышлять, обдумывать’, *кычыр*= ‘читать’, *бичи*= ‘писать’, *чото*= ‘считать’, *тооло*= ‘считать’; *эске ал*= ‘вспомнить’, *унды*= ‘забыть’; *керекке ал*= ‘придавать значение’, *ажаруга ал*- ‘принимать во внимание’); глаголами передачи информации (*куучын-да*= ‘рассказывать’, *жарта*= ‘объяснять’, *айт*= ‘говорить’, *сура*= ‘спрашивать’, *жетир*= ‘сообщать, доносить (информацию)’, *темдекте*- ‘отметить’); глаголами восприятия (*көр*- ‘видеть’, *ук*- ‘слышать’, *сес*- ‘чувствовать’, *ажар*- ‘заметить’).

(6) *Улус Павловтын мынайда ачынган качан да көрбөгөн.* (Кокышев, 1980, с. 5)

улус=Ø	Павлов=тын	мынайда	ачын=ган=ы=н
люди=NOM	Павлов=GEN	так	сердиться=PP=POSS.3=ACC
качан	да	көр=бө=гөн	
когда	PTCL	видеть=NEG=PP	

‘Люди никогда не видели, чтобы Павлов так сердился.’

Из ментальных глаголов самым частотным является глагол *бил*= ‘знать, понимать’.

(7) *Сеге дезе акча јаантайын керек болорын мен бойым јакшы билерим.* (Шинжин, 1986, с. 69)

сеге дезе акча=Ø јаантайын керек
ты.DAT PTCL деньги=NOM всегда надо
бол=ор=ы=н мен=Ø бой=ым=Ø
быть=PrP=POSS.3=ACC я=NOM сам=POSS.1SG=NOM
јакшы бил=ер=им
хорошо знать=PrP=1SG
‘Я сам хорошо знаю, что тебе деньги всегда будут нужны.’

Глаголы речи предпочитают бифинитные конструкции со скрепой *деп*, поэтому в причастно-падежных ППК не так часты.

(8) *Сенин мен јаар келип јатканынды директор телефонло меге јетирген.* (Шинжин, 1986, с. 174)

сенин мен=Ø јаар кел=ип
ты.GEN я=NOM POSTP приходить=CV
јат=кан=ын=ды директор=Ø
AUX: лежать=PP=POSS.2SG=ACC директор=NOM
телефон=ло меге јетир=ген
телефон=INSTR я.DAT сообщать=PP
‘О том, что ты едешь ко мне, директор мне по телефону сообщил.’

Главный предикат может быть представлен глаголами социальных и межличностных отношений *сакы*- ‘ждать’, *уткы*- ‘встречать’, *токот*- ‘останавливать’, *јажыр*- ‘скрывать’ и др., небольшой группой эмотивных глаголов: *сүү*- ‘любить’, *кайка*- ‘удивляться’, *јакшызын*- ‘нравиться, испытывать удовольствие’.

(9) *Энеме де казыр болгонын јажырап аргам јок.* (Укачин, 1985, с. 62)

эне=м=е де казыр бол=гон=ы=н
мама=POSS.1SG=DAT PTCL жестокий быть=PP=POSS.3=ACC
јажыр=ар арга=м=Ø јок
скрывать=PrP возможность=POSS.1SG=NOM нет
‘То, что [он] даже к моей маме был жесток, [я] не могу скрывать.’

(10) *Је Моткочоков улустын айтканын керекке албаган.* (Укачин, 1985, с. 56)

је Моткочоков=Ø улус=тын айт=кан=ы=н
но Моткочоков=NOM люди=GEN говорить=PP=POSS.3=ACC
керек=ке ал=ба=ган
дело=DAT брат=NEG=PP
‘Но Моткочоков не придавал значения словам людей.’

В художественных текстах и в устной речи активны экспрессивные устойчивые сочетания *не деер* (букв. ‘что сказать’), *не деп айдар* (букв. ‘что мол сказать’), которые входят в состав главного предложения подлежащих конструкций. Эти сочетания включают вопросительное местоимение *не* ‘что’, глаголы речи *де*= или *айт*= в форме настоящего-будущего времени на =ар и упомянутый глагол *де*= в деепричастной форме на =н. Эти устойчивые сочетания выражают разные чувства говорящего: сильное желание, потребность в чем-л., сожаление, досаду.

(11) *Танкылаарга турганымды не деп айдар!* (Палкин, 2006, с. 105)

танкыла=арга тур=ган=ым=ды не=Ø
 курить=INF AUX: стоять=PP=POSS.1SG=ACC что=NOM
 де-п айд=ар
 говорить=CV говорить=PrP
 ‘Как же мне хочется курить!’

(12) *Арай ла келбей удаганымды не деер.* (Шинжин, 1986, с. 46)

арай ла кел=бей
 чуть-чуть PTCL приходить=CV.NEG
 уда=ган=ым=ды не=Ø де=ер
 задерживаться=PP=POSS.1SG=ACC что=NOM говорить=PrP
 ‘(Эх) что же я чуть-чуть задержался с приходом?!’

В научном тексте в роли главного сказуемого изъяснительных ППК с ЗПЕ в форме винительного падежа использованы десять глаголов следующих лексико-семантических групп: ментальные (*бил*= ‘знать, узнать, понять’, *ишүү*= ‘думать’, *ишинде*= ‘изучать, исследовать’, *темдекте*= ‘отмечать’, *кереле*= ‘свидетельствовать, доказывать’, *керекке ал*= ‘брать во внимание’, *көргүс*= ‘показывать’), глаголы восприятия (*көр*= ‘видеть’, *сес*= ‘чувствовать’) и глагол речи (*айт*= ‘говорить’). Самый частотный из них глагол *кереле*= ‘свидетельствовать’. Глаголы других лексико-семантических групп в конструкциях с зависимым предложением в форме винительного падежа не встретились.

(13) *Je бу поэманын кезик жерлери П. В. Кучияк эски эп-аргаларды жаңыртар ишти баштаганын керелейт.* (Каташев, 1974, с. 81)

je бу поэма=нын кезик жер=лер=и=Ø
 но этот поэма=GEN некоторый место=PL=POSS.3=NOM
 П. В. Кучияк= Ø эски эп-арга=лар=ды
 П. В. Кучияк=NOM старый способ=PL=ACC
 жаңырта=р иш=ти башта=ган=ы=н
 обновлять=PrP работа=ACC начинать=PP=POSS.3=ACC
 кереле=йт
 свидетельствовать=PRES

‘Но некоторые места этой поэмы свидетельствуют о том, что П. В. Кучияк начал работу по обновлению старых способов.’

1.3. Конструкции с ЗПЕ в форме дательного падежа: [Tv=Part=Poss=Dat] (ГПЕ)

Основное значение конструкции с ЗПЕ в форме дательного отношения – эмоциональное отношение к событию в зависимой части. Главное сказуемое выражается многочисленными глаголами эмотивной семантики: радости (*сүйүн*= ‘радоваться’, *маказыра*= ‘злорадствовать’), обиды, гнева (*ачын*= ‘сердиться, злиться, обидеться’, *ачуркан*= ‘сердиться, гневаться’, *чугулдан*= ‘сердиться, гневаться’, *тарың*= ‘обидеться’, *жарбын*= ‘обидеться’, *дөркө*= ‘обидеться’), зависти, ревности (*күйүүн*= ‘завидовать’, *адарка*= ‘завидовать’, *күнүрке*= ‘ревновать’), печали, тоски (*санаарка*= ‘переживать, тревожиться, беспокоиться’, *кунук*= ‘печалиться, тосковать, унывать’, *кородо*= ‘переживать, страдать’), веры, надежды и сомнения (*бүт*= ‘верить’, *ижен*= ‘надеяться’, *аланзы*= ‘сомневаться’).

(14) *Оны көрөргө амадаганыгарга сүүнип жадым, жиит кижжи!* (Укачин, 1985, с. 27)

оны көр=өргө амада=ган=ыгар=га
 он.АСС видеть=INF стремиться=PP=POSS.2PL=DAT
 сүүн=ип жад=ым жиит кижжи=Ø
 радоваться=CV лежать=1SG молодой человек=NOM
 '[Я] радуюсь тому, что [вы] стремитесь увидеть его (Эрмитаж), молодой человек!'

(15) *Je мен билерим, энебис ол ло кырга чыкканыска, киного жүргениске ле ачынып турган ошкош.* (Шинжин, 1986, с. 137)

je мен=Ø бил=ер=им эне=бис=Ø
 но я=NOM знать=PrP=1SG мама=POSS.1PL=NOM
 ол ло кыр=га чык=кан=ыс=ка
 тот PTCL гора=DAT подниматься=PP=POSS.1PL=DAT
 кино=го жүр=ген=ис=ке ле
 кино=DAT ходить=PP=POSS.1PL=DAT PTCL
 ачын=ып тур=ган ошкош
 сердиться=CV AUX: стоять=PP PTCL
 'Но я знаю, что наша мать, кажется, сердится только на то, что мы поднимались в гору и ходили в кино.'

Дательным падежом управляют отдельные глаголы типа *болуш*= 'помогать', *ајару сал*= 'обратить внимание на что-л.', *јөпсин*= 'соглашаться на что-л.', а также некоторые эмотивные глаголы, для которых более характерно управление исходным падежом: *коркы*= 'бояться', *јалтан*= 'опасаться', *уйал*= 'стыдиться' и др.

(16) *Шалтырак таай, Суркуранын айтканына (Нургулай кайын адазын таай деп ого айткан) јөпсинбеди.* (Шинжин, 1986, с. 210)

Шалтырак=Ø таай=Ø Суркура=нын
 Шалтырак=NOM дядя (со стороны матери)=NOM Суркура=GEN
 айт=кан=ы=на Нургулай=Ø
 говорить=PP=POSS.3=DAT Нургулай=NOM
 кайын.ада=зы=н таай=Ø деп ого
 тесть=POSS.3=ACC дядя (со стороны матери)=NOM CONJ он.DAT
 айт=кан јөпсин=бе=ди
 говорить=PP соглашаться=NEG=PAST
 'Дядя Шалтырак (Нургулай своего тестя представил ей дядей) не согласился на то, что сказала Суркура.'

Ср.

(17) *Иженге куучындажарынан Алан јаантайын јалтанып жүрет.* (Палкин, 2006, с. 239)

Ижен=ле куучында=ж=ар=ы=нан Алан=Ø
 Ижен=INSTR рассказывать=RECIP=PrP=POSS.3=ABL Алан=NOM
 јаантайын јалтан=ып жүр=ет
 всегда опасаться=CV AUX: ходить=PRES
 'Алан всегда опасается разговаривать с Ижен.'

(18) *Ол алдындагы өббөнине туштаарына сүрекей жалтанып турган.* (Палкин, 2006, с. 249)

ол=Ø алдындагы өббөн=и=не
она=NOM бывший муж=POSS.3=DAT
тушта=ар=ы=на сүрекей жалтан=ып
встретить=PrP=POSS.3=DAT очень опасаться=CV
тур=ган
AUX=стоять=PP
'Она очень опасается встретить своего бывшего мужа.'

В научной монографии С. М. Каташева встретились три глагола, требующие от зависимого предложения формы дательного падежа: синонимичные *камаан жетир*= 'оказать влияние, влиять на что / кого-л.', *салтар жетир*= 'оказать влияние, влиять на что / кого-л.' и *ајару сал*= 'обратить внимание на что / кого-л.'

(19) *Мындый көчүретен иш алтай поэзияны жарандыраарына јаан камаанын жетирген.* (Каташев, 1974, с. 13)

мындый көчүр=етен иш=Ø алтай
такой переводной=PART работа=NOM алтайский
поэзия=ны жаран=дыр=ар=ы=на
поэзия=ACC улучшаться=CAUS=PrP=POSS.3=DAT
јаан камаан=ы=н жетир=ген
большой влияние=POSS.3=ACC оказать=PP
'Такая переводческая работа оказала большое влияние на развитие алтайской поэзии.'

(20) *Кучияк алтай поэзиянын онон ары өзөрине јаан салтарын жетирген.* (Каташев, 1974, с. 82)

Кучияк=Ø алтай поэзия=нын онон ары
Кучияк=NOM алтайский поэзия=GEN он.ABL дальше
өз=өр=и=не јаан салтар=ы=н
расти=PrP=POSS.3=DAT большой влияние=POSS.3=ACC
жетир=ген
оказывать=PP
'Кучияк оказал большое влияние на дальнейший рост алтайской поэзии.'

(21) *Л. Кокышев үлгердин эски бүдүмдерин ундыбай, жангы эп-аргалар бедрен табарына јаан ајару салат.* (Каташев, 1974, с. 82)

Л. Кокышев=Ø үлгер=дин эски
Л. Кокышев=NOM стихотворение=GEN старый
бүдүм=дер=и=н унды=бай жангы эп-арга=лар=Ø
форма=PL=POSS.3=ACC забыть=CV новый способ=PL=NOM
бедре=п табар=ы=на јаан ајару=Ø
искать=CV найти=POSS.3=DAT большой внимание=NOM
сал=ат
класть=PRES
'Л. Кокышев, не забывая старые формы стихотворений, уделяет большое внимание тому, чтобы найти новые способы.'

1.4. Конструкции с ЗПЕ в форме исходного падежа: [Tv=Part=Poss=Abl] (ГПЕ)

Главное сказуемое выражается глаголами с семантикой отстранения, отчуждения от события в зависимой части, вызывающего, как правило, негативное отношение. Это эмотивные глаголы страха, испуга (*коркы*= ‘бояться’, *жалтан*= ‘бояться, робеть’, *чочы*= ‘пугаться’); стыда, смущения (*уйал*= ‘стыдиться’, *кемзин*= ‘стесняться’, *эпжосын*= ‘стесняться’); отвращения, брезгливости (*јескин*= ‘брезговать, испытывать отвращение’); отчаяния (*чөкө*- ‘отчаиваться’), а также глаголы с семантикой отказа (*мойно*= ‘отказываться’, *мойнош*= ‘отказываться’). Конструкции с исходным падежом моносубъектны.

(22) *Кыс онын тенгери ошкош соок ло чанкыр көстөрине удур короринен коркып та туратан.* (Укачин, 1985, с. 34)

кыс=Ø онын тенгери=Ø ошкош
девушка=NOM он.GEN небо=NOM как
соок ло чанкыр көс=төр=и=не удур
холодный CONJ голубой глаза=PL=POSS.3=DAT POSTP
көр=өр=и=нен корк=ып та тур=атан
глаза=PrP=POSS.3=ABL бояться=CV PTCL AUX=стоять=PART
‘Девушка даже боялась прямо смотреть в его холодные и голубые, как небо, глаза.’

(23) *Улус сөс айдарынан жалкуурп тургандый...* (Палкаин, 2006, с. 120)

улус=Ø сөс=Ø айд=ар=ы=нан жалкуур=ып
люди=NOM слово=NOM говорить=PrP=POSS.3=ABL лениться=CV
тур=гандый
AUX: стоять=PART
‘Люди словно ленятся говорить...’

1.5. Конструкции с ЗПЕ в форме орудного падежа: [Tv=Part=Poss=Instr] (ГПЕ)

В алтайском языке орудный падеж сформировался позже остальных. Возможно, этим объясняется наличие ограниченного круга глаголов, управляющих этим падежом: *мактан*- ‘хвастаться кем / чем-л.’, *оморко*- ‘гордиться кем-л.’, *јөпсин*- ‘соглашаться с кем/чем-л.’, *уткы*- ‘поздравлять с кем / чем-л.’, *тартыш*- ‘бороться с кем / чем-л.’

(24) *Онын өкпөзи тын оору деп деп эмчилердин тургусканыла военкомат оны фронтко албай турганыла ол чек јөпсинбей јүрген.* (Шинжин, 1986, с. 211)

онин өкпө=зи=Ø тын оору деп
он.GEN легкие=POSS.3=NOM сильно больной CONJ
эмчи=лер=дин тур=гус=кан=ы=ла военкомат=Ø
врач=PL=GEN стоять=CAUS=PP=POSS.3=INSTR военкомат=NOM
оны фронт=ко ал=бай тур=ган=ы=ла
он.ACC фронт=DAT брать=CV.NEG AUX: стоять=PP=POSS.3=INSTR
ол=Ø чек јөпсин=бей јүр=ген
он=NOM PTCL соглашаться=CV.NEG AUX: ходить=PP
‘Он категорически не соглашался с тем, что в соответствии с заключением врачей о тяжелой болезни легких его не брали на фронт.’

В рассматриваемом научном тексте нам не встретились примеры изъяснительных конструкций с ЗПЕ в форме исходного и орудного падежей.

1.6. Конструкции с ЗПЕ в форме местного падежа: [Tv=Part=Poss=Loc] (ГПЕ)

Предикатов, управляющих зависимым предложением в форме местного падежа не так много: *туруш*- ‘участвовать в чем-л.’, *јѳмѳш*- ‘поддерживать в чем-л.’, *бурула*= ‘обвинять в чем-л.’. В научном тексте использован только первый глагол.

(25) *Je орус ѳлгердин ритмиказын тѳзѳѳринде кезикте јангыс ла согулталу ѳйелер туружып јат.* (Каташев, 1974, с. 38)

је орус	ѳлгер=дин	ритмика=зы=н
но русский	стихотворение=GEN	ритмика=POSS.3=ACC
тѳзѳ=ѳр=ин=де	кезикте	јангыс ла
образовать=PrP=POSS.3=LOC	иногда	только PTCL
согулта=лу	ѳйе=лер=ѳ	туруж=ып јат
ударение=POSSV	слог=PL=NOM	участвовать=CV
AUX: лежать		

‘Но в образовании ритмики русского стихотворения иногда участвуют только ударные слоги.’

2. Монофинитная причастно-последложная конструкция с делиберативным последлогом *керегинде* ‘о чем-л.’

Причастно-последложная конструкция с последлогом *керегинде* ‘о чем-л.’ передает делиберативные отношения. Сказуемое главной части выражается отдельными глаголами речевой, интеллектуальной и эмотивной деятельности. Употребление глаголов речи ограничена глаголами *айт*= ‘говорить’, *куучында*= ‘рассказывать’, *эрмек эт*= ‘заводить речь, говорить’, *сура*= ‘спрашивать’, а ментальных – глаголами *санан*= ‘думать’, *кычыр*= ‘читать’, *бичи*= ‘писать’. Эмотивный глагол представлен единственным глаголом *санаарка*= ‘беспокоиться, тревожиться’.

(26) *Бу оору канайда баштаган керегинде Алгыйчы бойы да, оны билер бу јердин улузы да эрмек этпейтендер...* (Укачин, 1985, с. 55)

бу оору	канайда	башта=л=ган=ы=ѳ
этот болезнь	как	начинать=PASS=PP=POSS.3=NOM
керегинде	Алгыйчы=ѳ	бой=ы=ѳ да
POSTP	Алгыйчы=NOM	сам=POSS.3=NOM PTCL
о-ны	бил=ер	бу јер=дин улуз=ы=ѳ
он-ACC	знать=PrP	этот земля=GEN люди=POSS.3=NOM
да	эрмек=ѳ	эт=пе=йтен=дер
PTCL	речь=NOM	делать=NEG=PART=3PL

‘О том, как началась эта болезнь, ни сама Алгыйчы, ни местные люди, которые ее знают, речь не заводили.’

3. Бифинитная конструкция со скрепой *деп*

В алтайском языке при помощи общетюркской скрепы *деп* образуется целый ряд синтаксических конструкций: названия, намерения, изъяснительные, определительные, целевые, с прямой речью (см. [Черемисина, 1987]).

В бифинитных конструкциях изъяснительного типа скрепа *деп* входит в состав ЗПЕ, оформленной финитным сказуемым. В роли главного предиката выступают лексико-семантические группы глаголов, которые формируют рассмотренные выше причастно-падежные ППК изъяснительной семантики: глаголы восприятия, а также речевой, мыслительной и эмотивной семантики. Однако они, в отличие от функционирования в причастно-падежных ППК, имеют свои особенности в семантике и в употреблении в бифинитных ППК.

Изъяснительные конструкции со скрепой *деп* сформировались на базе конструкций с прямой речью. Этим объясняется более широкое использование глаголов речи в бифинитных конструкциях со скрепой *деп*, чем в монофинитных.

(27) *Сен мени аракы ичкен деп энге айтпа, жыба, балам.* (Укачин, 1985, с. 154)

сен=Ø мени аракы=Ø ич=кен деп
ты=NOM я.ACC водка=NOM пить=PP CONJ
эне=н=е айт=па жыба
мама=POSS.2SG=DAT говорить=NEG.IMP.2SG PTCL
бала=м=Ø
ребенок=POSS.1SG=NOM

‘Ты не говори своей маме, что я пил водку, хорошо, мое дитя.’

(28) *Јангыс Шура деп бала норма бүдүрбей турун деп арбанат.* (Палкин, 2006, с. 49)

јангыс Шура деп бала=Ø норма=Ø
только Шура CONJ ребенок=NOM норма=NOM
бүдүр=бей тур=ун деп арба=н=ат
выполнять=CV.NEG AUX: стоять=2SG CONJ ругать=REFL=PRES

‘Только девушка по имени Шура ругается, что [я] не выполняю норму.’

В примере (27) субъект ЗПЕ выражен винительным падежом, а сказуемое маркировано аффиксом 3-го л. В примере (28) субъект лексически не выражен, а сказуемое оформлено показателем 2-го л.

Отдельную группу составляют конструкции с каузативными глаголами речи: *сура*= ‘просить’, *неке*= ‘требовать’, *јакы*= ‘наказывать’, *јакар*= ‘приказывать’, *јөн бер*= ‘разрешать’ и др. Это значение выражает глагол *айт*= ‘говорить, сказать’ в конструкциях, где предикат зависимой части в форме 3-го л. императива.

(29) *Эртен ле Курачыны одын эжелзин деп айдарым!* (Кокышев, 1980, с. 112)

эртен ле Курачы=ны одын=Ø эжел=зин
завтра PTCL Курачы=ACC дрова=NOM приносить=IMP.3
деп айд=ар=ым
CONJ говорить=PrP=1SG

‘Завтра же скажу Курачы привезти дрова!’

(30) *Газетке тургуза ла салзын деп некеген.* (Укачин, 1985, с. 92)

газет=ке тургуза ла сал=зын деп неке=ген
газет=DAT немедленно PTCL класть=IMP.3 CONJ требовать=PP
‘[Он] потребовал немедленно опубликовать в газете.’

В бифинитных конструкциях со скрепой *деп* активно употребляются ментальные глаголы. Самый частотный из них – глагол *санан*= ‘думать’, который в составе бифинитных конструкций помимо значения ‘думать’ реализует значения

‘предполагать’, ‘считать’. Не менее активен глагол *бодо*= ‘думать, предполагать’, который практически не встречается в причастно-падежной конструкции. Ментальный глагол *бил*= ‘знать’, доминировавший в монофинитной конструкции, редко используется в изъяснительной конструкции с *деп*.

(31) *Курачыны келер деп ол сананбай да турган.* (Кокышев, 1980, с. 212)

Курачы=ны	кел=ер	деп	ол=Ø
Курачы=ACC	приходить=PrP	CONJ	он=NOM
да	санан=бай	тур=ган	
думать=CV.NEG	PTCL	AUX: стоять=PP	

‘Он и не думал, что Курачы придет.’

(32) *Јүрүм мындый болор деп, ол тушта кем бодогон?* (Палкин, 2006, с. 78)

јүрүм=Ø	мындый	бол=ор	деп	ол
жизнь=NOM	такой	быть=PrP	CONJ	тот
туш=та	кем=Ø	бодо=гон		
время=LOC	кто=NOM	предполагать=PP		

‘Кто тогда предполагал, что жизнь будет такой?’

В примерах (33) и (34) субъект ЗПЕ моносубъектной ППК есть 3-е л., но сказуемое оформлено показателями 1-го л. ед. ч. М. И. Черемисина отмечает, что такое оформление характерно для моносубъектных ППК: «если зависимое действие совершает то же лицо, которому принадлежит эмоциональное переживание, мыслительное или речевое действие, то сказуемое принимает форму 1-го лица независимо от того, какое это лицо, 1, 2 или 3-е» [Черемисина, 1987].

(33) *Ол тушта Курачы тирү артарым деп сананбаган болгон.* (Кокышев, 1980, с. 147)

ол.тушта	Курачы=Ø	тирү	арт=ар=ым	деп
тогда	Курачы=NOM	живой	оставаться=PrP=1SG	CONJ
санан=ба=ган	бол=гон			
думать=NEG=PP	быть=PP			

‘Тогда Курачы не думал, что останется живым.’

(34) *Эм тургуза кем јок јүрүм деп айдат.* (Кокышев, 1980, с. 114)

эм.тургуза	кем.јок	јүр=үм	деп	айд=ат
в.настоящее.время	нормально	жить=1SG	CONJ	говорить=PRES

‘[Он] говорит, что в настоящее время нормально живет.’

В бифинитных конструкциях со скрепой *деп* глаголы восприятия *ук*= ‘слышать’, *көр*= ‘видеть’ имеют эпистемическое прочтение.

Ср.

(35) *Эркелейдин кижиге барганын уккам.*

Эркелей=дин	кижи=ге	бар=ган=ы=н	ук=кам
Эркелей=GEN	человек=DAT	идти=PP=POSS.3=ACC	слышать=PP.1SG

‘То, что Эркелей вышла замуж, я слышала.’

(36) *Эркелейди кижиге барган деп уккам.*

Эркелей=ди	кижи=ге	бар=ган	деп	ук=кам
Эркелей=ACC	человек=DAT	идти=PP	CONJ	слышать=PP.1SG

‘Я слышала, что Эркелей замуж вышла.’

В примере (35) предикат восприятия *ук*= ‘слышать’ имеет только сенсорную интерпретацию: Эркелей вышла замуж, и это уже свершившийся факт, о котором говорящий слышал. Во втором примере (36) со скрепой *деп* этот же глагол имеет эпистемическое прочтение: говорящий не уверен в достоверности информации и ожидает ее подтверждения или опровержения.

Многочисленна группа глаголов эмотивной семантики, которые также могут вводить финитное зависимое предложение со скрепой *деп*.

(37) *Мени ойто келбес деп иженген, ийт.* (Палкин, 2006, с. 250)

мени ойто кел=бес деп ижен=ген
я.АСС снова приходить=PrP.NEG CONJ надеяться=PP
ийт=Ø
собака=NOM
‘[Он], собака, надеялся, что я снова не приду.’

(38) *Јуу токтогон деп, чек бүтпей турум.* (Палкин, 2006, с. 30)

јуу=Ø токто=гон деп чек
война=NOM закончиться=PP CONJ совсем
бүт=пей тур=ум
верить=CV.NEG AUX: стоять=1SG
‘Я совсем не верю, что война закончилась.’

В научной монографии С. М. Каташева «Алтай үлгер керегинде» было выявлено всего 339 ППК. Из них изъяснительные ППК составляют 19,2 % (66 ППК), для сравнения причинные – 21,8 % (74 ППК), условные – 16,8 % (57 ППК). В рассматриваемом научном тексте по частоте употребления изъяснительные ППК уступают только причинным. Причастно-падежные изъяснительные конструкции с ЗПЕ в форме винительного падежа занимают доминирующее положение, несколько реже используются бифинитные конструкции со скрепой *деп* (табл. 2).

Таблица 2

Количественные характеристики употребления
структурных типов изъяснительных конструкций в научном тексте

Table 2

Quantitative characteristics of the usage
of structural types of explanatory structures in an academic text

Структурные типы изъяснительных ППК (всего 66 ППК)					
Монофинитные (51 ППК)				Бифинитные (15 ППК)	
Причастно-падежные				Причастно- последложная с послелогом <i>керегинде</i> ‘о’	ППК со скрепой <i>деп</i>
NOM	ACC	DAT	LOC		
7	28	11	4	1	15

Таким образом, изъяснительные конструкции широко представлены в художественных и научных текстах. Для этих текстов характерно широкое использование монофинитных причастно-падежных и чуть реже бифинитных конструкций со скрепой *dep*. Причастно-последовательные конструкции ориентированы на выражение специфических делиберативных отношений, чем объясняется редкость их употребления. Бифинитные конструкции с глаголами разных лексико-семантических групп объединяет оформление зависимого субъекта формой неопределенного либо винительного падежа, монофинитные – формой притяжательного или неопределенного падежа.

На выбор стратегии оформления зависимого предложения прежде всего влияет семантика главного предиката, который предопределяет семантическое своеобразие изъяснительных предложений и соответствующие семантическим типам структурные модели конструкций. В изъяснительных конструкциях преимущественно используются три группы глаголов: ментальные, глаголы речи и эмотивные. Глаголы речи активно употребляются в бифинитных ППК, значительно реже – в монофинитных. Из ментальных глаголов в причастно-падежных ППК доминирует глагол *бил* = ‘знать’, в бифинитных – *санан* = ‘думать’. В силу специфики научного текста для него характерно широкое употребление ментальных и речевых глаголов, дедуктивных оценочных предикатов в качестве главного сказуемого в ППК. Многозначные глаголы в разных структурно-семантических типах ППК могут реализовывать те или иные оттенки своего значения. Например, глаголы восприятия в монофинитных ППК допускают только сенсорную интерпретацию, а в бифинитных имеют в толковании эпистемический компонент.

Список литературы

- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // *Acta linguistica petropolitana*. Тр. Ин-та лингвист. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2009. Т. 5, ч. 2: Исследования по грамматике калмыцкого языка. С. 525–580.
- Кошкарева Н. Б. Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков) // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2004. Т. 3, № 1. С. 49–63.
- Подлеская В. И. «Факты», «события» и «пропозиции» в свете фактов японского языка // *Вопросы языкознания*. 1990. № 4. С. 93–106.
- Сердобольская Н. В. Бессоюзные актантные предложения с глаголом *думать* в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2017. № 5. С. 7–35.
- Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском. Новосибирск: Наука, 1988. 198 с.
- Типология конструкций с предикатными актантами / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1985.
- Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск: Наука, 1976. 214 с.
- Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М. и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.
- Черемисина М. И. Служебное слово *dep* и формируемые им синтаксические конструкции (на материале алтайского языка) // *Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем)*. Новосибирск, 1987. С. 4–31.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 198 с.

Черемисина М. И. Структурно-семантические типы изъяснительных предложений с ЗПЕ в функции подлежащего // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 75–88.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Шамина Л. А. Структурно-семантические типы изъяснительных ППК в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 4. С. 81–86.

Шамина Л. А. Морфосинтаксические характеристики модус-диктумных би-предикативных конструкций тувинского языка (на материале фольклорных и современных текстов) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 229–245.

Список источников

Каташев С. Алтай үлгер керегинде. Горно-Алтайск, 1974.

Кокышев Л. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.

Палкин Э. Алан. Горно-Алтайск, 2006.

Укачин Б. Туулар, туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.

Шинжин Т. Ырыс экелген ижемји. Горно-Алтайск, 1986.

Список условных обозначений

1PI, 2PI, 3PI – личные аффиксы 1, 2, 3-го лица множественного числа; **1SG, 2SG, 3SG** – личные аффиксы 1, 2, 3-го лица единственного числа; **ACC** – винительный падеж; **ABL** – исходный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **CASE** – падеж; **CAUS** – понудительный залог; **CONJ** – союз; **CV** – форма деепричастия; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – притяжательный (родительный) падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **INF** – инфинитив; **INSTR** – орудный падеж; **LOC** – местный падеж; **NEG** – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; **CV.NEG.** – отрицательное деепричастие на *=бай*; **NOM** – неопределенный падеж; **PART** – причастная форма; **PASS** – пассивный залог; **PAST** – форма прошедшего времени на *=ды*; **PL** – множественное число; **POSS** – аффикс принадлежности; **POSTP** – послелог; **POSSV** – аффикс обладания; **PP** – форма причастия прошедшего времени на *=ган*; **PRES** – форма настоящего времени; **PrP** – форма причастия настояще-будущего времени на *=ар*; **PTCL** – частица; **RECIP** – взаимно-совместный залог; **REFL** – возвратный залог; **SG** – единственное число; **Tv** – основа глагола; **Ø** – нулевая морфема; знак равенства – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах.

References

Cheremisina M. I., Brodskaya L. M., Gorelova L. M., et al. *Predikativnoe sklonenie prichastiy v altaiskikh yazykakh* [Predicative declension of participles in Altai languages]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 191 p.

Cheremisina M. I. Sluzhebnое slovo *dep* i formiruemye im sintaksicheskie konstruktsii (na materiale altayskogo yazyka) [The function word *dep* and syntactic constructions formed by it (based on the Altai language)]. In: *Pokazateli svyazi v slozhnom*

predlozhenii (na materiale yazykov raznykh sistem) [Relation markers in a complex sentence (in languages of different systems)]. Novosibirsk, 1987, pp. 4–31.

Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of complex sentences]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 198 p.

Cheremisina M. I. Strukturno-semanticheskie tipy izyashitel'nykh predlozheniy s ZPE v funktsii podlezhashchego [Structural and semantic types of explanatory sentences with a dependent predicative unit in the function of the subject]. In: *Teoreticheskie voprosy altayskoy grammatiki* [Theoretical issues of Altai grammar]. Gorno-Altai, 2002, pp. 75–88.

Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p.

Knyazev M. Yu. Sententsial'nye dopolneniya v kalmytskom yazyke [Participial sentential complements in Kalmyk]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. T. 5, ch. 2: Issledovaniya po grammatike kalmytskogo yazyka* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Vol. 5, pt. 2: Studies on the grammar of the Kalmyk language]. St. Petersburg, Nauka, 2009, pp. 525–580.

Koshkareva N. B. Sposoby vyrazheniya modus-diktumnykh otnosheniy v ural'skikh yazykakh Sibiri (na materiale khantyyskogo i nenetskogo yazykov) [Means of expressing modus-dictum relations in the Uralic languages of Siberia (based on the Khanty and Nenets languages)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. Novosibirsk, 2004, vol. 3, no. 1, pp. 49–63.

Podlesskaya V. I. "Fakty", "sobytiya" i "propozitsii" v svete faktov yaponskogo yazyka ["Facts", "Events" and "Propositions" in the Light of the Facts of the Japanese Language]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. Moscow, 1990, no. 4, pp. 93–106.

Serdobol'skaya N. V. Bessoyuznye aktantnye predlozheniya s glagolom dumat' v russkom yazyke [Unionless actant sentences with the verb *dumat'* (to think) in Russian]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. Moscow, 2017, no. 5, pp. 7–35.

Shamina L. A. Strukturno-semanticheskie tipy izyashitel'nykh PPK v tuvinskom yazyke [Structural-semantic types of explanatory PPK in the Tuvan language]. *Humanitarian sciences in Siberia. Novosibirsk*. 1998, no. 4, pp. 81–86.

Shamina L. A. Morfosintaksicheskie kharakteristiki modus-diktumnykh bipredikativnykh konstruksiy tuvinskogo yazyka (na materiale fol'klornykh i sovremennykh tekstov) [Morphosyntactic characteristics of modus-dictum bipredicative constructions of the Tuvan language (in folklore and modern texts)]. *Siberian Journal of Philology*. Novosibirsk, 2016, no. 2, pp. 229–245.

Skribnik E. K. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in the Buryat language]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 198 p.

Tipologiya konstruksiy s predikatnymi aktantami [Typology of constructions with predicate actants]. V. S. Khrakovskiy (Ed. in Ch.). Leningrad, Nauka, 1985.

Ubryatova E. I. *Issledovanie po sintaksisu yakutskogo yazyka. 2: Slozhnoe predlozhenie. Kniga pervaya* [Research on syntax of Yakut. 2: Complex sentence. Book 1]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 214 p.

List of sources

- Katashev S. *Altay ülger kereginde*. Gorno-Altaysk, 1974.
Kokyshev L. *Altaydyn qystary*. Gorno-Altaysk, 1980.
Palkin E. *Alan*. Gorno-Altaysk, 2006.
Shinzhin T. *Yrys ekelgen izhemd'i*. Gorno-Altaysk, 1986.
Ukachin B. *Tuular tuular la bojy artar*. Gorno-Altaysk, 1985.

Сведения об авторе

Озонова Айяна Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
ajanao@mail.ru
ORCID 0000-0003-0136-7499

Information about the author

Aiiiana A. Ozonova – Candidate of Philology, Senior Researcher at the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
ajanao@mail.ru
ORCID 0000-0003-0136-7499

УДК 811.161.1
DOI 10.17223/18137083/73/15

Реализация категории числа в русской идиоматике: факторы грамматики, внутренней формы и значения

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматриваются ограничения на реализацию категории числа существительных, входящих в состав идиом. Показано, что ограничения на число определяются общеграмматическими факторами, факторами семантики (значения) идиом, а также особенностями прагматики и модели внутренней формы идиомы. На реализацию категории числа могут влиять также особенности организации структуры идиомы: наличие рифмы, ритмические характеристики и уникальные компоненты (устаревшие и фантазийные слова). Грамматические ограничения оказываются более регулярными, их можно предсказать. Некоторые семантические и прагматические ограничения иногда вычислимы. Однако значительная часть семантических ограничений и ограничений, связанных с моделью внутренней формы, действуют избирательно. При системном подходе к исследованию идиом регулярные факторы описываются общими правилами, а уникальные оговариваются для каждой идиомы.

Ключевые слова

русская идиоматика, категория числа, грамматика, семантика, прагматика, внутренняя форма

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 17-04-00420 ОГН

Для цитирования

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Реализация категории числа в русской идиоматике: факторы грамматики, внутренней формы и значения // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 224–236. DOI 10.17223/18137083/73/15

Realization of the number category of nouns in Russian idioms: grammar, inner form, and meaning

A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij

*Vinogradov Russian Language Institute RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the limitations on the realization of the number category of nouns in the structure of Russian idioms. The main source of the material was the vocabulary of the “Id-

© А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

iom Dictionary of the Russian Academy of Sciences” (2015). The relevant limitations are shown to be determined by general grammatical factors, factors of semantics (meaning) of idioms, as well as features of pragmatics and inner form. An interesting case of constraints on the formation on the plural can be considered the characteristic of the referent of a given idiom: the uniqueness of a person (luchshiy drug sovetskikh fizkul'turnikov), a political subject (bol'shaya semerka), an event (velikiy oktyabr'), the uniqueness of the place (lobnoe mesto), and the time period (kamennyy vek). The constraint on the singular is largely determined by grammatical factors (imeniny serdtsa). The features of the idiom structure can also influence the implementation of the number category: rhyme, rhythm, and unique components (e.g., outdated and constructed words). Grammatical constraints turn out to be more regular. Some semantic and pragmatic constraints can also be predicted. However, a significant part of the semantic restrictions and constraints associated with the model of the inner form are selective. In a systematic analysis of idioms, regular factors are described by general rules, and unique ones are specified for each idiom. The study of the number category in idioms is part of an important program to study the implementation of grammatical categories in phraseology.

Keywords

Russian idiomatics, the category of number, grammar, semantics, pragmatics, inner form

Acknowledgments

This paper is based on work supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) under Grant 17-04-00420

For citation

Baranov A. N., Dobrovol'skiy D. O. Realization of the number category of nouns in Russian idioms: grammar, inner form, and meaning. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 224–236. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/15

Известно, что категория числа, будучи грамматической для русских существительных, в зависимости от грамматических и семантических характеристик существительного представлена формами единственного и множественного числа либо только формами единственного (*singularia tantum*) или только множественного (*pluralia tantum*) [РГ, 1980, с. 471 и далее]. Из этого общего правила имеются, однако, многочисленные исключения. Так, хотя существительные, обозначающие вещества, жидкости и т. п., являются *singularia tantum* (ср. *масло*, *вода*, *песок*), многие из них образуют множественное число с изменением семантики: *масло* – *масла* (виды технических масел), *вода* – *воды* (как вид курорта с целебной водой).

В сфере идиоматики таких отклонений от стандартных правил существенно больше. С одной стороны, есть идиомы, в которых реализуются обе граммы числа; ср. *волк в овечьей шкуре*, *белая ворона*:

(1) **а.** Когда однажды отец, тогда уже совсем больной, просил за одного попа – того заподозрили в связях с бандой, – Ганчук ему отказал, враг был раздавлен вкупе с бандитами, *волк в овечьей шкуре*, на его совести была кровь красноармейцев. (Ю. Трифонов. Дом на набережной) **б.** Сколько неприятностей доставили королю Рим и преданные папе епископы, эти *волки в овечьей шкуре*, произносившие сладкие слова, но жаждавшие власти или богатства. (А. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции)

(2) **а.** Здесь сексуальные меньшинства имеют свои клубы и кафе. Можно полноценно собираться и не выглядеть *белой вороной*. (В. Токарева. Сентиментальное путешествие) **б.** Это и просто необычные дети, *белые вороны* (не матерятся, не курят, не ширяются). (Известия. 2002.10.27)

С другой стороны, значительная часть идиом налагает ограничения на реализацию единственного или множественного числа существительных, которые входят в их состав. Так, идиома *взгляд и нечто* не имеет множественного числа, хотя существительное *взгляд* его допускает. Аналогично можно сказать *метр с кепкой*, но не **метры с кепками* или **метры с кепкой*, хотя словоформа *метры* вполне регулярна. Идиома *ежовые рукавицы* имеет только форму множественного числа. Возникает вопрос: можно ли исчислить классы таких случаев и предложить какие-то объяснения по крайней мере некоторым разрядам? Ниже мы обсудим некоторые классы идиом с точки зрения реализации граммем числа существительных, что позволит ответить на поставленный вопрос хотя бы в первом приближении.

Хотя существительные встречаются в составе идиом в разных синтаксических функциях, что может налагать какие-то дополнительные ограничения на реализацию числа, мы ограничимся лишь теми формами, в которых идиома представляет собой именную группу за следующими исключениями. Не рассматривались обращения (*мил человек, милостивый государь, друг ситный*), именные группы в наречной функции типа *семимильными шагами* или *голова к голове*, предикативы: *дурак, и уши холодные* и т. п. Разумеется, не анализировались также глагольные и сентенциальные идиомы.

В качестве источника материала послужил словарь «Академического словаря русской фразеологии» [АСРФ, 2015], который представляет собой достаточно полное собрание современной русской идиоматики.

Предварительное исследование дает возможность сделать вывод о том, что выделяются три основные группы факторов, влияющих на реализацию граммем множественного числа существительных в составе идиом. К ним относятся общеграмматические и семантико-прагматические факторы, а также фактор внутренней формы. Рассмотрим их последовательно.

1. Общеграмматические факторы

К общеграмматическим факторам относятся лексико-грамматические характеристики существительных, которые действуют на всем множестве существительных вне зависимости от того, входят ли они в состав идиом. В этом смысле ограничения налагаются не столько идиоматикой, сколько грамматической системой в целом.

Известно, что существительные, обозначающие вещество, не имеют множественного числа [РГ, 1980, § 1150]. Это ограничение действует и на множестве идиом. Ср. *живая вода, бальзам на (чью-л.) душу, опиум для народа, свежая кровь, птичье молоко, каша в голове*. Нельзя сказать **живые воды, *бальзамы на (чью-л.) душу, *опиумы для народа* и пр. Аналогично существительные с отвлеченным значением типа *болезнь, гордость, синева, смех* являются *singularia tantum*. По тем же причинам эти существительные не образуют множественного числа в составе идиом. Ср. *тяжелая артиллерия, вертикаль власти, диво дивное, воспаление хитрости* – при невозможности **тяжелые артиллерии, *вертикали власти* и т. д.

Следует иметь в виду, что одно и то же существительное может иметь различные значения, при этом ограничения на множественное число могут касаться только одного из них. Если данное значение реализуется в идиоме, то это ограничение сохраняется. Так, существительное *бухгалтерия* имеет, среди прочих, зна-

чение 'теория и практика ведения учета хозяйственно-финансовой деятельности' и 'счетный отдел на предприятии, в учреждении' [АТСРЯ, 2016]. Только во втором значении существительное *бухгалтерия* реализует множественное число, ср. *На предприятиях в бухгалтериях работают в основном женщины*. В первом значении множественное число невозможно: **пройти курс бухгалтерий* при норме *пройти курс бухгалтерии*. В идиоме *двойная бухгалтерия* представлено первое значение рассматриваемого слова. Соответственно множественное число существительного в данной идиоме запрещено. Сюда же можно отнести слова *альфа* и *омега* в функции обозначения букв греческого алфавита: как названия абстрактных графем греческого алфавита они не имеют множественного числа. Тем самым, и идиома *альфа и омега*, используемая в значении 'самая существенная часть чего-л., без которой его не было бы как такового' не допускает форму **альфы и омеги*, хотя конкретные представители указанных графем в тексте вполне могут обозначаться словоформами множественного числа – *альфы* и *омеги*. По тем же причинам множественно число отсутствует у идиом *дар божий*, *выжженная земля*.

Разные значения слова *грамота* ('способность – умение читать и писать'; 'документ') проявляются в формах множественного числа: одно имеет эту форму, второе – нет. Эта особенность сохраняется в идиоматике: идиомы *египетская грамота* и *китайская грамота* во множественном числе не употребляются, а идиома *филькина грамота* множественное число образует, ср. (3).

(3) Занимаются фигней – просят гранты под исследования, а потом подсовывают иностранщине *филькины грамоты*. (Звезда. 2002. № 11)

Интересно, что некоторые существительные приобретают абстрактное значение, оказываясь в составе идиомы. Так, в идиомах *дурной глаз*, *черный глаз* слово *глаз* используется не в значении 'орган зрения', а в значении 'магическая способность приносить другому человеку несчастье или причинять вред'. Тем самым оно не допускает множественного числа¹.

Особый случай – идиома *начало начал*. Существительное *начало* используется в составе идиомы в значении 'первоисточник, основа, основная причина' [ТСРЯ, 2007], в котором это существительное не имеет множественного числа. Однако второе вхождение слова *начало* в этой идиоме представлено формой множественного числа, при этом нет оснований предполагать, что во втором вхождении реализуется другое значение рассматриваемого слова. Иными словами, здесь множественное число имеет нерегулярный характер; его появление выражает смысл усиления – *Magis*. Эта нерегулярность и привела к появлению идиомы с переосмысленной семантикой: 'самая важная часть какой-л. области человеческой деятельности, без которой она не могла бы существовать'.

Еще одна лексико-грамматическая характеристика существительных *singularia tantum* – это собирательные существительные типа *воронье*, *тряпье*, *листва*, *студенчество*, *родня*. Это ограничение реализуется, например, в идиоме *всякая всячина*. В качестве дополнительного фактора, налагающего ограничения на число, здесь следует отметить уникальность компонента *всячина*.

¹ В словарных описаниях у слова *глаз*, кроме основного, выделяются фразеологически связанные значения. Так, в словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой [ТСРЯ, 2007] в словосочетаниях *нужен глаз да глаз*, *у семи нянек дитя без глазу* фиксируется значение 'пригляд, надзор', а в сочетании *бояться сглазу* – значение 'дурной взгляд, сглаз'.

Отглагольные существительные, обозначающие процессы, также относятся к словам, имеющим ограничения на реализацию граммем числа. К ним относится существительное *ловля*, что приводит к невозможности образования множественного числа в идиоме *ловля блох*. Некоторые идиомы, хотя и содержат в своем составе отглагольные существительные со сходной семантикой, образуют формы множественного числа, ср. *гадание на кофейной гуще* (4а), *гадания на кофейной гуще* (4б).

(4) а. С сейсмологами он из-за этого жутко спорит. Считает, что его теория – панацея от всех бед, а они полагают, что она сродни *гаданию на кофейной гуще*. (Кир Булычев. Белое платье Золушки) б. – Изгоняя из нашей науки менделизм-морганизм-вейсманнизм, – повысил голос Варичев, – мы тем самым изгоняем случайности из биологической науки. Наука – враг случайностей. Нам не по пути с теми, кто, используя ядовитый колхицин, устраивает *гадания на кофейной гуще*, плодя уродцев и возлагая на них несбыточные надежды. (В. Дудинцев. Белые одежды)

В работе А. Г. Пазельской [2006] рассматриваются необходимые условия образования множественного числа имен ситуаций. Выделяется многократная и дистрибутивная множественность, а также множественность разных появлений актантов ситуации (при отсутствии денотативного тождества). Действительно, дистрибутивная множественность характеризует случаи, когда состав участников ситуаций может меняться и ситуации не зависят от временного параметра, т. е. могут происходить одновременно или в разные моменты времени. Именно такие случаи представлены в семантике идиом *ловля блох* и *гадание на кофейной гуще*. При этом **лови блох* сказать нельзя, а *гадания на кофейной гуще* можно. Иными словами, должны быть какие-то еще факторы, не указанные А. Г. Пазельской, которые управляют таким ограничением.

В монографии о семантике множественного числа [Ляшевская, 2004] обсуждаются многие факторы, влияющие на образование множественного числа предикатных имен. Тем не менее, они не являются универсальными и не позволяют убедительно объяснить ограничения форм множественного числа для слов типа *ловля*. Иначе говоря, остается только такой способ классификации, при котором эти слова характеризуются пометой «singularia tantum».

Отметим также, что некоторые слова, входящие в состав идиом, допускают множественное число, но оно малоупотребительно. Это проявляется в отсутствии форм множественного числа у соответствующих идиом, например, *бабье лето*.

Многие существительные образуют только формы множественного числа, входя в категорию *pluralia tantum*. Это ограничение существительные данного класса сохраняют и в идиомах. Так, идиомы *именины сердца*, *чёрствы именины* и т. п. не образуют единственное число.

2. Факторы значения идиомы

Грамматические ограничения часто сочетаются с семантическими, мотивированными значением идиомы. В то же время они могут действовать и отдельно. Так, идиома *львиная доля*, т. е. ‘существенно большая часть чего-л.’, используется по отношению к такой части чего-либо, которая является самой большой и в силу этого единственной. В идиоме *прямая дорога* в значении, реализующемся в при-

мерах типа (5), речь идет об идеальном соответствии свойств человека и того, где эти свойства реализуются в полной мере:

(5) **а.** Выпускнику Кембриджа *прямая дорога* к научной карьере. (Корпус публицистики) **б.** Петру было семнадцать, он как раз закончил школу, свободно говорил по-венгерски и по-чешски. Ему была *прямая дорога* на переводческий факультет. (Корпус публицистики)

По смыслу идеальное соответствие не предполагает множественности вариантов, по этой причине идиома *прямая дорога* не имеет грамматической формы множественного числа.

В значении идиомы *передний край* тоже присутствует идея уникальности; ср. контексты (6), в которых реализуются смыслы исключительной опасности (6а) и новейших достижений в какой-либо области, чаще научной (6б):

(6) **а.** Лейтенанты <...> живут *на переднем крае* в среднем сутки, следовательно, капитаны – двое, от силы – трое. (Ю. Герман. Я отвечаю за всё) **б.** У тебя наука, диссертация, ты, в общем, *на самом переднем крае*, а у него аттестат сплошь в тройках. (В. Аксенов. Звездный билет)

Значение некоторых идиом указывает на совокупность абстрактных характеристик чего-л. Так, идиомы *проходной двор* ('легко доступное место, где часто бывает большое количество случайных людей'), *сумасшедший дом* ('место, в котором происходят события, не соответствующие представлению о нормальном' и 'события, происходящие в каком-л. месте, или поведение людей, находящихся там'), *куча-мала* ('скопление людей, чаще детей, находящихся в состоянии беспорядочного физического взаимодействия – ударов, толчков и т. п.') описывают локусы и ситуации, в которых беспорядочно перемещаются люди. В этом случае разграничение по числу теряет значимость. Фиксируется лишь одно число – в приведенных примерах единственное, которое оказывается немаркированным (привативным) элементом оппозиции.

Идиома *всевидящее око* не имеет множественного числа по другой причине: форма *очи* отсылает к лицу и не является символом. Между тем эта идиома обозначает в базовом значении 'христианский символ – изображение глаза в треугольнике – указывающий на всезнание бога'. В остальных значениях оно мотивировано этим символом, и мотивация хорошо ощущается носителями языка. Из-за этого даже прагматически возможное множественное число в значении 'камера слежения' грамматически не реализуется:

(7) У Пентагона может появиться *всевидящее око*. В недрах Пентагона разрабатывается принципиально новая система глобального слежения: тысячи компьютеров и камер смогут в городах мира наблюдать, записывать и анализировать передвижение буквально каждого транспортного средства. (Публицистика Интернета)

Абсолютно невозможно сказать: **Тысячи всевидящих очей смогут в городах мира наблюдать...*

Помимо случаев *singularia tantum*, в этой группе идиом встречаются и выражения, в которых существительные имеют форму множественного числа, и единственное число в таких случаях неупотребительно. В идиомах *дети лейтенанта Шмидта*, *коридоры власти* и *огни святого Эльма* соответствующие ограничения следуют из толкований. Так, в значении идиомы *дети лейтенанта Шмидта*

представлена идея множественности: ‘группа людей, занимающихся мошенничеством в одной и той же сфере и конкурирующих между собой’. Аналогично в идиоме *коридоры власти* в толковании упоминается непубличная часть институтов управления государством, которая также мыслится как некоторое множество: ‘неизвестная обычным гражданам непубличная часть институтов, осуществляющих управление государством’. В толковании идиомы *огни святого Эльма* нет прямого указания на внутреннюю множественность описываемого атмосферного явления: ‘атмосферное явление в виде слабого сияния электрического происхождения, окружающего высокие заостренные предметы при сильном электричестве в атмосфере, например, во время грозы’. Однако как экстралингвистическое событие оно характеризуется множественностью огоньков, возникающих на высоких объектах, имеющих острую вершину. Отметим, что в этом случае представлены необходимые условия для реализации граммы множественного числа по О. Есперсену: «различность» элементов и принадлежность к одному разряду, т. е. дискретность множества и его однородность [Есперсен, 1958].

3. Прагматические факторы

К числу прагматических факторов относится уникальность референта идиомы. Уникальность как прагматическая характеристика может распространяться на человека, на место (локус), событие, временной период и пр. Естественно, что такие идиомы имеют только единственное число.

В случае уникальности лица это может быть как реальный (*лучший друг советских физкультурников, отец народов*), так и мифологический персонаж (*Баба-яга, Дед Мороз*). Идиомы *лучший друг советских физкультурников, отец народов, Баба-яга и Дед Мороз* в основном значении множественного числа не имеют. Употребление их во множественном числе либо невозможно, либо переводит эти выражения в другие значения. Так, *отцы народов* – это не множество И. Джугашвили, а диктаторы подобных режимов:

(8) Национальные лидеры и вожди нации, *отцы народов* и спасители отечества – они верят в свою непогрешимость или притворяются, что верят. (Публицистика Интернета)

Множественное число идиомы *Дед Мороз* возможно только по отношению к людям, которые играют роль этого мифологического персонажа на новогодних представлениях:

(9) Из Финляндии, из города Турку, присылались регулярно цветные открытки: играющие в снежки розоволицые задорные мальчуганы в спортивных костюмчиках и вязаных шапочках с помпонами, толстобрюхие *Деды Морозы* в красных рубашках и тому подобное западное декадентство. (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха)

Вторая группа уникальных референтов – это наименования политических, общественных, социальных и пр. субъектов: *большая семья; общеевропейский дом; чёрная сотня; Софья Власьева* (‘советская власть’); *ум, честь и совесть нашей эпохи* (‘КПСС’); *школа коммунизма* (‘профсоюзы’). Примыкает к политическим субъектам номинации идеологий: *коричневая чума* (‘фашизм’). По понятным причинам каждое из приведенных выражений называет уникальное явление общественно-политической жизни, которое не повторяется в виде точных анало-

гов, так что ограничение на число носит в данном случае чисто прагматический характер.

Есть идиомы, которые по одному из своих значений попадают в эту группу выражений, а по другим – в другие группы. Так, идиомы *большой брат* и *старший брат* в употреблении типа (10) используются по отношению к уникальным референтам.

(10) **а.** Могло ли россиянам пригрезиться в том великолепном августе, что новые страхи будут конкурировать по своей силе, по крайней мере у некоторых категорий граждан, с теми страхами, которые порождает *Большой брат* – всемогущее деспотическое государство с его политической полицией и армией осведомителей? («Независимая газета») **б.** Восточные немцы не могли предпринимать никаких серьезных политических действий без санкции и помощи *старшего брата* – СССР. (Корпус публицистики)

Рассматриваемое значение идиомы *большой брат* (10а) поддерживается его происхождением: это калька с английского выражения Big Brother (по имени мифологизированного персонажа известного романа Дж. Оруэлла «1984»). Идиома *старший брат* соотносится в приведенном примере (10б) с СССР и именно в этом смысле имеет уникальный референт. Обе рассматриваемые идиомы имеют еще и производные значения технических устройств, однако несколько различных: *большой брат* имеет значение ‘электронные, видео и т. п. системы слежения за людьми’ (11а), а *старший брат* – ‘техническое устройство, предшествующее во времени другому устройству и в каком-то отношении связанное с ним’ (11б).

(11) **а.** В Японии внедряют *Большого брата* специально для школьников. В одной из частных школ Токио введена в эксплуатацию система радиочастотной идентификации учащихся. (Корпус публицистики) **б.** От России на самолетах Су-27 в воздух поднимутся прославленные «Русские витязи». Наши асы в очередной раз продемонстрируют свое мастерство, а также скорость и маневренность отечественных боевых машин, которые свойственны и *старшему брату* самолета Су-27 – МиГ-29. («Российские вести»)

Хотя семантически может быть много соответствующих технических устройств, множественное число все равно неупотребительно, что можно объяснить тесной связью с исходной мотивацией.

Свойство уникальности плана содержания идиомы может распространяться на политические и социальные события и ситуации: *холодная война*, *железный занавес*, *великий октябрь*, *страшный суд*. Как и в предшествующих случаях, множественное число здесь по понятным причинам невозможно. Идиома *холодная война* допускает переосмысление и перенесение свойств конкретного исторического периода на похожие феномены. В этом случае множественное число возможно, ср. *Современные холодные войны* носят прежде всего геополитический характер.

Еще одна сфера уникальности – это уникальное местоположение (локус): *лобное место* ‘место на Красной площади в Москве, находящееся на естественном возвышении, рядом с которым в старину совершались публичные казни и с которого народу объявлялись царские указы’; *фабрика грёз* ‘место массового создания кинофильмов в США, оказывающих сильное влияние на эмоциональную сферу людей’.

В идиомах *продажная девка империализма* ('генетика'), *великий немой* ('кинематограф в эпоху отсутствия звука в кино'), *важнейшее из искусств* ('кино'), *голубой экран* ('телевидение') реализуется другой аспект уникальности, характеризующий разнообразные научные и технические феномены.

Наконец, уникальным может оказаться конкретный выделенный период или момент. К идиомам такого типа относятся *красный день календаря* (в значении 'общегосударственный праздник – День Великой Октябрьской социалистической революции, отмечаемый в СССР 7 ноября до 1991 г. '); *золотой век* ('самая ранняя пора существования человечества, предположительно самая лучшая для людей'); *каменный век* ('ранний период развития человечества, характеризовавшийся орудиями из камня, дерева и кости'). Идиомы данной группы ведут себя по-разному в других значениях, в которых отсутствует уникальность референта. Так, идиома *красный день календаря* в значении 'общегосударственный праздник' допускает употребление во множественном числе:

(12) Праздничные застолья у нас были нередки: мы отмечали и общие для всех *красные дни календаря* – 23 февраля, 1 мая, 9 мая, и дни рождения каждого из нас, если они пришлись на время зимовки. (Ю. Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь)

Однако идиомы *золотой век* и *каменный век* сохраняют ограничения на образование числа и в производных значениях. Ср. *золотой век* в значениях 'время наивысшего развития какой-л. области человеческой деятельности (науки, литературы, живописи, искусства)' (13а) и 'удачная пора для развития какой-л. организации, учреждения, социального института, религии и т. п.' (13б).

(13) а. Если бы Россия вышла из горнила войны великой и демократической державой. *Золотой век* международных отношений в сей миг не кажется мне, господа, утопией. (Юз Алешковский. Кенгуру) б. То, что было с учреждением мировых посредников первого призыва, то, к сожалению, повторилось с учреждением земских начальников: его *золотой век* продолжался недолго. (В. Мещерский. Мои воспоминания)

Невозможно множественное число и при употреблении идиомы *каменный век* по отношению к положению в какой-либо области деятельности, характеризующееся использованием устаревших методов, подходов, теорий, представлений и т. п.

(14) Однажды я вынул из бедного Икара и уничтожил давно накопившуюся кучу журнальчиков для подростков. Вам известен тип этих изданий: в отношении чувств это – *каменный век*; в смысле гигиены – эпоха, по крайней мере, микенская. (В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского])

4. Фактор внутренней формы

В ряде работ авторов было показано, что внутренняя форма идиом часто влияет на их актуальное значение. Иными словами, непроходимой границы между актуальным значением идиомы и образом, лежащим в основе ее семантики, нет [Баранов, Добровольский, 2008; 2013]. Естественно предположить, что особенности внутренней формы налагают ограничения на реализацию категории числа идиомы. При всем различии образов, лежащих в основе конкретных идиом, внутренние формы объединяются по структурным особенностям в группы, которые

можно назвать моделями внутренней формы. Под моделью внутренней формы понимается способ указания на актуальное значение, фиксированный во внутренней форме идиомы [Баранов, 2008].

Одна из наиболее частотных моделей внутренней формы в русской идиоматике – это МОДЕЛЬ МНОЖЕСТВА. Она представлена, например, в идиоме *белые мухи* в значении ‘кружащийся в воздухе редкий мелкий снег, появляющийся обычно в конце осени в холодную погоду, не остающийся на почве’. Идея множественности отражена в самой модели внутренней формы: наличие различных элементов и их однородность – принадлежность к одному множеству – соответствует необходимым условиям реализации множественного числа по О. Есперсену [1958].

Отметим, что признаки, необходимые для реализации граммы множественного числа по О. Есперсену, носят обобщающий характер и не различают выделенные нами параметры. Тем самым они подходят и для факторов значения (см. выше обсуждение примера *огни святого Эльма*), и для факторов внутренней формы. Это не противоречит предлагаемой концепции, поскольку внутренняя форма мотивирует актуальное значение.

Как известно, кроме однородных множеств, бывают также и иерархически построенные множества, элементы которых не равноправны. МОДЕЛЬ ИЕРАРХИЧЕСКОГО МНОЖЕСТВА реализуется в идиомах *вагон и маленькая тележка*, *метр с кепкой* и налагает другие ограничения на число. Если в идиоме *белые мухи* запрещено единственное число, то в этих выражениях запрещено множественное. Это связано с тем, что все множество делится на единственный центральный элемент (*вагон*, *метр*), выполняющий основную функцию, и дополнительный, периферийный, указывающий на полноту реализации какого-то параметра: очень много (*вагон и маленькая тележка*), очень маленький рост (*метр с кепкой*).

Структурно примыкает к этой модели другая модель – ЭЛЕМЕНТ И ЕГО ПЕРИФЕРИЯ (элемент какого-то другого множества). Она представлена в идиомах *гроб с музыкой* ‘громоздкий предмет, который плохо выполняет функции, для которых предназначен’ и *взгляд и нечто* (‘содержание текста – письменного или устного, – оцениваемое как неопределенное, слишком общее, хотя и выражающее мнение автора’).

Еще одна довольно распространенная модель внутренней формы – ФОКУСИРУЕМАЯ ЧАСТЬ ОБЪЕКТА. Она налагает ограничения на множественное число, это объясняется тем, что в нормальном случае фокусируется только один элемент, одна часть объекта, а не несколько. Эта модель представлена в идиомах *верхушка айсберга*, *время «ч»*, *день икс*, *звездь программы*.

Между МОДЕЛЬЮ МНОЖЕСТВА и ФОКУСИРУЕМОЙ ЧАСТИ ОБЪЕКТА находится модель ЭЛЕМЕНТ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ, которая, с одной стороны, предполагает выделение элемента (т. е. фокусируется на нем), а с другой – этот элемент входит в какое-то упорядоченное множество, ср. *седьмая печать*, *пятый пункт*, *четвёртая власть* (СМИ), (чѐ-л.) *второе «я»*, *девятый вал*, *пятая колонна*. Очевидно, что множественное число в этих случаях невозможно.

В идиомах *каждый божий день*, *каждый / всякий встречный поперечный* представлена МОДЕЛЬ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ФОКУСИРОВАНИЯ. По структурным характеристикам – фокусирование каждого элемента множества – она также близка к МОДЕЛИ МНОЖЕСТВА.

Более гомогенной по семантическим следствиям и влиянию на актуальное значение идиомы оказывается модель НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ ЧАСТИ ОБЪЕКТА, ср.

идиомы *дырка от бублика* и *от жилетки рукава [получить...]*, семантика которых передает идею ‘отсутствия или неполучения ресурса’. При этом ограничения на число имеются: в идиоме *дырка от бублика* представлено единственное число (ср. ^{???} *все получили только дырки от бубликов* при норме *все получили только дырку от бублика*), а в идиоме *от жилетки рукава [получить...]* возможно только множественное. Дело в том, что бублик структурно предполагает только одну «дырку», а внутренняя форма идиомы *от жилетки рукава [получить...]* основывается на представлении о бинарных объектах – брюки, очки, рукавицы, вожжи и пр. Последние служат основой для еще одной модели внутренней формы идиом – МОДЕЛИ БИНАРНОГО ОБЪЕКТА. Ср., например: *бразды правления, глаза на мокром месте* и пр. Из-за бинарности объектов, обозначаемых существительными в составе идиом, единственное число оказывается невозможным.

* * *

Рассмотренный материал не исчерпывает весь возможный набор факторов, которые налагают те или иные ограничения на реализацию граммем числа в идиоматике. Некоторые из них не являются содержательными и поэтому не представляют большого интереса с точки зрения выявления закономерностей функционирования системы идиом. Так, очевидно, что в некоторых случаях рифма затрудняет варьирование по числу. Например, идиома *глаз-алмаз* не допускает множественного числа, поскольку это ведет к исчезновению рифмы и нарушению ритма. С другой стороны, непрозрачность компонентов идиомы, будучи одним из важных факторов идиоматичности, фактически запрещает изменение числа. Ср. *злоба дня, колотун-бабай, разлюли-малина*. Носителю языка не понятна грамматика и семантика фантазийных слов *колотун, бабай, разлюли*, а слова *злоба* употреблено в идиоме *злоба дня* в архаичном значении, неизвестном обычному говорящему.

Заключение

Проведенное исследование с определенностью указывает на то, что ограничения на реализацию категории числа в идиомах имеют различные причины. Грамматические ограничения оказываются более регулярными, их можно предсказать. Некоторые из семантических и прагматических ограничений иногда вычислимы. Например, уникальный референт налагает ограничения на множественное число. Однако значительная часть семантических ограничений и ограничений, связанных с моделью внутренней формы, действуют избирательно. При системном описании идиоматики (например, в словарном формате) это следует учитывать: регулярные факторы не фиксируются, а уникальные должны оговариваться для каждой идиомы.

Исследование категории числа в идиомах представляет собой часть важной программы изучения реализации грамматических категорий во фразеологии – залога, вида, времени, отрицания и т. п.

Список литературы

АСРФ – Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Лексрус, 2015.

АТСРЯ – Академический толковый словарь русского языка / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2016. Т. 1.

Баранов А. Н. Против «разложения смысла»: узнавание в семантике идиом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог-2008». М., 2008. Вып. 7 (14). С. 39–44.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. Краткий курс. М.: Флинта, Наука, 2013.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: Иностр. лит., 1958.

Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций (на материале русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

РГ – Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007.

References

Akademicheskij slovar' russkoy frazeologii [Academic dictionary of Russian phraseology]. A. N. Baranov, D.O. Dobrovol'skiy (Eds). Moscow, Leksrus, 2015.

Akademicheskij tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Academic explanatory dictionary of Russian language]. L. P. Krysin (Ed.). Moscow, LRC Publishing House, 2016, vol. 1.

Baranov A. N. Protiv "razlozheniya smysla": uznvanie v semantike idiom [Against decomposition of meaning: recognition in semantics of idioms]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog-2008"*. [Computer linguistics and intellectual technologies. On materials of the international conference "Dialogue-2008"]. Moscow, 2008, pp. 39–44.

Baranov A. N., Dobrovol'skiy D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak, 2008.

Baranov A. N., Dobrovol'skiy D. O. *Osnovy frazeologii. Kratkiy kurs* [Foundations of phraseology. Brief course]. Moscow, Flinta, Nauka, 2013.

Jespersen O. *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of grammar]. Moscow, Inostr. lit., 1958.

Lyashevskaya O. N. *Semantika russkogo chisla* [Semantics of the Russian Numbers]. Moscow, LRC Publishing House, 2004.

Pazel'skaya A. G. *Nasledovanie glagol'nykh kategoriy imenami situatsiy (na materiale russkogo yazyka)* [Inheritance of verbal categories by event nouns (on the material of the Russian language)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2006.

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. N. Yu. Shvedova (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1980, vol. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology].

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of Russian with etymological information]. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Azbukovnik, 2007.

Сведения об авторах

Баранов Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Baranov_Anatoly@hotmail.com

ORCID 0000-0002-3981-0073

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия), главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия), приглашенный профессор Стокгольмского университета (Стокгольм, Швеция)

dobrovolskij@gmail.com

ORCID 0000-0003-4531-6968

Information about the authors

Anatoly N. Baranov – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Baranov_Anatoly@hotmail.com

ORCID 0000-0002-3981-0073

Dmitrij O. Dobrovol'skij – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Principal Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Guest Professor of the Stockholm University (Stockholm, Sweden).

dobrovolskij@gmail.com

ORCID 0000-0003-4531-6968

УДК 811.161.1 + 81'282.2
DOI 10.17223/18137083/73/16

Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры

И. С. Урманчиева

*Сыктывкарский государственный университет
Сыктывкар, Россия*

Аннотация

Сопоставительному анализу подвергаются фразеологизмы переселенческих говоров Низовой Печоры и общерусские фразеологические единицы идентичной семантики (при варьировании формы) или идентичной формы (при варьировании значения). Рассматривается фонетическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая, лексическая, конструктивная, количественная и семантическая вариантность. Раскрываются перспективы сопоставительного анализа для уточнения этимологических версий, установления образной основы устойчивых выражений, описываются особенности печорских вариантов общерусских фразеологизмов, обусловленные консервацией архаических явлений и длительным обособленным существованием говора в условиях межъязыковых контактов.

Ключевые слова

фразеологизмы, говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, вариантность фразеологических единиц

Для цитирования

Урманчиева И. С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 237–250. DOI 10.17223/18137083/73/16

Dialect versions of the all-Russian phraseological units in dialects of Local Pechora

I. S. Urmancheeva

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russian Federation*

Abstract

The paper presents a comparative analysis of the phraseological units of dialects of the Local Pechora and the all-Russian phraseological units of identical semantics (with a form variation) or an identical form (with a semantics variation). The Russian dialects of Local Pechora are a speech of aboriginals of the Ust-Tsilemsky Region of the Komi Republic of the Russian Federation. A complex description covers a big group of the Pechora phraseological units corresponding to the all-Russian phraseological units that are the research objects. The art fea-

© И. С. Урманчиева, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

tures of dialect phraseological units are considered. Also, the analysis is made of the figurative basis reflecting a picture of the world of the inhabitant of the North. The relevance and scientific novelty of work is due to the fact that it is for the first time that this phraseological material is subjected to such a complex investigation. The main source of the study was the "Phraseological dictionary of the Russian dialects of the Lower Pechora", with additional material taken from the "Dictionary of Russian dialects of the Komi Republic" and other dialect dictionaries. All-Russian phraseological units were taken from Russian phraseological dictionaries. The paper provides a broad view of the phraseological structure of the Russian language. The research has revealed phonetic, word-formative, morphological, syntactic, lexical, structural, quantitative and semantic dialectal variants of all-Russian phraseological units, as well as the phenomena of combined (mixed) variation. The comparative analysis allowed revealing the originality of the Pechora phraseological units that have preserved many archaic phenomena due to the long, isolated existence of a dialect in the conditions of interlingual contacts.

Keywords

phraseological units, dialects of the Local (Lower) Pechora, versions of phraseological units

For citation

Urmancheeva I. S. Dialect versions of the all-Russian phraseological units in dialects of Local Pechora. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 237–250. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/16

Русские говоры Низовой (Нижней) Печоры – это говоры территории позднего заселения, говоры вторичные. Формирование говоров вторичного образования разворачивается на базе уже сложившихся диалектных типов в условиях интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов [Баранникова, 1975, с. 22]. Письменные источники свидетельствуют о появлении русского народа в бассейне Печоры в XII–XVI вв. Усть-Цилемская слободка, образованная в 1542 г., стала вторым после Пустозерска (1499 г.) русским поселением на Нижней Печоре. Население этого края было смешанным, коми-русским, тем не менее большинство жителей осознавали себя русскими, т. е. «русское самосознание (и, следовательно, язык) преобладало, несмотря на сложное этническое происхождение переселенцев» [Бернштам, 2001, с. 79–80]. В конце XVII – начале XVIII в. на Печоре появляется новая миграционная волна, вызванная движением старообрядчества. Устойчивость устьцилемов как этноконфессиональной группы, по мнению Т. И. Дроновой, объясняется тем, что контакты между представителями усть-цилемской группы и двумя соседними этническими анклавами (ненцами и коми) носили сугубо рациональный характер и были ограничены очевидными культурными барьерами [Дронова, 2018, с. 78].

В целом возникновение печорских говоров в качестве самостоятельного диалектного образования относят к XV–XVIII вв. Островное положение печорских говоров способствовало, с одной стороны, консервации архаических явлений, с другой – своеобразному внутрисистемному развитию этих говоров. По своим языковым особенностям говоры Низовой Печоры – это достаточно однородные говоры архангельского (поморского) типа [Ли, 1992, с. 18–21].

Основной пласт фразеологии печорских говоров составляют единицы, «в разного рода вариантах широко распространенные не только в печорских, но и в других севернорусских говорах. Многие фразеологизмы известны и на иных территориях распространения русского языка – не только на Севере» [ФСРГНП, т. 1,

с. 4)]¹. Отнесение устойчивого оборота к локальным (или региональным) осложняется тем, что фразеология лингвогеографическим методом почти не изучалась [Ивашко, 1981, с. 6].

Описывая фразеологические единицы (ФЕ) русских говоров Республики Коми, к числу которых относятся и печорские говоры, И. А. Кобелева выделяет ФЕ, которые не отличаются от общенародных фразеологизмов, обороты, соотносящиеся с общерусскими ФЕ, но отличающиеся от них по некоторым параметрам, и ФЕ, не известные литературному языку [Кобелева, 1999, с. 8–12]. Особый интерес для исследователя представляют две последние группы фразеологических единиц – уникальные ФЕ и вариантные ФЕ. Но поскольку осуществить анализ региональных фразеологизмов невозможно без отграничения их от вариантов общерусских оборотов, остановимся именно на них.

Фразеологизмы одного говора относительно сочетаний других говоров и фразеологизмы отдельных говоров по отношению к общенародным оборотам считаются вариантами [Мокиенко, 1989, с. 23–24]. В научной литературе принято разграничивать формальное и лексическое варьирование (см.: [Молотков, 1977, с. 69–86; Мокиенко, 1989, с. 29–37]). Детальные классификации представлены в работах Е. И. Дибровой [1979] и В. П. Жукова, А. В. Жукова [2006, с. 179–191], которые выделяют (с некоторыми отличиями) фонетические, словообразовательные, лексические, морфологические, конструктивные, синтаксические и количественные варианты. В. И. Зимин считает целесообразным разграничить семантические варианты (вариантность в плане содержания) и формально-структурные варианты (вариантность в плане выражения) [1972, с. 71].

Среди причин фразеологической вариантности ученые называют: 1) противоречие между расчлененной формой и семантически целостным содержанием фразеологизма [Жуков, 1972, с. 25]; 2) исторические процессы возникновения фразеологизмов (большинство фразеологизмов первоначально были свободными сочетаниями, поэтому заменяемость компонентов была для них естественна) [Мокиенко, 1989, с. 16]; 3) для региональной фразеологии – устная форма существования диалектной речи [Ивашко, 1981, с. 66].

Применяя классификации вариантов фразеологизмов, ставшие уже традиционными, к печорскому фразеологическому фонду, рассмотрим вариантность фразеологизмов, которые употребляются на территории распространения говоров Низовой Печоры, и общерусских фразеологических единиц². Несомненную сложность в описании локальных (региональных) фразеологизмов представляет отмеченное многими специалистами разграничение узальных и окказиональных вариантов фразеологических единиц. Тем не менее все анализируемые в статье печорские устойчивые обороты зафиксированы во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н. А. Ставшина) [ФСРГНП] и подтверждены многократными примерами употребления; значения печорских фразеологизмов приводятся по упомянутому словарю без дополнительных ссылок на него. Отдельные ФЕ зафиксированы также во «Фразеологическом словаре русских говоров Республики Коми» И. А. Кобелевой [ФСРГРК].

¹ Таким образом, в статье не утверждается **уникальность** печорских вариантов общерусских фразеологизмов, констатируется лишь факт их употребления на территории распространения печорских говоров.

² Общерусские фразеологизмы приводятся по [ФСРЯ, ФСРЛЯ, СТСИ, БСРП, БСП, СРПП] и др. Дополнительные ссылки на эти источники, как правило, не делаются.

1. Фонетическая вариантность обусловлена в первую очередь чередованиями гласных звуков, восходящими либо к праславянским качественно-количественным чередованиям³: *ни слыху ни дыху* (печор.) – *ни слуху ни духу* (общерус.); *в рот не бирать* – *не брать в рот*; либо к древнему изменению /e/ в /o/⁴: *со дня на дѣн* – *со дня на день*.

Консонантные несоответствия компонентов печорских и общерусских фразеологизмов имеют разную природу и объясняются, во-первых, фонетическими особенностями говора (*как нароне*⁵), во-вторых, стремлением любого народного выражения к паронимии (сближению слов по созвучию), способствующей эвфонической организации фразеологизма (*ни шалко ни валко*), а также, возможно, народно-этимологической интерпретацией компонентов, сближением их с лексемами конкретного значения (*недосоль на столе, а пересоль на спине*).

Длительное обособленное существование печорских говоров позволило им сохранить архаизмы, которые употребляются и как компоненты фразеологизмов⁶: *как на долони*. В письменных памятниках древнерусского языка до XVIII в. встречается только слово *долонь*, которое затем в результате метатезы слогов трансформируется в *ладонь* [ИЭССРЯ, т. 1, с. 463].

2. Словообразовательная вариантность. Морфемные различия охватывают субстантивные, адвербиальные, адъективные и глагольные компоненты печорских и общерусских фразеологизмов. Префиксальное и суффиксальное несоответствие компонентов, как правило, не затрагивает семантического уровня: *едом* (*едуном*) *есть* (печор.) – *есть поедом* (общерус.); *битый дурак* – *набитый дурак*; *не прокладая рук* – *не покладая рук*; *ноль без палки* – *ноль без палочки*.

Словообразовательная вариантность сопровождается употреблением в составе печорских оборотов словообразовательных диалектизмов: *мураши*⁷ *по коже забегали*; *зубы на полицу*⁸ *положить*.

3. Морфологическая вариантность прежде всего возникает за счет предложно-падежного варьирования: *пропускать мимо уши* (печор.) – *пропускать мимо ушей* (общерус.), *из души в душу* (*жить*) – *душа в душу*, *ладаном дышит* – *на ладан дышит*. Морфологическая вариантность проявляется в употреблении

³ Чередование [ы] // [у] в корнях *слых-* / *слух-*, *дых-* / *дух-* объясняется древним чередованием монофтонга **ŷ* с дифтонгом **ou* (**ŷ* // **ou*), ср.: *слышать*, *слух*; *дышать*, *дух*. Общеславянские корни *-бир-* / *-бр-* (*-bŷr-* / *-bŷr-*) претерпевают количественное чередование монофтонгов [и] // [ѣ] < **i* // **i*.

⁴ В печорских говорах изменение /e/ в /o/ в положении после мягкого согласного перед твердым охватило более широкий круг лексики в сравнении с литературным языком [Ли, 1992, с. 58].

⁵ Переход твердых шипящих в свистящие ([ш] → [с]) в печорских говорах представлен малочисленными фактами [Ли, 1992, с. 41]. Наречие *нароне* может употребляться и вне оборота: *С сенокосу идеи, напотеш, дак нароне еишо купаессе* [СРГНП, т. 1, с. 457].

⁶ Слово *долонь* до сих пор употребляется в печорских говорах в своем прямом значении: *Без вачег долони болят, мозоли будут* [СРГНП, т. 1, с. 184].

⁷ В печорских говорах слово *мураш* до сих пор употребляется в значении 'муравей': *Тут фсѣ муравьишиа, мурашы жывут* [СРГНП, т. 1, с. 431]. Компонент общерусского фразеологизма *мурашки* в качестве энтомосемизма сейчас не употребляется, однако в формировании образной основы ФЕ он участвовал: ощущение озноба похоже на перемещение по телу муравьев [РФ, с. 454].

⁸ Слово *полица* употребляется вне фразеологического оборота повсеместно на территории распространения печорских говоров, ср., например: *Тазы лежат на полице, длинна полиця* [СРГНП, т. 2, с. 90].

предлога *по-за*⁹ с род., дат. и твор. падежами: *по-за глаза / глазам / глазами* (ср. общерус. *за глаза*). Предложно-падежному варьированию подвергаются также адъективные и прономинальные компоненты: *жить у всего готового* (печор.) – *жить на всём готовом; молодой да ранний – из молодых да ранний*.

Морфологическая вариантность общерусских и диалектных устойчивых оборотов может быть обусловлена употреблением субстантивных компонентов в несовпадающих числовых формах, что нередко объясняется своеобразием категории числа диалектных существительных: *пройти огни и воды <и медные трубы>* (печор.) – *пройти огонь и воду <и медные трубы>* (общерус.), *одно костьё*¹⁰ – *одни кости*.

Вариантность печорских фразеологизмов может быть обусловлена характерным для диалектных систем переходом компонента-существительного из одного грамматического рода в другой: *тихим сапом* (печор.) – *тихой сапой* ‘исподтишка, скрытно, незаметно’ [ФСРЯ, с. 380], что обусловлено не в последнюю очередь семантической незначимостью компонента *сапа* для носителей диалекта.

4. Синтаксическое варьирование представлено в говорах Низовой Печоры немногочисленными примерами и затрагивает как фразеологические единицы коммуникативного характера со структурой предложения, так и фразеологизмы-словосочетания. Например, печорский глагольный фразеологизм, по структуре соответствующий словосочетанию, *в душе лежать* ‘быть очень любимым кем-то’ имеет идентичную семантику и образную основу с литературной глагольно-пропозициональной ФЕ, равной предложению, *душа лежит (к кому, к чему)* ‘о склонности, расположении к кому-либо или чему-либо’. Структурные различия предопределяют несоответствие синтаксических функций этих оборотов: печорский фразеологизм выступает в качестве сказуемого в двусоставном предложении, а общерусский бывает сказуемым только односоставного предложения¹¹.

Усложнение однородного ряда наблюдается в первой части печорского устойчивого выражения, в котором на месте лексических однородных компонентов обнаруживаются синтаксические: *где день, где ночь – сутки прочь* (ср. общерус. *день да ночь – сутки прочь*).

5. Лексическое варьирование¹². Вопрос о разграничении лексической вариантности фразеологизмов и фразеологической синонимии носит дискуссионный характер, что неоднократно отмечалось учеными. Фразеологизмы, имеющие тождественное значение, единство внутренней формы, семантическую равнозначность или близость варьируемых компонентов, неизменность синтаксической конструкции, называют **лексическими вариантами фразеологизма, дублетными фразеологическими оборотами, синонимическими вариантами** (более подробно см.: [Жуков В. П., Жуков А. В., 2006, с. 185; Шанский, 1985, с. 50–55] и др.). Сопоставление печорских фразеологизмов с общерусскими позволило выявить фразеологические варианты с лексическими субституциями на основе:

⁹ Предлог *по-за* фиксируется толковыми словарями как областной, устаревший [СОШ, с. 537]. В говорах низовой Печоры он имеет широкое употребление [СРГНП, т. 2, с. 81].

¹⁰ Для говоров северного наречия характерно широкое распространение своеобразно образованных собирательных существительных с суффиксом *-й*- и окончанием *-о* [Образование севернорусского наречия..., 1970, с. 221].

¹¹ Ср.: *Уж тридцать лет прошло, а всё он у меня в душе лежит* [ФСРГНП, т. 1, с. 72] и *Не лежит у меня к нему душа*.

¹² Более подробно лексическая вариантность печорских и общерусских фразеологизмов рассмотрена в статье автора: [Урманчеева, 2016].

а) синонимических отношений (*свернуть в бараний рог* (печор.) – *скрутить в бараний рог* (общерус.), *только пятки блестят* – *только пятки сверкают*);

б) антонимических отношений (*с полу взять* (печор.) – *с потолка* [взять (что-л.)] [СТСИ, с. 336]);

в) партитивных (меронимических) отношений – отношений части и целого (*мизинного пёрста не стоит* – *ногтя не стоит*, *куриная голова* – *куриные мозги*);

г) гиперо-гипонимических отношений (*не в коня овёс* – *не в коня корм*, *курицыно молоко* – *птичье молоко* ¹³);

д) гипонимических отношений (*как на шильях* – *как на иголках*; *бабья осень* – *бабье лето*);

е) отношений иной тематической, семантической, ассоциативной близости (*носить солнце решетом* – *носить воду решетом*, *за ушами пищит* – *за ушами трещит*).

Лексическое варьирование компонентов фразеологизмов в ряде случаев объясняется особенностями ландшафта и климата, традиционных занятий и промыслов, повседневным укладом жизни диалектоносителей. Так, в ФЕ *белая мошка*, *белые комары* (ср. общерус. *белые мухи* ‘первый снег’) вместо компонента *мухи* – типичной приметы средней полосы или юга России – употребляются лексемы *мошка* и *комары* – неременный атрибут холодного северного лета. Система пространственных координат, в которой существует житель Печорского края, исключает городское поселение, возможно, поэтому печорский вариант фразеологизма-антитезы *ни к селу ни к городу* звучит как *ни к селу ни к берегу*. *Берег, река* – пространственные маркеры жителя Нижней Печоры, важные для его картины мира.

Отличительной особенностью диалектных вариантов общерусских фразеологизмов является использование в них локализмов – узуальное или окказиональное, исконное или приобретенное: *раскошевить* ¹⁴ *душу* (печор.) – *разбередить душу* (общерус.), как *кычко* ¹⁵ *на сене* – как *собака на сене*, *на один копыл* ¹⁶ – *на одну колодку*, *шаньгу* ¹⁷ *маслом не испортишь* – *кашу маслом не испортишь*. Использование некоторых локализмов – результат межэтнических контактов с местным коми-зырянским населением: так, слово *шаньга* широко представлено в севернорусских и сибирских говорах, но, по одной из версий, в русский язык оно попало из коми языка [Мызников, 2007, с. 317–319], как и слово *кычко* от коми *кычи*, *кычан* ‘щенок’ [КЭСЯ, с. 155].

Варьируемые компоненты нередко выступают как знаки, символы. Взаимозаменяемость компонентов, выполняющих символическую функцию, основывается на сходстве их культурных значений. Например, литературный фразеологизм *взять*

¹³ В некоторых языках вместо компонента *птица* (*птичий*) выступает компонент *курица* (*куриный*) [РФ, с. 443] как прототипический образ домашней птицы, продолжающий тематический ряд домашних животных (коров, коз), от которых получают молоко. Поэтому употребление слова *курицын* в печорском фразеологизме вполне соответствует особенностям картины мира диалектоносителя – жителя деревни. Ср. также взаимозамены в ФЕ как *от курицы молока*, *что от быка молока* (печор.) – как *(что) от козла молока* (общерус.).

¹⁴ *Раскошевить* – ‘потревожить, побеспокоить’ [СРГНП, т. 2, с. 206].

¹⁵ *Кычко* – ‘пёс, кобель’ [СРГНП, т. 1, с. 371].

¹⁶ *Копыл* – ‘деревянная колодка для изготовления обуви’ [СРГНП, т. 1, с. 332].

¹⁷ *Шаньга* – ‘лепешка из ячменной, ржаной, пшеничной муки с незагнутыми краями и открытой начинкой’ [СРГНП, т. 2, с. 437].

за *горло* / за *глотку* / за *жабры* ‘заставлять поступать определенным образом’ предполагает варьирование антропоморфных и зооморфных соматизмов *горло*, *глотка*, *жабры*, которые имеют символическую функцию жизненно важных органов [БФСРЯ, с. 45]. Вариантный ряд в говорах Низовой Печоры дополняется компонентом *рёбры*¹⁸ (за *рёбры* *взять*), который не является обозначением жизнеобеспечивающего органа, но метонимически отождествляется с *лёгкими* (все соматизмы актуализируют дыхательную функцию организма). В печорских фразеологизмах *базарная корова* и *память овечья* зооморфные компоненты *корова* и *овечья* по своему культурному значению идентичны антропным компонентам *баба* и *девичья* общерусских ФЕ *базарная баба*, *девичья память*.

Вообще сопоставление общерусских фразеологизмов с выражениями, сохранившимися в говорах, позволяет уточнить и даже пересмотреть существующие этимологические версии (см. более подробно о ФЕ *ни богу свечка, ни чёрту ожег*, *выть заморить*, *кишки заморить* в [Урманчеева, 2016, с. 78–79]).

6. Конструктивное варьирование¹⁹ свойственно фразеологическим единицам, которые соотносятся друг с другом как полная и сокращенная разновидности. В говорах Низовой Печоры сохранились фразеологические единицы (часто – пословицы), которые в литературном языке известны только в сокращенном варианте. Вполне вероятен, однако, процесс не сокращения, а наращивания фразеологизма в результате окказионально-диалектного употребления.

Полноструктурные устойчивые выражения, по сравнению со своими краткими вариантами, обладают более сложной с художественной точки зрения организацией, основанной на таких средствах выразительности, как рифма, ритм, паронимасия, антитеза, градация, синтаксический и образный параллелизм и др. (с *лица воду не пить, а ума не купить*; *старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет*; в *голове вертится, а на язык не попадает*; что бог послал, *то и на стол настлал*; где *сядешь, там и слезешь, никуда не уедешь*; язык без *кости, мелет напрости*).

В шутивно-каламбурном ключе, основанном на парадоксе, алогизме, построенны выражения *говорят, что кур доят, коров на яйца сажают*; *покойной ночи, спать до полночи, а с полночи кирпичи ворочать*; на *сердитых* воду *возят*, на *горячих* хлеб *пекут*; с *лёгким паром*, с *тяжёлым угаром*.

7. Квантитативные варианты ФЕ различаются количеством компонентов и представляют собой одно из проявлений конструктивного варьирования (см., например: [Жуков В. П., Жуков А. В., 2006, с. 181]). Печорские фразеологизмы могут отличаться от общерусских:

а) наличием адъективных компонентов (*синее море по колено*; не *сладкий мёд*; законы как *косилочное*²⁰ *дышло*: куда *повернёшь, туда и вышло*);

б) наличием субстантивных компонентов (*нос до неба задрать*; *креста на вороте (вороту) нет*);

в) наличием прономинальных компонентов (*своя охота пуще неволи*; на *моих / твоих / её* хлебах *жить*);

¹⁸ Нельзя исключать и паронимическую аттракцию с компонентом *жабры*.

¹⁹ Более подробно см.: [Урманчеева, 2017а; 2017б].

²⁰ *Косилочный* – ‘предназначенный для косыбы’ [СРГНП, т. 1, с. 338]. В говорах Низовой Печоры слово *дышло* означает ‘часть сохи – стержень, прикрепляющий соху к оглобле’ [СРГНП, т. 1, с. 196], тогда как в литературном языке это ‘толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней оси повозки’ [СОШ, с. 180].

г) наличием нумеративных компонентов (как курица с **первым** яйцом *носиться*);

д) наличием глагольных компонентов (до небес **выздынули**; во всю ивановскую **реветь** (*одираться*)).

8. Семантическое варьирование. В развитии семантической вариантности не последнюю роль играют компоненты ФЕ, обладающие множественным семантическим потенциалом и способствующие формированию разных образов. Например, соматизм *рот* функционально связан и с речевой деятельностью, и с приемом пищи, в результате чего фразеологизм *во весь рот*, помимо общеизвестного значения ‘очень громко (кричать)’, в говорах Низовой Печоры употребляется в значении ‘с большим аппетитом, с жадностью (есть)’, ‘есть чего-либо очень много’²¹. Символьное значение инструментальности соматизма *рука* [Ковшова, 2012, с. 185] способствует развитию у ФЕ *к рукам прибирать / прибрать* в печорских говорах, кроме значения ‘присваивать’, семантики ‘брать что-то под свое наблюдение, своевременно выполнять какую-то работу’²². Соматизм *глаз* символизирует внимание, направленное на тот или иной объект, и магическую силу, способность наводить порчу [Гудков, Ковшова, 2007, с. 160–161], поэтому ФЕ *глаз положить* в говорах Низовой Печоры имеет значение ‘сглазить’²³ (ср. общеизвестное значение ‘приметить для себя’).

Символичность компонентов фразеологизма может ослабевать, что приводит к повышению прозрачности фразеологизма, снижению его идиоматичности. Так, соматизм *уши*, метонимически обозначающий ‘слух, способность слышать’ и формирующий общеизвестное значение ФЕ *уши вянут* ‘противно слушать что-либо предельно глупое, нелепое’, в печорском фразеологизме отождествляется с увядающим от жары растением и способствует формированию значения ‘уши горят от банного жара’²⁴.

9. Явления комплексного варьирования (фонетико-словообразовательного (дать дерка – ср. *дать дёру*), лексико-грамматического (*дочи не плачет – мати не понимает* – ср. *дитя не плачет, мать не понимает*), лексико-синтаксического (*дёшево, да мило* – *дёшево и сердито*) и др.) требуют детального описания в отдельном исследовании.

* * *

Между печорскими и общерусскими фразеологизмами устанавливаются варианты отношения, идентичные отношениям между ФЕ внутри одной системы: фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, конструктивные, количественные, семантические, а также явления комплексного варьирования. Следует отметить наибольшую частотность лексического варьирования, граничащего с синонимией фразеологизмов, и количественно-конструктивного варьирования.

К анализу диалектных фразеологизмов в статье не применялся лингвогеографический метод, и их широкая локализация за пределами печорских говоров не устанавливалась. Тем не менее лексикографические данные позволяют отметить

²¹ Ср.: *Когда сезон, так мы ягоды едим во весь рот* [ФСРГНП, т. 1, с. 133].

²² Ср.: *Слава богу, всё к рукам прибрали овощи, до заморозков успели* [ФСРГНП, т. 1, с. 295].

²³ Ср.: *Это цыганы глаз положили на девуку; уехали, дак она сразу заболела* [ФСРГНП, т. 1, с. 166].

²⁴ Ср.: *Он хлещиэтся так – уши вянут* [ФСРГНП, т. 2, с. 357].

распространение некоторых оборотов не только в Усть-Цилемском районе Республики Коми, но и в Троицко-Печорском (*в рот не бирать* [ФСРГРК, с. 23]), Княжпогостском, с. Серегово (*со дня на дён* [Там же, с. 71]), Прилузском, с. Летка (*синее море по колено* [Там же, с. 236]). ФЕ *дать дерка* употребляется, помимо печорских, в псковских и тверских говорах [БСП, с. 187], *дать тягала* – новгородских [Там же, с. 677], *белые комары* – пермских [ФСРГ, с. 173], *мураши по коже забежали* – новгородских и сибирских [БСП, с. 417], *в лежачку лежать* – сибирских и костромских [Там же, с. 355], *одно костьё* – в говорах Карелии [СРГК, т. 2, с. 445], *едом есть* – говорах Забайкалья, Мордовии, Курской обл. [БСП, с. 222] и т. д.

Большинство диалектных вариантов общерусских фразеологизмов состоит из общеупотребительных компонентов, но яркой отличительной особенностью региональных устойчивых оборотов является всё же употребление в их составе локализмов – фонетических, семантических, словообразовательных, морфологических, собственно лексических, этнографических (*как наросне, мураши по коже забежали, зубы на полицу положить, одно костьё, раскошевить душу, на один копыл, глухой пестерь, законы как косилочное дышло: куда повернёшь, туда и вышло*).

Существование многочисленных лексических вариантов, отражающих картину мира диалектоносителя-северянина, во многом объясняется особенностями ландшафта и климата, традиционных занятий и промыслов, а также межэтническими и межязыковыми контактами: *белая мошка, как собака да роса моха жить, распутить тюни*²⁵, *ишико*²⁶ *носит, шаньгу маслом не испортишь, как кычко на сене, как зельдей*²⁷ *в бочке*.

Вариантность ФЕ демонстрирует неисчерпаемость творческого потенциала народа, который реализуется в неосознанном или намеренном использовании средств выразительности, начиная со звукоизобразительных синонимов, отличающихся экспрессивностью звучания (*в голову втрёщить; языком лямзат / ляцкат / вичкат / тилькат; выздынуть нос до луны*), и заканчивая фигурами и словесными играми, такими как рифма, ритм, паронимия, антитеза, градация, синтаксический и образный параллелизм, парадокс, каламбур и др., выполняющими эстетическую, экспрессивную и мнемоническую функции (примеры см. в п. 6 «Конструктивное варьирование»).

Консервирующая роль фразеологизмов хорошо известна и изучена. Они часто сохраняют реликтовые явления, утраченные языковым узусом. Эта же особенность присуща диалектам, особенно островным, переселенческим, в результате диалектный фразеологизм может включать компоненты разной степени архаизации (компонент, устаревший в литературном языке, но сохранившийся в диалектах, и компонент, устаревший и в литературном языке и в диалектах, но сохранившийся во фразеологизмах): *как на долони, сквозь перстьё (персты, перстья) смотреть, на один лик, дочи не плачет – мати не разумеет*.

²⁵ Тюни – ‘обувь с жесткой нижней частью и мягким голенищем из невыделанной кожи’ [ФСРГРК, с. 367]. Возможна паронимическая аттракция с *нюни*.

²⁶ Ишико – ‘нечистый дух, чёрт, дьявол’ [СРГНП, т. 2, с. 447].

²⁷ Зельдь – ‘ряпушка беломорская’ [СРГНП, т. 1, с. 281]. Исторически проникло из соседних коми диалектов, однако не исключена возможность, что коми *зельдь* – более древнее заимствование из русск. *сельдь* [Герд, 1970, с. 116]. О словах *шаньга, кычко* см. п. 5 «Лексическое варьирование».

Русские говоры сохраняют утраченные литературным языком устойчивые обороты. В говорах Низовой Печоры это: *ни богу свечка, ни чёрту ожег; губа не дура, язык не лопата* – знают, что горько, что сладко; *ни кола, ни двора, ни милого живота; чудеса в решете: дыр много, а выскочить некуда; дружбу дружить, а камень за пазухой держать* и др. При всей сложности отграничения таких фразеологизмов от позднейших новообразований роль подобных ФЕ в пояснении внутренней формы и уточнении этимологических версий трудно переоценить.

Список литературы

- Баранникова Л. И.* Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22–31.
- Бернштам Т. А.* Былины на Печоре // Свод русского фольклора. Былины. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1.
- Герд А. С.* Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. Вып. 1. С. 108–117.
- Гудков Д. Б., Ковишова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Диброва Е. И.* Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979. 192 с.
- Дронова Т. И.* “Чужие” в традиционных представлениях русских староверов Усть-Цильмы // Изв. Коми научного центра УрО РАН. Историко-филологические науки. 2018. № 1 (33). С. 75–79.
- Жуков В. П.* Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвуз. симп. (1968). Тула: Тульск. гос. ун-т, 1972. С. 20–29.
- Жуков В. П., Жуков А. В.* Русская фразеология. М.: Высш. шк., 2006. 408 с.
- Зимин В. И.* К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвуз. симп. (1968). Тула: Тульск. гос. ун-т, 1972. С. 70–82.
- Ивашко Л. А.* Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 110 с.
- Кобелева И. А.* Фразеология русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1999. 84 с.
- Ковишова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Либроком, 2012. 456 с.
- Ли А. Д.* Русские говоры Коми республики. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 1992. 106 с.
- Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
- Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 239 с.
- Мызников С. А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2007. 395 с.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / Отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970. 455 с.
- Урманчеева И. С.* Лексическое варьирование печорских фразеологизмов в сопоставлении с общерусскими // Вестник Вят. гос. гуманит. ун-та (Киров). 2016. № 4. С. 75–82.

Урманчиева И. С. Полноструктурные и краткие варианты печорских и общерусских фразеологизмов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017а. № 14–15. С. 63–71.

Урманчиева И. С. Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариантности печорских и общерусских фразеологизмов // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2017б. № 50. С. 125–134.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.

Список источников и словарей

БСП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 784 с.

ИЭССРЯ – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз. Медиа, 2007.

КЭСРЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 432 с.

РФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд. С.-Петербург. ун-та, 1994–2002. Т. 1–5.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003.

СРПП – Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2002. 544 с.

СТСИ – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

ФСРП – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 431 с.

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2 т. / Сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

ФСРГРК – Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. 312 с.

ФСРЛЯ – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: АСТ: Астрель, 2001. 512 с.

References

- Barannikova L. I. Govory territoriy pozdnego zaseleniya i problema ikh klassifikatsii [Dialects of territories of late settling and problem of their classification]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1975, no. 2, pp. 22–31.
- Bernshtam T. A. Byliny na Pechore [Bylinas on Pechora]. In: *Svod russkogo fol'klora. Byliny* [The arch of the Russian folklore. Byliny]. St. Petersburg, Nauka, Moscow, Klassika, 2001, vol. 1.
- Gerd A. S. Iz istorii pechorskikh nazvaniy ryb [From history of the Pechora names of fishes]. In: *Severnorusskie govory* [The North Russian dialects]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1970, iss. 1, pp. 108–117.
- Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [Corporal code of the Russian culture: materials to the dictionary]. Moscow, Gnozis, 2007, 288 p.
- Dibrova E. I. *Variantnost' frazeologicheskikh edinit v sovremennom russkom yazyke* [Alternativeness of phraseological units in modern Russian]. Rostov-on-Don, RSU Publ., 1979, 192 p.
- Dronova T. I. "Chuzhie" v traditsionnykh predstavleniyakh russkikh staroverov Ust'-Tsil'my ["Strangers" in traditional representations of the Russian conservatives of Ust-Tsilma]. *"Proceedings" of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences. Historical and Philological Sciences*. 2018, no. 1(33), pp. 75–79.
- Ivashko L. A. *Ocherki russkoy dialektnoy frazeologii* [Sketches of the Russian dialect phraseology]. Leningrad, LSU Publ., 1981, 110 p.
- Kobeleva I. A. *Frazeologiya russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseology of the Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar, Syktyvkar Univ. Publ., 1999, 84 p.
- Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: kody kul'tury* [A linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]. Moscow, Librokom, 2012, 456 p.
- Li A. D. *Russkie govory Komi respubliki* [Russian dialects of the Republic of Komi]. Syktyvkar, Komi Pedagogical Institute Publ., 1992, 106 p.
- Mokienko V. M. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 287 p.
- Molotkov A. I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Fundamentals of phraseology of Russian]. Leningrad, Nauka, 1977, 239 p.
- Myznikov S. A. *Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [The atlas of the substratny and borrowed lexicon of the Russian dialects of the Northwest]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 395 p.
- Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov: Po materialam lingvisticheskoy geografii* [Formation of the North Russian adverb and Central Russian dialects: On materials of linguistic geography]. V. G. Orlova (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1970, 455 p.
- Shanskiy N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of modern Russian language]. Vyssh. shk., 1985, 160 p.
- Urmancheeva I. S. *Leksicheskoe var'irovanie Russian*. Moscow, Vyssh. shk., 1985, 160 p. *pechorskikh frazeologizmov v sopostavlenii s obshcherusskimi* [Lexical variation of the Pechora phraseological units in comparison to all-Russians]. *Herald of Vyatka State University (Kirov)*. 2016, no. 4, pp. 75–82.

Urmancheeva I. S. Polnostrukturnye i kratkie varianty pechorskikh i obshcherusskikh frazeologizmov [Full structural and short versions of the Pechora and all-Russian phraseological units]. *Science Review: Humanities Research*. 2017a, no. 14–15, pp. 63–71.

Urmancheeva I. S. Ritmiko-rifmicheskaya organizatsiya kak proyavlenie konstruktivnoy variantnosti pechorskikh i obshcherusskikh frazeologizmov [Rhythm and rhyme organization as manifestation of constructive alternativeness of the Pechora and all-Russian phraseological units]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017b, no. 50, pp. 125–134.

Zhukov V. P. Ob ustoychivosti i variantnosti frazeologizmov na semanti-cheskom urovne [About stability and alternativeness of phraseological units at the semantic level]. In: *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinits. Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma (1968)* [Problems of stability and alternativeness of phraseological units. Materials of an interuniversity symposium (1968)]. Tula, TSU, 1972, pp. 20–29.

Zhukov V. P., Zhukov A. V. *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow, Vyssh. shk., 2006, 408 p.

Zimin V. I. K voprosu o variantnosti frazeologicheskikh edinits [To a question of alternativeness of phraseological units]. In: *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinits. Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma (1968)* [Problems of stability and alternativeness of phraseological units. Materials of an interuniversity symposium (1968)]. Tula, TSU, 1972, pp. 70–82.

List of sources and dictionaries

Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow, Astrel', AST, Khranitel', 2007, 926 p.

Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy [Big phraseological dictionary of Russian. Value. Use. Culturological comment]. V. N. Teliya (Ed.). Moscow, AST-PRESS KNIGA, 784 p.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian: In 2 vols]. Moscow, Rus. yaz., Media, 2007.

Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel', AST, 2008, 878 p.

Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: V 2 t. [Phraseological dictionary of the Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 vols]. N. A. Stavshina (Comp.). St. Petersburg, Nauka, 2008.

Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [The phraseological dictionary of Russian]. A. I. Molotkov (Ed.). Moscow, AST, Astrel', 2001, 512 p.

Kobeleva I. A. *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of the Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar, Syktyvkar Univ. Publ., 2004, 312 p.

Lytin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Short etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, Komi PH, 1999, 432 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of the Russian sayings]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2008, 784 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Big dictionary of the Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2010, 1024 p.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow, AZ, 1995, 928 p.

Prokosheva K. N. *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of the Perm dialects]. Perm', PSPU, 2002, 431 p.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey [Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. A. S. Gerd (Ed. in Ch.). St. Petersburg, SPbSU Publ., 1994–2002, vols. 1–5.

Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory: V 2 t. [Dictionary of the Russian dialects of Local Pechora. In 2 vols]. L. A. Ivashko (Ed.). St. Petersburg, Department of Philology, SPbSU, 2003.

Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki [The dictionary thesaurus of modern Russian idiomatics]. A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'sky (Eds). Moscow, Mir entsiklopediy Avanta+, 2007, 1135 p.

Zhukov V. P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of the Russian proverbs and sayings]. Moscow, Rus. yaz., 2002, 544 p.

Сведения об авторе

Урманчеева Ирина Серафимовна – кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

ssu@syktsu.ru

ORCID 0000-0001-6376-1059

Information about the author

Irina S. Urmancheeva – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Russian Philology of Institute of the Humanities, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

ssu@syktsu.ru

ORCID 0000-0001-6376-1059

УДК 81'373.612.2:81'42
DOI 10.17223/18137083/73/17

Роль метафтонимии в вербализации футурологических концептов

Е. Н. Ковязина

*Пермский институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
Пермь, Россия*

Аннотация

Рассматривается проблема взаимодействия концептуальной метафоры и метонимии в футурологическом дискурсе и роль метафтонимий в вербализации футурологических концептов. Материалом исследования послужили произведения Э. Тоффлера «Future Shock» и «The Third Wave», а также П. Бьюкенена «Suicide of a Superpower: will America survive to 2025?». В результате исследования было идентифицировано 75 контекстов употребления метафтонимии определенных типов, участвующих в вербальной репрезентации футурологических концептов *FUTURE SHOCK*, *THE THIRD WAVE* и *SUICIDE*. Кроме того, удалось установить присутствие в проанализированных контекстах таких форм метафорического мышления, как расширенные метафоры, а также метонимические цепи и кластеры. Установлена ведущая роль метафтонимии в вербализации футурологических концептов.

Ключевые слова

концептуальная метафора, метонимия, метафтонимия, футурологический дискурс

Для цитирования

Ковязина Е. Н. Роль метафтонимии в вербализации футурологических концептов // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 251–263. DOI 10.17223/18137083/73/17

The role of metaphonymy in verbalizing futurological concepts

E. N. Kovyazina

*Perm Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics
Perm, Russian Federation*

Abstract

The paper touches upon the problem of metaphonymy in futurological discourse as well as its role in verbalizing futurological concepts *FUTURE SHOCK*, *THE THIRD WAVE*, and *SUICIDE*. The investigation aimed to determine the peculiar features of metaphonymy and define its role in the verbal representation of futurological concepts. The investigation is based on the novels of a prominent American futurologist A. Toffler “The Future Shock,” “The Third Wave” and a famous American publicist P. Buchanan “Suicide of a Superpower: Will

© Е. Н. Ковязина, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

America Survive to 2025?”. The techniques employed include conceptual analysis, metaphor, and metonymy modeling. 75 contexts of metaphonymy of certain types (“metaphor in metonymy,” “metonymy in metaphor,” “metonymy, metaphor in metaphor,” “metaphor, metonymy, metaphor in metaphor,” etc.) were identified, and all of them proved to be involved in the verbal representation of the futurological concepts. The analysis showed that all the metaphonymic unities had a hierarchical structure with one prevailing component and one or several subordinate elements. Moreover, metaphors are more likely than metonymies to act as a dominant member of the hierarchy, their target domain or/and source domain being motivators for other components emerging in a metaphonymic unity. As for the forms of metaphor and metonymy thinking in metaphonymies under analysis, we found extended metaphors and metonymic chains and clusters. Metaphors (their target or/and source domains) turned to be most active in verbalizing the futurological concepts. The variants of verbalization are as follows: “future shock as a disease,” “the third wave as evolution design,” “suicide as ethnomasochism,” etc.

Keywords

conceptual metaphor, metonymy, metaphonymy, futurological discourse

For citation

Kovyazina E. N. The role of metaphonymy in verbalizing futurological concepts. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 251–263. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/17

Проблема взаимодействия метафоры и метонимии вызывает большой интерес у лингвистов. Согласно когнитивистским представлениям, как метафора, так и метонимия – явления концептуального толка [Denroche, 2018; Goossens, 2003; Barcelona, 2003] (см. также труды Biernacka, Gibbs, Martin de Leon, Ruiz de Mendoza и др.). Несмотря на это, между ними есть существенная разница. Метафора – это единство двух далеких друг от друга концептуальных областей [Lakoff, Johnson, 1999]. Метонимия основана на отношениях смежности, возникающих между элементами одной и той же концептуальной области, или идеализированной когнитивной модели (ICM) [Kövecses, 2002, p. 160]. Представители традиционного направления в науке о языке, объясняя разницу между ними, говорят о категориальном (метафорическом) и диатетическом (метонимическом) сдвигах [Падучева, 2004, с. 175]. Ученых разных направлений в языкознании всегда интересовала возможность взаимодействия и взаимозависимости, существующая между этими феноменами. Исследования, проводимые в данной сфере, помогают внести особый вклад в постижение сложнейшего феномена многозначности, являющегося фундаментальной проблемой современной лингвистики.

Интеракция метафоры и метонимии многими рассматривается как эффективный механизм образования новых значений. Так, сторонники динамического подхода к лексической семантике указывают на огромную важность той роли, которую играют производные метафоро-метонимические значения в расширении словарных толкований под влиянием контекста (Ю. Д. Апресян, А. А. Зализняк, Е. В. Падучева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, А. Д. Шмелёв и др.). Представители когнитивной парадигмы в языкознании, которые в своих научных изысканиях, бесспорно, опираются на системные исследования, проводимые в области лексической семантики и семасиологии, видят главное предназначение взаимодействия между собой метафоры и метонимии в концептуализации, или поиске способов вербального воплощения явлений действительности в дискурсах различных типов (Kövecses, Ruiz de Mendoza и др.).

На сегодняшний день в научной литературе отношения между метафорой и метонимией принято рассматривать с точки зрения мотивации и интеракции

(метафтонимии). По мнению ряда исследователей, между метафорой и метонимией существуют отношения мотивации. Так, например, A. Barcelona убежден, что метафора мотивируется метонимией [Barcelona, 2003]. Е. В. Падучева также утверждает, что «метафора часто возникает как следствие метонимии: метонимия чревата метафорой, поскольку при переносе фокуса внимания на смежный объект на месте согласованной категории оказывается несогласованная» [Падучева, 2004, с. 175]. На материале поэтического дискурса она убедительно доказывает, что переход к категориальной ошибке, или метафоре, способствующей созданию поэтического образа, становится возможен благодаря метонимическому сдвигу [Там же]. Между тем возникают и иные ситуации, когда метафора становится мотиватором появления метонимии. Так, говоря о семантической деривации как об эффективном способе увеличения числа значений под влиянием контекста, Е. В. Падучева указывает на то, что в возникающем при этом явлении инкорпорирования именно категориальный сдвиг вызывает появление метонимического сдвига (рыба не клюёт на наживку → рыба не клюёт) [Там же, с. 159].

Помимо вопроса о мотивации, также рассматривается проблема метафтонимии (термин, введенный L. Goossens), или взаимодействия метафоры и метонимии на концептуальном уровне [Goossens, 2003, p. 350]. L. Goossens выделяет следующие типы метафтонимии: интегрированный (метонимия в метафоре и метафора в метонимии) и кумулятивный (метафора от метонимии и метонимия от метафоры) [Goossens, 2003]. Исследователь поднимает вопрос об отношениях субординации, существующих в концептуальном союзе метафоры и метонимии: выражения «метафора в метонимии» или «метонимия в метафоре» означают, что в союзе метафоры и метонимии один участник занимает более высокую позицию, чем второй [Denroche, 2018]. Идеи L. Goossens развивались впоследствии другими учеными, разделяющими его мнение о том, что в концептуальном единстве метафоры и метонимии один член – метафора либо метонимия – может доминировать, т. е. образовывать фрейм, структурирующий метафтонимию как единое целое, а другой член может занимать второстепенную позицию. Так, например, Р. И. Устарханов выделяет пять видов взаимодействия метафоры и метонимии: 1) пропорциональная метафтонимия со свободным сочетанием метафорического и метонимического конституентов; 2) многоплоскостная интеграция концептуальных элементов; 3) метафора на базе метонимии с блокированием метонимического конституента; 4) метонимия на базе метафоры с сохранением метафорического конституента; 5) метафора на базе метонимии с сохранением метонимического конституента [Устарханов, 2006, с. 19]. С. Denroche также признает разнообразные формы взаимодействия метафоры и метонимии и пользуется терминологией L. Goossens [Denroche, 2018]. Он полемизирует с L. Goossens только в одном случае: последний исследует метафтонимию на уровне предложения, а С. Denroche настаивает на необходимости изучать интеграцию метафоры и метонимии на уровне всего текста и даже нескольких текстов и вводит понятие «текстовая метафтонимия». Так, например, исследуя такой вид интегрированной текстовой метафтонимии, как «метафора в метонимии», С. Denroche обращается к поэтическому дискурсу: по его мнению, в произведении Р. Larkin «The Witsun Weddings» метонимический кластер используется для вербализации ряда контекстов, таких, например, как «парк», «люди, которых можно встретить в парке в течение дня», «чем заняты эти люди», «офис», и образует фрейм, внутри которого обнаруживаются встроенные в него локальные метафоры. Например: «...hare-eyed clerks with the jitters and wax-fleshed outpatients still vague from accidents». В данном примере члены метоними-

ческого кластера «clerks» и «outpatients» являются метонимией Часть (clerks and outpatients) за целое (люди, гуляющие в парке в течение дня). Метафоры «hare» и «wax», используемые для описания глаз и тела, являются подчиненными в данном кластере и встраиваются в общую структуру, заданную метонимическим кластером.

Дискурсивный потенциал метафтонимии обусловлен теми разнообразными формами, в которых данные явления встречаются в дискурсе как отдельные феномены. Так, выделяются следующие категории, на которые подразделяются метафоры и метонимии, встречающиеся независимо друг от друга: метафорические и метонимические цепи и кластеры, расширенные метафоры и метонимии [Brdar-Szabó, Brdar, 2011; Denroche, 2018; Koller, 2003]. С. Denroche показывает, как эти разнообразные формы метафорического и метонимического мышления имеют тенденцию объединяться в рамках метафтонимии и образуют комплексные иерархические структуры, в которых как метафора, так и метонимия могут играть роль базового конституента.

Сложное единство метафоры и метонимии в дискурсах различных типов исследуется и российскими учеными. Вызывает интерес работа О. С. Шармановой, посвященная метафтонимии в медийном немецкоязычном дискурсе. В данном исследовании показана роль метафтонимии в вербализации концепта *ГРУЗИНО-РОССИЙСКИЙ КОНФЛИКТ 2008 ГОДА* [Шарманова, 2011].

Актуальность нашего исследования обусловлена тем фактом, что метафтонимия впервые изучается в футурологическом дискурсе. Кроме того, метафтонимия рассматривается как эффективный способ вербализации футурологических концептов. Предпринята попытка идентифицировать возможные типы метафтонимии, встречающиеся в футурологическом дискурсе и выявить базовый (метонимический или метафорический) конституент в метафтонимическом единстве, имеющий большую частоту появления в дискурсе. Вслед за С. Denroche мы предлагаем абстрагироваться от рассмотрения метафтонимии в сугубо горизонтальной проекции на уровне предложения и изучать ее по вертикали, как дискурсивное явление, обладающее всеми необходимыми характеристиками для моделирования дискурса. Кроме того, опять же вслед за указанным автором, в нашем анализе мы считаем возможным использовать терминологию L. Goossens при характеристике идентифицированных нами типов взаимодействия элементов метафтонимии. Материалом исследования послужили произведения выдающегося американского футуролога Элвина Тоффлера «The Third Wave» и «Future Shock», а также футурологическое произведение знаменитого американского публициста Патрика Бьюкенена «Suicide of a Superpower: will America survive to 2025?». В своем исследовании мы пытаемся найти ответы на следующие вопросы: 1) действительно ли метафтонимия принимает участие в вербальной репрезентации футурологических концептов *FUTURE SHOCK (ФУТУРОШОК)*, *THE THIRD WAVE (ТРЕТЬЯ ВОЛНА)* и *SUICIDE (САМОУБИЙСТВО)*; 2) сколько контекстов метафтонимии можно идентифицировать и какие ее типы в них задействованы; 3) можно ли выявить в идентифицированных метафтонимиях расширенные метафоры и метонимии, кластеры и цепи; 4) могут ли метафора и метонимия в равной степени доминировать в иерархической структуре метафтонимии. Мы выдвигаем следующую гипотезу: фундаментальные футурологические концепты *ФУТУРОШОК*, *ТРЕТЬЯ ВОЛНА* и *САМОУБИЙСТВО* концептуализируются посредством метафтонимических единств разных типов с определенным набором расширенных метафор

и метонимий, а также кластеров и цепей. Методы исследования включают концептуальный анализ, метафорическое и метонимическое моделирование.

Методом сплошной выборки мы обнаружили 75 контекстов употребления метафтонимии в футурологическом дискурсе. Из них 20 % метафтонимий вербализуют концепт *ФУТУРОШОК*, 36 % – концепт *ТРЕТЬЯ ВОЛНА*, 32 % – *САМОУБИЙСТВО*, 12 % приходится на прочие концепты. В 33 % случаев в метафтонимических единствах можно идентифицировать метонимические цепи, 46 % приходится на метонимические кластеры, 17 % на расширенные метафоры, в 3 % контекстов можно обнаружить метафорические цепи. В 50 контекстах структурообразующую доминирующую роль играют метафоры, а в 25 контекстах – метонимии. 35 % метафтонимий – это метафтонимии наиболее распространенной разновидности «метонимия в метафоре», 12 % составляют метафтонимии вида «метафоры в метонимии», 53 % приходится на более сложные конструкты, включающие два и более элемента, такие, например, как «метонимия, метонимия, метафора в метафоре», «метонимия, метафора, метафора в метафоре» и т. д.

Рассмотрим несколько вариантов метафтонимий, концептуализирующих понятие «футурошок». Вариант 1: футурошок – болезнь. Например:

Early in March, 1967, in eastern Canada, an eleven-year-old child died of old age. Ricky Gallant... suffered from an odd disease called progeria – advanced aging – and he exhibited many of the characteristics of a ninety-year-old person... Cases of progeria are extremely rare. Yet in a metaphorical sense the high technology societies all suffer from this peculiar ailment. They are not growing old or senile. But they are experiencing super-normal rates of change (Toffler, 1971, p. 19) ¹.

Здесь мы видим пример метафтонимии типа «метонимия в метафоре». Доминантным конституентом в этой метафтонимии, организующим данный отрывок текста на целостном уровне, является метафора Общество (область-цель) как Больной (область-источник). В данной метафоре семантический компонент ‘ускоренное старение’ перешел из словарного значения в новое метафорическое: прогерия – это «патологическое преждевременное старение организма» ². Область-источник (больной прогерией), равно как и область-цель (общество), в данной метафоре мотивирует появление метонимии Член общества за Общество (часть вместо целого) – Больной прогерией (Ricky Gallant) за Общество, которое больно прогерией. Доминирующая часть этой метафтонимии – метафора Технологическое общество как Больной прогерией, а именно ее область-источник (больной прогерией), – вербализует концепт *ФУТУРОШОК* (область-цель) как поразившую общество болезнь, связанную с ускоренным развитием и устареванием технологий.

¹ В начале марта 1967 года на Востоке Канады одиннадцатилетний мальчик умер от старости. Рики Галлант... страдал от очень редкой болезни – прогерии, или ускоренного старения, и в своем юном возрасте демонстрировал все характеристики, свойственные девяностолетнему старику... Случаи прогерии чрезвычайно редки. И все же, в метафорическом смысле, развитые в технологическом отношении общества страдают именно от этой специфической болезни. Нет, у этих обществ нельзя обнаружить признаки старения и деменции, просто они ускоренными темпами меняются (здесь и далее перевод цитат Э. Тоффлера и П. Бьюкенена мой. – Е. К.).

² Большая медицинская энциклопедия. URL: бмэ.орг/index.php/ПРОГЕРИЯ (дата обращения 14.03.2018).

Безостановочный рост техносферы в технократическом обществе можно уподобить высоким темпам старения организма больного прогерией.

Вариант 2: футуризм – корпоративная мобильность. Рассмотрим следующий пример:

The Wall Street Journal refers to “corporate gypsies” in an article headlined “How Executive Family Adapts to Incessant Moving About Country.” It describes the life of M. E. Jacobson, an executive with the Montgomery Ward retail chain. He and his wife... had moved twenty-eight times in twenty-six years of married life. “I almost feel like we’re just camping,” his wife tells her visitors... This is true not merely because corporate needs are constantly shifting, but also because top management regards frequent relocation of its potential successors as a necessary step in their training. This moving of executives from house to house as if they were life-size chessmen on a continent-sized board has led one psychologist to propose facetiously money-saving system called “The Modular Family” (Toffler, 1971, p. 82)³.

В данном случае мы имеем дело с метафтонимией типа «метонимия, метафора, метафора, метафора в метафоре». Доминантной составной частью, образующей фрейм, или общую структуру, внутри которой формируются более мелкие структурные единицы, является метафора Сотрудники организации как Цыгане. Из неметафорического значения слова «цыгане» в новое, возникшее посредством образного отождествления значение переносится семантический компонент ‘мобильность’ (цыгане – a race of «people scattered throughout Europe and North America who maintain a nomadic way of life in industrialized societies»)⁴. Метафора эта является расширенной. Расширенная метафора представляет собой случай, когда «определенная метафорическая мысль получает свое развитие в виде новых метафор на протяжении всего отрывка текста» [Denroche, 2018]. Идея мобильности развивается в последующих метафорах: Сотрудники как Автотуристы в кемпинге, Сотрудники как Пешки на шахматной доске, Семья (сотрудника) как Модульная конструкция. Семантический компонент «мобильность» содержится в исходном словарном неметафорическом значении слов «цыгане», «кемпинг», «шахматные фигуры», «модуль» и переносится затем в новое значение, возникшее путем образного отождествления. Метафора Сотрудники как Цыгане, а именно ее область-цель и область-источник в равной степени, мотивирует возникновение метонимии Мобильный сотрудник (М. Е. Jacobson) за Класс мобильных сотрудников (часть

³ Издание «Wall Street Journal» обращается к проблеме «корпоративных цыган» в статье под заголовком «Как семья сотрудника корпорации адаптируется к его бесконечным разъездам по стране». В статье описывается жизнь М. И. Джейкобсона, сотрудника компании-ритейлера “Montgomery Ward”. Он и его жена... двадцать восемь раз меняли место жительства за двадцать шесть лет совместной жизни. Вот что думает по этому поводу жена Джейкобсона: «Мне иногда кажется, что мы живем, как туристы в кемпинге»... Это происходит не только потому, что корпоративные задачи постоянно меняются и вынуждают людей срываться с насиженных мест, но и потому, что руководство компании рассматривает постоянные перемещения работника как неотъемлемую часть совершенствования его профессиональных навыков. Это вечное движение, позволяющее уподобить людей шахматным фигурам в человеческий рост, перемещающимся на игровой доске размером с континент, спровоцировало одного психолога предложить ввести в обиход помогающее сэкономить понятие «модульная семья».

⁴ Collins English Dictionary. URL: www.collinsdictionary.com/dictionary/english/gypsy (accessed 01.10.2018).

вместо целого). Концепт *ФУТУРОШОК* (область-цель) вербализуется посредством доминирующей метафоры (ее области-источника и области-цели в равной степени) как «корпоративная мобильность».

А теперь обратимся к вербализации посредством метафтонимий концепта *ТРЕТЬЯ ВОЛНА*. Итак, вариант 1: третья волна – валютный кризис. Рассмотрим такой пример:

Interest rates zigzag. Currencies gyrate. Central banks buy and sell money by the carload to damp the swings, but the gyrations only grow more extreme. The dollar and the yen perform a Kabuki dance, the Europeans promote their own new currency... while Arabs... off-load billions of dollars worth of American paper. Gold prices break all records (Toffler, 1980, p. 245) ⁵.

Тип метафтонимии – «метафора в метонимии». Метонимическая цепь (Interest rates zigzag. Currencies gyrate etc.), все составляющие которой репрезентируют концепт *НЕСТАБИЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА*, является здесь базовой составной частью. Внутри данной цепи мы находим метафору Национальная валюта как Исполнитель танца. Для формирования данной метафоры семантический компонент 'колебание' перешел из исходного значения слова «кабуки» (в переводе с японского «непрямой, отклоняющийся») в новое, возникшее путем образного отождествления значение – валютный кризис (резкие колебания, «прыжки» валюты). Область-цель (национальная валюта) метафоры Национальная валюта как Исполнитель танца служит мотиватором появления новой вербальной репрезентации понятия «третья волна»: третья волна – валютный кризис.

Вариант 2: третья волна – демассифицированная рабочая сила. Например:

What Third Wave employers increasingly need, therefore, are men and women who accept responsibility, who understand how their work dovetails with that of others, who can handle ever larger tasks, who adapt swiftly to changed circumstances, and who are sensitively tuned in to the people around them... The Third Wave firm requires people who are less preprogrammed and faster on their feet. The difference... is like that between classical musicians who play each note according to a predetermined, pre-set pattern, and jazz improvisers who, once having decided what song to play, sensitively pick up cues from one another and, on the basis of that, decide what notes to play next. Such people... typify the de-massified work force needed by Third Wave industry (Toffler, 1980, p. 401) ⁶.

⁵ Процентные ставки выписывают зигзаги. Валютный рынок колеблется. Центральные банки продают и покупают огромные денежные массы, чтобы усмирить колебания, но они лишь усиливаются. Доллар и йена исполняют танец «кабуки», европейцы продвигают свою собственную новую валюту... в то время как арабы... накачивают нефтью миллиарды долларов США. Цены на золото бьют все рекорды.

⁶ Работодатели третьей волны испытывают повышенную потребность в людях, способных нести ответственность, воспринимающих свою работу как продолжение работы других, решающих сложные задачи, легко адаптирующихся к меняющимся условиям и тонко чувствующих всех, кто их окружает... Компаниям третьей волны требуются незапрограммированные и легкие на подъем сотрудники. Разницу между работниками второй и третьей волн... можно уподобить отличию между классическими музыкантами, в своей игре следующими строгим предписаниям в нотах, и джазовыми импровизаторами, которые, решив, какую песню будут исполнять, подхватывают мотив, «брошенный» другими музыкантами,

Тип метафтонимии – «метонимия, метафора, метафора, метафора в метафоре». Основная составляющая – расширенная метафора Сотрудники организации как Музыканты. Из словарного значения слова «музыкант» в новое метафорическое переходит семантический компонент ‘игра’ (музыкант – это «a person who plays a musical instrument as their job or hobby»⁷). Область-источник (музыканты) мотивирует появление новых метафор, развивающих «музыкальную» тему: «Должностные инструкции как Песня», «Должностные инструкции как Ноты», «Работа как Джазовая импровизация». Область-цель (сотрудники) доминирующей метафоры мотивирует появление метонимической цепи, все члены которой стоят за или репрезентируют концепт *СОТРУДНИКИ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ* (who accept responsibility, who understand how their work dovetails with that of others, who can handle ever larger tasks, who adapt swiftly to changed circumstances, and who are sensitively tuned in to the people around them). Доминантная метафора, а именно ее область-цель (сотрудники), вербализует концепт *ТРЕТЬЯ ВОЛНА* как демассификацию рабочей силы (сотрудников): сотрудники новой волны выполняют свои обязанности не как классические музыканты – по единым для всех нотам, а как джазовые импровизаторы, имеющие право на вариации, лишаящие их творчество ореола массовости – демассифицирующие их.

Перейдем к анализу примера из произведения П. Бьюкенена «Suicide of a Superpower». Приведем пример вербальной репрезентации концепта *САМОУБИЙСТВО*, в котором самоубийство предстает как этнический мазохизм (этномазохизм):

Ethnomasochism... is a disease of the heart that never afflicted the America of Andrew Jackson, Theodore Roosevelt or Dwight Eisenhower. It comes out of... “an ideology of western suicide”, a belief system that provides a morphine drip for people who have come to accept the inevitability of their departure from history. The archetype of the ethnomasochist was Susan Sontag, who wrote, in *Partisan Review*, “the white race is the cancer of the human history” (Buchanan, 2011, p. 143)⁸.

В данном примере мы имеем дело с метафтонимией типа «метафора, метонимия, метафора в метафоре». Доминирующей является метафора Этномазохизм (область-цель) как Болезнь (область-источник). В данной метафоре из исходного словарного значения в новое метафорическое переходит семантический компонент ‘патологическое изменение’: согласно словарю, болезнь – это «any impairment of normal physiological function affecting all or part of an organism, esp a specific pathological change caused by infection, stress, etc, producing characteristic

и на основании этого принимают решение о том, как они будут играть свою партию дальше. Такой тип сотрудников... воплощает в себе демассифицированную рабочую силу.

⁷ Cobuild Advanced English Dictionary. URL: www.collinsdictionary.com/dictionary/english/musician (accessed 10.10.2018).

⁸ Этномазохизм – это болезнь сердца, невыносимая во времена Э. Джексона, Т. Рузвельта и Д. Эйзенхауэра. Она является следствием... «идеологии самоубийства Запада» – системы взглядов, которая, подобно морфию, воздействует на людей, осознающих неизбежность своего ухода с исторической арены. Типичным примером этнического мазохиста является Сьюзан Зонтаг, которая в издании «Partisan Review» написала, что «белая раса – это раковая опухоль на теле истории человечества».

symptoms...»⁹. Область-цель данной метафоры мотивирует возникновение метонимии Отдельный представитель этномазохистов (Susan Sontag) за всех этномазохистов (часть за целое). В метафтонимию встраивается метафора Белая раса как Суицидальная личность, требующая морфий (morphine drip) для утоления душевной боли. Еще одна метафора, существующая в рамках рассматриваемой нами метафтонимии, – Белая раса как Раковая опухоль на теле истории. Что касается концепта *САМОУБИЙСТВО*, то область-цель доминирующей метафоры (этномазохизм) мотивирует вербализацию этого концепта: самоубийство – это этномазохизм. Патологические изменения в самовосприятии и отрицание собственной идентичности и собственного «я» представителя белой расы – вот та самая болезнь, которая называется «этнический мазохизм».

Рассмотрим все варианты вербализации футурологических концептов (данные по вербальной репрезентации обобщены в таблице).

Таблица отражает варианты концептуализации и категоризации трех футурологических концептов, в которых задействованы метафтонимии различных типов. Виды метафтонимий, вербализующих футурологические концепты, очень разнообразны, но наиболее часто встречается тип метафтонимии, представленный двумя компонентами, – доминирующим и подчиненным (метонимия в метафоре либо метафора в метонимии). Тип «метонимия в метафоре» встречается чаще, чем «метафора в метонимии». Метафорические и метонимические составляющие формируют разнообразные иерархические структуры, в которых, однако, доминирующее положение занимает чаще всего метафора.

Таким образом, в футурологическом дискурсе мы обнаружили 75 контекстов употребления метафтонимии, которая является более сложной концептуальной единицей, так как включает в себя два и более элементов, один из которых является фреймообразующим и подчиняет себе все остальные элементы. Главным элементом, создающим фрейм, внутри которого формируются второстепенные элементы, чаще всего является метафора. Занимая доминантное пространство внутри фрейма, она распространяет свое влияние на все остальные члены метафтонимии, т. е. ее область-цель или область-источник мотивируют появление других членов – метонимий или метафор, предстающих в виде отдельных элементов либо цепей или кластеров, а также расширенных единиц. Помимо всего прочего, метафора отвечает за вербальную репрезентацию основополагающих футурологических концептов – *ФУТУРОШОК* и *ТРЕТЬЯ ВОЛНА*: ее область-цель или / и область-источник мотивируют появление того или иного варианта концептуализации. Метонимия, в том случае если она идентифицирована как доминантная в иерархии, не мотивирует возникновение других членов метафтонимии, – они как бы «встраиваются» в метафтонимию на независимой основе. Кроме того, метонимия не задействуется напрямую в вербализации футурологических концептов. Метонимия представлена в основном в виде метонимических кластеров и цепей – очевидно, с целью передачи большего объема информации о социальных изменениях, происходящих на этапе перехода от одной стадии цивилизационного развития к другой. Зачастую в метафтонимиях доминирующая метафора играет роль генератора абстрактной идеи, а метонимия эту идею «овеществляет», представляя ее в виде социально значимых событий, объектов и т. д.

⁹ Collins English Dictionary. URL: www.collinsdictionary.com/dictionary/english/disease (accessed 12.10.2018).

Варианты вербальной репрезентации футурологических концептов посредством метатонимии
 Variants of verbal representation of futurological concepts via metathonymy

Концепты		
ФУТУРОШОК	ТРЕТЬЯ ВОЛНА	САМОУБИЙСТВО
1. Новые виды социальной флоры (Метафора, метонимия, метафора в метафоре) 2. Становление (Метафора, метафора в метонимии) 3. Болезнь (Метонимия в метафоре) 4. Товар одноразового использования (Метонимия, метонимия, метафора в метафоре) 5. Недолговечная архитектура (Метонимия в метафоре) 6. Кочевой образ жизни (1. Метонимия, метафора в метонимии; 2. Метонимия в метафоре) 7. Корпоративная мобильность (Метафора, метафора, метафора, метонимия в метафоре) 8. Обучение будущему (Метафора, метонимия в метонимии) 9. Неподконтрольное общество (Метонимия, метафора, метафора в метафоре) 10. Машина для производства грёз (Метонимия в метафоре) 11. Склад образов масс-культуры (Метонимия, метафора в метафоре) 12. Потребление стилей (Метонимия в метафоре)	1. Поток (Метонимия, метафора, метафора, метафора в метафоре) 2. Рождение новой цивилизации (Метафора в метонимии) 3. Неуверенность в будущем (Метафора, метафора в метонимии) 4. Апокалипсис (Метонимия в метафоре) 5. Меняющийся мир (Метонимия в метафоре) 6. Революция в экономике (Метафора в метонимии) 7. Конвейер образов масс-культуры (Метонимия, метафора, метафора в метафоре) 8. Конвейер продуктов умственного труда (Метонимия, метафора, метафора в метонимии) 9. Хранлище образов масс-культуры (Метонимия, метафора, метафора в метафоре) 10. Демассификация масс-медиа (Метонимия, метафора в метафоре) 11. Информационные «вбросы» (Метонимия, метафора в метафоре) 12. Немассовое производство (Метонимия, метонимия в метафоре)	1. Внешний долг (Метонимия, метафора в метафоре) 2. Финансовая и политическая элита (Метонимия в метафоре) 3. Социальные блага (Метонимия в метафоре) 4. Кризис власти (Метонимия, метафора в метафоре) 5. Пренебрежение традиционными ценностями (Метонимия в метафоре) 6. Подрыв основ христианской религии (Метонимия в метафоре) 7. Потеря веры в Бога (Метонимия в метафоре) 8. Заменители религии (Метонимия в метафоре) 9. Смерть христианства (Метафора в метонимии) 10. Кризис католичества (Метафора, метафора, метонимия в метафоре) 11. Этномазохизм (Метафора, метонимия, метафора в метафоре) 12. Индивидуализация культурных ценностей (Метафора метафора метонимия в метафоре)

Окончание таблицы

Концепты		
ФУТУРОШОК	ТРЕТЬЯ ВОЛНА	САМОУБИЙСТВО
13. Фабрика стилей (Метонимия в метафоре) 14. Гиперстимуляция (Метафора в метонимии) 15. Поколение «здесь и сейчас» (Метонимия в метафоре)	13. Холистическое производство (Метонимия в метафоре) 14. Валютный кризис (Метафора в метонимии) 15. Социальная ответственность корпораций (Метафора в метонимии) 16. Новые цивилизационные задачи (Метонимия в метафоре) 17. Переоценка теорий и взглядов (Метафора, метонимия, метафора в метафоре) 18. Дизайн эволюции (Метонимия, метафора в метафоре) 19. Синтез восточной и западной культур (Метонимия в метафоре) 20. Катастрофа (Метонимия в метафоре) 21. Практипия (Метафора, метафора в метонимии) 22. Нарушенный общественный порядок (Метафора в метонимии) 23. Новая психосфера (Метафора в метонимии) 24. Одиночество (Метафора в метонимии) 25. Демассифицированная рабочая сила (Метонимия, метафора, метафора в метафоре) 26. Паралич политической воли (Метонимия, метафора в метафоре) 27. Устаревшие политические институты (Метафора в метонимии)	13. Усиление Китая (Метафора, метонимия в метафоре) 14. Интервенция в мусульманские страны (Метафора, метонимия в метафоре) 15. Межнациональная рознь (Метафора в метонимии) 16. Этнический национализм (Метонимия, метонимия, метафора в метафоре) 17. Империализм (Метонимия в метафоре) 18. Силовая поддержка глобализации (Метафора, метонимия в метафоре) 19. Политическое высокомерие (Метонимия в метафоре) 20. Жажда наживы (Метонимия в метафоре)

Результаты исследования расширяют наши представления о multifunctionality метафоры и метонимии в футурологическом дискурсе: в сложных концептуальных метафтонимических союзах метафоры и метонимии организуются в кластеры, образуют цепи, расширенные метафоры с целью передачи глубокого философского смысла, заложенного в футурологических концептах *ФУТУРОШОК*, *ТРЕТЬЯ ВОЛНА* и *САМОУБИЙСТВО*. В целом, метафтонимия представляется более сложной единицей анализа дискурса, позволяющей во всей полноте раскрыть природу концептуализации и категоризации футурологических концептов.

Список литературы

- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Устарханов Р. И.* Метафтонимия в английском языке: интерпретационно-когнитивный анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 21 с.
- Шарманова О. С.* Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1. С. 194–200.
- Barcelona A.* On the Plausibility of Claiming a Metonymic Motivation for Conceptual Metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive perspective / Ed. by A. Barcelona. Berlin; New York, 2003. P. 31–58.
- Brdar-Szabó R., Brdar M.* What do metonymic chains reveal about the nature of metonymy? // Defining metonymy in cognitive linguistics. Towards a consensus view / Ed. by R. Benczes, A. Barcelona, F. Ruiz de Mendoza. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 217–248.
- Denroche C.* Text Metaphonymy: the interplay of metonymy and metaphor in discourse // Metaphor and the Social World. 2018. No. 8 (1). P. 1–24. DOI 10.1075/msw.16011.den
- Goossens L.* Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / Ed. by R. Dirven and R. Pörings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 349–377.
- Kövecses Z.* Metaphor. A Practical Introduction. New York: Oxford University Press, 2002. 285 p.
- Koller V.* Metaphor clusters, metaphor chains: Analyzing the multifunctionality of metaphor in text // Metaphoric.de. 2003. No. 5. P. 115–134.
- Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p.

Список источников

- Buchanan P.* Suicide of a Superpower: will America survive to 2025? New York: Thomas Dunne Books, 2011. 496 p.
- Toffler A.* Future Shock. New York: Bantam Books, 1971. 561 p.
- Toffler A.* The Third Wave. New York: William Morrow and Company, 1980. 544 p.

References

- Barcelona A.* On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor. In: *Metaphor and metonymy at the crossroads. A cognitive perspective*. A. Barcelona (Ed.). Berlin, New York, 2003, pp. 31–58

Brdar-Szabó R., Brdar M. What do metonymic chains reveal about the nature of metonymy? In: *Defining metonymy in cognitive linguistics. Towards a consensus view*. R. Benczes, A. Barcelona and F. Ruiz de Mendoza (Eds). Amsterdam, John Benjamins, 2011, pp. 217–248.

Denroche C. Text metaphonymy: the interplay of metonymy and metaphor in discourse. *Metaphor and the Social World*. 2018, no. 8 (1), pp. 1–24. DOI 10.1075/msw.16011.den

Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. In: *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. R. Dirven and R. Pörings (Eds). Berlin, Mouton de Gruyter, 2003, pp. 349–377.

Koller V. Metaphor clusters, metaphor chains: Analyzing the multifunctionality of metaphor in text. *Metaphoric.de*. 2003, no. 5, pp. 115–134.

Kövecses Z. *Metaphor. A Practical Introduction*. New York, Oxford University Press, 2002, 285 p.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought*. New York, Basic Books, 1999, 624 p.

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 608 p.

Sharmanova O. S. Metaftonimiya kak kontseptualnoye vzaimodeistvie metafori i metonimii [Metaphonymy as conceptual interaction of metaphor and metonymy]. *ISLU Philological Review*. 2011, no. 1, pp. 194–200.

Ustarkhanov R. I. *Metaftonimiya v angliyskom yazike: interpretatsionno-kognitivniy analiz* [Metaphonymy in the English language: interpretation-cognitive analysis]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Pyatigorsk, 2006, 21 p.

List of sources

Buchanan P. *Suicide of a Superpower: will America survive to 2025?* New York, Thomas Dunne Books, 2011, 496 p.

Toffler A. *Future Shock*. New York, Bantam Books, 1971.

Toffler A. *The Third Wave*. New York, William Morrow and Company, 1980.

Сведения об авторе

Ковязина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Пермь, Россия)

kov_el@list.ru

ORCID 0000-0003-0913-602X

Information about the author

Elena N. Kovyazina – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Social and Humanitarian disciplines, Perm Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics (Perm, Russian Federation)

kov_el@list.ru

ORCID 0000-0003-0913-602X

УДК 811.161.1; 81'272; 81'221.2
DOI 10.17223/18137083/73/18

Вербальные и невербальные средства выражения дружелюбия в русскоязычной социокультурной среде

Т. С. Рыжкова

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Представлен анализ вербальных и невербальных средств выражения дружелюбия в русскоязычной социокультурной среде. Исследование проведено на материале текстов художественной литературы Национального корпуса русского языка и романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Понятие *дружелюбие* определяется как дружеское, доброжелательное отношение человека к внешнему миру, к окружающим его людям. Отмечается положительная семантика исследуемого понятия. С опорой на полученные результаты исследования утверждается, что ключевым фактором выражения дружелюбия на вербальном уровне является эмоционально-экспрессивная окрашенность голоса, тон высказывания в целом. Выявлен определенный набор мимических и жестикуляционных движений, способных актуализировать эмоцию *дружелюбие* в процессе общения.

Ключевые слова

дружелюбие, дружеское отношение, вербальные средства, невербальные средства, дружелюбный тон, жесты, социокультурная организация общества

Для цитирования

Рыжкова Т. С. Вербальные и невербальные средства выражения дружелюбия в русскоязычной социокультурной среде // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 264–276. DOI 10.17223/18137083/73/18

Verbal and nonverbal means of expressing friendliness in the Russian-speaking sociocultural environment

T. S. Ryzhkova

*Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The paper proposes a brief review of verbal and nonverbal means of expressing *friendliness* in the Russian-speaking sociocultural environment. It is a case study of literature examples from Russian National Corpus and L. N. Tolstoy's novel, "Anna Karenina." The notion of *friendliness* is defined as a person's friendly, kindly attitude to people and the outside world. Attention is drawn to the positive semantics of the notion investigated. The friendly attitude value dominants include well-wishing, benevolence, sympathy, and goodwill towards people. Beingness, focus on the object, and intentionality are the main conceptual features of friendli-

© Т. С. Рыжкова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

ness. The factual material analysis allows distinguishing the verbs denoting particular verbal actions related to *friendliness* in speech. Words of greeting, farewell, encouragement, or praise, pronounced in a friendly tone, present the speaker as a friendly person. Some verbs semantically incompatible with the adverb *friendly* have been identified: to cry, to yell, to shout, to scream, and to squeal. It is also impossible to scold, to reproach, to blame, and to condemn in a friendly manner because these actions are associated with rudeness, abusive words, and disapproving opinion. In linguistic terms, *friendliness* is realized by combining the verb of speaking and the adverb *friendly* or its synonymous variants. It is argued that the key factors for expressing *friendliness* on the verbal and nonverbal levels are the emotional and expressive connotation of the voice, the tone of the statement as a whole, and a specific set of facial and gestural movements.

Keywords

friendliness, friendly attitude, verbal means, non-verbal means, friendly tone, gestures, sociocultural organization of society

For citation

Ryzhkova T. S. Verbal and nonverbal means of expressing friendliness in the Russian-speaking sociocultural environment. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 264–276. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/18

Лингвистические исследования конца XX – начала XXI в. характеризуются включенностью человеческого фактора в парадигму исследований. В работах лингвистов обсуждаются эмоциональные и чувственные процессы восприятия мира человеком, этические принципы бытия человека [Апресян, 1995; Арутюнова, 1999; Малинович Ю., Малинович М., 2003; Степанов, 1997; Aarts, 2006; Ekman, Friesen, 1971; Van Dijk, 2009]. С учетом идей экзистенциальной философии о том, что сущность человека отражается в языке [Хайдеггер, 2002], в рамках антропологической лингвистики актуальным представляется языковая и внеязыковая презентация человека в различных коммуникативных ситуациях. В современном мире с увеличением числа социально значимых, культурных ритуалов проявление дружелюбия следует отнести к одному из важных принципов межличностных отношений, социокультурной организации общества и межкультурной коммуникации.

Человек, находясь в определенной национально-культурной среде, хорошо знает ее правила и нормы поведения, нравы, устои и традиции общества, владеет разнообразными сценариями вербального и невербального поведения и, ориентируясь на свои чувства и эмоции, действует, как правило, в соответствии с общепринятыми поведенческими моделями. Ритуализованные модели социального поведения позволяют осуществлять предсказуемое, конструктивное взаимодействие человека с другими, выстраивать успешные и бесконфликтные коммуникативные связи и во многих случаях сглаживать и даже предотвращать разногласия.

Цель нашего исследования – выявление и анализ вербальных и невербальных средств актуализации *дружелюбия* в повседневной русскоязычной коммуникации.

Дружелюбие актуализируется в сознании русской языковой личности как ‘дружеское отношение, дружеское чувство, приязнь’ [ТСРЯ, 2000, с. 804], ‘дружеское расположение, доброжелательное отношение’ [БАС, 2006, с. 396; БТСРЯ, 1998, с. 285] человека по отношению к внешнему миру, к окружающим его людям, например:

Она отвечает на вопросы просто и **дружелюбно**, словно **старому знакомому**¹.

Этимологически *дружелюбие* восходит к слову *друг*, которое с точки зрения русской языковой картины мира обладает ярко выраженной положительной семантикой и коннотацией. На лексическом уровне *дружелюбие* наилучшим образом поясняет прилагательное *дружеский*, ср. '*дружеское* отношение, *дружеское* чувство, *дружеское* расположение' [ТСРЯ, 2000, с. 804; БАС, 2006 с. 396; БТСРЯ, 1998, с. 285]. Прилагательное *дружеский* не только напрямую соотносится с лексемами *друг* и *дружба*, но и толкуется как 'проникнутый расположением, симпатией' или 'доброжелательный' [БТСРЯ, 1998, с. 286], 'основанный на взаимном расположении людей друг к другу' [БАС, 2006, с. 397].

Дружелюбие в современном русском языке в соответствии со словарными дефинициями толковых словарей следует понимать как *дружеское, доброжелательное отношение или коммуникативное поведение, проникнутое расположением, симпатией к другому*. Отметим, что проявления дружелюбия, основанные на взаимном расположении людей друг к другу, совсем не обязательно позиционировать как истинно дружеские отношения.

В Словаре синонимов русского языка З. Е. Александровой *дружелюбие* поясняется лексемами 'доброжелательность', 'благожелательность' [Александрова, 1969, с. 122]. Таким образом, основываясь на анализе словарных дефиниций толковых и синонимических словарей, можно выделить ценностные доминанты дружелюбного отношения – *доброжелательность, благожелательность, симпатия*, которые и проявляются в дружеском *расположении* людей друг к другу.

Внутренний мир человека, к которому относится *дружелюбие*, онтологически не доступен восприятию другого, но в процессе общения адресат в большинстве случаев способен определить, как говорящий относится к нему и к окружающим его людям, какие он испытывает чувства и эмоции. Говорящий и адресат постоянно следят за вербальными и невербальными реакциями друг друга, которые оказывают существенное влияние на характер последующих высказываний и процесс коммуникации в целом.

Дружелюбие в процессе общения актуализируется различными средствами вербальной и невербальной коммуникации. В ходе коммуникативного взаимодействия внутренние психические состояния человека коррелируют с его внешней моделью поведения, и его речевая деятельность репрезентирует огромное разнообразие реакций, которые выражаются посредством конкретных мимических, жестикуляционных и интонационных компонентов, сопровождающих речь.

Сложность анализа и интерпретации понятия *дружелюбие* как фрагмента языковой картины мира состоит в том, что выражение дружеского расположения не обладает в языке определенными лингвистическими формами.

Анализ фактологического материала, представляющего собой примеры из произведений русской художественной литературы, позволил выделить вербальные действия, которые напрямую соотносятся с проявлением *дружелюбия* и актуализируется в речи при помощи собственно глаголов говорения с нейтральной стилистической окраской: *сказать дружелюбно, произнести дружелюбно, говорить дружелюбно, рассказывать дружелюбно, разговаривать дружелюбно, бе-*

¹ Овчинников В. В. Калейдоскоп жизни. URL: <https://mybook.ru/author/vsevolod-ovchinnikov/kalejdoskop-zhizni-ekzoticheskie-dramaticheskie-i/> (дата обращения 12.12.2017).

седовать дружелюбно, общаться дружелюбно, сообщить дружелюбно, высказаться дружелюбно, например:

– Ну, привет, – **сказал он дружелюбно** и протянул руку, которую мне, может, не стоило замечать ².

Следует отметить, что выражение дружелюбия в языковом плане достигается только в рамках словосочетания при условии наличия глагола говорения с нейтральной стилистической окраской и наречия, например, *дружелюбно* или его синонимичных вариантов. В речи ключевым фактором выражения дружелюбия является эмоционально-экспрессивная окрашенность голоса, которая передает чувства и намерения говорящего, его отношение к адресату.

Фактически любое слово или фразу можно произнести тоном дружеского, приязненного расположения или тоном повелительным, назидательным, требующим беспрекословного подчинения, тоном радости, огорчения или укора. Вслед за Т. Ю. Шуруповой [2011] считаем, что при выражении дружелюбного отношения на вербальном уровне значительная роль отводится просодической организации речи. Дружелюбный тон высказывания напрямую проецирует дружеское расположение и в некоторых случаях является более значимым для передачи дружелюбия, чем использование определенной языковой формы. Ср.:

Это физиономия у меня *такая неудачная*, – **попытался я наладить более дружелюбный тон** ³.

Дружелюбный голос обладает очевидным преимуществом по сравнению с равнодушным, монотонным или, например, сердитым голосом. Дружелюбный голос располагает людей, звучит мягко, нежно и приятно, его тембр характеризуется большей глубиной. Дружелюбный голос метонимически заменяет дружелюбного человека, например:

...звонок Гречишникова последовал под утро. **Дружелюбный**, домашний **голос** произнес: – Прости, Виктор Андреевич, дорогой, что не звонил, пришлось ненадолго уехать... ⁴

При помощи голоса говорящий может усилить эффект значения определенного языкового выражения или вложить в него несколько иное значение. Ср.:

– Мы из города, а этот товарищ из Москвы, – **дружелюбно** и внятно **сказал Котик, голосом показывая, что запасы его дружелюбия необъятны** ⁵.

Выразить дружелюбие в акте коммуникации с обязательным наличием говорящего и адресата помогают также глаголы говорения с разговорной стилистической окраской: *дружелюбно* можно *поболтать, промолвить, пробормотать, протараторить, пробасить*, например:

² Войнович В. Н. Москва 2042. URL: <https://mybook.ru/author/vladimir-voynovich/moskva-2042/> (дата обращения 12.12.2017).

³ Ким А. А. Белка. URL: https://royallib.com/book/kim_anatoliy/belka.html (дата обращения 09.12.2017).

⁴ Проханов А. А. Господин Гексоген. URL: <https://mybook.ru/author/aleksandr-andreevich-prohanov/gospodin-geksogen/> (дата обращения 08.12.2017).

⁵ Искандер Ф. А. Сандро из Черема. URL: <https://mybook.ru/author/fazil-abdulovich-iskander/sandro-iz-chegema/> (дата обращения 08.12.2017).

Шофер опустил руку, немного помолчав, **дружелюбно пробасил**:
– То-то она такая храбрая...⁶

Дружелюбную манеру поведения актуализируют глаголы, выражающие определенные речевые действия, которые помогают поддерживать общение, при этом не только характеризуя сам акт говорения, но и делая акцент на содержании речевого высказывания: *ответить дружелюбно, возразить дружелюбно, спросить дружелюбно, повторить дружелюбно, пояснить дружелюбно, добавить дружелюбно, объяснить дружелюбно, заговорить дружелюбно, полюбопытствовать дружелюбно, откликнуться дружелюбно*, например:

Ну а как же, – весело и **дружелюбно ответил** Корнилов, с удовольствием рассматривая его полное белое лицо и светлые водянистые глаза, они даже как-то поглупели за секунду⁷.

Вышеперечисленные глаголы с общей семой 'говорение' допускают различные характеристики речи. Следовательно, любое слово или фразу можно произнести дружелюбно, приветливо, вежливо, с нотками радости или удивления, равно как и враждебно, неприязненно, грубо, категорично с оттенком агрессии, злобы или ненависти.

Выделяется ряд глаголов, семантика которых способствует успешному взаимодействию и выражает тактики подчеркнуто позитивного отношения к адресату: тактики выражения согласия, одобрения, поддержки, внимания, благодарности. В таких ситуациях говорящий, как правило, *дружелюбно соглашается, одобряет, поддерживает, благодарит*, например:

– Дак и посиди, – притишая голос, **дружелюбно соглашается** Савоня⁸.

Вышеперечисленные глаголы в сочетании с наречием *дружелюбно* или его синонимичными вариантами *доброжелательно, благожелательно, мирно, по-хорошему, по-доброму, дружески, дружественно, приветливо, приязненно* [Ефремова, 2000] представляют собой семантическое согласование [Гак, 1998, с. 284], при котором положительная семантика глаголов *соглашаться, одобрять, поддерживать, благодарить* значительно усиливается за счет наречия, которое выражает дружелюбную манеру выполнения определенного действия. Большой положительный отклик у адресата будет, как правило, иметь дружелюбный способ выражения благодарности в сравнении с обычной благодарностью.

В определенных социальных ситуациях, например при приветствии и прощании, выразить дружеское расположение помогают глаголы этикетной сферы: *приветствовать дружелюбно, здороваться дружелюбно, принимать дружелюбно, расстаться дружелюбно, прощаться и встречать дружелюбно; в целом вести себя, держаться и обращаться дружелюбно*, например:

Исполнив крайне дружелюбно и радостно приветствия, он полностью сосредоточился на Пастернаке⁹.

⁶ Матвеев Г. И. Зеленые цепочки. URL: <https://mybook.ru/author/german-matveev/zele-nye-serochki/> (дата обращения 10.12.2017).

⁷ Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. URL: <http://knijky.ru/books/fakultet-nenuzhnyh-veshchey> (дата обращения 10.12.2017).

⁸ Носов Е. И. И уплывают пароходы, и остаются берега. URL: https://royallib.com/read/nosov_evgeniy/i_uplivayut_parahodi_i_ostayutsya_berega.html (дата обращения 12.12.2017).

В ситуации приветствия языковая экспликация дружелюбия выражается в следующих синтаксических структурах: «Мы рады Вас приветствовать!», «Добро пожаловать!», «Добрый день!», «Добрый вечер!», «Привет, как я рад тебя видеть!». При прощании дружеское расположение чаще всего проявляется в структурах такого типа, как «Всего доброго!», «Доброго пути!», «Рад был увидеться!».

Перечисленные фразы относятся к речевой этикетной сфере, как правило, характеризуются клишированностью структуры высказывания, так как направлены на установление и размыкание коммуникативного контакта.

В рамках одной статьи не представляется возможным описать все глаголы, которые в сочетании с наречием *дружески* или его синонимичными вариантами обозначают дружескую манеру говорения, но считаем необходимым выделить группу глаголов, которая помогает выразить дружеский смех, позволяющий прервать речь и разрядить атмосферу общения, снять напряжение или чувство неловкости между коммуникантами, например: *рассмеяться, расхохотаться, хохотать*. Ср.:

Дружески хохоча без тени смущения, парень хлопнул ошпаренного Малянова по плечу, над которым еще курился пар, и сказал: «Ну, бывай!»¹⁰

«Состояние освобождения с помощью смеха очень выгодно в тех ситуациях, когда мораль, здравый смысл, этикет и прочие своды культурных правил становятся бременем, от которого нужно на время освободиться» [Козинцев, 2001, с. 129].

Предпринятая попытка классификации глаголов была необходима для того, чтобы очертить основные коммуникативные ситуации, в которых проявляется дружелюбие. Таким образом, выражение приветствия, прощания, поддержки, похвалы, просьбы, слова о предложении помощи или услуги, произнесенные дружеским тоном, позиционируют говорящего как человека дружеского. Проанализированные примеры художественной литературы свидетельствуют о том, что большинство глаголов говорения при помощи дружеского тона в процессе общения передают дружеское расположение коммуникантов по отношению друг к другу.

Следует отметить, что для говорящего не представляется возможным *дружески орать, вопить (разг.), кричать, визжать, верещать (разг.)*, потому что громкая манера говорения, визгливая или писклявая интонация вызывают целый спектр отрицательных эмоций – раздражение, напряжение, досаду или даже отвращение, что в большинстве случаев ведет к негативному отношению к собеседнику. Речь идет о так называемом семантическом рассогласовании [Гак, 1998, с. 2], когда семы в обоих членах словосочетания противоречат друг другу, например сема наречия *дружески* ‘дружеская манера поведения’ не согласуется с семой ‘громко говорить’ в глаголах *орать, вопить, кричать* или ‘говорить визгливо’ в глаголах *визжать, верещать*.

В случае выражения недовольства, упрека или порицания на вербальном уровне невозможно также *дружески бранить, ругать, выговаривать, отчитывать*

⁹ Нагибин Ю. М. Ночью нет ничего страшного. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/178423/slug/nochyu-net-nichego-strashnogo> (дата обращения 10.12.2017).

¹⁰ Рыбаков В. М. Трудно стать богом. URL: <https://mybook.ru/author/vyacheslav-rybakov/trudno-stat-bogom/> (дата обращения 10.12.2017).

(разг.), *упрекать, укорять, порицать, осуждать*, потому что вышеперечисленные действия ассоциируются с грубостью, бранными словами, неодобрительным мнением, что идет вразрез с дружелюбными манерами поведения.

В некоторых ситуациях общения наблюдается ведущая роль невербальных маркеров поведения в позиционировании коммуникативных намерений по сравнению со словом. По физической природе невербальные средства коммуникации делятся преимущественно на мимические, позволяющие при помощи выразительных движений мышц лица передавать эмоциональное состояние, определенные чувства и отношение к собеседнику, жестовые движения рук и пантомимические, представляющие собой различные телодвижения, которые отражаются в позе, осанке или походке человека.

Анализ фактологического материала позволил выделить следующие невербальные действия, которые передают дружеское расположение при помощи глаголов, выражающих мимику говорящего, например, *дружески можно улыбнуться, посмотреть, подмигнуть, взглянуть, моргнуть, прищуриться, разглядывать, уставиться (разг.), покоситься (разг.)*, например:

Не то чтобы улыбнулся – не очень уместно было бы улыбаться, причин нет для улыбок, но **посмотрел** открыто и **дружески**, насколько мог¹¹.

В произведениях художественной литературы можно встретить необычное выражение дружеского расположения, например такое невербальное мимическое движение, как *дружески повести усами*, ср.:

И «дед» **очень дружески повел усами** в сторону Витьки Лукьянченко, неподвижно, покорно и серьезно смотревшего темными бархатными глазами на заспанное, с маленькими скулами и уже полное жажды деятельности лицо своего бедового друга¹².

Дружеское расположение актуализируют следующие жестовые глаголы, отражающие позитивно маркированный стиль поведения: *дружески пожать, подать, потрясти или протянуть руку, потрепать по плечу, а также похлопать по спине, коснуться плеча, дотронуться до плеча, коснуться руки, распахнуть руки, помахать, кивнуть или обнять*, например:

– А, вот видишь! – генерал **дружески кивнул** головой. Он гордился своим знанием солдата¹³;

Они **дружески махали мне руками**, и я им тоже помахивал, встрече с ними нисколько не удивляясь¹⁴.

Нам удалось выделить достаточно широкий ряд глаголов, которые описывают различные телодвижения: *дружески можно оглянуться, качнуться, поклониться, придвинуться, приблизиться, подойти, подбежать*, ср.:

¹¹ Чулаки М. М. Прощай, зеленая Пряжка. URL: https://royallib.com/book/chulaki_mihail/proshchay_zelenaya_pryagka.html (дата обращения 08.12.2017).

¹² Фадеев А. А. Молодая гвардия. URL: https://bookz.ru/authors/fadeev-aleksandr/mol_gwardiya/1-mol_gwardiya.html (дата обращения 01.12.2017)

¹³ Куприн А. И. Поединок. URL: https://royallib.com/book/kuprin_aleksandr/poedinok.html (дата обращения 08.12.2017).

¹⁴ Войнович В. Н. Москва 2042. URL: <https://mybook.ru/author/vladimir-voynovich/moskva-2042/> (дата обращения 10.12.2017).

Граф **приблизился** ко мне с **видом открытым и дружелюбным**; я старался ободриться и начал было себя рекомендовать, но он предупредил меня¹⁵.

Анализ фактологического материала, в основу которого легли толковые словари, лексикографические источники, примеры из произведений русской художественной литературы, позволил отнести к числу важнейших характеристик понятия *дружелюбие* следующие концептуальные признаки: бытийность, направленность на объект, интенциональность.

Большинство толковых словарей современного русского языка определяют *дружелюбие* как *дружеское отношение*, т. е. дружелюбие является неким способом существования, характеризующимся определенным отношением к людям, например:

Звали её Валентиной. Она была тёмной шатенкой с густыми роскошными волосами, зеленовато-серыми глазами и лёгкой спортивной походкой. Её отличали жизнерадостность, оптимизм и **дружелюбие к людям**¹⁶.

Данный признак актуализируется в синтаксических конструкциях с глаголом *быть*, например:

Михаил Львович позвал их к себе в кабинет уже вечером. **Был дружелюбен**, энергичен, но краток¹⁷;

Он **был дружелюбен** и всячески ненавязчиво показывал свое расположение к соседу¹⁸;

Прямышев **был** человеком предупредительным, вежливым и **дружелюбным**, при встречах с Иваном Савельевичем раскланивался охотно и радушно¹⁹.

Направленность на объект является одним из ключевых концептуальных признаков *дружелюбия*, так как *дружеское отношение* всегда проецируется в сторону другого, оно не может быть направлено на себя. Толковые словари определяют *дружелюбие* как 'дружеское отношение или расположение', *отношение* дефинируется как 'связь между кем-нибудь, возникающая при общении, контактах', а *расположение* – как 'хорошее отношение, тяготение, симпатия к кому-нибудь' [ТСРЯ, 2004]. Семантика прилагательного *дружеский* – 'основанный на взаимном расположении людей друг к другу' [БАС, 2006, с. 397] – также предполагает направленность проявления дружелюбия на другого.

Проявления дружелюбия отличаются интенциональностью, характеризуются намерением говорящего на вербальном и невербальном уровнях коммуникативного взаимодействия донести до адресата свое дружеское расположение. Сле-

¹⁵ Пушкин А. С. Выстрел. URL: <http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0858.htm> (дата обращения 10.12.2017).

¹⁶ Матюшин Г. А. Диссертация. URL: <https://www.proza.ru/2017/01/03/954> (дата обращения 10.12.2017).

¹⁷ Кучерская М. А. Тётя Мотя. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7453> (дата обращения 12.12.2017).

¹⁸ Бакланов Г. Я. Июль 41 года. URL: <https://mybook.ru/author/grigorij-baklanov/iyul-41-goda/> (дата обращения 12.12.2017).

¹⁹ Фесенко А. Я. Когда, если не теперь. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения 10.12.2017).

дующий пример описывает различные вербальные (*старался рассмешить, хихикал*) и невербальные (*суетился, старался угодить, хлопал по плечам, заглядывал в глаза, ласкался*) действия, демонстрирующие дружелюбие, которые использует хозяин, принимая гостей у себя дома, ср.:

Адольф Андреич Бруни (так звали хозяина) суетился около закусочного стола, как на пожаре, наливал рюмки, подкладывал в тарелки и всё старался как бы угодить, рассмешить, **показать свое дружелюбие**. Он хлопал по плечам, заглядывал в глаза, хихикал, потирал руки, одним словом, ласкался, как добрая собака²⁰.

Анализ примеров художественной литературы показал, что *дружелюбие* в русскоязычной социокультурной среде можно *проявлять, выказывать, демонстрировать, выражать, изъяснять, излучать, изображать, источать, питать, ощущать, чувствовать, заслужить, снискать*. Дружелюбие может *исходить, царить, меняться*. Дружелюбием *дорожат, обмениваются*. Широкий спектр сочетаемости лексемы *дружелюбие* с глаголами свидетельствует о том, что проявления дружеского отношения в русскоязычном социуме многогранны, предписаны нормами коммуникации, ожидаемы и высоко ценятся в русскоязычной социокультурной среде.

Рассмотрим на примере романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» образ человека дружелюбного в русской художественной литературе. Одним из героев романа Л. Н. Толстого является Степан Аркадьич²¹ Облонский, которого любят окружающие его люди за добрый, веселый нрав, уважают на службе, к которому охотно обращаются друзья, знакомые, родственники за советом, например:

Степана Аркадьича не только любили все знавшие его за его добрый, веселый нрав и несомненную честность, но в нем, в его красивой, светлой наружности, блестящих глазах, черных бровях, волосах, белизне и румянце лица, было что-то, **физически действовавшее дружелюбно и весело на людей**, встречавшихся с ним [Толстой, 1985, с. 36–37]²².

Анализ текстовых фрагментов позволил выделить вербальные и невербальные средства выражения дружелюбия, которые Степан Аркадьич использует в общении, организуя свое коммуникативное поведение таким образом, что оно расценивается окружающими его людьми как дружелюбное.

На вербальном уровне дружелюбное отношение проявляется при помощи *фамильярно-либерального тона* Облонского, который позволяет ему просто, свободно, но в то же время официально общаться со своими подчиненными на службе, например:

Секретарь весело и почтительно, как и все в присутствии Степана Аркадьича, подошел с бумагами и проговорил тем **фамильярно-либеральным тоном**, который введен был Степаном Аркадьичем (с. 37).

²⁰ Чехов А. П. Учитель. URL: <https://mybook.ru/author/anton-pavlovich-chehov/uchitel/> (дата обращения 08.12.2017).

²¹ В отчестве литературного героя *Аркадьич* сохранена орфография печатного издания Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

²² Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

Наряду с фамильярно-либеральным тоном Степана Аркадьича, благодаря которому в учреждении, где он является начальником, создается дружеская атмосфера, следует отметить его способность общаться со всеми своими знакомыми на «ты» независимо от их возраста, положения в обществе, степени знакомства, например:

Степан Аркадьич **был на «ты»** со всеми почти своими знакомыми: со стариками шестидесяти лет, с мальчиками двадцати лет, с актерами, с министрами, с купцами и с генерал-адъютантами, так что очень многие из бывших с ним на «ты» находились на двух крайних пунктах общественной лестницы... (с. 38).

Анализ коммуникативного поведения на невербальном уровне позволил выделить следующие действия, которые Облонский использует, проявляя дружеское расположение. Он по-дружески *смотрит* на собеседника, *улыбается*, *жмет руку* при встрече, *обнимает*, *целует*, например:

– Так и есть! Левин, наконец! – проговорил он **с дружескою**, насмешливою **улыбкой**, оглядывая подходившего к нему Левина. – Как это ты не побрезгал найти меня в этом вертепе? – сказал Степан Аркадьич, **не довольствуясь пожатием руки и целуя** своего приятеля (с. 38).

Коммуникативное невербальное поведение Облонского характеризуют различные касания и прикосновения, которые выражают участие, заботу о душевном состоянии собеседника, поддержку в трудных жизненных ситуациях, например:

– Ты постой, постой, – сказал Степан Аркадьич, улыбаясь и **трогая его руку** (с. 59).

Прикоснувшись к руке Левина, Облонский поспешил утешить своего друга и выразить ему свою поддержку во время обсуждения не очень приятной новости.

Эффект дружеских касаний сопровождается и усиливается улыбкой – ярким мимическим движением. Улыбка способна выражать огромный спектр позитивных интенций по отношению к собеседнику – дружелюбие, доброжелательность, расположение, открытость, искренность, симпатию и, как правило, положительные эмоции радости и счастья [Otta et al., 1996; Messinger et al., 2001]. Л. Н. Толстой характеризует улыбку Степана Аркадьича следующими адъективами – *добродушная, мягкая, добрая, миндальная*, например:

– То есть почему же даром? – **с добродушной улыбкой** сказал Степан Аркадьич... (с. 173);

Опять он (Облонский) осторожно **улыбнулся своею миндальною улыбкой** (с. 411).

Дружелюбное поведение Степана Аркадьича обладает в актах коммуникации огромной силой иллюкутивного вынуждения, когда его знакомым, испытывающим искреннее дружелюбное отношение трудно не проявить дружеские чувства в ответ. Степана Аркадьича всегда приветствуют с радостной улыбкой, например:

«Ага! Стива! Облонский! Вот и он!» – почти всегда **с радостною улыбкой** говорили, встречаясь с ним (с. 37).

Следует подчеркнуть, что Степану Аркадьичу свойственны такие черты характера, как доброжелательность и тактичность, которые позволяют проявлять

ему дружелюбное отношение к людям независимо от их положения в обществе. В процессе общения ему удастся избежать ссор, чувства зависти или обиды. Общаясь со своими друзьями и знакомыми, он ведет себя деликатно, не затрагивая неприятных тем для разговора, мило, нежно и уважительно, например:

Левин был ему (Облонскому) благодарен **за его деликатность** и был очень рад гостю (с. 168);

Степан Аркадьич, всегда милый, понимающий все с намека, в этот приезд **был особенно мил**, и Левин заметил в нем еще новую, польстившую ему **черту уважения и как будто нежности** к себе (с. 168).

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что в русском языке нет специальных лингвистических форм или клише, которые достаточно было произнести с нейтральной интонацией и получить эффект выражения дружеского расположения. Ключевым фактором выражения дружелюбия на вербальном уровне является эмоционально-экспрессивная окрашенность голоса, которая, как правило, проявляется в дружелюбной, доброжелательной тональности высказывания. На невербальном уровне дружелюбие актуализируют мимические и жестикоуляционные движения, которые ассоциируются с дружелюбными манерами поведения в определенной социокультурной среде.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Гак В. Г.* Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
- Козинцев А. Г.* Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 236 с.
- Малинович Ю. М., Малинович М. В.* Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / Под ред. Ю. М. Малиновича. М.; Иркутск: ИГЛУ, 2003. С. 82–103.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М.: Худож. лит., 1985. 766 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. 2-е изд., испр. М.: Наука, 2002. 451 с.
- Шурупова Т. Ю.* Средства звучащей речи для выражения дружелюбного отношения: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 263 с.
- Aarts B.* Conceptions of categorization in the history of linguistics // Language sciences. 2006. Vol. 28, № 4. P. 361–385.
- Ekman P., Friesen W. V.* Constants across cultures in the face and emotion // Journal of Personality and Social Psychology. 1971. № 3. P. 124–129.
- Messinger D. S., Fogel A., Dickson K. L.* All smiles are positive, but some smiles are more positive than others // Developmental Psychology. 2001. № 37 (5). P. 642–653.
- Otta E., Folladore Abrosio F., Hoshino R. L.* Reading a smiling face: messages conveyed by various forms of smiling // Perceptual and Motor Skills. 1996. № 82. P. 1111–1121.
- Van Dijk T. A.* Society and discourse: How social contexts influence text and talk. Cambridge Uni. Press, 2009. 287 p.

Список источников и словарей

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. А. Чешко. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 600 с.
- БАС – Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исследований. М.; СПб.: Наука, 2006. Т. 5: Деньга – Жюри. 693 с.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 11.07.2018)
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения 10.12.2017).
- ТСРЯ, 2000 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель; АСТ, 2000. Т. 1. 848 с.
- ТСРЯ, 2004 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.

References

- Aarts B. Conceptions of categorization in the history of linguistics. *Language sciences*. 2006, vol. 28, no. 4, pp. 361–385.
- Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [Image of a person according to the language: attempt of the system analysis]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1995, no. 1, pp. 37–67.
- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of the person]. 2nd ed. rev. and enl. Moscow, LRC Publishing House 1999, 896 p.
- Ekman P., Friesen W. V. Constants across cultures in the face and emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971, no. 3, pp. 124–129.
- Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Linguistic transformations]. Moscow, LRC Publishing House, 1998, 768 p.
- Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. 2nd ed., cor. Moscow, Nauka, 2002, 451 p.
- Kozintsev A. G. *Chelovek i smekh* [The man and laughter]. St. Petersburg, Aleteyya, 2007, 236 p.
- Malinovich Yu. M., Malinovich M. V. Antropologicheskaya lingvistika kak integral'naya nauka [Anthropological linguistics as an integral science]. In: *Antropologicheskaya lingvistika. Kontsepty. Kategorii* [Anthropological linguistics. Concepts. Categories]. Yu. M. Malinovich (Ed.). Moscow, Irkutsk, ISLU, 2003, pp. 82–103.
- Messinger D. S., Fogel A., Dickson K. L. All smiles are positive, but some smiles are more positive than others. *Developmental Psychology*. 2001, no. 37 (5), pp. 642–653.
- Otta E., Folladore Abrosio F., Hoshino R. L. Reading a smiling face: messages conveyed by various forms of smiling. *Perceptual and Motor Skills*. 1996, no. 82, pp. 1111–1121.
- Shurupova T. Yu. *Sredstva zvuchashchey rechi dlya vyrazheniya druzhelyubnogo otnosheniya* [Means of sounding speech for the expression of a friendly attitude]. Cand. philol. sci. diss. Voronezh, 2011, 263 p.
- Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 824 p.

Tolstoy L. N. *Anna Karenina*. Moscow, Khudozh. lit., 1985, 766 p.
Van Dijk T. A. *Society and discourse: How social contexts influence text and talk*. Cambridge Univ. Press, 2009, 287 p.

List of sources and dictionaries

Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Synonym dictionary of the Russian language]. L. A. Cheshko (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1969, 600 p.
Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 5: Den'ga-Zhyuri [Big academic dictionary of the Russian language]. Institute for Linguistic Studies RAS. Moscow, St. Petersburg, Nauka, 2006, 693 p.
Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg, Norint, 1998, 1536 p.
Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New explanatory and word formation dictionary of the Russian language]. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 11.07.18)
Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed: 10.12.2017).
Tolkovy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. enl. S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova (Eds). Moscow, A TEMP, 2004, 944 p.
Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 1 [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols. V. 1]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, Astrel', AST, 2000, 848 p.

Сведения об авторе

Рыжкова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
ryzhkova08@mail.ru
ORCID 0000-0002-5379-9712

Information about the author

Tatyana S. Ryzhkova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages № 2, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation)
ryzhkova08@mail.ru
ORCID 0000-0002-5379-9712

УДК 81.23
DOI 10.17223/18137083/73/19

Модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков)

Т. Цзинь

*Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

Аннотация

Проверяется гипотеза о наличии ментальной структуры в виде моделей движения для категоризации перемен. На примере показателей направления вниз 下 и с-1 выявлено, что отображаемая ими результативность действия объясняется реализацией антропо-ориентированной и объектно-ориентированной моделей движения соответственно. Вариативность категоризации перемен двумя моделями предопределена разными ориентирами для определения «верх» / «низ».

Ключевые слова

категоризация перемен, направление, модель движения, вариативность, ориентир

Для цитирования

Цзинь Т. Модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 277–292. DOI 10.17223/18137083/73/19

Models of downward motion and their metaphorical potential (in Russian and Chinese)

Tao Tszin

*Peoples Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper analyses the hypothesis of a mental structure as movement models to categorize the changes by the example of variable representation of performance indicators of the *downward* direction in Chinese and Russian. The research materials are the lexical and semantic variants of indicators *xia* and *c-1*, including the dictionary definitions and semantic features described by Chinese and Russian scholars. By reconstructing the physical causation processes represented by two indicators, we found that in the Chinese language consciousness, a human body is a landmark for determining “the TOP”/“the BOTTOM.” In Russian, it is another object. The principal figure in the anthropic-oriented model is the subject of cognition, combining the role of a landmark for determining “the TOP”/“the BOTTOM.” During the metaphoric implementation, SOMETHING “placed” originally in the area of “anthropic-oriented TOP” appears in the area of “anthropic-oriented BOTTOM” as a result of the manipulation. Depend-

© Т. Цзинь, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

ing on the nature of SOMETHING, the correlations are formed: “the BOTTOM – the zone under control,” “the BOTTOM – the zone of certainty,” “the BOTTOM – the zone of embodiment,” “the BOTTOM – the zone of passivity.” Three variations of the object-oriented model implementation were revealed: changes destroying the current situation, changes towards “decreasing,” and repositioning of SOMETHING. In general, when implementing an object-oriented model, the correlation between the idea of “being on something” and understanding “being” prevails. Thus, the variability of metaphorization of changes is explained by different motion models being implemented and is due to spatial localization being a landmark-dependent operation and variability of a landmark choice.

Keywords

categorization of changes, direction, model of motion, variability, landmark

For citation

Tszin Tao. Models of downward motion and their metaphorical potential (in Russian and Chinese). *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 277–292. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/19

Вводные замечания

1. Переструктурирование познannого и структурирование познаваемого

Идея о метафоричности мышления, высказанная в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2004], развивается целым рядом исследователей. При понимании метафоризации как «механизма обработки знания и результата действия этого механизма» по-прежнему остается дискуссионным вопрос о том, как этот механизм функционирует [Варфоломеева, 2016, с. 378]. Тридцать лет назад В. В. Петров отметил связь между современными исследованиями метафоры и фундаментальной идеей, идущей еще от Аристотеля, – идеей метафорического переноса. «Детализация этой идеи – что и как переносится – лежит в основе многочисленных подходов к изучению метафоры» [Петров, 1990, с. 135]. На сегодняшний день наиболее существенное влияние на исследование в этой области оказывают две теории: теория «метафорической проекции», выдвинутая Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, и теория «концептуальной интеграции», созданная Ж. Фоконье и М. Тернером [Будаев, 2004; Чудинов, 2007]. Критически анализируя базовые мировоззренческие установки теории концептуальной интеграции, ее методологии и основные результаты, достигнутые в ее рамках, В. В. Глебкин пришел к выводу, что «процедура концептуальной интеграции в большинстве случаев ведет не к порождению нового знания, а к адаптации уже существующего знания к мировосприятию рядового носителя языка и культуры» [2013, с. 169]. На наш взгляд, такое замечание в значительной степени справедливо и по отношению к теории «метафорической проекции». Данная теория базируется на гипотезе о взаимодействии двух структур знаний – «источника» и «цели», а взаимодействие возможно только между существующими структурами, т. е. речь идет о метафорическом переструктурировании уже существующей области знания. Таким образом, обе теории, по сути, остаются вариациями идеи о «переносе».

Если рассматривать механизм метафоры как механизм превращения «познаваемого» в «познannое», то вряд ли его можно объяснить через «взаимодействие». «Метафорическое структурирование познаваемого» является в определенном смысле вынужденным: «человек постепенно вырабатывает абстрактные понятия, о которых он не может говорить иначе, чем метафорически» [Елоева и др., 2014, с. 83]. Ярким примером такого рода абстрактных понятий является «результатив-

ность действия», отображаемая в языке с помощью физически осязаемого направления движения¹.

2. Гипотеза о механизме метафоризации перемен

Направление является одной из важнейших характеристик перемещения (самокаузация) и действия человека с целью изменения местоположения объектов (каузация). То, что направление имеет огромное значение для познания мира, уходит корнями в восприятие движения: оно воспринимается человеком как процесс, приводящий к переменам. То, что языковые показатели, фиксирующие наше представление о направлении², способны структурировать «результативность», свидетельствует о том, что НАПРАВЛЕНИЕ служит в нашем сознании индикатором характеристик перемен. В сущности, мы имеем дело с особым видом категоризации мира – это категоризация перемен с помощью значимых в когнитивном плане показателей НАПРАВЛЕНИЯ.

В языках набор значимых в когнитивном плане показателей НАПРАВЛЕНИЯ может различаться. Более того, переменны непространственного характера, отображаемые показателями, репрезентирующими в разных языках одно и то же направление в физическом пространстве, могут сильно отличаться, т. е. наблюдается вариативность в категоризации перемен показателем одного и того же направления в разных языках. Существуют разные мнения по возможному объяснению такой вариативности.

«Типологи, исследуя грамматические значения в разных языках, отмечают, что один и тот же показатель может кодировать целый пучок элементарных смыслов, как бы “склеивая” их. Считают, что за этим явлением стоит определенная когнитивная стратегия, а она может быть разной у разных языков» [Рахилина, Резникова, 2013, с. 6].

На наш взгляд, вывод о наличии разных когнитивных стратегий сделан при допущении того, что когнитивный процесс есть операция над «элементарными смыслами». Элементарные смыслы выявляются при анализе семантики, и такой анализ осуществляется только осознанно. Тот факт, что владение родным языком происходит в ранний период развития человека, уже говорит в пользу того, что структурирование познаваемого больше опирается на интуицию, нежели на осознанный анализ.

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «наш физический и культурный опыт предоставляет множество различных оснований для пространственных метафор. То, какие из этих оснований будут выбраны и какие станут базовыми, варьируется от одной культуры к другой» [2004, с. 42]. Получается, что вариативность на уровне языка объясняется той же вариативностью, только уже на уровне физического и культурного опыта. Такая трактовка, на наш взгляд, несколько

¹ В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона выделены «ориентационные метафоры», которые «придают концепту пространственную ориентацию» [2004, с. 35]. Речь, скорее, идет о реструктурировании концептов с помощью ориентации. По крайней мере, не было сделано разграничения двух явлений – «реструктурирование познанного» и «структурирование познаваемого».

² Для различия направления как параметра перемещения в физическом пространстве и ментального представления о направлении мы в дальнейшем выделяем второе прописными буквами. По этому принципу выделяются в статье субстанции метального характера.

противоречит стремлению к объяснению разнообразия действительности путем выявления закономерностей более общего и универсального характера.

Вышеизложенное приводит нас к тому, что для объяснения наблюдаемой языковой вариативности нужно попытаться построить гипотезу о механизме категоризации перемен показателями НАПРАВЛЕНИЯ.

Для построения гипотезы мы исходим из одного базового представления: познание начинается с перцептивного опыта, но языковой показатель фиксирует не сам опыт, а его интерпретацию. НАПРАВЛЕНИЕ принципиально отличается от направления движения в науке о физическом мире. Можно предположить, что на базе перцептивного опыта с осязаемым направлением движения в физическом пространстве наш мозг запечатлевает некую модель ДВИЖЕНИЯ³, в рамках которой и определяется НАПРАВЛЕНИЕ, причем в модели непосредственно присутствует и сам субъект познания. В метальном пространстве ДВИЖЕНИЕ есть любой процесс, приводящий к переменам, следовательно, НАПРАВЛЕНИЕ может быть отчужденным по отношению к пространству, т. е. направленность движения в пространстве может превратиться в направленность перемен во времени. Категоризация перемен с помощью определенного показателя НАПРАВЛЕНИЯ обеспечивается реализацией единой модели ДВИЖЕНИЯ, в ходе которой познаваемый процесс перемен адаптируется к уже существующей модели и становится познанным. Таким образом, мы предлагаем исследовать метафоризацию результативности не как «перенос», а как «перевоплощение» неменяющейся сущности модели ДВИЖЕНИЯ.

Цель работы – проверить возможность применения данной гипотезы для объяснения вариативности категоризации перемен с помощью показателя НАПРАВЛЕНИЯ ВНИЗ в русском и китайском языках.

3. Метод, предмет и материалы исследования

Предмет исследования – показатели c_{-1} ⁴ в русском языке и 下 хиа в китайском. Семантика этих показателей хорошо изучена. Для полноты сведения о структурированных ими переменных были рассмотрены словарные дефиниции⁵ глаголов с c_{-1} , значения и семантические признаки c_{-1} , описанные в «Русской грамматике» [РГ, 1980] и в работах Г. А. Волохиной, З. Д. Поповой, Г. И. Кустовой. Рассматриваемые нами значения хиа включают словарные дефиниции [Цыхай, 1989; Сяньдай ханьюй цыдянь, 1997], лексико-семантические варианты, перечисленные в справочнике часто употребляемых глаголов [Ханьюй дунцы юнфа цыдянь, 1999, с. 407–409], а также в работах Люй Шусян [1999, с. 563–570] и Лю Юэхуа [1998, с. 137–202], где, на наш взгляд, в наиболее полном виде описан данный показа-

³ В работах по исследованию полисемии, в том числе приставок, используются понятия «семантический шаблон», «схема», «сценарий», «семантический конструкт» (см. [Кронгауз, 1998; Кустова, 2004; Добрушина, 2014] и др.). В нашей гипотезе «модель» НЕ является семантической, а рассматривается как возможная ментальная структура для познания перемен.

⁴ В современном русском языке c_{-} обслуживает два разных направления: 1) направление сверху вниз, 2) направление перемещения множества субъектов / объектов из разных мест в одно (см. [Волохина, Попова, 1993, с. 63]). В данной работе рассматривается только первый случай и обозначается как c_{-1} .

⁵ Используются три толковых словаря русского языка [ТСРЯ, 1994; ТСПЯО, 1994; НТССРЯ, 2000].

тель в качестве результативного элемента. Наше исследование относится к изложенной А. Е. Кибриком «лингвистической реконструкции когнитивной структуры, основанной на гипотезе когнитивной мотивированности языковой формы» [2008, с. 51], и наша задача заключается в объяснении механизма порождения уже выявленных лингвистами семантических признаков двух показателей. Нас в первую очередь интересует, какие перемены в принципе могут быть структурированы данными показателями и почему.

Метод исследования в целом – дедуктивный. С учетом того, что опыт перемещения по вертикали для человека менее значим⁶, мы делаем допущение о том, что видами перцептивного опыта для формирования модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ являются ситуации каузации, а не самокаузации. Исходя из этого допущения, мы определяем общие и специфичные черты каузации движением вниз по структурируемому каждым показателем физическим процессам в физическом пространстве. Если наша гипотеза верна, то многообразие этих процессов может быть сведено к единству путем построения модели / моделей ДВИЖЕНИЯ, а возможность отображения перемен непространственного характера должна быть объяснена как метафорическая реализация соответствующей модели. А в итоге мы должны выявить причину или причины вариативности категоризации перемен, наблюдаемой у 下 и с-1.

1. Виды перцептивного опыта каузации движением вниз

Показатели «верх» / «низ», в китайском языке 上 shang («верх») и 下 xia («низ»), образно симметричны и носят иконический характер. Их прообразы – 𠂇 и 𠂆 [Ханьцзы юанлю цыдянь, 2003, с. 24, 19] – наглядно отражают подобие между означающим и означаемым: восприятие «верх» и «низ» опирается на некую линию отсчета, а короткой черточкой обозначается соответствующая зона относительно этой линии. Таким образом, в китайском языковом сознании наблюдается синкретизм динамичного «вниз» и статичного «внизу».

1.1. Виды перцептивного опыта каузации, репрезентированные с помощью 下.

1.1.1. 下 самостоятельно репрезентирует действия каузации⁷.

- Первоначальное местоположение объекта – на чем-то: 下货 (下 + товары) – *снять товары с полок*.
- Первоначальное местоположение объекта – в руке / руках: 下面条 (下 + лапшу) – *опустить лапшу в кастрюлю, приготовить лапшу*; 下棋 (下 + общая номинация логических настольных игр) – *играть в шахматы (шашки, го и др.)*.

⁶ Безусловно, перемещение по горизонтали или по вертикали диктуется характером местности. Не исключено, что для некоторых этносов в силу особенности рельефа территории обитания перцептивный опыт самокаузации по вертикали может быть значимым в когнитивном плане. Но к таким этносам вряд ли относятся русские или китайцы.

⁷ В традиционной грамматике в этом случае 下 рассматривается как полнозначный глагол. Нас же в первую очередь интересует когнитивная мотивированность языковой формы, т. е. важно выяснить общность ситуаций, репрезентируемых одним и тем же показателем, а различие в форме – самостоятельно или в комбинации с другими единицами – не является для данной цели существенным.

1.1.2. 下, присоединяясь к глаголам, репрезентирующим способы действия каузации, обозначает результат такой каузации. В этом качестве применяется также сочетание 下 с дейктическим показателем 来 *lai* (приближение к позиции, выбранной человеком для восприятия перемещения) и 去 *qu* (удаление от данной позиции).

Действия каузации могут быть регламентированы первоначальным местоположением объекта, и результат некоторых действий естественным образом обозначается 下 / 下来, 下去. Например: 脱 (*снимать одежду, обувь и т. п.*, акцентируется то, что часть тела освобождается, а объект каузации оказывается не «на теле»); 摘 (*снимать картину, шапку*, т. е., действие направлено на объект, висящий или закрепленный на другом объекте).

Применение же дейктических показателей 来 и 去 эксплицирует позицию субъекта познания и его восприятие каузации. При применении 下来 субъект познания воспринимает каузацию как действие, происходящее в едином пространстве, в котором находятся и действующее лицо, и потенциальный наблюдатель / говорящий, и объекты, над которыми совершается манипуляция. Объект после депозиционирования по-прежнему находится в поле зрения.

把帽子摘下来 (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + шапка + снимать + 下来) – *снять шапку*.

При использовании 下去 условно выделяются два пространственных участка: в «поле зрения» говорящего остается объект, с которого что-то было удалено, а депозиционированный объект перемещается на отдаленный участок, что означает потерю к нему внимания или интереса. В тех случаях, когда объект в ходе депозиционирования исчезает из поля зрения или теряет свою функциональную ценность, корректно только применение 下去:

把黑板上的字擦下去 (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + на доске + служебное слово притяжательности + иероглифы + тереть + 下去) – *стереть написанные на доске иероглифы*.

1.2. Виды перцептивного опыта каузации, репрезентированные с помощью *c*₋₁.

Систематизированное описание семантики приставки *c*₋₁ мы находим в работе Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой [1993, с. 65]. Выделяются три класса ситуаций, позволяющих объяснить основные коннотативные семы приставки *c*₋₁. Эти ситуации рассматриваются нами как виды перцептивного опыта, на основе которых формируется модель ДВИЖЕНИЯ:

- 1) перемещать объект на более низкую поверхность: *сгрузить танки с платформ на перрон*;
- 2) удалить объект с исходной поверхности: *стряхнуть снег с шапки, смыть грязь с сапог*;
- 3) нарушить сцепление, повредить, ликвидировать объект: *сколоть лед с тротуара, сбрить бороду*.

2. Антропо-ориентированный и объектно-ориентированный способы определения «верх» / «низ»

Виды перцептивного опыта каузации движением вниз в целом можно разделить на два класса: первый – депозиционирование с целью последующего позиционирования объекта на новом местоположении, воспринимаемом как «низ»; второй – депозиционирование без дальнейшего позиционирования объекта.

Главный вопрос заключается в том, каким образом определяется «низ». Если говорить о позиционировании, то 下 хоть и не эксплицирует новое местоположение после каузации⁸, но всегда позволяет подразумевать, что это место «внизу», и в качестве ориентира выступает человек, т. е. «низ» – это участок, куда действующее лицо направляет руку и взгляд вниз. Для s_{-1} местоположения до и после каузации могут быть указаны эксплицитно (см. *сгрузить танки с платформы на перрон*). Представление о «вниз» также основано на сравнении местоположения объекта до и после каузации, но в качестве ориентира выступает другой объект⁹. Эти два способа могут указывать на одну и ту же зону как «низ», но не всегда. Хорошо иллюстрирует различие в выборе ориентира для определения верх / низ репрезентация ситуаций «готовить лапшу» и «играть в шахматы». В китайском языке эти ситуации структурируются с помощью 下, потому что субъект познания акцентирует внимание на движении руки и взгляда «вниз» при позиционировании объекта. Для русского языкового сознания то, что объект оказывается в руке, воспринимается, скорее, лишь как промежуточный этап, а не первоначальное местоположение объекта.

Различие между двумя показателями в репрезентации ситуаций депозиционирования также вызвано тем, что для 下 определение «верх» / «низ» антропо-ориентированное, а для s_{-1} – объектно-ориентированное. Рассмотрим это различие на примере ситуаций, репрезентируемых 砍下 (рубить + 下) и *срубить*. Корректно применить 砍下 тогда, когда объект до каузации находится в верхней антропо-ориентированной зоне¹⁰: 砍下树枝 (рубить + 下 + дерево + ветки) репрезентирует «инструментом сломать ветки с дерева», цель каузации заключается в добывании веток. Если цель заключается в «удалении лишних веток», то корректнее употреблять 下去. Показатель 下 не «способен» репрезентировать результат ситуации *срубить дерево*, потому что место депозиционирования – у основания дерева – находится практически на уровне земли и не может быть воспринято как верхняя часть антропо-ориентированной зоны. При применении же объектно-ориентированного способа определения «верх» / «низ» важно то, что первоначально объект находится на объекте-ориентире, а после каузации – не на объекте-ориентире. Показатель s_{-1} способен репрезентировать как ситуацию уда-

⁸ 下 подразумевает и движение вниз, и некое место внизу, где окажется объект после каузации, но он не «способен» эксплицировать конкретное место. Для экспликации места после каузации используется показатель dao, репрезентирующий «достижение какого-то места».

⁹ Естественно, человек также может стать тем объектом-ориентиром, с помощью которого определяется местоположение другого объекта. Например, xia и s_{-1} одинаково применяются для репрезентации результата «снятие чего-то с человека».

¹⁰ Судя по выражениям «上身 – верх + тело – верхняя часть тела» и «下身 – низ + тело – нижняя часть тела», при антропо-ориентированном определении «верх / низ» человек – субъект познания опирается на условную линию, проходящую через пупок. Но в случае с каузацией для китайского языкового сознания антропо-ориентированная зона не ограничивается лишь частью тела человека, а «охватывает» участок вокруг него. Причем понимание «верх / низ» носит относительный характер, т. е. зона «верх» не обязательно должна быть выше условной линии, а лишь выше абсолютного низа – зоны, непосредственно находящейся на уровне земли.

ления веток с дерева – *спилить, срезать, сломать ветки*, так и ситуацию отделения от основания – *срубить дерево*.

Из различия в выборе ориентира вытекает еще одно следствие. При применении объектно-ориентированного способа и до, и после совершения каузации в фокусе внимания находится объект-ориентир, а не объект каузации, который после изменения своего первоначального местоположения может перестать быть таковым. При применении антропо-ориентированного способа объект каузации «перемещается» из относительно верхней части антропо-ориентированной зоны в ее нижнюю часть (下 / 下来) или оказывается вне этой зоны (下去), т. е. объект каузации остается (реально или в сознании человека) тем же объектом, что и до каузации. По этой причине ситуация «повредить, ликвидировать объект», репрезентируемая *c*₋₁ (например, *сбрить бороду*), не может быть сконструирована с помощью 下.

Итак, выделяем две модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ: антропо-ориентированная и объектно-ориентированная. 下 и *c*₋₁ на самом деле являются показателями разных НАПРАВЛЕНИЙ, за которыми скрывается соответствующая модель ДВИЖЕНИЯ.

3. Метафорическая реализация антропо-ориентированной модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ

При метафорической реализации модели НЕЧТО, «размещенное» первоначально в зоне «антропо-ориентированный ВЕРХ», оказывается в зоне «антропо-ориентированный НИЗ»¹¹. Данной моделью структурируются перемены, приводящие к фиксации НЕЧТО в зоне НИЗ. Семантика показателя 下, собственно, и есть интерпретация «факта фиксации НЕЧТО в зоне НИЗ», и в первую очередь эта интерпретация зависит от характера НЕЧТО.

3.1. Корреляция «НИЗ – подконтрольная зона».

НЕЧТО, метафорически размещенное в зоне ВЕРХ, является потенциальным объектом добывания, причем достаточно значимым для человека. Фиксация такого объекта в зоне НИЗ означает получение полного контроля над ним:

买下一块地 (покупать + 下 + один + участок + земля) – *приобрести земельный участок* (результат действия «покупать» может быть обозначен разными показателями, 下 применим к крупному приобретению в частную собственность, например недвижимости, активов);

拿下冠军 (брать + 下 + чемпионство) – *стать чемпионом*.

3.2. Корреляция «НИЗ – зона определенности».

НЕЧТО, метафорически размещенное в зоне ВЕРХ, представляет собой предмет размышления и после метафорической фиксации в зоне НИЗ уже не подлежит изменению.

¹¹ Другой вариант – НЕЧТО после манипуляции оказывается вне зоны «низ» – не используется для метафорического структурирования перемен. Семантика 下去 при репрезентации результата нефизического процесса отражает базисную корреляцию «вверх-активизация / вниз-деактивизация», основанную на осознании движения энергии и его роли в мироустройстве [Цзинь, 2019], а также применение вертикали для экстерииоризации восприятия времени [Цзинь, 2016], что не имеет прямого отношения к реализации модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ.

定下日子 (определять + 下 + день) – *определить дату (для важного события)*;

许下诺言 (обещать + 下 + обещание, слово) – *дать слово*.

3.3. Корреляция «НИЗ – зона воплощения».

3.3.1. Объектом манипуляции становится творческий потенциал человека, фиксация в зоне НИЗ означает его воплощение в некое творение.

Творческий потенциал человека может быть реализован такими действиями, как 写 (писать), 画 (рисовать), 刻 (резать, гравировать):

写下一首诗 (писать + 下 + один + счетное слово + стихотворение) – *написать стихотворение*.

Употребление 下 означает, что созданное произведение имеет ценность и остается навсегда в истории. Для ситуаций создания обыкновенных продуктов, например *написать сочинение* (имеется в виду выполнение задания учащимся), показатель 下 неприменим.

В большинстве случаев действие «творить» носит более сложный характер, включая целенаправленные действия, такие как 建 (строить), 创 (создавать), 立 (ставить), 办 (делать, оформлять), и действия неподконтрольные, нецелесообразные – например, 惹 (задевать, навлекать), 犯 (нарушать).

创下纪录 (создавать + 下 + рекорд) – *установить рекорд*;

立下功劳 (ставить + 下 + заслуги, подвиг) – *совершить подвиг*;

惹下麻烦 (навлекать + 下 + проблема, хлопоты) – *натворить бед*.

И в этих случаях структурирование перемен «потенциал → его воплощение» подчеркивает неизменность результата и долгосрочность его хранения во времени.

3.3.2. Применяется 下来 для репрезентации фиксации-воплощения чего-то на другом носителе. Глаголы в этой ситуации репрезентируют конкретные способы фиксации, к которым относятся упомянутые в пункте 3.3.1 写 (писать), 画 (рисовать), 刻 (резать, гравировать), а также 抄 (переписывать), 录 (делать запись), 复印 (копировать) и др.

НЕЧТО при применении комбинации 下来 является осязаемым объектом, а не творческим потенциалом. Это НЕЧТО в процессе перемен не терпит существенной трансформации, а лишь фиксируется на другом носителе:

把感受画下来 (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + ощущение, впечатление + рисовать + 下来) – *зафиксировать впечатление на бумаге*;

把话录下来 (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + речь + делать запись + 下来) – *записать речь*.

Когда НЕЧТО уже зафиксировано на другом объекте, то ВЕРХ → НИЗ структурирует перенос НЕЧТО с одного носителя на другой, т. е. процесс создания копии:

把这段话抄下来 (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + этот + кусок, абзац + речь + переписывать + 下来) – *записать у себя фрагмент из какого-то текста*.

3.4. Корреляция «НИЗ – зона пассивности».

3.4.1. Когда манипуляция направлена на человека, 下 указывает, что в результате человек покидает участок активных действий, например поле боя, сцену, соревновательную площадку:

换下场 (менять + 下 + площадку) – *провести замену (во время соревнования)*.

3.4.2. Действие направлено на НЕЧТО, что первоначально «носит» человек. Хорошо иллюстрирует данную корреляцию 下 в сочетании с 放, репрезентирующим действие «класть»:

放下杯子 (класть + 下 + стакан) – *поставить стакан*;

放下活计 (класть + 下 + занятие, дело, ремесло) – *сделать перерыв в работе*;

放下执念 (класть + 下 + одержимость) – *избавиться от одержимости*.

Как мы видим, НЕЧТО в данных случаях – это то, что носит человек (физический объект – в руке / руках, или что-то абстрактное – внутри себя), и в этом первоначальном положении НЕЧТО выполняет свою функцию или оказывает влияние на человека. Фиксация НЕЧТО в зоне НИЗ подразумевает их отделение от человека и дальнейшую неподвижность, т. е. НЕЧТО из активного актанта превращается в пассивного, перестает выполнять свою функцию или оказывать влияние на человека.

4. Метафорическая реализация объектно-ориентированной модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ¹²

Исследователи семантики глагольных приставок так или иначе видят связи между «непространственной» семантикой и перцептивным опытом. Г. А. Волохина и З. Д. Попова считают, что коннотативная сема «уничтожить» у с-₁ находит объяснение в ситуации повреждения и уничтожения объекта [1993, с. 65]. Г. И. Кустова выделяет метафорическую аналогию «ликвидация контакта» (*сбить яблоко ≈ сбить спесь*), «уничтожение» (*стереть надпись ≈ сорвать голос, сорвать урок*), «извлечение нужного» (*сорвать шапку ≈ сорвать куш*) [2004, с. 412].

На наш взгляд, метафорический потенциал объектно-ориентированной модели во многом предопределен тем обстоятельством, что субъект познания изначально фокусирует внимание на «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО». Если при реализации антропо-ориентированной модели акцентируется «позиционирование» в зоне НИЗ и структурируются перемены к фиксации, то при реализации объектно-ориентированной модели – преимущественно «депозиционирование». Можно выделить три вариации реализации объектно-ориентированной модели.

Вариация 1. Первоначальное состояние представляется субъектом познания как стабильное. Различаем две субвариации:

а) перемены отображаются как разрушение сложившегося состояния. В качестве иллюстрации данной субвариации рассмотрим применение глагола *сорваться*. Выражение *Человек сорвался* может вызвать разные ассоциации – пространственную или непространственную. В первом случае первоначальное состояние представляется как «человек находится на некоем физическом объекте (например,

¹² В целях выявления метафорического потенциала объектно-ориентированной модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ рассматриваются перемены непространственного характера, отображаемые глаголами с приставкой с-₁, где само действие предполагает его направление, и перемены, отображаемые глаголами с приставкой с-₁, где в самом действии не содержится параметр «направление». Мы согласны с тем, что все компоненты языковых единиц участвуют в генерации семантики, но структурирующую функцию выполняет именно приставка, поскольку замена на другую приставку либо полностью изменяет характер перемен, либо является просто невозможной.

на краю пропасти) или держится за некий физический объект», соответственно «депозиционирование» приводит к падению; во втором – «нечто нефизического характера (сила воли, чувство приличия, понимание нормы, страх и т. п.) удерживает человека в некоем устойчивом состоянии», а «депозиционирование» приводит к потере контроля. Во втором случае достаточно сложно передаваемое изменение в психологическом состоянии и поведении человека структурировано лаконично благодаря ментальной манипуляции над образом «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО»: «кто-то держится на чем-то физического характера ↔ кто-то держится благодаря чему-то нефизического характера». Аналогичную реализацию демонстрирует структурирование таких перемен, как *сойти с ума, сойти с намеченного курса, сойти с кривой дорожки, сбиться с темпа и ритма, сбить с толку, столкнуться с пьедестала, сдвинуть(-ся) с мертвой точки*. Конкретные случаи отличаются друг от друга лишь нюансами в ментальном перевоплощении «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО»: «кто-то на пути ↔ кто-то держится определенного курса или правил», «кто-то держится на чем-то ↔ кто-то держится за некий статус», «что-то находится на месте ↔ что-то не развивается» и т. д.;

б) объект каузации уничтожается: *сжечь, спалить дом, снести дом, стереть с лица земли, сбросить пароль* и т. п. В данной субвариации наблюдается иное метальное перевоплощение «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО»: «быть на месте → быть таковым (выполнять свое предназначение) → существовать». Возможность у *с-1* структурировать «уничтожение» сигнализирует о корреляции между пониманием «нечто на чем-то» и пониманием о существовании вообще¹³. Вместе с тем представление об объекте-ориентире и направлении как об осязаемых параметрах может полностью редуцироваться (например, в случае *сжечь*)¹⁴, но сохраняется восприятие того, что НЕЧТО как таковое должно пребывать в некоем первоначальном местоположении-состоянии или НЕЧТО только в этом местоположении-состоянии и актуально как таковое, соответственно метафорическое депозиционирование ВНИЗ и приводит к его уничтожению.

К этой субвариации можно отнести и структурирование перемен «НЕЧТО предполагаемое не состоялось / не состоится в результате метафорического депозиционирования», например, *сорвать встречу, мирный процесс; сделка сорвалась*. В этих случаях, вероятно, перевоплощение модели происходит при понимании «быть на чем-то → быть на пути к осуществлению», соответственно «депозиционирование» приводит к тому, что НЕЧТО не состоится.

Вариация 2. «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО» воспринимается как временное состояние. НЕЧТО рассматривается как излишество, потому и актуально в этом положении для удаления. Моделью структурируются перемены к «уменьшению»: *скинуть цену, срезать путь*. К этой вариации также можно отнести ситуацию, когда НЕЧТО метафорически расположено на человеке-ориентире: *сорвать маску, сбавить спеси, сбросить вес, снять ответственность, сбить гонор, сбросить с себя тяжесть жизненных уз*.

¹³ Все эти вариации перевоплощения происходят только в рамках объектно-ориентированной модели, когда субъект познания может осуществлять определенную метальную манипуляцию внутри модели над образом «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО». Корреляция между «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО» и пониманием о «существовании» отнюдь не является релевантной обратному утверждению «существовать – значит быть на чем-то».

¹⁴ В этом случае направленность движения в пространстве полностью превратилась в направленность перемен во времени.

Вариация 3. Структурируется перепозиционирование НЕЧТО. Различаем две субвариации:

а) позиционирование оценивается негативно. Предпосылкой для такой оценки служит понимание первоначального состояния «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО» как норма, соответственно перепозиционирование воспринимается как не совсем правомерное: глаголы с основой, репрезентирующей способ каузации, метафорически означают «получить или передать что-то нечестным путем» (*стащить, спереть, содрать денег побольше, слить информацию, срубить легкие деньги, сорвать куш*¹⁵ и т. п.). Даже тогда, когда основа не имеет прямого отношения к каузации, применение *с-*₁ указывает на нечестность метафорического перепозиционирования: *Но так уж было решено свыше: списать на него все милицейские «висяки»* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // Новый Мир. 2000).

Думается, что с этой субвариацией связана особая «способность» *с-*₁ репрезентировать результат нечестных действий (*своровать, сжульничать, смошенничать, сплутовать, словчить, смухлевать, схитрить, схватить* и т. п.¹⁶). Кроме того, когда *с-*₁ применяется к аксиологически нейтральному действию или же действию с двоякой ценностной коннотацией, действие получает окраску «неуместность»: *Глухо. Сгеройствовал, поспешил. И где он теперь, черт его знает* (М. А. Булгаков. Белая гвардия, 1923–1924);

б) позиционирование оценивается нейтрально, структурируется в основном «перенос НЕЧТО с одного объекта на другой объект»: *счертить схему, срисовать узор, списать с доски условие задачи и скопировать*. Данная субвариация является примером схожей метафорической реализации двух моделей – результат процесса «получение копии» репрезентируется в китайском языке комбинацией 下来. Такое совпадение обеспечивается тем, что объект-ориентир в данном случае находится в верхней части антропо-ориентированной зоны. Однако сходство является лишь частичным: в русском варианте присутствует жесткое регламентирование первоначального местоположения НЕЧТО как «на объекте-ориентире», а в китайском – акцентируется именно фиксация НЕЧТО, и понятие НЕЧТО значительно шире, оно включает, например, и невысказанную мысль, и устную речь.

Заключение

Итак, возможность структурировать перемены, порой не имеющие между собой очевидной связи, объясняются реализацией запечатленной каждым показате-

¹⁵ При применении *сорвать* оценка может иметь иной оттенок. Мы согласны с точкой зрения Г. И. Кустовой о том, что идея о «силе», заложенная в глаголах способа действия, влияет на метафорическое применение приставочных глаголов [2004, с. 109–115]. В случае с *сорвать поцелуй, сорвать аплодисменты* акцентируется «сила и резкость» действия, его «нечестность» лишь в том смысле, что «дающая сторона» не может по-другому реагировать.

¹⁶ В «Русской грамматике» эти глаголы описываются, наряду с глаголами перемещения *сходить, съездить*, как глаголы со значением «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ, 1980, с. 371]. В этом толковании отсутствует объяснение, почему кроме *сходить, съездить*, все остальные глаголы репрезентируют нечестные действия. На наш взгляд, данная «способность» *с-*₁ не случайна и генетически связана с восприятием депозиционирования как нарушения нормы.

лем модели ДВИЖЕНИЯ. Наблюдаемая вариативность в категоризации перемен вызвана не вариативностью на уровне перцептивного опыта, а тем, что пространственная локализация является ориентирно-зависимой операцией, а выбор ориентира может варьироваться. В китайском варианте субъект познания формирует представление о «низ», ориентируясь на себя, стоящего на поверхности земли. В русском – субъект познания выбирает объект в качестве ориентира для определения местоположения другого объекта. Выбор ориентира тоже не является случайным. Антропо-ориентированный способ естествен при синкретизме динамичного «вниз» и статичного «низ» в прообразе 下. А локализация пространства взаиморасположением объектов характерна для русского языкового сознания в целом.

В то же время метафорический потенциал каждой модели демонстрирует интуитивно понятную логику при структурировании познаваемого. В антропо-ориентированной модели НИЗ является «зоной определенности, зоной фиксируемых вещей и зоной пассивности», потому что человек – субъект познания стоит на земле, и возникающее при этом ощущение «реальности, определенности и покоя» переносится на восприятие результата фиксации НЕЧТО внизу от себя. Эта логика не чужда и русскому языковому сознанию, корреляция «фиксация – определенность, неизменность» усматривается, например, в таких выражениях, как «*постановление*», «*Установлено:*». А применение предлога *под* в выражении «*под контролем*» уже эксплицирует восприятие «низ» как подконтрольной зоны. Метафорический потенциал объектно-ориентированной модели предопределен тем, что внимание фокусируется на «НЕЧТО НА ЧЕМ-ТО». По вариациям реализации данной модели можно сделать вывод о том, что в русском языковом сознании превалирует корреляция между представлением о «быть на чем-то» и пониманием о «быть, существовать».

Список литературы

- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и международная коммуникация. 2007. № 2, ч. 1. С. 10–22.
- Варфоломеева И. В. О преимуществе комплексного подхода к изучению метафоры // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 375–380.
- Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993. 196 с.
- Глебкин В. В. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 161–174.
- Добрушина Е. Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 270 с.
- Елоева Ф. А., Перехвальская Е. В., Саусверде Э. Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 78–99.
- Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. 288 с.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135–146.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

Цзинь Тао. Корреляция ВВЕРХ-АКТИВИЗАЦИЯ / ВНИЗ-ДЕАКТИВИЗАЦИЯ и ее модификация в китайском, русском и английском языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 30–40.

Цзинь Тао. Экстериоризация восприятия времени по вертикали и горизонтали в китайском языке // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 334–343.

Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 91–105.

Список источников

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин и др.; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994.

ТСРЯО – Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1994. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>

НТССРЯ – Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://efremova.slovaronline.com>

РГ – Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.

Люй Шусян. Сяньдай ханьюй бабай цы [吕叔湘. 现代汉语八百词. 北京, 商务印书馆]. Восемьсот слов китайского языка. Пекин: Изд-во Шану, 1999. 760 с. (на кит. яз.)

Лю Юэхуа. Цюйсян буюй тунши [刘月华. 趋向补语通释. 北京, 北京语言文化大学出版社]. Толкование дополнительных элементов направления. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 1998. 704 с. (на кит. яз.)

Цыхай [辞海. 上海, 上海辞书出版社]. Энциклопедический словарь. Шанхай: Изд-во Цышу, 1989. 2572 с. (на кит. яз.)

Сяньдай ханьюй цыдянь [现代汉语词典. 北京, 商务印书馆]. Словарь современного китайского языка. Пекин: Изд-во Шану, 1997. 1722 с. (на кит. яз.)

Ханьюй дунцы юнфа цыдянь [汉语动词用法词典. 北京, 商务印书馆]. Словарь сочетаемости глаголов. Пекин: Изд-во Шану, 1999. 495 с. (на кит. яз.)

Ханьцзы юанлю цыдянь [汉字源流词典. 北京, 华夏出版社]. Этимологический словарь китайских иероглифов. Пекин: Изд-во Хуася, 2003. 863 с. (на кит. яз.)

References

Budaev E. V., Chudinov A. P. Sovremennaya teoriya kontseptual'noy metafory: amerikanskiy i evropeyskiy varianty [Contemporary theory of conceptual metaphor: American and European variants]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2007, no. 25, pp. 10–22.

Chudinov A. P. Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoy metafory [Political metaphor: a discourse-cognition approach]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2004, no. 1, pp. 91–105.

Glebkina V. V. Teoriya kontseptual'noy integratsii Zh. Fekon'e i M. Ternera: opyt sistemnogo analiza [The theory of conceptual integration of G. Fauconnier and M. Turner: the experience of system analysis]. *Voprosy filosofii*. 2013, no. 9, pp. 161–174.

Dobrushina E. R. *Korpusnye issledovaniya po morfemnoy, grammaticheskoy, leksicheskoy semantike russkogo yazyka* [Russian Corpus studies on morphemic, grammatical, lexical semantics]. Moscow, St. Tikhon's Orthodox University Publ., 2014, 270 p.

Eloeva F. A., Perekhval'skaya E. V., Sausverde E. Metafora i evristicheskaya funktsiya yazyka (byvaet li yazyk bez metafor) [Metaphor and heuristic function of language (Is d language without metaphor possible?)]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2014, no. 1, pp. 78–99.

Kibrik A. E. Lingvisticheskaya rekonstruktsiya kognitivnoy struktury [Linguistic reconstruction of cognitive structure]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2008, no. 4, pp. 51–77.

Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar]. Moscow, LRC Publishing House, 1998, 288 p.

Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [The types of derivative meanings and mechanisms of language extensions]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 472 p.

Lakoff D., Dzhonson M. Metafora, kotorymi my zhivem: Per. s angl [Metaphors we live by: transl. from English]. A. N. Baranov (Ed., foreword). Moscow, Editorial URSS, 2004, 256 p.

Petrov V. V. Metafora: ot semanticheskikh predstavleniy k kognitivnomu analizu [Metaphor: from semantic representation to cognitive analysis]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1990, no. 3, pp. 135–146.

Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii [Frame-based approach to lexical typology]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2013, no. 2, pp. 3–31.

Tszin' Tao Korrelyatsiya VVERKh-AKTIVIZATsIYa / VNIZ-DEAKTIVIZATsIYa i ee modifikatsiya v kitayskom, russkom i angliyskom yazykakh [Correlation UP-ACTIVATION / DOWN-DEACTIVATION and its modification in Chinese, Russian and English]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2019, no.1, pp. 30–40.

Tszin' Tao Eksteriorizatsiya vospriyatiya vremeni po vertikali i gorizontali v kitayskom yazyke [Exteriorization of perception of time by vertically and horizontally in the Chinese language]. *Journal of Psycholinguistics*. 2016, no. 28, pp. 334–343.

Varfolomeeva I. V. O preimushchestve kompleksnogo podkhoda k izucheniyu metafory [About the advantage of a complex approach on the metaphor study]. *Cognitive studies of language*. 2016, no. 25, pp. 375–380.

Volokhina G. A., Popova Z. D. *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verb prefixes: semantic structure, system relations]. Voronezh, 1993, 196 p.

List of sources

- Cihai* [Encyclopedic dictionary]. Shanghai, Shanghai Dictionary publishing house, 1989, 2572 p.
- Hanyu dongci yongfa cidian* [Chinese verb usage dictionary]. Meng Cong, Zheng Huaide, Meng Qinghai, Cai Wenlan (Comps). Beijing, Shangwu, 1999, 495 p.
- Hanzi yuanliu cidian* [Chinese etymological dictionary]. Gu Yankui (Comp.). Beijing, Huaxia, 2003, 863 p.
- Liu Yuehua. *Quxiang buyu tongshi* [Interpretation of directional complement]. Beijing, Beijing Language and Culture University Publishing House, 1998, 704 p.
- Lü Shuxiang. *Xiandai hanyu babai ci* [Eight hundred words in Chinese]. Beijing, Shangwu, 1990, 760 p. *Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [New explanatory and word-formation dictionary of Russian language]. T. F. Efremova (Ed.). Moscow, Rus. yaz., 2000. URL: <https://efremova.slovaronline.com/>
- Russkaya grammatika: T. 1* [Russian grammar: Vol. 1]. Moscow, Nauka, 1980.
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegov* [Explanatory dictionary of Russian language S. I. Ozhegov]. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, 1994. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of Russian language: In 4 vols]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, Russkie slovari, 1994.
- Xiandai hanyu cidian* [Modern Chinese dictionary]. Beijing, Shangwu, 1997, 1722 p.

Сведения об авторе

Цзинь Тао – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

tszin_t@pfur.ru
ORCID 0000-0003-1949-8817
Scopus Author ID 57189621763

Information about the author

Tao Tszin – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, the Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

tszin_t@pfur.ru
ORCID 0000-0003-1949-8817
Scopus Author ID 57189621763

УДК 81`37, 81`42
DOI 10.17223/18137083/73/20

Перцептивные образы в лагерной прозе и ее переводе на английский язык

Е. Г. Басалаева, Н. В. Носенко

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются ключевые образы перцепции на материале романа Е. Гинзбург «Крутой маршрут» и его перевода на английский язык. Авторами отмечается, что ведущими каналами восприятия, актуализированными в тексте, являются аудиальный и обонятельный. Звуки и запахи получают дополнительную смысловую нагрузку, выступают маркерами пограничности пространств, сигналами перемен физического или эмоционального состояния героини, источником важной информации. Языковыми средствами выражения перцептивных образов становится аудиальная и одорическая лексика, а также развернутые метафоры, нередко основанные на синкретичности восприятия. Анализ англоязычных переводов текста свидетельствует о достаточно высокой степени эквивалентности в передаче перцептивной образности, хотя не исключены случаи замены или трансформации.

Ключевые слова

лексика восприятия, лагерная проза, Е. Гинзбург, метафора, перевод

Для цитирования

Басалаева Е. Г., Носенко Н. В. Перцептивные образы в лагерной прозе и ее переводе на английский язык // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 293–307. DOI 10.17223/18137083/73/20

Perceptual images in camp prose and its English translation

E. G. Basalaeva, N. V. Nosenko

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper focuses on the key images of perception of the novel “Krutoy marshrut” by E. Ginzburg and its English translation “Journey into the Whirlwind” by P. Stevenson and M. Hayward. It is noted that one important way to describe the special atmosphere in the so-called “camp prose” is the perceptual vocabulary, a means of depicting impressions and related experiences. The leading channels of perception, actualized in the Ginzburg’s work, are auditory and olfactory. Sounds and smells receive the additional semantic load in the text.

© Е. Г. Басалаева, Н. В. Носенко, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

They act as markers of the borderline of prison's and "worldly" spaces, signals of changes in the heroine's physical or emotional state (they are often precursors of violence), a source of important information (most often it is knocking), a means of updating the mode of memories (the smells are mainly used for this purpose). The linguistic means of expressing perceptual images is the hearing and smell vocabulary (*loud and tiny sounds, knock, roar, clang, screech, scream, ringing, silence*, etc.; *stink, smell, fragrance*, etc.) and detailed metaphors (zoomorphic, natural, musical), often based on the syncretism of perception (sound, smell, vision). The English translation analysis indicates a rather high degree of equivalence in the perceptual imagery transmission, with replacement or transformation of the most important images not excluded. The study showed interpreting and transmitting the author's metaphors and syncretic (audio-olfactory and visual-audio) images to be the most difficult for translation. The transformations used by the translators are necessary for the English-speaking reader's understanding of the complex perceptual images of the confessional novel.

Keywords

vocabulary of perception, camp prose, E. Ginzburg, metaphor, translation

For citation

Basalaeva E. G., Nosenko N. V. Perceptual images in camp prose and its English translation. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 293–307. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/20

«Лагерная проза» считается явлением, относящимся к так называемой «новой прозе», о чем заявлял в статье-манифесте «О прозе» В. Шаламов: «Писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, не в писательской роли. Плутон, поднявшийся из ада, а не Орфей, спустившийся в ад. Выстрадавшее собственной кровью выходит на бумагу как документ души, преображенное и освещенное огнем таланта» [Шаламов, 1965].

Л. С. Старикова определяет лагерную прозу как «тематическое направление в русском литературном процессе конца 50-х – 90-х гг. XX в., создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей» [2015, с. 169]. Произведения лагерной прозы автобиографичны, так как писатели рассказывают о событиях, произошедших с ними лично; в основном документальны, но в то же время «писатель ставит перед собой задачу не буквально следовать за реальными фактами, а передать дух, атмосферу лагерной жизни» [Райзман, 2009, с. 14].

Одним из важнейших способов описания этого духа, атмосферы является перцептивная лексика. Лексика восприятия представляет собой основной пласт словарного состава любого языка, играет значимую роль «при осмыслении его носителем как окружающей действительности, так и своего внутреннего мира с помощью образных средств» [Кочетков, 1992, с. 3].

Как отмечает Н. В. Атаманова, вписываясь в ткань художественного текста, восприятие заметно расширяет свои границы и тем самым дает возможность анализировать исследуемую ситуацию с точки зрения индивидуально-авторских способов ее репрезентации. Обращение к анализу перцепций в конкретном идиолекте позволяет показать лексику восприятия в системе, связь звука со светом, цветом, запахом, «их движущиеся формы» [Атаманова, 2017, с. 183]. Перцептивный модус в художественном тексте выполняет различные функции: служит механизмом индивидуально-авторского смыслообразования, является средством описания впечатлений и связанных с ними переживаний, но прежде всего раскрывает оценочные характеристики, которые «направляют» образную интерпретацию и, таким образом, объединяет продукт художественной когниции автора и читателя [Кириллина, 2016, с. 1].

Основным положением современной теории художественного перевода является то, что «при формальной непередаваемости отдельного языкового элемента подлинника может быть воспроизведена его эстетическая функция в системе целого и на основе этого целого» [Федоров, 2002, с. 334]. Таким образом, основной принцип художественного перевода заключается в том, чтобы «работать над созданием художественного образа, общего настроения, характеристики атмосферы, персонажей и т. п. Здесь важен и выбор отдельного слова, и синтаксической структуры, и других элементов» [Комиссаров, 1999, с. 60].

Нельзя не согласиться со словами Э. Вилсон, первой женщины-переводчицы «Одиссеи» Гомера: «Перевод всегда подразумевает интерпретацию и [требует], чтобы каждый переводчик... как можно глубже задумывался над каждым словом, образом и истолкованием»¹ (здесь и далее перевод наш. – Е. Б., Н. Н.).

Названные проблемы вызывают особый интерес с нескольких точек зрения. С одной стороны, это изучение лексических средств выражения образов перцепции, их текстообразующей роли, выявление доминантного канала восприятия, оказывающегося ключевым, значимым в сюжетной канве произведения из числа лагерной литературы, заставляющего читателя откликаться на эмоциональное, эстетическое содержание текста [Арнольд, 1974, с. 7–8]. С другой стороны, изучение перцептивной картины мира приобретает особую актуальность в контексте антропоцентрического подхода к художественному переводу как творческому акту, в рамках которого автор оригинала и переводчик рассматриваются как две специфические языковые личности, допускающие вариативность интерпретации текста. Как отмечают С. Корячанкова, Л. Крюкова, Д. Олицкая, «сопоставительный аспект, а именно анализ трансформаций, которые претерпевают перцептивные образы оригинала во множественных переводах (особенно на разные языки), становится важным ракурсом наблюдения за универсальностью базовых и многообразием индивидуальных образов» [Корячанкова и др., 2018, с. 39].

Тексты лагерной тематики, по замечанию Е. В. Харитоновой, наполнены столь специфическим содержанием, что они переходят в разряд национально-маркированных текстов, представляющих особую сложность в процессе их перевода на другие национальные языки. В этой связи изучение истории и характера рецепции русской лагерной прозы средствами английского языка представляет большой интерес [Харитонов, 2017, с. 150].

Рассмотрение указанных вопросов, а именно лексических средств выражения модусов перцепции в аспекте перевода является **целью** настоящей статьи.

В качестве материала исследования выбрана книга воспоминаний Е. Гинзбург «Крутой маршрут» и ее перевод на английский язык (“Journey into the Whirlwind” переводчиков П. Стивенсона (Paul Stevenson) и М. Хейворда (Max Hayward)). Как отмечают некоторые исследователи, для писательницы главное – «изображение собственных душевных и духовных трансформаций, анализ каждой мысли и каждого чувства, которое она испытала за восемнадцать лет мучений» [Ван Линь, 2016, с. 108], поэтому документальность в этой книге в большей степени поэтическая, художественно воплощенный документ о человеке и его ощущениях [Старикова, 2015, с. 173].

История публикации перевода мемуаров на английский язык была неясной. Как пишет А. С. Митюшова, в 1967 г. в Европе и США вышла лишь первая часть

¹ “Translation always involves interpretation, and [requires] every translator... to think as deeply as humanly possible about each verbal, poetic, and interpretative choice” [Wilson, 2018].

хроники, в которой описываются события трех из восемнадцати лет заключения. Продолжение было опубликовано впервые в Италии в 1979 г. в издательстве “Mondadori” спустя два года после смерти автора [Митюшова, 2016, с. 22]. В СССР книга издавалась по частям в литературно-художественном журнале «Даугава» в 1988–1989 гг. Анализ хроники Е. С. Гинзбург в оценке англоязычной критики 1967 г., предпринятый А. С. Митюшовой, в целом позволяет судить о признании произведения на Западе как одного «из самых душераздирающих», когда-либо написанных «о механизмах работы НКВД, методах их “расследований” и шантажа» [Там же, с. 27]. Анализируемое англоязычное издание содержит перевод первой части целиком, девяти глав второй части и эпилога. Над переводом работал известный британский русист и переводчик Макс Хейворд (см. о нем [Friedberg, 1997, p. 178–179]) в союзе с Полом Стивенсоном.

Перцептивные образы играют важную роль в организации текста, поэтому вызывают интерес, с одной стороны, их текстовый потенциал, а с другой – способы их трансляции средствами другого языка.

Ведущим каналом восприятия человека в ситуации несвободы становится **звуковой**. Именно звуки особо выделяются на фоне однообразного тюремного пространства, становятся различными маркерами происходящих в жизни героини изменений. Зрительное восприятие уходит на второй план, оно оказывается менее «информативным» (ср.: *а очки у всех отняли, и все близорукие и дальновзоркие мучаются страшно!* (Ч. 1, гл. 26)). Образы звуков часто вводятся в текст как с помощью аудиальной лексики, так и метафорически.

Можно выделить следующие функции звуковых образов в тексте.

1. Звук является своеобразным разграничением мирной и тюремной жизни.

Звук – это граница, это источник воспоминаний о прошлой жизни (дом, город, природа, пароходы). В следующих примерах наблюдается разнообразие звуков мирной жизни, причем частотна не детализация по виду, источнику и пр., а их постоянная характеристика: звуки маркируются как *обычные, привычные*. Часто это шум (т. е. совокупность разных звуков): *шумит город, шумит мир нормальных людей*. Ср.:

(1) **Захлопывается** дверь. <...>. Больше я уже никогда не открывала эту дверь, за которой я жила с моими дорогими детьми (ч. 1, гл. 10) // The door **banged shut**. <...>. I was never again to open that door behind which I had lived with my dear children (p. 45–46);

(2) Оно, безумие, осталось там, внизу, где **лязг** замков, налитые страданием глаза золотоволосой девушки с реки Сунгари. А здесь – обычный мир нормальных людей. Вон она **звякает** за окном трамваями, знакомая старая Казань (ч. 1, гл. 13) // <...> the madness might be over, that I had left it behind me, down there, with the **grinding** of padlocks and the pain-filled eyes of the golden-haired girl from the banks of the river Sungari. Here, it seemed, was the world of ordinary, normal people. Outside the window was the old familiar town with its **clanging** streetcars (p. 60);

(3) На больших темно-зеленых деревьях под окнами **шелестят** листья. Этот **звук** – **таинственный и прохладный** – потрясает меня (ч. 1, гл. 29) // Outside the windows there were some large, dark-green trees: their leaves were **rustling** and I was moved by the cool, mysterious sound<...>It was strangely **touching** – why had I never noticed it? (p. 171–172);

(4) Через щель в седьмой вагон стали проникать **звуки обычной человеческой жизни: смех, детские голоса, бульканье воды** (ч. 2, гл. 2) // through the partly open door we began to hear **sounds of ordinary human life: laughter, children's voices, and the gurgling of water** (p. 303).

Переводчик довольно точно следует за автором, передавая все оттенки звука, лишь в некоторых случаях усиливая или ослабляя интенсивность проявления или восприятия звука. См. примеры (1), (3): *Захлопывается дверь* – *The door banged shut* (букв. дверь захлопывается с неожиданным, резким звуком); *звук потрясает меня* – *I was moved by the cool, mysterious sound* (букв. звук трогает меня).

Можно увидеть последовательное разграничение звуков тюремной и мирной жизни на уровне лексики. Так, для тюремной жизни характерны номинации звуков *гром, звон, грохот, лязг, шепот*; признаки звуков *страшный*; лексемы с семантикой продуцирования звуков *грохнул, гукнуло*. Для описания же звуковой картины обычной, мирной жизни используются слова с иной оценочностью: *звуки, смех, бульканье; привычные, обычные; шумит, звякает*. Подобного рода смысловое расслоение на уровне лексики аудиальной группы встречается достаточно регулярно в тексте.

2. **Звуки ключей, дверных замков, стекла, железа, мебели в тюрьме часто служат в качестве знаков перемен (перемен в пространстве, в судьбе; сигналов, предвещающих физическое насилие и т. п.).**

Героиня в период нахождения в тюрьме постоянно опасается звуков замков, поэтому для описания подобных ситуаций используются различные лексемы с интенсификаторами звука: *страшный гром, звон, грохот, многократное эхо*. Звук замков всегда громкий.

(5) Поэтому, когда открывается **со страшным громом и звоном** одна из дверей <...> я воспринимаю это как неожиданный подарок судьбы (ч. 1, гл. 12) // So when a cell door, marked “3,” opened with much **creaking and grinding**, <...> I took this as an unexpected gift of fate. I was not to be alone. This already was a blessing (p. 53);

(6) Однажды мы с тревогой услышали в неурочный час повторяющиеся **ритмические железные звуки** (ч. 1, гл. 41) // One day we heard with alarm **a series of bangs** indicating that cell doors were being opened and shut one after another (p. 236);

(7) Ровно дышат мои соседки, мерно **поскрипывают** в коридоре сапоги дежурного. Время от времени – **грохот замков, шаги, шепот** <...>. **Каждый звук отзывается в висках** (ч. 1, гл. 18) // I listened to the even breathing of my cellmates and the **measured creak** of the warder's boots along the corridor (p. 97);

(8) Время близится к трем. Становится все тише. Вот еще раз **грохнул** брошенный об пол стул. Вот еще раз **гукнуло и отдалось многократным эхом** «мать-мать-мать!». Еще одно подавленное мужское рыдание. И – **тишина** (ч. 1, гл. 27) // By now it was nearly three o'clock, and the sounds were **dying down**. Once more I heard a chair thrown to the ground, once more **a man's stifled sob**. Then **silence** (p. 161).

Интересно, что при переводе лексическая репрезентация таких звуков часто трансформируется. Мы можем наблюдать различные переводческие стратегии:

- замена звуков; они остаются такими же интенсивными, но основаны на иных качествах. Ср.: (5) *страшным громом и звоном* – *with much creaking* (букв. скрипом) *and grinding* (букв. скрежетом);
- снятие метонимии и замена звука: (6) *повторяющиеся ритмические железные звуки* – *a series of bangs* (букв. серия ударов / хлопков) *indicating that cell doors were being opened and shut one after another*;
- редуцирование звука: (7) *Время от времени* – *грохот замков, шаги, шепот* – *From time to time a padlock ground open* (букв. замок открывается), *and there were footsteps and whispers*. В этом примере звук прячется, подразумевается, а в следующем примере удаляется вообще: (8) *Вот еще раз гукнуло и отдалось многократным эхом «мать-мать-мать!»*. *Еще одно подавленное мужское рыдание* – *once more a man's stifled sob* (букв. сдавленные рыдания человека).
- замена описания объекта, издающего звук, описанием воспринимающего субъекта: *Ровно дышат мои соседки* – *I listened to the even breathing of my cellmates* (букв. я прислушивалась к ровному дыханию моих сокамерниц); *Вот еще раз грохнул брошенный об пол стул* – *Once more I heard a chair thrown to the ground* (букв. Я услышала брошенный на пол стул).

В тексте часто можно наблюдать градацию звуков: *грохот, отзвук, звонок*. В то же время противопоставляются **звук** и **тишина**. Тишина связывается с состоянием покоя, а звук – с изменением, часто негативным. Но покой условен, это все равно ожидание перемен, он угнетает, уподобляется живому существу либо смерти (ср.: *могильная тишь*). Даже тихий звук становится громким с точки зрения субъекта восприятия (ср.: *звук отдаёт в висках*). Звук все время чередуется с тишиной и на ее фоне становится особо воспринимаемым. Таким образом, и тишина, и звук деструктивны, причиняют боль (см. от звуков *больнее, могильная тишь*).

Приведем примеры.

(9) **Тишина сгушалась**, приобретала какую-то **осязаемую душную силу**. Тоска начинала грызть <...>. Хоть бы один **звук**... Но когда звук **раздавался**, становилось еще хуже. <...> Вот **еле уловимый звонок** поднятого и снова опущенного глазка. <...>. Нет, от этих **звуков еще больнее** (ч. 1, гл. 33) // **The silence thickened, became tangible and stifling**. <...> I would have given anything to have heard **just one sound** (p. 198);

(10) **Нарушая могильную тишь, зазвякали в коридоре железки, зашептались надзиратели**. Разгадав значение звуков, я стрепетом ждала, что они принесут мне (ч. 1, гл. 34) // **One day the tomb like silence was broken by the clanking of keys and by muttered conversation in the corridor**. I guessed what this meant, and in painful suspense awaited my girl Friday (p. 203).

Сравнивая оригинал и перевод текста, мы видим, что некоторые фрагменты опускаются. Переводчик использует приемы конкретизации (10) *железки* – *keys* (ключи) (за счет этого снимается русская метонимия «материал – изделие из этого материала») и генерализации (10) *зашептались надзиратели* – *muttered conversation* (букв. бормотание). Кроме того очевидная переводческая частеречная замена – глаголы продуцирования звука заменяются отглагольным существительным в переводе. Таким образом, динамика превращается в статику. На наш взгляд, конкретизация была необходима для того, чтобы англоязычный читатель понимал, чего именно с трепетом ждет героиня: градация звуков и противопоставле-

ние звука и тишины ослабляются. Однако переводчик поддерживает тему “значения” звуков в жизни заключенной.

Звуки тюрьмы (замков, металла и пр.) нередко противопоставлены **звукам человека**. И это тоже маркер разных состояний, разных пространств. Все гипертрофировано, лексемы с семой “звук” всегда содержат в значении компонент «интенсивность» (к примеру, *визги* и т. п.). Ср.:

(11) И **грохот** замков лучше, чем **визги** исступленных Нечеловеков
(ч. 1, гл. 13) // and the **grinding** of locks was better than the demented screams
of un-men (p. 64).

Помимо лексем, интенсифицирующих звук, в тексте частотны **метафорические аудиальные образы**, которые также связаны тюремным пространством. Они работают на те же смыслы и позволяют усилить весь ужас восприятия происходящих событий. Так, можно встретить разнообразные примеры **зооморфных метафор**. Например,

(12) Дверная форточка хлябает и открывается, точно пасть какого-то сказочного **дракона**. Пасть **произносит**: – Подъем! И захлопывается, точно **лязгают** одна о другую металлические **челюсти чудовища** (ч. 1, гл. 40) //
At six in the morning the flap-window clicks open and gapes **like the jaws of a dragon**. It barks out “Get up!” and **clangs** shut again (p. 231).

В переводе метафорический образ дракона сохраняется, однако он оказывается несколько редуцированным, свернутым.

Особо значима разворачивающаяся в тексте **музыкальная метафора**. Она встречается на протяжении всего текста. Для героини многие окружающие звуки превращаются в музыку (поэтому частотны такие лексемы, как *симфония*, *аккорд*, *какофония* и т. п.). Однако звуки далеко не приятные – это проявляется за счет семного рассогласования контекстуальных партнеров: *музыка дьявольская*; *обрушивается аккорд пытки*, *жалобный дискантовый отзвук* и пр.

(13) Потрясающий лязг спускаемых железных коек наполняет весь подвал **дьявольской музыкой**. Снова гром, лязг засовов и замков и чей-то скучный, **нарочито тихий голос** (ч. 1, гл. 12) // Metal bunks, clanging as they were let down, filled the cellars with their **infernal noise**. Again the rumbling and clanking of bolts and keys, and a **bored stage whisper** in my ear: “Get ready for interrogation” (p. 59);

(14) Он заканчивает длинный период ударом кулака по столу. Стекло на столе звенит. Под **аккомпанемент этого дискантового звука** на меня обрушивается как **заключительный аккорд двухлетней пытки** короткая фраза <...>. Снова удар кулаком и жалобный **дискантовый отзвук** стекла (ч. 1, гл. 11) // He ended along tirade with a blow of his fist on the desk, so that **the glass top reverberated**. To its plaintive whine, he **thundered the words which served**, as it were, as the **grand finale** of my two years’ ordeal <...>. He banged the desk again and the glass **rang out plaintively** again (p. 50);

(15) И вдруг я различаю в **какофонии звуков**, несущихся из коридора, **ритмические повороты ключей** в замках камерных дверей (ч. 1, гл. 42) // Then, amid the **hubbub** in the corridor I heard the **sound** of keys turning in one cell door after another (p. 242).

Интересно, что в переводе музыкальная метафора часто не актуализирована. В разных примерах мы видим достаточно регулярные замены: вместо музыки, какофонии вводится *noise, hubbub* (букв. шум, гам); *аккомпанемент этого дискантового звука* заменяется *plaintive whine* (букв. жалобный вой, нытье); *заключительный аккорд двухлетней пытки – grand finale* (букв. грандиозным финалом). Снимается и другая метафора – в русском тексте мы видим уподобление звуков стихии (*фраза обрушилась*), в переводе же эта метафора не представлена (*he thundered the words* (букв. прогремел словами)).

В целом в тексте во многих случаях метафора многослойна, однако не вся она сохраняется в переводе.

(16) Над **волной воплей** пытаемых плыла **волна криков и ругательств**, изрыгаемых пытающими. Слов разобрать было нельзя, только изредка **какофонию ужаса** прорезывало короткое, как удар бича, «мать! мать! мать! мать!». Третьим слоем в этой **симфонии** были **стуки** бросаемых стульев, удары кулаками по столам и еще что-то неуловимое, леденящее кровь. Хотя это были только **звуки**, но реальное восприятие всей картины было так остро, точно я разглядела ее во всех деталях (ч. 1, гл. 27) // **Over and through the screams** of the tortured, we could hear **the shouts and curses** of the torturers. Added to the **cacophony was the noise of chairs being hurled about**, fists banging on tables, and some other unidentifiable sound which froze one's blood. Although these were only sounds, they conjured up such a vivid picture that I felt I could see it in every detail (p. 159).

Как видим, в контексте звук уподобляется стихии. Такой сложный образ формируется благодаря представлению человеческих звуков в виде воды (ср. *волна*), поток которой разрушителен (ср. *обрушивается*). Звук – это нечто острое (ср. *прорезывало*), леденящее, уподобляется бичу. И все это составляет в целом музыкальный образ (ср. *какофония, симфония*). Это музыка, не доставляющая удовольствие, но вызывающая ужас и страх. Звук становится синкретичным, тактильно и визуально воспринимаемым. В переводе же отсутствует метафора стихии, не передано уподобление звука острому предмету, приносящему боль. Остается лишь один образ, связанный с синкретичным восприятием звука и температуры (*звук, леденящий кровь*). Иными словами, в переводе метафоры гасятся.

3. Еще одна функция звукового ряда, представленного в тексте, – **звук стука как важный источник информации**. Он противопоставлен тишине, а также другим звукам, например гулу (фоновым, звукам пространства).

В данном случае звук – стук, он всегда тихий, тонкий.

(17) **Стучать** здесь можно было почти беспрепятственно, так как **тонкий звук перестукивания** тонул в общем **гуле** (ч. 1, гл. 21) // Here, you could **knock** on the walls to your heart's content – **the light sound** of tapping was drowned by **the general racket** (p. 114);

(18) И наконец – **тоненький стук** в стенку. Это Оля Орловская, соседка. Она выстукивает то самое слово <...> (ч. 1, гл. 42) // After a time we heard a **faint knocking** on the wall: it was Olga Orlovskaya tapping out the word <...> (p. 240).

Нужно отметить, что звук в данном случае оказывается довольно часто сопряжен с визуальным восприятием, синкретичен с ним. В силу ограниченности объ-

ектов видения (например, замкнутое пространство, в котором долгое время проводит героиня) звук и зрение переплетаются. Ср.:

(19) Опять **шорох** листьев. <...> Мне кажется, что это я **кричу**. Нет. Я **молчу и слушаю**. <...> На меня **надвигается** **какая-то темнота**. **Голос** чтеца сквозь эту тьму **просачивается** ко мне, как далекий мутный поток. Сейчас меня **захлестнет** им. <...> **Темнота** снова надвигается. Сейчас захлестнет совсем. И вдруг... Что это? Что он сказал? Точно **ослепительный зигзаг молнии прорезает сознание** <...> Все вокруг меня **становится светлым и теплым**. Десять лет! Это значит – жить! <...> Если бы они смотрели в лица своим жертвам, они, наверно, **прочли бы в моих глазах** все эти **немые выкрики** (ч. 1, гл. 29) // Again I heard the trees **rustling**. <...> I thought I **must have screamed**, but no – I **stood and listened in silence** <...>. A **sort of darkness came over my mind**; the **judge's voice sounded like a muddy torrent** by which I might be swamped at any moment. <...> The **darkness** closed in again – for the last time, surely. And then, all of a sudden – What was it? What had he said? **Like a blinding zigzag of lightning cutting across my mind**. <...> The world around me **was suddenly warm and bright**. Ten years! That meant I was to live! <...> If the “judges” ever looked at their victims’ faces, they **could not have failed to read all these silent exclamations in mine**. But they did not look at me (p. 173).

Голос, крик сопряжены со светом, тьмой. Опять же в контексте актуализируется водная метафора не только звука, но и видения (*поток, захлестнет*), что позволяет передать весь спектр эмоционального состояния. Звук и свет уподобляются стихии, режущему объекту. Звук становится средством описания видения и переживания.

Таким образом, можно сказать, что звук занимает важнейшее место в системе описания пространства. Особенно часто к экспликации аудиального восприятия повествователь прибегает, когда описываемые события разворачиваются в замкнутом пространстве. По мере расширения пространства звуковые образы становятся менее частотными.

По значимости в тексте после звукового модуса перцепции следует назвать **обонятельный**, передающий информацию о наиболее близких субъекту жизненных сферах, независимо от его воли и желания.

Лексика обонятельного восприятия и продуцирования запаха достаточно разнообразна. Можно говорить нескольких функциях запаха в тексте.

1. Безусловно, в первую очередь **запах маркирует пространство**, в котором находится героиня, например запах тюрьмы. Маркеры запаха повторяющиеся, дискретные – *вонь, плесень, грязь, параша* и т. п. Иначе говоря, негативная оценка преобладает. Как и звуки, запахи интенсифицированы.

(20) Здесь уже не подвал, но **запах плесени, грязи, параш еще острее**, чем на Черном озере. Я называю составные **части этого запаха**. В целом же они составляют, в сочетании с еще чем-то неуловимым, **запах тюрьмы. Вонь и грязь** здесь больше (ч. 1, гл. 20) // Although we were above ground, the **smells of dirt, mold, excrement, were even stronger** than in the cellars of Black Lake. **These and some other indefinable smells together** made up the unique, indescribable stench of jail. If the **dirt and stench** were worse than at Black Lake <...> (p. 103);

(21) Транзитка представляла собой <...> **загаженный двор, пропитанный запахами аммиака и хлорной извести** (ч. 2, гл. 3) // The camp consisted of a huge, dirty enclosure surrounded by barbed wire and reeking of ammonia and the chloride of lime (p. 414).

Негативно оценивается и запах еды, связанный с этим пространством. Часто это запах рыбы (нередко тухлой, вонючей), который выделяется особо.

(22) Не в силах преодолеть брезгливость <...> к **вонючей рыбе** <...> (ч. 1, гл. 14) // Sickened by the prison <...> the **stinking fish** <...> (p. 67);

(23) <...> просочился тошнотворный **запах тухловатой вареной рыбы**. Даже на фоне всепроникающего **запаха сырости и парши** эта **рыбная вонь** вызывала отвращение (ч. 1, гл. 12) // A **smell of bad fish** seeped into the cell, more sickening even than the all-pervading smell of **mildew, slop pails, and excrement** (p. 56).

Переводчик довольно точно транслирует запахи и использует переводческую трансформацию – генерализацию (*запах тухловатой вареной рыбы* – *smell of bad fish* (букв. запах испорченной рыбы)).

Зловоние распространено всюду. Слово *зловоние* приобретает двойной смысл – прямой и переносный, окказиональный “плохая атмосфера, ужасное место”. Ср.:

(24) Зловоние парши смешивается с парфюмерными запахами, струящимися от надзирателя. Их обязательно душат здесь, чтобы **компенсировать** то **зловоние**, в котором они работают (ч. 1, гл. 40) // The door is flung open, and the foul smell from the bucket mingles with the warders' scent-under the regulations **they are issued perfume to help them bear the stench** (p. 233).

Можно наблюдать, что запахи различных миров и представителей различных миров тоже противопоставляются. Объект, попадающий в тюремное (негативное с точки зрения запаха) пространство из иного, сразу выделяется, встраивается в ольфакторную парадигму, но уже с иной окраской – положительной (ср. повторяющиеся слова *благоуханный, благоухать*):

(25) Она [малина] **благоухала** (ч. 1, гл. 24) // The raspberries were <...> so fragrant (p. 140);

(26) И Марья Сергеевна <...> отдавала владелице горячий кусок, **благоухающий священным запахом печеного хлеба** (ч. 2, гл. 7) // She briskly did so on an improvised iron spit and returned the **warm, fragrant morsel** to its owner (букв. теплый, ароматный кусок) (p. 398);

(27) Над **вонючей** камерой **плывут благоуханные слова** (гл. 20, с. 81) // **Sweet memories floated on the stinking air** (p. 105).

Как показывают примеры, в переводе запахи как маркеры разных миров переданы точно, но использованы приемы замены и трансформации. Так, в примере (26) опущение в переводе лексемы *священный*, на наш взгляд, снижает эмоциональность восприятия, снимается сакральность запаха: объект из разряда вожделенных становится просто вещью с определенными признаками. Замена наблюдается в контексте (27), где метафора сохраняется, но одорический образ трансформируется во вкусовой; лексема *слова* заменяется *воспоминаниями*. Мы видим двойную метафоризацию: с одной стороны, запах уподобляется воде (частотная метафора в тексте), с другой – запахом наделяются не способные пахнуть

объекты (*слова / memories*). Иначе говоря, запахи в тексте представлены и реальными, и ирреальными.

В целом использование лексем обонятельной группы в переносном смысле применительно к результатам речемыслительной деятельности не единичны. Положительно оцениваемые слова *благоухают*, негативные же оказываются *с душком*, т. е. неблагонадежны, вызывают осуждение. Ср.:

(28) <...> от этой вашей шуточки **не отдает троцкистским душком?** Разве не взята она из **гнилого** арсенала троцкистского оружия? (ч. 1, гл. 14) // <...> doesn't it seem even to you that your **little joke has a whiff of Trotskyism about it?** Doesn't it come straight out of the Trotskyist arsenal? (p. 69).

Переводчик в данном случае следует за автором, но снижает запаховую нагрузку, опуская выражение *гнилой арсенал*.

Иными словами, есть пространства вонючие, грязные, а есть такие, где запахи человеческие, ассоциирующиеся с домом, с нормальной жизнью. Если в оригинале это просто запах человеческого жилища, то в переводе часто мы видим уже конкретно *домашний запах*. Запах продуктов становится другим, номинируется различными лексемами с точки зрения оценочности (не *рыбы*, а *рыбешки*, например). Запах нормального жилища связан с едой; запах же «неприятного» дома всегда несъедобен.

(29) В тех бараках – **запах человеческого жилья от варящейся на железных печках рыбешки, раздобытой за зоной** (ч. 2, гл. 5) // These huts **had a homely smell: tiny fish obtained from outside the camp were generally frying on the stove** (p. 368).

В переводе “запах человеческого жилья” (авторское обобщение, инвариант) превращается в “домашний запах” (что-то сугубо личное, для каждого своё).

2. Запах может быть актуализатором модуса воспоминания.

Запах в тексте связывается с детством, домом, прошлой жизнью. Он ассоциируется со сладостью, чистотой, растительностью.

(30) <...> мы спрыгиваем прямо на темно-желтый сыроватый песок, который **сладко пахнет детством** (ч. 1, гл. 32) // There was no platform and we jumped straight out onto the damp, dark-yellow sand **smelling sweetly of childhood** (p. 191);

(31) От подушки моей новой знакомой **пахнет чем-то забытым – чистотой, давнишними духами** (ч. 1, гл. 25) // The pillow **smelled of something I had forgotten too – cleanliness, a trace of scent** (p. 147).

Иногда воспоминания находятся в плоскости сна, тогда запах становится синкретичным с видением, звуком.

(32) Сплю и **вижу** во сне **запах** моря и пустынную дорогу. Только **стоны и крики** возвращали меня к реальности. Крики, как ни странно, были радостные. Это вчерашние **слепцы** радостно **вопили «Вижу!»** (ч. 2, гл. 3) // I felt as if I were asleep and seeing **this empty road that smelled of the sea** in a dream. Only my companions' shouts and groans brought me back to real life. The shouts, oddly enough, were of joy: **those who had been blind** the night before were crying out: “**I can see!**” (p. 331).

В переводе синкретизм звука и запаха трансформируется.

Таким образом, аудиальное и обонятельное восприятие становятся ведущими модусами перцепции в тексте. С их помощью маркируются пространство, люди, физическое состояние и пр. Звуки и запахи становятся важнейшими элементами структуры текста, позволяющими усилить эмоциональное напряжение; разграничить мир своих и чужих, прошлое и настоящее; выступить знаками перемен. В условиях замкнутого пространства, неустроенности и однообразия быта аудиальное и обонятельное восприятие обостряется, подчас становясь единственным источником информации, связующим звеном между героиней и миром. С другой стороны, отсутствие разнообразных внешних раздражителей позволяет героине вести большую внутреннюю работу и тем самым раскрыть внутренний творческий потенциал (она вспоминает художественные произведения и цитирует их целиком, рефлексировать над собственной судьбой и судьбой страны).

Переводчики довольно точно следуют за автором, передавая картину, которая создается из образов, базирующихся на восприятии и интерпретации звуков и запахов героиней. Однако в переводе оказались потеряны или свернуты важные авторские метафоры (музыкальная, зооморфная, метафора стихии). Особую сложность представляет передача синкретичных (аудиально-обонятельных и визуально-аудиальных) образов. Замена одних звуков и запахов другими, на наш взгляд, может быть оправдана обращением переводчика к привычным для англоязычного читателя образам (например, *звенящие трамваи*) при описании обычного быта людей, но не позволяет создать полную перцептивную картину лагерной жизни. Это может быть связано с отсутствием аналога в картине мира читателя, к которому мог бы апеллировать переводчик (к примеру, *железные звуки камеры, грохот и звон тюремных решеток, вьедливый запах баланды, вонь протухшей рыбы, священный запах печеного хлеба, благоуханная малина* и др.)

Дальнейшее исследование может быть направлено на изучение иных модусов перцепции в тексте, а также сопоставление систем восприятия, представленных в произведениях иных авторов лагерной прозы.

Список литературы

- Атаманова Н. В. Лексика восприятия в поэтическом идиолекте А. К. Толстого // Вестник Брян. гос. ун-та. 2017. № 3 (33). С. 183–192.
- Арнольд И. В. Стилистика декодирования: Курс лекций. Л., 1974. 76 с.
- Ван Линь. Роман Е. Гинзбург «Крутой маршрут» в контексте лагерной прозы // Успехи современной науки и образования. 2016. № 7, т. 2. С. 108–112.
- Кириллина Н. В. «И я всюду слышу звуки...»: функции перцептивной лексики слухового восприятия в языке поэзии А. А. Ахматовой // Вестник Моск. гос. обл. ун-та (электронный журнал). 2016. № 4. С. 1–9. URL: <https://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/772> (дата обращения 30.03.2020).
- Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых: Учеб. пособие. М.: ЧеРо, 1999. 134 с.
- Корычанкова С., Крюкова Л. Б., Олицкая Д. А. Перцептивная картина мира в поэтическом переводе (на материале русского и немецкого переводов стихотворения О. Бржезины «Взгляд смерти») // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 426. С. 39–46. DOI 10.17223/15617793/426/4

Кочетков П. Н. Лексика восприятия в русской поэзии конца XIX – начала XX века (на материале поэзии В. Я. Брюсова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 16 с.

Митюшова А. С. Конфликт интересов: Мемуары С. И. Аллилуевой и хроника Е. С. Гинзбург в оценке англоязычной критики 1967 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 8. С. 22–35.

Райzman М. И. Задержанная литература: Учеб. пособие. Магадан: Охотник, 2009. 108 с.

Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2015. Т. 4, № 2 (62). С. 169–174.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Филология три, 2002. 415 с.

Харитонова Е. В. Основные этапы рецепции русской лагерной прозы средствами английского языка // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 149–157.

Шаламов В. Т. О прозе // Шаламов В. Т. Собр. соч. В 4 т. / Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. Т. 4: Четвертая Вологда. Вишера: Антироман. Эссе; Письма. URL: <https://shalamov.ru/library/21/45.html> (дата обращения 30.03.2020).

Friedberg M. *Literary Translation in Russia: A Cultural History*. Penn State Press., 1997. 224 p.

Wilson E. A Doggish Translation (review of *The Poems of Hesiod: Theogony, Works and Days, and The Shield of Herakles*, translated from the Greek by Barry B. Powell. University of California Press, 184 pp.) // *The New York Review of Books*. 2018. Vol. 65, no. 1. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2018/01/18/hesiod-doggish-translation/> (дата обращения 17.12.2019).

Список источников

Гинзбург Е. С. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. М.: Сов. писатель, 1990. 608 с.

Ginzburg E. S. *Journey into the Whirlwind* / Transl. by P. Stevenson and M. Hayward. San Diego, New York, London: A Harvest Book, A Helen and Kurt Wolff Book, Harcourt, Inc., 1995. 418 p.

References

Arnol'd I. V. *Stilistika dekodirovaniya: Kurs lektsiy* [The Stylistics of decoding: The course of lectures]. Leningrad, 1974, 76 p.

Atamanova N. V. Leksika vospriyatiya v poeticheskom idiolekte A. K. Tolstogo [The vocabulary of perception in the poetic idiolect of A. K. Tolstoy]. *The Bryansk State University Herald*. 2017, no. 3 (33), pp. 183–192.

Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [The fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. Moscow, Filologiya tri, 2002, 415 p.

Friedberg M. *Literary Translation in Russia: A Cultural History*. Penn State Press, 1997, 224 p.

Kharitonova E.V. Osnovnye etapy retseptsii russkoy lagernoy prozy sredstvami angliyskogo yazyka [The main stages of the reception of Russian camp prose by means of English language]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2017, no. 5, pp. 149–157.

Kirillina N. V. “I ya vsyudu slyshu zvuki...”: funktsii pertseptivnoy leksiki slukhovogo vospriyatiya v yazyke poezii A. A. Akhmatovoy [“And I hear sounds everywhere...” functions of perceptual vocabulary of auditory perception in the language of A. A. Akhmatova’s poetry]. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2016, no. 4, pp. 1–9. URL: <https://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/772> (accessed: 30.03.2020).

Kochetkov P. N. *Leksika vospriyatiya v russkoy poezii kontsa 19 – nachala 20 veka (na materiale poezii V. Ya. Bryusova)* [The vocabulary of perception in Russian poetry of the late 19th - early 20th centuries (based on the poetry of V. Ya. Bryusov)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1992, 16 p.

Komissarov V. N. *Obshchaya teoriya perevoda. Problemy perevodovedeniya v osveshchenii zarubezhnykh uchenykh: Ucheb. posobie* [General theory of translation. Problems of translation studies in the coverage of foreign scientists: Textbook]. Moscow, CheRo, 1999, 134 p.

Korychankova S., Kryukova L. B., Olitskaya D. A. Pertseptivnaya kartina mira v poeticheskom perevode (na materiale russkogo i nemetskogo perevodov stikhotvoreniya O. Brzheziny “vzglyad smerti”) [The perceptual picture of the world in poetic translation (Russian and German translations of O. Brezina’s poem “The sight of death”)]. *Tomsk State University Journal*. 2018, no. 426, pp. 39–46. DOI 10.17223/15617793/426/4

Mityushova A. S. Konflikt interesov: Memuary S. I. Alliluevoy i khronika E. S. Ginzburg v otsenke angloyazychnoy kritiki 1967 g. [Conflict of Interests: Memoirs of S. I. Alliluyeva and Chronicle of E. S. Ginzburg in the assessment of English criticism of 1967]. *RSUH Bulletin. Series: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies.”* 2016, no. 8, pp. 22–35.

Rayzman M. I. *Zaderzhannaya literatura: Ucheb. posobie* [The delayed literature: Textbook]. Magadan, Okhotnik, 2009, 108 p.

Shalamov V. T. O proze [About prose]. In: Shalamov V. T. *Sobr. soch. V 4 t.* [Collected works in 4 vols]. I. Sirotinskaya (Comp.). Moscow, Khudozh. lit.; Vagrius, 1998, vol. 4: Chetvertaya Vologda. Vishera: Antiroman. Esse; Pis'ma [The Fourth Vologda. Vishera: Anti-Roman. Essays; Writings]. URL: <https://shalamov.ru/library/21/45.html> (accessed: 30.03.2020).

Starikova L. S. “Lagernaya proza” v kontekste russkoy literatury 20 veka: ponyatie, granitsy, spetsifika [“Camp prose” in the context of Russian literature of the 20th century: concept, boundaries, specificity]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015, no. 2 (62), vol. 4, pp. 169–174.

Van Lin’ Roman E. Ginzburg “Krutoy marshrut” v kontekste lagernoy prozy [The novel of E. Ginzburg “Krutoy marshrut” in the frame of camp prose]. *Success of Modern Science and Education*. 2016, no. 7, vol. 2, pp. 108–112.

Wilson E. A Doggish Translation (review of The Poems of Hesiod: Theogony, Works and Days, and The Shield of Herakles, translated from the Greek by Barry B. Powell. University of California Press, 184 pp.). In: *The New York Review of Books*. 2018, vol. 65, no. 1. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2018/01/18/hesiod-doggish-translation/> (accessed: 7.12.2019).

List of sources

Ginzburg E. S. *Journey into the Whirlwind*. Transl. by P. Stevenson and M. Hayward. San Diego, New York, London, A Harvest Book, A Helen and Kurt Wolff Book, Harcourt, Inc., 1995, 418 p.

Ginzburg E. S. *Krutoy marshrut. Khronika vremen kul'ta lichnosti* [Steep route. Chronicle of the cult of personality]. Moscow, Sov. pisatel', 1990, 608 p.

Сведения об авторах

Басалаева Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

lena.bas@mail.ru

ORCID 0000-0003-2830-0294

Носенко Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

nnossenko@mail.ru

ORCID 0000-0001-6366-8823

Information about the authors

Elena G. Basalaeva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Theory of Language and Intercultural Communication of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

lena.bas@mail.ru

ORCID 0000-0003-2830-0294

Natalia V. Nosenko – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Theory of Language and Intercultural Communication of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

nnossenko@mail.ru

ORCID 0000-0001-6366-8823

УДК 811.161.1'282.2(470.1) + 81:39 + 612.392.81
DOI 10.17223/18137083/73/21

Мясо в рационе севернорусских крестьян: этнолингвистический аспект

К. В. Осипова

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Реконструируется комплекс народных представлений, связанных с употреблением мяса на Русском Севере (Архангельская и Вологодская области, север Костромской области). Рассматриваются русская диалектная лексика, фольклорные тексты и народные верования: в научный оборот вводятся новые данные, собранные Топонимической экспедицией Уральского университета. Анализ лексики, ритуалов и народных легенд, связанных с забоем скота, позволяет реконструировать традицию севернорусских празднеств-жертвоприношений (ср. *свежинá*, *Свинáрное заговение*, *Свинобóй*). Проясняется мотивация некоторых наименований пищи, например, с обозначениями компонентом *царский* и *церковный*; анализируются прозвища, народная мотивация которых связана с употреблением мяса (волог. *телятники*, волог. *векшееды*, арх. *моржееды* и др.).

Ключевые слова

севернорусские говоры, семантика, мотивация, фольклор, мясная пища, этнолингвистика

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект № 17-18-01351)

Для цитирования

Осипова К. В. Мясо в рационе севернорусских крестьян: этнолингвистический аспект // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 308–321. DOI 10.17223/18137083/73/21

Meat in the diet of North Russian peasants: ethnolinguistic aspect

K. V. Osipova

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

The author reconstructs the complex of folk ideas connected with meat in the Russian North (Arkhangelsk and Vologda regions, north of the Kostroma region). The analysis involves Russian dialect vocabulary, folklore texts and folk beliefs. The new data collected by the Toponymic Expedition of the Ural University are introduced into scientific use. The methods of motivational analysis, semantic reconstruction, as well as semantic-motivational parallels between linguistic facts and data of non-linguistic forms of culture are applied. The study characterizes the attitude of the peasants towards the meat of different animals, slaughter rituals, methods of storing meat, features, important for meat products (raw – boiled, fresh – harvested for future use, clean – unclean, etc.), and food preferences of local social groups. The

© К. В. Осипова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

author concludes that meat served not only as food but also as a cultural and linguistic symbol. Analysis of the vocabulary, rituals, and folk legends associated with the slaughter of livestock allows reconstructing the tradition of the sacrifice festivals (*svezhiná*, *Svinárnoe zagovenie*, *Svinobóy*). The vocabulary associated with meat food reveals a difference in the meat ration of Russians and aborigines of the Russian North, who consumed raw meat, as well as not familiar to Russian reindeer meat, seal meat, and walrus. The paper clarifies the motivation of some lexemes, for example, the designations with component *tsarskiy* and *tserkovnyy*. Nicknames, the folk motivation of which is associated with the use of meat, are analyzed (volog. *telyatniki*, volog. *veksheedy*, arch. *morzheedy*, arch. *kostogryzy*, volog. *Samoed*, etc.).

Keywords

North Russian dialects, semantics, motivation, folklore, meat products, ethnolinguistics

Acknowledgments

The research is carried out within the project 17-18-01351 "North Russian vocabulary and Toponymy through Language Contacts and Genetic Ties"

For citation

Osipova K. V. Meat in the diet of North Russian peasants: ethnolinguistic aspect. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 308–321. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/21

Повседневный рацион крестьян зависел от совокупности природных, социально-экономических и культурных факторов. Жители Архангельской, Вологодской и Костромской областей, занимавшиеся земледелием и собирательством (ягоды, грибы, дикie растения), ели в основном растительную пищу. В районах, богатых водными источниками, к ней добавлялась рыба, на северных, более глухих, территориях в пищу шла добытая охотниками дичь. Однако мясо никогда не составляло основу питания – без него крестьяне относительно легко обходились в посты и весенне-летний период, когда скот резали лишь в исключительных случаях.

В силу того что мясная пища не входила в ежедневное меню крестьян-земледельцев, группа ее наименований не столь обширна, как, например, названия выпечки, блюд из круп или похлебок. Из-за своей относительной немногочисленности названия мясной пищи были обойдены должным исследовательским вниманием. Несмотря на редкость употребления мяса, его культурная значимость была довольно высока: христианские посты предполагали отказ от мясной пищи; предпочтения в употреблении мяса разных животных дифференцировали социальные и конфессиональные группы; блюда из мяса как дорогая и вкусная пища подавались на трапезах, приуроченных к годовым и семейным праздникам и пр. Все это определило потребность в лингвистическом и этнокультурном исследовании, которое выявило бы отраженные в названиях особенности приготовления и употребления мяса и мясных блюд и определило символические функции мясной пищи в фольклорных текстах и обрядовых практиках.

Мы постараемся воссоздать комплекс народных представлений, связанных с употреблением мяса на Русском Севере: охарактеризовать отношение крестьян к мясу разных видов животных, выделить пищевые предпочтения локальных групп, определить категориальные признаки, важные для мясной пищи (сырой – вареный, свежий – заготовленный впрок, чистый – нечистый и др.), и их культурную семантику. Что касается названий блюд из мяса и символических функций мяса в обрядах и верованиях, то они станут предметом дальнейшего исследования.

Основным источником языковых и этнокультурных сведений послужили Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ и Картотека Словаря го-

воров Русского Севера, а также ряд словарей, охватывающих территорию Архангельской, Вологодской областей и севера Костромской области. Помимо этого, мы опираемся на материалы этнографических изданий, посвященных культуре и быту севернорусских крестьян (см. [Воронина, 2004; ДКСБ, 1997; Ефименко, 1878; РК, 2007, т. 5; 2009, т. 7] и др.).

В соответствии с принципами «узкой» этнолингвистики, методика которой была разработана исследователями Уральской школы ономастики, этнолингвистики и этимологии (см. работы [Березович, 2014; Леонтьева, 2015] и др.), источником для реконструкции фрагментов архаических представлений являются в первую очередь языковые данные, рассмотренные в совокупности с фактами обрядов, верований и фольклора. Фрагменты представлений о предмете, явлении или действии могут быть заключены в семантике слова, его мотивационных связях, внутренней форме, системных отношениях, а также совокупности контекстных употреблений. Учитывая единство языка и культуры как хранителей архаических представлений, мы посчитали необходимым дополнить сугубо лингвистическое исследование данными духовной и материальной культуры. Именно такой синтетический подход позволяет наиболее объемно и полно представить культурно-языковую символику мяса в локальной севернорусской традиции.

Ограничения в употреблении мяса севернорусскими крестьянами были связаны с несколькими факторами. Во-первых, большая часть жителей Русского Севера занималась земледелием, а не скотоводством: крупный рогатый скот крестьяне держали в основном ради молока, которое не только употребляли в пищу сами, но и сдавали на маслозаводы (преимущественно в Вологодской обл.). В приморских и богатых реками и озерами регионах часть мясных блюд вытесняли блюда из рыбы, ловить которую было менее трудоемко, чем выращивать скот на мясо. Во-вторых, употребление мяса всегда зависело от сезона: мясо зарезанного поздней осенью скота удавалось сохранить до весны, а поздней весной, летом и ранней осенью мясо было большой редкостью. В-третьих, состав ежедневного рациона определяли церковные запреты на употребление мяса в посты и постные дни недели. Наконец, часть полученного мяса всегда приходилось сдавать: в советские годы крестьяне сдавали государству в качестве *мясналога* около 40–45 кг мяса с хозяйства (арх. вин., пин.) [СРНГ, т. 37, с. 412]. В XIX в. накануне крупных праздников хозяева обязательно относили мясо в церковь, чтобы приготовить общее блюдо (см., например, о варке мясных блюд к храмовым праздникам в Сольвычегодском уезде [РК, т. 5, ч. 3, с. 644]). Объем отданного церкви мяса достигал половины свиной туши: ее жертвовали «в благодарность за благополучие скота в прошедшем году и с целью умилишить Бога и предохранить свой скот от падежа в наступающем году. Не жертвовать в Новый год несколько свинины считается большим грехом» (сольвыч.) [Там же, с. 590]. В Анастасийн день (11 ноября / 29 октября) в церковь приносили сушеные бараньи лопатки – *анастасиевское мясо*, «чтобы овцы зимой больше плодились» (сольвыч.) [Там же].

Мясо, наряду с цельным молоком, рыбой и пшеничными пирогами, считалось «лакомством, которого приходится далеко не часто пробовать» (кадн., грязов.) [РК, т. 5, ч. 2, с. 36, 768]. Количество мяса в рационе сильно зависело от достатка семьи: «Богатые почитай весь год мясо едят, а у нужных и без ево обходятся» [Подвысоцкий, 1885, с. 103]. Мясо регулярно ели зажиточные крестьяне, а в бедных семьях оно появлялось на столе лишь по воскресеньям или в праздники осенне-зимнего периода (по свидетельствам из Вологодской обл., даже в эти дни на семью из 7–10 человек готовили чуть более килограмма мяса). На зиму семье хва-

тало одного поросенка или 2–3 овец, или годовалого теленка. В бедных семьях употребляли всего около пуда мяса в год, включая субпродукты (печень, легкое, горло, голову) [РК, т. 7, ч. 2, с. 314]. Летом мяса практически не ели: своих запасов к этому времени уже не оставалось, а деньги для его покупки были далеко не у каждой семьи.

Ритуалы забоя скота. Обыкновенно скот начинали резать во второй половине октября или в ноябре. В Костромской области это событие было привязано к Михайлову дню (8/21 ноября), когда устанавливались морозы: «До Михайловской зимы не будет, скотину после нее уж резали» (ЛКТЭ¹). В Архангельской области день, когда начинали резать скот, известен как *Свинáрное* или *Свино́е за́говенье* (котл.): «Свинарное отмечали, на Свиное заговенье свиней резали, колобы пекли» (КСГРС²); в Шенкурском районе время перед Рождественским постом называли *Свинобой* [Ефименко, 1878, с. 273].

Наряду с приготовлением хлеба, взбиванием масла, стиркой и т. п., ритуал забоя скота был одним из тех действий, которое по причине жизненной и обрядовой значимости и опасности сглаза требовало осторожного и почтительного отношения со стороны хозяев и «очевидцев». Человека, режущего скот, следовало приветствовать благопожеланием, чтобы мяса было больше, чтобы оно было вкусным и не портилось, ср. волог. тот. *со свежиной!*: «Со свежиной, Анна! Ужо придем пробовать» [СВГ, т. 9, с. 101]; волог. ваш. *мясная гора!* [СГРС, т. 7, с. 395]; волог. ник. *мясо-сахар!*, волог. шир. распр., костром. *вохом.*, окт. *сахар-мясо!* (ответ хозяина: волог. тот. *Хапай горстью!*; костром. *вохом. Цапай горстью!*): «Мясо режешь – скажут: “Сахар-мясо!”, чтобы мясо было вкусным» (окт.) (КСГРС; ЛКТЭ); «Коуда большого скота режут, а кто подойдёт, скажет: “Сахар-мясо!”, чтобы больше мяса было» (сямж.) [СВГ, т. 9, с. 94]; костром. окт. *соль-мясо!*, *нож-мясо!* (ЛКТЭ); волог. в-уст. *мясо-репа*: «Когда режут поросёнка, Бог помошш подают, “Мясо-репа”, – говорят, чтобы не портилось мясо» (в-уст.) [СГРС, т. 7, с. 395]. В этих приветствиях мясо сопоставляется с солью, сахаром и репой: сахар выступает как эталон чистого, однородного, нежного вкуса (ср. *сахарный кусочек*), соль как консервант, препятствующий гниению, а репа как символ мягкости, сладости и сочности (см. о репе как постной параллели мясу в [Березович, Усачева, 2009, с. 425]).

Мясо только что забитого животного считали самым вкусным, его называли арх., волог. *свежа́тина*, *свежени́нка*, *свежѣ́ннá*, *свежѣ́нка*: «Свежинка-та дак ну жо и скусна́!» (уст.) [СВГ, т. 9, с. 101; СРНГ, вып. 36, с. 226; РК, т. 5, ч. 2, с. 444; УНС, с. 299]; волог. в-уст., кадн., тот. *убѣина*, *убѣинка* ‘мясо, говядина’: «Мы и по праздникам-то не все убоины едим. У них и по будням-то убоинку едят» [СОВН, с. 519]. Свежее мясо обозначалось как *сладкое*, в противопоставлении соленому или копченому, т. е. заготовленному впрок: «У меня сладкого нет – только копченое» (волог. чаг.) [СРГК, т. 6, с. 143]³. Ценность свежего мяса определялась не только его вкусовыми качествами, но и самой ситуацией забоя скота, которая ар-

¹ Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и межкультурных коммуникаций УрФУ, Екатеринбург).

² Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и межкультурных коммуникаций УрФУ, Екатеринбург).

³ Ср. также *сладкий* ‘свежий, пресный, несоленый, незаквашенный’: ворон., новг. *сладкое молоко* ‘свежее молоко’ [НОС, вып. 10, с. 84; СРНГ, вып. 38, с. 222], *свежая вода* ‘несоленая вода’ [СРГК, т. 1, с. 211].

хаически была связана с ритуалами жертвоприношения. Память об этом сохраняется, например, гнездо рус. диал. глагола *молить*, семантической доминантой которого является значение ‘умолять, просить, принося жертву’ [Петкевич, 2007]. Среди дериватов гл. *молить* в русских говорах можно выделить значения, в семантике которых сочетаются значения ‘просить’, ‘жертвовать’, ‘убивать, резать скот’, восходящие к древнему ‘закалывать скот к определенному празднику’ (обзор работ, посвященных этимологии гл. *молить*, и анализ семантики гнезда см. в [Петкевич, 2007]).

На Русском Севере рудименты ритуального жертвоприношения сохранились в практике устраивать коллективные празднества по случаю забоя скота, на которых всех пришедших угощали блюдом из мяса только что забитого животного, ср. костром. шар. «Приходите к нам на свеженину, свинью зарезали» (КСГРС). Жители Тотемского района Вологодской губ. отмечали праздник по случаю зарезанного поросенка под названием *свежинá*: «Мы зарезали поросенка, и вся деревня идет на свежину, вся деревня гуляла на свежине – кровь пекли, потроха в пече»; «Свежина – зарежут хоть поросенка, первое самое есть – суп варят: теплый, запаха приятной, а потом уж не будет»; «Поросенка зарежут – седни свежина! Пойдемте к нам на свежину. Зимой больше звали друг друга, на свежину» (КСГРС). Некоторые блюда готовились только после забоя скота, например, на *свежину* пекли кровь, варили блюда из потрохов, крепкий мясной бульон; в Костромской обл. готовили мясную *селянку*: «Вань, приходи к нам селянку есть, мы бычка закололи» (СКЗ ⁴, с. 348). Праздник по поводу забоя скота отмечался коллективно – на него приглашали не только близких родственников, но и односельчан. Возможно, коллективность празднеств «свежего мяса» восходит к архаической традиции деления добычи охотниками, о которой свидетельствуют антропологические исследования. Например, А. Павловская отмечает, что у северных народов «сохранялись и древние принципы разделения мяса между всеми жителями общины, утаить добытое мясо от соплеменников, даже в период голода, считалось большим грехом» [Павловская, 2015, с. 173]. По наблюдению Д. К. Зеленина, севернорусские братчины изначально были связаны с охотой и звероловством [Зеленин, 1928, с. 131].

В севернорусском народном календаре некоторые ритуальные празднования, сопровождаемые забоем скота, совместились с днями почитания святых. Например, жители Белозерского района Вологодской обл. в день Симеона Столпника (1/14 сентября) непременно резали барашка и делились с тем, кто придет [ДКСБ, с. 349–350]. Обязательность приготовления мясного блюда к крупным христианским датам отразилась в особенностях семантического развития слова *канун*. В Вологодской области слово *кану́н* обозначало не только ‘день поминовения’ (волог., арх.), ‘местный праздник’ (арх. вин.), ‘обед перед престольным праздником’ (арх. в-т.) [СРНГ, вып. 13, с. 46], но и ‘мясное кушанье, которое готовилось крестьянской общиной в некоторые летние праздники’ (в-уст.) [Там же, с. 45]. Диалектная семантика стала следствием метонимической трансформации значения церковного термина *канун* ‘стол для поминальных свечей’ и общенар. *канун* ‘день перед праздником’ ⁵.

⁴ Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи (с эпицентром акающих говоров). Рукопись.

⁵ О севернорусских *канунах* – коллективных «пивных» празднествах подробнее см. в [Осипова, 2015].

О ритуальном употреблении мяса жертвенного животного напоминает записанная в Бабаевском районе Вологодской обл. легенда о ланях (телках), выходивших из леса в день Рождества Богородицы (8/21 сентября). Одну из них крестьяне отпускали, а другую закалывали и съедали: «В Пречистов день лани придут. Одну лань зарежут, наварят и всех угощали, а другая лань уходила в лес. И так каждый год. А один год обоих ланей зарезали, они и отстали ходить, никто их не видал»; «В Пречистов день, 21 сентября, за день две лани выходят, две коровы то есть. Одну колют, а другая скроется. Один раз обоих закололи и не вышли больше, всё. Мясом, суп варили, всех кормили»; «Раньше из лесу приходили три нетели накануне Пречистова дня. Одну резали, а двоих отпускали» (КСГРС). Легенда о жертвенном олене была описана еще Д. К. Зелениным в качестве ключевого «сюжета» севернорусских братчин: «На всем русском севере, где только сохранились остатки братчин, широко распространены местные сказания о том, как в старину в Ильин день (обычный здесь день скотоводческих братчин) прибежал из лесу к местной часовне олень, которого община заколала, варила и съедала. Каргопольский и соседние с ним уезды бывш. Олонецкой губ., Вельский и Кадниковский Вологодской губ., Белозерский уезд Новгородской губ., – вот места широкого распространения преданий о чудесном олене» [Зеленин, 1928, с. 131]. А. Б. Мороз, изучая типологию и происхождение легенды о чудесных оленях, которые приходят к людям и приносят себя в жертву, обнаруживает следы ее бытования у многих народов, в том числе болгар, греков, сербов и русских. В русской традиции она была характерна именно для территории Русского Севера – Карелии, Архангельской, Вологодской, Костромской обл. и Коми, где называлась *мольба, жертва, быкобой, завет* [Мороз, 2013, с. 212]. В Каргополье еще в 20-е гг. XX в. устраивали «совместные трапезы в Ильин день, но приносить в жертву быка и варить его у церкви, как это делали раньше, не разрешалось, дарили лишь овцу или барана причту» [Воронина, 2004]. В результате постепенного разрушения традиции олени, на которых велась охота, были заменены на жертвенного быка, а затем и на овцу, которую не резали и не варили прилюдно, но лишь дарили церкви. В целом культурные сюжеты о жертвенном животном предопределили отношение к свежему мясу как особо вкусному и чистому, которое употребляли коллективно и дарили святым-покровителям.

Виды мяса. В качестве родового наименования мяса любых домашних животных, а иногда и дичи на многих территориях Русского Севера использовалось сущ. *говядина*: «Всё говядина, овцы – всё равно говядина» (карг.) [АОС, вып. 9, с. 184; СГРС, т. 3, с. 60; РК, т. 5, ч. 2, с. 16]. Обозначения говядины, употребление которой было наиболее распространено, дифференцировали мясо коровы, быка или теленка, считавшееся самым вкусным, ср. арх. *скóтское мясо* ‘говядина’ [СРНГ, вып. 38, с. 120]; арх. вил. *корóвина* ‘говядина (не телятина)’ [СГРС, т. 6, с. 51], волог. кирил. *бычѣина* ‘мясо быка’ [СРГК, т. 1, с. 156]; костром. буй., парфен., солиг. *опóек* ‘мясо телёнка, которого поят молоком’ (СКЗ, с. 257). По легенде, уже с XVI в. жители Вологодского уезда носили прозвище *телятники* [СОВН, с. 62]. Бытовало несколько версий происхождения прозвища, в том числе и фольклорных: «воложане при встрече царя Иоанна IV поднесли на большом блюде зажаренного теленка с серебряными подковами. Царю не понравился подарок, и он велел воложанам тут же съесть. По другим преданиям, царь Иоанн IV велел наказать тех воложан, которые, по случаю дороговизны мяса, ели телятину» [СОВН, с. 62]. Этот исторический анекдот вполне мог опираться на реальный факт: Иван IV действительно бывал в Вологде, а во время опричнины излишняя

роскошь вологодских строителей, которые ели дорогое мясо, могла прийти к царю не по душе (эти и другие версии происхождения прозвища см. в [СКП, с. 319–320]). Кроме того, в прозвище *телятники* нашли отражение простота и глуповатость, которые приписывались жителям Вологодского края за то, что они «теленка с подковой съели» [СОВН, с. 62]. На «телячью» наивность вологжан намекало и прозвище *телята*: «Куда приедешь, сразу узнают, говорят про нас “вологодские телята”»; «Мы, вологодские, *простые, как мычание*» [СКП, с. 319], ср. костром. ветл. *телятина* ‘о глупом человеке’ [СРНГ, вып. 45, с. 19]⁶. Кроме того, действительная основа прозвища могла быть связана с приоритетным родом занятий крестьян Вологодской области, которые, особенно в ее юго-западных районах, специализировались на молочном скотоводстве, благодаря чему телята стали элементом их фольклорного образа.

Помимо мяса крупного рогатого скота, в пищу употребляли птицу, в основном дичь: арх. шенк. *птичина* ‘мясо птицы’ [СРНГ, вып. 33, с. 102], арх. лен., волог. баб., кадн., ник. *летятина* ‘дичь’, ‘кушанье из дичи’ (КСГРС, см. также: [СВГ, т. 4, с. 38; СРНГ, вып. 17, с. 27]). Мясо домашней птицы на Русском Севере ели гораздо реже, чем в центральных и южных областях России. Согласно народному объяснению, за любовь к мясу куропаток жителей с. Койда Мезенского района Архангельской обл. прозвали *куропы*: «Так как любит народ куропатей стрелять и ловить да суп варить, или еще, как у нас говорят, трескать» [СКП, с. 190]. В большом количестве ловили рябчиков, мясо которых называли волог. кир. *ряббинное мясо*, арх. пинеж. *рябово мясо* (КСГРС, см. также: [СРНГ, вып. 35, с. 334]) или *церковное мясо* (арх. леш.): «Потому церковно, что мягко, бело» (КСГРС), отмечая исключительные вкусовые качества. Вполне вероятно, что определение *церковный* лишь в современных диалектах стало восприниматься как оценочное, тогда как его изначальное употребление было связано с реальным культурно-историческим фактом. Крестьяне, которые проживали на землях многочисленных монастырей Русского Севера и занимались земледелием, охотой или рыбной ловлей, выплачивали монастырю денежный и/или натуральный оброк. В качестве последнего они отдавали часть выловленной рыбы, собранных грибов, ягод или пойманной дичи. Все продукты, сдаваемые в монастыри, были высшего сорта: белая или красная рыба, белые грибы или рыжики, из дичи – считавшееся самым вкусным мясо рябчика. Возможно, именно этот исторический факт отразился в выражении *церковное мясо* ‘рябчик’ и, например, в волог. шексн. *церковный гриб* ‘рыжик’: «Самый лучший на соленье – церковный гриб» (КСГРС).

Тем не менее на землях, не охваченных монастырскими податями, дичь, рыбу или грибы высокого качества крестьяне также редко употребляли сами, поскольку эти продукты были одним из основных источников дохода. Зимой из Архангельской области в Петербург отправляли обозы рябчиков, рыбы, соленых грибов («Плели таки кузова большие и возили в царски времена, ловили на сильышки» (пин.) (КАОС⁷)) и оленины (*олёны задки* мезенские торговцы ежегодно зимою отправляли в Москву и Петербург [Подвысоцкий, 1885, с. 109]). В столице архангельский рябчик ценился выше прочих, потому что был самым крупным и обладал особенно нежным мясом: блюда из рябчика называли арх. пин. *царская еда*

⁶ Мотив, оценивающий умственные способности вологжан, отразился и в прозвище *толоконники*, которое было дано за то, что жители Вологодчины по своей наивности якобы замешивали похлебку из толокна прямо в реке.

⁷ Картотека Архангельского областного словаря (МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка).

(КАОС), костром. окт. *царский обед* ‘суп из рябчика’ (ЛКТЭ). Пинежский район Архангельской области, где записано выражение *царская еда*, уже в XVIII в. считался главным поставщиком рябчиков в Петербург: именно на гербе Пинеги, утвержденном Екатериной II в 1780 г., было изображено два рябчика, наряду с золотой державой и серебряным мечом – символами Вологодского наместничества (и одновременно знаками *царской* власти). Определение *царский* употреблялось и по отношению к рыбе ценных пород, причем преимущественно в Онежском и Приморском районах Архангельской области, которые были ее значимыми поставщиками⁸, ср., арх. прим., волог. выт. *царская рыба* ‘форель’, волог. у-куб. ‘нельма’ (КСГРС); арх. пин. *царь* ‘хариус’, прим. *царская рыба* ‘семга’, ‘кумжа’, онеж. ‘форель’ (КАОС). Главным источником рыжиков, белых грибов и клюквы считались лесные Мезенский, Плесецкий и Лешуконский районы: именно здесь записаны названия мез. *царский гриб* ‘белый гриб’, ‘рыжик’, леш. *царская еда* ‘рыжик’, плес. *царский рыжик* ‘красный рыжик в противопоставлении синему’: «Царский рыжик – его возили царям», мез. *царская ягода* ‘клюква’ (КАОС), ср. волог. ник. *царская ягода* ‘морошка’ (КСГРС). Таким образом, названия мяса, грибов и рыбы с компонентом *царский* и *церковный* отразили не столько их вкусовые качества (хотя, конечно, царю и церкви полагались только лучшие продукты), сколько факт из торгово-экономической жизни Русского Севера. Определения *царский* / *церковный* использовались по отношению к тем видам продуктов, которые крестьяне отправляли на столичные базары или сдавали в качестве натурального оброка.

Помимо рябчиков, в пищу употребляли тетеревов, в Сольвычегодском уезде Архангельской обл. ловили и жарили клестов [РК, т. 5, ч. 3, с. 617]. Считалась вкусной зайчатина, которую ели даже чаще, чем мясо домашнего скота (гряз.) [Там же, ч. 2, с. 16]. По вкусу и пищевой ценности сопоставлялось мясо крупных диких животных – лося и медведя: «Лосятина, походнее <более ходовой товар>, чем медвежье мясо» (волог. нюкс.) [СРНГ, вып. 30, с. 357]; «Лосинно мясо грубо, из него хорошо котлеты делать. А медвежина мягче – легкое на желудке. А лосину покушал – грубо на желудке, тяжело» (арх. пин.) [АОС, вып. 13, с. 293].

«Нечистое» мясо. К категории «нечистых» мясных продуктов, которыми крестьяне брезговали, относилось мясо животного, умершего своей смертью⁹: например, не употреблялось *силовое мясо* – мясо птицы, попавшей в силос и задохнувшейся (арх. пин.) [СРНГ, вып. 37, с. 310]. Однозначно несъедобным признавалось мясо умершего или забитого по причине болезни животного – волог. сямж. *пропацѣтина*, волог. вож. *пропади́на*. Однако в голодные годы и такое мясо шло в пищу, несмотря на страх нарушения сложившихся этических норм и административных запретов: «В войну-то голодно было, пропадину или <...> витилинар скажет закопать мясо, а мы выроём и съедим» [СВГ, т. 8, с. 89]. Непригодным в пищу считался *ток* – мясо животного, убитого в брачный период (волог. выт.) [СРГК, т. 6, с. 469].

Брезговали мясом животных, имеющих нераздвоенное копыто, лапы, исключая зайца, который, по мнению крестьян, ест ту же пищу, что и человек (гряз.)

⁸ О «рыбной» специализации района свидетельствует изображение семги на гербе Онеги.

⁹ Одним из источников запрета на употребление «мертвого» мяса также является текст Ветхого Завета: «И всякий, кто будет есть мертвечину или растерзанное зверем, туземец или пришлец, должен вымыть одежды свои и омыться водою, и нечист будет до вечера, а потом будет чист» (Лев. 17: 15).

[РК, т. 5, ч. 2, с. 37]. Нечистыми считались собаки, кошки, мыши, крысы; вороны, галки, сороки, журавли, лебеди, гагары (вельск.) [Там же, ч. 1, с. 58]. Воробья и голубя не ели как священную птицу [Там же, ч. 2, с. 37]. Не принято было употреблять конину, которую, по мнению крестьян, ели только татары (вельск.) [Там же, ч. 1, с. 58], ср. арх. *жеребица, кобылятина* ‘мясо лошади, конина’: «Жеребицы какой, конины мне не нать!» [АОС, вып. 13, с. 334].

Мотив поедания мяса «нечистого» животного находим в верованиях и фольклоре. Согласно поверьям, в наказание за убийство животного, не употребляемого в пищу, «на том свете» человеку могли преподнести блюдо из его мяса: так, в Повенецком уезде Олонецкой губернии считалось, «кто убьет лягушку, тому подадут на том свете лягуший пирог» [СРНГ, вып. 17, с. 258]. В поморской сказке «Про Царь-жернова» старик со старухой хотели сварить суп из сороки, которая прилетела к ним клевать горох: «А старик со старухой ее поймали и хотели из нее *мясной суп сварить* (из сороки, говорят, очень вкусный суп получается). Тут сорока взмолилась человеческим голосом: “Отпустите меня поскорее, я вам Царь-горошину на хвосте принесу”» [Мосеев, 2005, с. 139]. Известно, что в славянской традиции сорока считалась нечистой и не пригодной в пищу [Гура, 2012, с. 125].

Пищевые привычки и предпочтения служили четким маркером социальной группы¹⁰. На Русском Севере известны прозвища, приписывающие употребление «нечистого» мяса локальным социальным группам. Так, жителей Никольского и Яренского уездов Вологодской губ. и Шенкурского уезда Архангельской обл. называли *векшеёды* за то, «что будто в один из голодных годов жители принуждены были есть мясо векш (белок)» [СРНГ, вып. 4, с. 105]. В действительности прозвище указывало на ловлю белок как основной род занятий населения этих территорий (белка даже была гербовым символом Яренского уезда). Характерны для Русского Севера «птичьи» прозвища, в народных толкованиях которых появлялся образ съеденной птицы. Так, жителей д. Жердь Мезенского района называли *кукушки*: «В ранешние времена сварили кукушку, вот и прозвали кукушками»; жителей г. Мезень и Лешуконского района Архангельской обл. – *вороны*: «Кто-то ворону съел» (мезен.), «В голодное время жители ели ворон. Кого-то одного застали за этим делом, а называть стали воронами всех» (леш.); *ворона*: «Старик у их вместо чухаря сварил ворону» (леш.) [СКП, с. 66]; жителей с. Дорогорское Мезенского района – *совы*: «Съели когда-то сову» (АКТЭ¹¹). Кажется неслучайным, что в основу прозвищ легли образы нечистых птиц, воспринимаемых как знаки чужой социальной группы. По всей видимости, территория Мезени, где бытовали «птичьи» прозвища, сохранила их как память о контактах с нерусским населением¹².

¹⁰ О прозвищах, образованных от глаголов с семантикой поедания, см. [Воронцова, Галинова, 2015].

¹¹ Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и межкультурных коммуникаций УрФУ, Екатеринбург).

¹² По наблюдениям Ю. Б. Воронцовой, «коллективные прозвища, образованные от названий животных или птиц <...> возможно, отражают традиции “тотемного” номинирования. Скопления этих двух номинативных типов коллективных прозвищ, по нашему мнению, являются показателями субстратных зон. Так, например, учитывая антропонимические данные, такие субстратные зоны могут быть выделены на севере Архангельской области (Лешуконский и Мезенский районы), где ярко проявляется “птичья модель” (ср.

Неоднозначно оценивалось мясо моржа и тюленя. Морское звероловство было распространено в Мезенском и Приморском районах Архангельской области, ср. записанные здесь прим. *белячье мясо* ‘мясо молодого тюленя’: «Ели мясо белячье» [АОС, вып. 1, с. 164], беломор. *моржовина* ‘мясо моржа’ [СРНГ, вып. 18, с. 263], помор. *равушка* ‘туша тюленя без шкуры’ [Кушков, 2011, с. 79]. Морской зверь добывался преимущественно ради жира и шкур, а мясо, имеющее специфический рыбный привкус, использовали в качестве корма животным на зверофермах или как приманку на лесной охоте: «Тюлень-от нелюцкой, нехорошой, мясо-то не едят» (пин.) [Сими́на, 1976, с. 69]; «Мясо тюлень не едят, оно рыбой отдаёт; катарки <передние лапы тюленей> – те едят» (прим.); «Катарки надо обрезать, на мясо песцам возят их» (мез.) [СГРС, т. 5, с. 96]. Однако в бедных семьях или в голодное время мясо тюленя шло в пищу: например, из тюленьих лап варили студень (прим.). По воспоминаниям архангельцев, в военные годы город выжил на жире и мясе тюленей, добытых поморами [Лисниченко В. В., Лисниченко Н. Б., 2007, с. 84]. Употребление мяса тюленей и моржей стало отличительной чертой поморов и основой коллективного прозвища жителей Архангельска *моржеёды* (арх., волог.) [СРНГ, вып. 18, с. 262].

Как показал анализ севернорусской диалектной лексики, фольклора, обрядов и ряда социально-исторических фактов, мясо служило не только пищей, но и культурно-языковым знаком. Его употребление указывало на социально-экономический статус семьи (мясо ели в зажиточных семьях, но практически не употребляли в бедных или заменяли на субпродукты). Мясо было маркером годовых периодов (ср. названия постов и мясоедов – *Свиное заговенье*, осеннего времени забоя скота – *Свинобой*). Особый семиотический статус имело мясо только что зарезанного животного, которое считали самым вкусным, употребляли коллективно и дарили святым-покровителям. Его высокий знаковый статус мог быть связан с архаическими охотничьими ритуалами распределения добычи и жертвоприношения. Блюда из мяса, изначальной живой пищи, связанной с категорией чистых – нечистых животных, наиболее ярко выявляют специфику рациона разных народностей и территорий. Помимо оппозиции «сырой – кулинарно обработанный (термически или путем соленья, заквашивания)», мясо делилось на «чистое» и «нечистое», которое брезговали есть (из субпродуктов это были срамные места, толстый кишечник, кровь; мясо «нечистых» птиц и животных). Употребление «нечистого» мяса отражено в некоторых фольклорных сюжетах и коллективных антропонимах (ср. «птичьи» прозвища, имеющие народную мотивацию «люди, которые съели “несъедобную” птицу»).

Список литературы

- Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
- Березович Е. Л., Усачева В. В. Репа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 424–427.
- Воронина Т. А. Пища и утварь // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. С. 367–424.

прозвища жителей соседних деревень в бассейне р. Мезень – *зелезени, тетеры, кукушки, совы, вороны, дрозды, крохали, петухи*)» [Воронцова, 2002, с. 129–130].

Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002.

Воронцова Ю. Б., Галинова Н. В. К изучению мотивации композитов, образованных от глаголов с семантикой поедания (на материале русской лексики и антропонимии) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы III Международ. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 65–68.

Гура А. В. Сорока // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 125–128.

Зеленин Д. К. Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского... Л.: Академия наук, 1928. С. 130–136.

Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 427 с.

Лисниченко В. В., Лисниченко Н. Б. Экология помора. Архангельск: Правда Севера, 2007. 96 с.

Мороз А. Б. Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 212–233.

Осипова К. В. Коллективные трапезы как воплощение ценностей крестьянского общежития (на материале диалектной лексики Русского Севера) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 187–202.

Павловская А. Кухня первобытного человека. Как еда сделала человека разумным. М.: Ломоносовъ, 2015. 304 с.

Петкевич А. В. Жертвоприношение и ритуальная речь (на материале дериватов **modl-* в русском языке) // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [под ред. М. Э. Рут]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 6. С. 62–82.

Список источников

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980–2018–. Вып. 1–.

ДКСБ – Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. Б. Островский и др. М.: ИЭА РАН, 1997. 432 с.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. Ч. 2: Народная словесность. 276 с.

Кушков Н. Поморский говор: пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга, 2011. 166 с.

Мосеев И. И. Поморська говоря: Краткий словарь Поморского края. Архангельск, 2005. 138 с.

НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. 198 с.

РК – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. 623 с.; Ч. 2: Грязовецкий и Кадни-

ковский уезды. 839 с.; Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. 683 с.; 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. 503 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: В 12 т. / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

Сими́на Г. Я. Пинежский говор: Материалы по русской диалектологии / Мин-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калининград: Изд-во КГУ, 1976. 172 с.

СКП – Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2011. 448 с.

СОВН – Словарь областного вологодского наречия. По рукоп. П. А. Дилакторского 1902 г. Репр. СПб.: Наука, 2006. 678 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

УНС – Устьянский народный словарь / Ред. А. А. Истомин, В. П. Мамонтов и др. Октябрьский: Устьян. краевед. музей, 2012. 496 с.

References

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: semantic-motivational reconstruction]. Moscow, Russian Foundation for Education and Science, 2014, 488 p.

Berezovich E. L., Usacheva V. V. Repa [Turnip]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, vol. 4, pp. 424–427.

Gura A. V. Soroka [Magpie]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012, vol. 5, pp. 125–128.

Leont'eva T. V. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii* [Models and spheres of representation of social and regulatory semantics in Russian language tradition]. Dr. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2015, 427 p.

Lisnichenko V. V., Lisnichenko N. B. *Ekologiya pomora* [Ecology of the Pomor]. Arkhangel'sk, Pravda Severa, 2007, 96 p.

Moroz A. B. Legenda o zhertvennom olene: geografiya, varianty, istochniki, paralleli [Legend of the sacrificial deer: geography, variants, sources, parallels]. In: *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th anniversary of academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik, 2013, pp. 212–233.

Osipova K. V. Kollektivnye trapezy kak voploshchenie tsennostey krest'yanskogo obshchezhitia (na materiale dialektnoy leksiki Russkogo Severa) [Collective meals as an embodiment of the values of the peasant hostel (on the material of the dialectal vocabulary of the Russian North)]. In: *Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture* [Category of evaluation and values system in language and culture]. S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik, 2015, pp. 187–202.

Pavlovskaya A. *Kukhnya pervobytnogo cheloveka. Kak eda sdelala cheloveka razumnym* [Kitchen of a primitive man. How food has made man intelligent]. Moscow, Lomonosov, 2015, 304 p.

Petkevich A. V. Zhertvoprinoshenie i ritual'naya rech' (na materiale derivatives "modl-" v russkom yazyke) [Sacrifice and ritual speech (on the material of derivatives "modl-" in Russian)]. In: *Onomastika i dialektnaya leksika: Sb. nauch. tr.* [Onomastics and dialectal vocabulary: Collection of sci. articles]. A. M. Gorky Ural State University; M. E. Rut (Ed.). Ekaterinburg, UrFU Publ., 2007, iss. 6, pp. 62–82.

Voronina T. A. Pishcha i utvar' [Food and utensils]. In: *Russkiy Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura. 12–20 veka* [Russian North: ethnic history and folk culture. The 12th–20th centuries]. Moscow, Nauka, 2004, pp. 367–424.

Vorontsova Yu. B., Galinova N. V. K izucheniyu motivatsii kompozitov, obrazovannykh ot glagolov s semantikoy poedaniya (na materiale russkoy leksiki i antropimii) [To the study of motivation of composites formed from verbs with eating semantics (on the material of Russian lexicon and anthroponymy)]. In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy 3 Mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Materials of the 3rd International Scientific Conf.]. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2015, pp. 65–68.

Vorontsova Yu. B. *Kollektivnye prozvizhcha v russkikh govorakh* [Collective nicknames in Russian Tales]. Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, UrFU, 2002.

Zelenin D. K. Drevnerusskaya bratchina kak obryadovyy prazdnik sbora urozhaya [Old Russian Bratchina as a ritual holiday of harvest]. In: *Sbornik statey v chest' akademika Aleksey Ivanovicha Sobolevskogo...* [Collection of articles in honor of Academician Alexei Ivanovich Sobolevsky...]. Leningrad, Akademiya nauk, 1928, pp. 130–136.

List of sources

Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. O. G. Getsova (Ed.). Moscow, MSU Publ., 1980–2018, iss. 1.

Dukhovnaya kul'tura Severnogo Belozera. Etnodialektnyy slovar' [Spiritual culture of Northern Belozero. Ethno-dialogical dictionary]. I. A. Morozov, I. S. Sleptsova, E. B. Ostrovskiy et al. (Eds.). Moscow, IEA RAN, 1997, 432 p.

Efimenko P. S. *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii* [Materials on ethnography of the Russian population of the Arkhangelsk province]. Moscow, S. P. Arkhipova i K^o Publ. H., 1878. Ch. 2: Narodnaya slovesnost' [Pt. 2: Folk literature], 276 p.

Kushkov N. *Pomorskiy govor: poslovitsy, pogovorki, priskazki, leksika* [Pomorsky accent: proverbs, sayings, sayings, vocabulary]. Varzuga, 2011, 166 p.

Moseev I. I. *Pomors'ka govorya: Kratkiy slovar' Pomorskogo kraya* [Pomorska saying: A brief dictionary of the Pomor region]. Arkhangel'sk, 2005, 138 p.

Novgorodskiy oblastnoy slovar' [Novgorod regional dictionary]. Novgorod, 1992–1995, iss. 1–12.

Podvysotskiy A. I. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg, 2nd Department of the Academy of Sciences, 1885, 198 p.

Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nравy: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva [Russian peasants. Life. Genesis. Mores: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. St. Petersburg, Delovaya poligrafiya, 2007,

vol. 5: Vologodskaya guberniya [Vologda province]. Pt. 1: Vel'skiy i Vologodskiy uezdy [Velsk and Vologda uyezds], 623 p.; Pt. 2: Gryazovetskiy i Kadnikovskiy uezdy [Griazovets and Kadnikovskiy uyezds], 839 p.; Pt. 3: Nikol'skiy i Sol'vychevodskiy uezdy [Nikolsk and Solvychevodsk uyezds], 683 p.; 2009, vol. 7: Novgorodskaya guberniya [Novgorod province]. Pt. 2: Cherepovetskiy uезд [Cherepovets uезд], 503 p.

Simina G. Ya. *Pinezhskiy govor: Materialy po russkoy dialektologii* [Pinezhsky dialect: Materials on Russian dialectology]. Ministry of Higher and Secondary Special Education of the RSFSR. Kaliningrad, KSU Publ., 1976, 172 p.

Slovar' govorov Russkogo Severa [Dictionary of Russian North dialects]. A. K. Matveev (Ed.). Ekaterinburg, UrFU Publ., 2001, vol. 1.

Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukop. P. A. Dilaktorskogo 1902 g. Repr. [Dictionary of regional Vologda dialect. Based on the manuscript of P. A. Dilaktorsky, 1902 Repr.]. St. Petersburg, Nauka, 2006, 678 p.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: V 6 t. [Dictionary of Russian dialects of Karelia and Neighboring areas: In 6 vols]. A. S. Gerd (Ed. in Ch.). St. Petersburg, SPbSU Publ., 1994–2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov (Eds). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965, iss. 1.

Slovar' vologodskikh govorov: V 12 t. [Dictionary of Vologda dialects: In 12 vols]. T. G. Panikarovskaya (Ed.). Vologda, VSPI/VSPU Publ., 1983–2007.

Ust'yanskiy narodnyy slovar' [Ustian folk dictionary]. A. A. Istomin, V. P. Mamontov i dr. (Eds). Oktyabr'skiy, Ust'yan. kraeved. muzey, 2012, 496 p.

Vorontsova Yu. B. *Slovar' kollektivnykh prozvishch* [Dictionary of collective nicknames]. Moscow, AST-PRESS-KNIGA, 2011, 448 p.

Сведения об авторе

Осипова Ксения Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

osipova.ks.v@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2285-6112

ResearcherID F-4554-2017

Scopus ID 57194388640

SPIN-код 9505-1715

Information about the author

Ksenia V. Osipova – Candidate of Philology, Senior Researcher at the Toponymic Laboratory, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

osipova.ks.v@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2285-6112

ResearcherID F-4554-2017

Scopus ID 57194388640

SPIN-код 9505-1715

УДК 81'35
DOI 10.17223/18137083/73/22

**Вопросы нормализации правописания двойных согласных
в заимствованных словах в проектах усовершенствования
и стандартизации русской орфографии 1930–1956 годов**

С. В. Науменко

*Канский педагогический колледж
Канск, Россия*

Аннотация

Рассматривается один из традиционно сложных и не в полной мере урегулированных вопросов нашей орфографии – правописание двойных согласных в заимствованных словах. Уточняются особенности их регламентации в целом ряде нормативных источников XVIII–XX вв., а также взгляды лингвистов на возможные причины их вариативных написаний и предложения по устранению разнобоя, характерного для орфографической практики как до, так и после реформы правописания 1917–1918 гг. Подробно анализируются материалы 11-ти проектов усовершенствования и стандартизации русского письма, созданные орфографическими комиссиями в период 1930–1956 гг. Выявляется общность подходов, состоятельность и целесообразность нормативных установок, которые рассматриваются в контексте орфографической дискуссии 1964 г. и последующего обсуждения данного вопроса. Источниковой базой исследования, наряду с толковыми, орфографическими словарями и проектами правил, послужили неопубликованные архивные документы РАН.

Ключевые слова

орфография, заимствованные слова, двойные согласные, вариативность, проекты реформирования и усовершенствования орфографии периода после реформы правописания 1917–1918 гг.

Для цитирования

Науменко С. В. Вопросы нормализации правописания двойных согласных в заимствованных словах в проектах усовершенствования и стандартизации русской орфографии 1930–1956 годов // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 322–334. DOI 10.17223/18137083/73/22

**Double consonant spelling regulation in borrowed words
in Russian spelling improvement and standardization projects
of 1930–1956**

S. V. Naumenko

*Kansk Teachers' Training College
Kansk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with traditionally problematic and not fully settled issues of Russian spelling – the spelling of double consonants in borrowed words. The peculiarities of regula-

© С. В. Науменко, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

tion of the spelling concerned in the number of normative sources of the 18–20 centuries are specified. The author considers the views of some linguists on possible reasons for this variable writing and proposals for eliminating the diversity that is characteristic of spelling practice both before and after the 1917th – 1918th spelling reform. A detailed analysis is made of the materials of eleven projects of Russian spelling improvement and standardization, which were elaborated by spelling commissions in the period from 1930 to 1956. The paper provides a description of normative settings of the projects that differ in character and content: prescriptive, built in the form of a traditional spelling rule-explanation and the recommendation to the writer to refer directly to the dictionary. Common views on approaches, validity and expediency of normative principles considered in the context of spelling discussion of 1964 and the subsequent discussion of this issue are revealed. Consideration is given to the formulation of the double consonant spelling rule in loanwords in the complete academic reference book (2006), and examples of variable spelling from modern practice are provided. The source base of the research, along with explanatory, spelling dictionaries and draft rules, were unpublished archival documents of the Russian Academy of Science

Keywords

spelling, borrowed words, double consonants, variability, post reform projects of reforming and improvement of orthography in 1917–1918

For citation

Naumenko S. V. Double consonant spelling regulation in borrowed words in Russian spelling improvement and standardization projects of 1930–1956. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 322–334. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/22

Утверждению «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. предшествовала кропотливая работа специалистов в течение нескольких десятилетий над целым рядом проектов будущего орфографического Свода, где нашли отражение различные взгляды и подходы к нормированию множества групп спорных написаний, не урегулированных реформой правописания 1917–1918 гг.

Одну из таких объемных и сложно кодифицируемых групп в истории русского правописания традиционно представляют двойные согласные в заимствованных словах, колебания в которых находят отражение уже в первом толковом словаре русского языка – «Словаре Академии Российской» [1789–1794]¹: заглавное слово *Коммиссія* включает удвоение сразу двух групп согласных (*мм* и *сс*), но в иллюстрациях, как правило, представлены написания с одной группой удвоенных согласных (*мм*), например, *коммисія о строеніи дорогъ; исправить коммисію*²; *Коммисскій* – *коммискія дѣла*; *Коммисаръ* – *служить комисаромъ*; *Коммисаровъ* – *принадлежащій комисару*, *Коммисіонеръ* – в указателе слов к данному выпуску *Коммисіонеръ* (III, 762–764). Н. Греч в «Справочном месте русского слова» [1843], приводя примеры «преткновения в Русской грамоте для многих», особое внимание обращает на непоследовательность употребления двойных согласных, которая встречается в «новейших сочинениях писателей, занимающих последние места в нашей литературе»: *Ил(л)іада, адрес(с)ъ, гал(л)ерея* («правильно *галерея*, потому что во французском языке, из которого

¹ Ссылки на это издание приводятся в круглых скобках: римскими цифрами обозначен номер части, арабскими – страницы.

² «Большую частью пишут *коммиссія*, но первое из имеющихся тут удвоений в выговоре не слышится... позволительно писать также *комиссія* (при имени *миссія*), писать *коммисія* как водится у нас особенно в канцелярском быту, противно произношению» [Грот, 1894, с. 85].

взято это слово, оно пишется *galerie*»), *дил(л)ет(т)антъ* («должно *дилеттантъ*, потому что это слово происходит от итальянского *dilette*»), *драм(м)а, искус(с)тво, кар(р)икатура* («правильно *карикатура*, потому что это слово по-итальянски пишут *caricature*») *кор(р)идоръ, лит(т)ература, лот(т)ерея, процес(с)ъ, оф(ф)иціальный* [Греч, 1843, с. 1, 4, 25, 33, 55, 56, 79]. К концу XIX в. «Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева [1887] колебания двойных согласных в заимствованиях будет отмечать в числе наиболее частотных: *Филип(п)ъ, ам(м)униция, ат(т)рибутъ, ас(с)ес(с)оръ, дилет(т)антъ, кор(р)идоръ, кар(р)икатура, мил(л)іонъ, оф(ф)иціальный, пуд(д)ингъ, суб(б)ота, фор(р)ейторъ*. Я. К. Грот причину такого разнобоя видел в «неодинаковости понимания условий передачи иностранных слов в русском письме» [1876, с. 180].

В орфографических справочниках и толковых словарях периода после орфографической реформы 1917–1918 гг. также было «нельзя найти никакой системы» и единства³. Справочник для работников печати «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Б. Шапиро и М. И. Уарова [1933] рекомендует одиночную согласную там, где нет твердо установившегося написания, например: *акуратный, антенна, акомпанемент, атракцион, баласт, горила, калиграфия, перон, сурогат, оперета, теракота, целюлоза* и т. д. С другой стороны, Н. Н. Филиппов, составитель «Технико-орфографического словаря-справочника» [1933], наоборот, учитывал исконное заимствований и для спорных написаний последовательно сохранял удвоенные согласные: *аккорд, аксессуар, аллегория, апелляция, эффект, баррикада, балласт, гориллы, индифферентный, либретто, оттоманка, перрон, теракота*.

В «Словаре иностранных слов» под редакцией Т. М. Капельзона [1933] государственного словарного издательства «двойные согласные заменяются одинарной согласной», кроме позиции «интервокальности при ударении на первой гласной и в производных от таких слов»: *апарат, атестат, балада, бассейн, бюлетень, коллектив, крос, компромис, коммунизм, клас, оккупация, оппозиция, параллель, территория, регрес, симметрия, но касса и кассир, профессия и профессиональной*. Такой «самый простой по своей формулировке и по содержанию самый левый ответ» вызвал возмущение издательских работников и педагогов, поэтому словарь был поспешно «изъят из обращения» [Обнорский, 1934, с. 463; Николаевский, 1937].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [1934–1940] вариативность согласных в заимствованных словах оказывается одной из самых масштабных в послереформенных источниках (более 200 единиц; вариативный согласный, как правило, представлен в предупредительной позиции): *аг(г)регат, ак(к)уратный, аксес(с)уар, ап(п)етит, ап(п)ендицит, ап(п)ликация, аф(ф)ект, бар(р)икада, берилл(л), грам(м)офон, диф(ф)узия, ком(м)ентировать, кристалл(л) мол(л)юск, попу(р)и, рес(с)урс* и т. д. При этом примеры внутри словарной статьи, а также орфография производных всегда иллюстрируют только один из возможных вариантов написания слова, тем самым указывая читателю на его предпочтительный (нормативный) характер. В большинстве вариативных написаний таковым в словаре осознается вариант с двойной согласной:

³ Докладная записка кафедры русского языка МГПИ Завнаркому просвещения т. Мальцеву // АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 9.

Ак(к)орд, а, м. [ит. *accordo*] (муз.). Соединение нескольких (не менее трех) одновременно звучащих звуков, образующих гармоническое музыкальное сочетание. *Взять несколько аккордов на рояле. Заключительный аккорд* (книжн.). – перен. заключительное действие, конец. *Крах предприятия был заключительным аккордом бесхозяйственной деятельности акционеров* (I, 21);

Ком(м)ентировать, рую, руешь, сов. и несов., кого-что [от латин. *commento* – объясняю] (книжн.). Дать (давать) **комментарий** к чему-н., толковать, объяснять. *К. Маркса* (I, 1422);

Стел(л)аж, -а, м. [нем. *Stellage*]. 1. Ряд полок в несколько ярусов (спец.). *В библиотеках книги лежат на стеллажах. Стеллажи для сушки кирпича, торфа.* 2. Приспособление для хранения чего-н. в стоячем положении (спец.). *Поставить весла в стеллажи.* 3. В зданиях, строительных лесах: балка, расположенная на двух опорах (архит., плотн.) (IV, 506).

Подобные примеры разноречия и «колебаний» в написании двойных согласных «можно приводить без конца», поэтому разработчики послереформенных проектов усовершенствования и стандартизации орфографии не имели в качестве ориентира ни относительно устойчивой практики написания двойных / одиночных согласных для большого корпуса заимствований, ни твердой традиции их регламентации в нормативных изданиях [Орфографический справочник, 1936, с. 61]. Невозможно было «даже установить самого общего принципа – держаться транскрипции, т. е. писать применительно к иностранному произношению, или транслитерации, т. е. писать согласно иностранному написанию» [Там же, с. 59].

Рассмотрим подходы к нормированию употребления двойных согласных в заимствованиях в послереформенных проектах в хронологическом порядке. «Проект реформы правописания» 1930 г., разработанный первой послереформенной орфографической комиссией 1929 г., относил вопрос о передаче на письме иностранных слов к числу «особенно не урегулированных никакими правилами», так как они «каждый раз передаются по-своему» [Проект, 1930, с. 37]. Существующие словари и справочники не могут предложить «строго установленное написание», поскольку нет никаких единых и «ясных критериев», что приводит к масштабной «пестроты» и «путаницы» в написании двойных согласных [Там же]. Для разрешения всех спорных случаев теперь и в перспективе Проект предлагает полностью отказаться от удвоения согласных (пункт 5): *искуство, класовый, комунист, комисия, опозиция*⁴. Такое «радикальное предложение», как полагают разработчики проекта, отражает «общее направление эволюции правописания иностранных слов в русском письме – по мере обрусения иностранного слова мы перестаем произносить двойную согласную (точнее, долгую согласную). Такова история произношения и правописания слов *литература, атака, адрес*... предлагаемое правило устранил колебания теперь и в будущем» [Там же, с. 16–17]. Реформаторы, стремясь к «возможно большему упрощению», считали возможным идти «да-

⁴ В. М. Жирмунский считал целесообразным, чтобы упорядочение согласных в заимствованиях «пошло по пути устранения двойных букв... нет необходимости воспроизводить в русском языке, который – не латинский и не греческий – орфографические особенности иностранных слов, особенности их этимологии. Ведь это все-таки очень затрудняет... Чего тут приводить примеры? Во время перерыва на эту тему был у нас разговор. Действительно, возьмите такое слово, как *катарр*, вряд ли кто-либо из пишущих может объяснить, почему здесь пишется двойное *-pp-*, даже специалисты не смогут объяснить необходимость такого правописания» (Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 77).

же на явное расхождение с произношением» и в тех случаях, где пока «упорно» произносится долгий согласный, но которые «придется писать по правилу с одной согласной»: *Ана, вана, група, каса, сума, маса, тона* [Проект, 1930, с. 16–17]. По мнению Н. Н. Дурново, не поддержавшего это решение орфографической комиссии, недопустимо «для облегчения пишущего не отмечать на письме те различия, какие существуют в живом языке. Писать *Ана, вана* – значит не считаться с живым языком. Необходимо в данном случае точно установить, в каких случаях русский живой язык действительно допускает долгие согласные и в каких случаях написание с удвоенными согласными является только графическим» [Дурново, 1930, с. 114].

Постепенно вектор усилий специалистов смещается с реформирования правописания на выработку рекомендаций по его упорядочению, в том числе в части непоследовательных и спорных написаний двойных согласных в заимствованных словах. В академическом «Орфографическом справочнике» 1936 г., созданном орфографической комиссией АН РСФСР 1933 г. под руководством А. С. Орлова, краткий раздел «О правописании иностранных слов» предваряет замечание, что «единства в существующей традиции нет», соответственно «при регулировке написаний иностранных слов невозможно провести никакого единого принципа, если не переходить от упорядочения правописания к его реформированию» [Орфографический справочник, 1936, с. 59]. Если, например, отказаться от двойных согласных, то «придется писать не только *алегрето, алюр, Ана, Аполон, вана, гамма, гибон, граммы, каса, маса, профессор*, но и *аклиматизация, акомодация, акомпанировать, акредитив, акумулятор*» и т. д. С другой стороны, если «восстановить везде двойные согласные в соответствии с происхождением», то придется писать *адресс, аффишиа, арранжировка, аррест, баттарея, каммергер, канцеллярия* [Там же]. Рекомендации справочника ограничиваются общим пожеланием не стремиться к сокращению двойных согласных, отражающих интернациональные элементы в русском языке, как и к восстановлению их там, где они уже утрачены.

В проектах Правил 1936, 1936 (2), 1939, 1939 (2), 1940, 1947, 1948, 1951 1955 и 1956 гг.⁵ представлены две разные по своему характеру и содержанию нормативные установки: предписывающая и отсылающая к словарю. Первая, построенная в виде традиционного орфографического правила-объяснения, учитывает этимологические, грамматические, орфоэпические характеристики и отнесенность к той или иной тематической группе и является хронологически более ранней, тогда как вторая, рекомендуемая во всех случаях затруднений обращаться к орфографическому словарю, оказывается более поздней.

Проекты с правилом-предписанием (проекты Правил 1936, 1936 (2), 1939, 1939 (2), 1940, 1947 гг.). В качестве условия написания двойных согласных в преамбуле к правилу называются наличие таких согласных в орфографии языка-источника, «широкое интернациональное распространение» заимствования, «связь между двойным написанием согласной и грамматическим осмыслением», особая позиция, способствующую «длительному произношению» согласного [Правила, 1939 (2), с. 57].

Предлагаемая формулировка правила не имеет внутреннего единства, поскольку одна его часть учитывает только тематическую характеристику заимство-

⁵ Название проекта Правил соответствует году его издания (библиографическое описание представлено в списке литературы).

вания, в другой она дополняется этимологической, в третьей рассматривается морфемная структура слова в языке-источнике, в четвертой – уже независимо от языка-источника заимствования – анализируется позиция согласного по отношению к ударению, концу слова и т. д. При этом для каждого случая оговаривается возможность исключений, единичные примеры которых приводятся в списках открытого типа. Далее материал правила обобщает пункт об устанавливаемых в словарном порядке перечне слов, «не подходящих под вышеприведенные пункты, но с прочно установившейся традицией написания двойной согласной» с ограниченным списком примеров тоже открытого типа [Правила, 1947, с. 33]. Наконец, в проектах уточняется, что «вследствие затруднительности в применении изложенных... приходится вообще о написании иноязычных слов справляться в словаре» [Правила, 1936, с. 54]. Подобные ограничения ставят под сомнение саму необходимость сложного правила, поскольку любое заимствование может оказаться в числе возможных исключений, а основным инструментом регламентации выступает не орфографическое правило, а словарь, который и должен был установить полный список исключений и традиционных написаний.

Приведем примеры различных групп заимствований, представленных в проектах правил.

1. Слова-термины, заимствованные из греческого языка: *аллопатия, гиппопотам, граммафон, каллиграфия, коллодий, коралл, металл, симметрия*.

2. Латинские слова, в морфемной структуре которых выделяются префиксы: *аннулировать, ассоциация, дифференциация, иллюзия, имманентный, иррациональный, ирригация, коллизия, оппортунизм, оппозиция, суррогат, эффект*.

3. Слова, независимо от языка-источника, где согласный выступает в интервокальной заударной позиции (включая производные): *ванна, вилла, доллар, колонна, масса, миссия, пропеллер, профессия, сессия, сумма, тонна, труппа, шиллинг*. Явственное удвоение здесь звука отмечал в свое время Я. К. Грот, считавший, что «по преимуществу оно должно быть соблюдено и на письме, напр., в таких словах, как *манна, сумма, колонна, труппа, телеграмма, пресса, миссия, сессия*, а потому и в соединении с приставками как эти имена, так и составные части подобных им не могут терять своего удвоения: *комиссия, комиссар, колоннада, грамматика*» [Грот, 1899, с. 762]. Хотя известны и примеры «отказа от написания двойных согласных в положении между гласными, когда предшествующий гласный находится под ударением, несмотря на то, что в таком положении долгота согласного чаще сохраняется, например: *рапорт* (вм. *раппорт*), *кулиса* (вм. *кулисса*), *грамота* (вм. *граммота*)» [Шапиро, 1951, с. 107].

4. Слова, где согласный оказывается в заударной позиции в абсолютном конце слова (включая производные): *балл, грип, класс, конгресс, пресс, процесс, финн, шиллинг, эксцесс, элинг*.

5. Имена собственные (независимо от позиции согласного) и образованные от них производные: *Аввакум, Аполлон, Голландия, Пруссия, цеппелин, галлицизм*.

6. Названия народов (независимо от позиции согласного): *галл, пруссак, финн* (но *Финляндия*).

7. Слова из языков, например арабского, где удвоение согласной оказывается связанным с грамматическим значением: *аллах, муэzzин* (в проектах правил эта группа представлена единичными примерами).

8. Слова, не относящиеся к указанным группам, но традиционно пишущиеся с двойной согласной: *баррикада, беллетристика, кассация, миллион, миллиметр, пассив, территория, эссенция* и др.

Кроме того, в Правилах 1936 и 1940 гг. в отдельном параграфе «Двойные согласные в иноязычных словах не пишутся» рассматриваются случаи написания одиночной согласной тогда, когда в оригинальной орфографии представлена двойная⁶. Например, составители Правил 1936 г. включили в этот круг примеры, где согласный, как правило, оказывается в предударной позиции: *акуратный, апетит, артиллерия, асамблея, баласт, бассейн, бюлетень васал, тераса, территория, тролейбус, попури, ренесанс, ресора, тролейбус* (двойные согласные в современном написании. – С. Н.) и *атрибут*⁷, *атака, галерея, конкуренция, коридор, литера, оказия, ресурс, офицер, официальный, шофер* (открытый список)⁸ [Правила, 1936, с. 55–56].

С другой стороны, Правила 1940 г. обсуждают иные основания выбора одиночной согласной, в частности, уже имеющееся удвоение в заимствовании (*ассессор, беладонна, комиссия, терраса*, поэтому не *ассессор, белладонна, комиссия, терраса*) или положение перед согласной при сочетании приставки и корня (*аббревиатура, аклиматизация*, а не *аббревиатура, акклиматизация*)⁹. Таким образом, Правила 1940 г. для слов латинского происхождения рекомендовали на стыке префиксальной и корневой морфемы двойную согласную (*ассоциация, диссертация, дифференциация, суффикс*), а в остальных случаях – одиночную. При этом в число примеров с одиночной согласной на стыке указанных морфем вошло слово *атрибут* (а не *аттрибут*), также имеющее латинское происхождение – от латинского *attributum* [Правила, 1940].

Проекты с правилом словарного типа (проекты Правил 1948, 1951, 1955 и 1956 гг.). В этом случае правило состоит буквально из строчки-указания с отсылкой к словарю: «Написание двойных согласных в иноязычных словах определяется в словарном порядке, например: *ирригация, коррозия, кассация, эксцесс, эссенция*, но *афиша, литера, официальный, офорт, рапорт*» [Правила, 1948, с. 36]. Такая формулировка впервые была представлена в проекте правил 1948 г. и затем без изменений вошла в «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные в 1956 г. Она отталкивается от понимания того, что орфографическая традиция в части написания заимствованных слов столь неоднородна и противоречива, что не представляется возможным предложить последовательную и бес-

⁶ Ср.: «...в русском правописании явно наблюдается стремление к возможному сокращению написаний с двойными согласными в заимствованных словах. Это явление отражает давно уже совершающийся в устной речи процесс упрощения двойных согласных в корнях заимствованных слов – в первую очередь в тех случаях, когда двойным согласным предшествует неударяемый гласный, например, *литература* (вм. *литтература*), *официальный* (вм. *оффициальный*), *галерея* (вм. *галлерия*), *коридор* (вм. *корридор*), *батарея* (вм. *баттария*), *комиссия* (вм. *коммиссия*), *афиша* (вм. *аффиша*)» [Шапиро, 1951, с. 107]. Статистические данные о количестве утративших удвоение слов оказываются противоречивыми: по подсчетам Н. Ф. Гавронова [1964, с. 116], из 1 200 заимствований двойные согласные утратили 300, что составляет 25 %, тогда как, по данным М. У. Картюева, «слова, утратившие удвоение, составляют почти 50 % от слов, сохраняющих его» [1982, с. 18].

⁷ См.: [Правила, 1936; 1936 (2); 1939] – *атрибут*; [Правила, 1939 (2)] – *аттрибут*; [Правила, 1940 и след.] – *атрибут*.

⁸ Безусловно, позиция с предшествующим безударным гласным не является абсолютным фактором упрощения согласных, поскольку в открытом списке исключений к данному пункту Правила 1936 г. указывают *кассация, миллиметр, пассив, террор, эссенция* [Правила, 1956, с. 56].

⁹ Итальянское *abbreviature*, французское *acclimatisation*.

спорную аргументацию выбора одиночной или двойной согласной для уже существующих и будущих заимствований, оставаясь в рамках упорядочения.

Не случайно при обсуждении возможной тактики устранения разнобоя в написании двойных согласных Л. Б. Щерба заметил, что поскольку специалистам настоятельно было рекомендовано «не производить резкого переворота» в правописании и «остаться на тех же позициях, на которых сейчас, только несколько урегулирував их», то «нет необходимости придумывать какие-то правила... всё равно всё индивидуально, как свыклись, так и нужно писать, а эти правила никому не нужны... всё это разрешается в словарном порядке»¹⁰. Участники дискуссии обратили внимание на то, что правописание так «само часто не знало, как писать», что теперь невозможно дать более или менее универсальные рекомендации для этой части слов, поэтому всё должно «решаться словарем», в правиле следует указать: «двойная согласная пишется – перечислить много слов; одна согласная пишется в таких словах – привести примеры»¹¹.

А. М. Сухотин, наоборот, полагал, что для заимствований «правил в словарном порядке установить нельзя, так как они все время лежат на языке», активно пополняя русский язык, поэтому для пишущих обязательно «какие-то указания дать нужно»¹².

Практика применения «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и активное пополнение корпуса заимствований вскоре вновь обозначили перед специалистами вопрос о подходах к нормированию двойных согласных. Так, участники орфографической дискуссии 1964 г. отмечали, что «неоднородность и своеобразную индивидуальность графики каждого заимствования» не следует считать «ни общепринятой, ни практически целесообразной», поскольку отсылка к словарю – это «полная дезориентация пишущих» [Гавронов, 1964, с. 117]. В орфографических работах обсуждались возможные формулировки традиционного правила. Рекомендовалось, например, сохранение только двойных согласных *л, р, м, н, с* в корне двусложных слов женского рода после ударной гласной (*вилла, булла, сумма, гамма, лемма, клемма, тонна, ванна, манна, тонна, мирра, касса, масса, пресса, трасса*) или на стыке заимствованных префиксов *ил-, им-, контр-, ир-, кор-, сюр-, дис-, транс-, супер-* и самостоятельных заимствованных корней (*им-материализм, им-мобилизация, ир-радиация, кор-реляция, ил-легальный, сюр-реализм, дис-симуляция*) [Там же, с. 128]. Разработанные орфографической комиссией 1963 г. под руководством академика В. В. Виноградова «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» предусматривали частичную отмену двойных согласных: «В иноязычных словах двойные согласные не пишутся,

¹⁰ Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 163 об.; 185]. Ср.: «Если мы скажем, что надо руководствоваться словарем, то это будет как бы выходом, но не окончательным, потому что в словаре нельзя всего перечислить» (Д. Н. Ушаков) (Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 44); «Самое неприемлемое из предложений... это словарный порядок. Это то, чего мы не должны делать» (А. А. Реформатский) (Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 166).

¹¹ Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 180.

¹² Там же. Л. 180 об.

например, *иригация, коррозия, дисимилиция, асимилиция, тенис*¹³. Двойные согласные, как указано в Предложениях, «пишутся только в словах *ванна, сумма, гамма* (список слов уточняется)» [Предложения, 1964, с. 13]. В другом случае звучало отсылающее нас к «Проекту реформы правописания» (1930) требование передавать двойные согласные «с помощью одного русского согласного (за исключением случая явственного стыка морфем – *бургграф*)» [Суперанская, 1964, с. 98].

В следующем «Проекте изменений некоторых правил русского правописания», подготовленных орфографической комиссией 1973 г. под председательством академика В. И. Борковского, вопрос о порядке регламентации употребления согласных в заимствованиях словах уже не рассматривался¹⁴. Обновленный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» (2006, 2009) сохранил прежний словарный порядок нормирования, значительно увеличив приводимые списки слов с двойной и одиночной согласной: с пяти иллюстраций с двойной согласной в тексте «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. до 80-ти в справочнике, включая имена собственные [Правила, 2006, с. 109]. Такой подход «отражает не прихоть кодификатора, а объективные трудности. Сказывается первоначальная неупорядоченность написаний... Связано это отчасти и с отсутствием единого формального критерия классификации заимствований в соответствии с различиями в их написании» [Нечаева, 2009, с. 226].

Таким образом, послереформенные проекты усовершенствования и стандартизации орфографии 1930–1956 гг. обсуждали три возможных варианта нормализации правописания согласных в заимствованиях: радикальный отказ от двойных согласных без учета фактора произношения («Проект реформы орфографии», 1930), традиционное правило-предписание с разнохарактерным перечнем оснований (проекты Правил 1936, 1936 (2), 1939, 1939 (2), 1940 и 1947); словарный порядок (проекты Правил 1948, 1951 1955 и 1956). В дальнейшем вновь звучали требования либо отмены двойных согласных в том или ином объеме, либо создания общего правила-предписания в привычном формате.

Проблема кодификации согласных в заимствованиях остается по-прежнему актуальной, что подтверждают примеры устойчивых вариативных написаний уже в современном узусе, независимо от нормативных рекомендаций: *ак(к)аунт, лег(г)инсы, кил(л)ер, мес(с)едж, папарац(ц)и, рит(т)бергер, спел(л)ер, тол(л)инг, паз(з)л*¹⁵. С одной стороны, разнообразие языков-источников и определенные сложности в передаче звукобуквенного состава средствами графики нашего языка, а также весомый багаж традиционных написаний, с большим трудом или вовсе не поддающихся какой-либо классификации, отсутствие устойчивой традиции (*ап(п)елляция, аф(ф)ера, ак(к)ула, жираф(ф), бак(к)алавр, бут(т)ерброд, пуд(д)инг* и *ап(п)арат, ат(т)естат, бар(р)икада, ил(л)юзия, мол(л)юск, ком(м)ентарий, экзес(с)*) делает, как нам кажется, едва ли осуществимой регламентацию с помощью единого правила для старых и новых заимствований. С другой стороны, в условиях интенсивного пополнения корпуса заимствований и их частотно-

¹³ Ср. «В заимствованных словах не писать удвоенных согласных, если они не передают двойных фонем в составе слова: *суббота, процесс, параллельный, класс, оперетта, программа, колона* и т. д. (но: *гамма, ванна, гамм, ванн*); *програмка, колонка, класный...*» [Панов, 1963, с. 84]

¹⁴ Объяснительная записка к Проекту изменений некоторых правил русского правописания // АРАН. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 116. Л. 49–61.

¹⁵ Примеры И. В. Нечаевой [2011, с. 38].

сти в письменной коммуникации не совсем оправданной представляется и сложившаяся практика индивидуальной кодификации, требующая постоянного обращения к орфографическому словарю. В связи с этим специалистами высказывается нетривиальная идея временного допуска в установленных границах орфографической вариантности для новых заимствований в так называемый адаптационный период, конечно, нуждающаяся во внимательном обсуждении: «Оптимальным представляется решение отразить в кодифицирующих источниках вариативность заимствований – как показатель незавершенности процесса их освоения... Императивность кодификации должна эволюционировать в сторону большей толерантности» [Нечаева, 2009, с. 237].

Список литературы

- Гавронов Н. Ф.* К вопросу о правописании иноязычных слов с удвоенными согласными // Проблемы современного русского правописания. М.: Наука, 1964. С. 116–130.
- Греч Н. И.* Справочное место русского слова. СПб., 1843. 140 с.
- Грот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876. 461 с.
- Грот Я. К.* Русское правописание. СПб.: Имп. Академия наук, 1894. 159 с.
- Грот Я. К.* Филологические разыскания. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1899. 468 с.
- Дурново Н. Н.* К вопросу о реформе русского правописания // Русский язык в советской школе. 1930. № 3. С. 110–116.
- Картоев М. У.* Орфография заимствованных слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 20 с.
- Нечаева И. В.* Проблемы орфографической кодификации иноязычных заимствований // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М.: Азбуковник, 2009. С. 213–239.
- Нечаева И. В.* Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М.: Азбуковник, 2011. 168 с.
- Николаевский Н.* Об упорядочении орфографии // Учительская газета. 1937. № 23 (2289). 27 нояб.
- Обнорский С. П.* Русское правописание и язык в практике издательств // Изв. АН СССР. Отд-ние общественных наук. 1934. № 6. С. 455–483.
- Панов М. В.* Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 81–93.
- Суперанская А. В.* Написание заимствованных слов в современном русском языке // Проблемы современного правописания. М.: Наука, 1964. С. 69–100.

Список источников и словарей

- Орфографический справочник. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1936. 167 с.
- Правила, 1936 – Свод орфографических правил. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1936. 86 с.
- Правила, 1936 (2) – Свод орфографических правил (проект). 2-я ред. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1936. 84 с.
- Правила, 1939 – Свод орфографических и пунктуационных правил (проект). М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1939. 96 с.

- Правила, 1939 (2) – Правила единой орфографии и пунктуации (проект). М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 136 с.
- Правила, 1940 – Правила единой орфографии и пунктуации (проект). М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. 152 с.
- Правила, 1947 – Правила русской орфографии и пунктуации (проект). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 136 с.
- Правила, 1948 – Правила русской орфографии и пунктуации (проект). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 142 с.
- Правила, 1951 – Правила русской орфографии и пунктуации (проект). М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Правила, 1955 – Правила русской орфографии и пунктуации (проект). М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1955. 188 с.
- Правила, 1956 – Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 176 с.
- Правила, 2006 – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
- Предложения по усовершенствованию русской орфографии. М.: Наука, 1964.
- Проект реформы правописания. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 64 с.
- Разыграев В. И.* Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии. СПб., 1887. 117 с.
- Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб: Имп. Академия наук, 1789–1794.
- Словарь иностранных слов / Под ред. Т. М. Капельзона. М.: Совью энциклопедия, 1933.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1934–1940.
- Филиппов Н.* Техничко-орфографический словарь-справочник. Л.: Ленингр. обл. изд-во, 1933. 208 с.
- Шати́ро А. Б., Уаров М. И.* Орфография, пунктуация и техника корректуры. Справочник для работников печати. М.: Гизлегпром, 1933. 206 с.
- Шати́ро А. Б.* Русское правописание. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 200 с.

References

- Durnovo N. N. K voprosu o reforme russkogo pravopisaniya [On the question of the Russian spelling reform]. *Russkiy yazyk v sovetskoy shkole*. 1930, no. 3, pp. 110–116.
- Gavronov N. F. K voprosu o pravopisanii inoyazychnykh slov s udvoennymi soglasnymi [On the question of spelling of foreign words with double consonants]. In: *Problemy sovremennogo russkogo pravopisaniya* [Problems of modern Russian spelling]. Moscow, Nauka, 1964, pp. 116–130.
- Grech N. I. *Spravochnoe mesto russkogo slova* [The reference place of the Russian word]. St. Petersburg, 1843, 140 p.
- Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo do-nyne* [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to the present day]. St. Petersburg, 1876, 461 p.
- Grot Ya. K. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. St. Petersburg, Imp. Akademiya nauk, 1894, 159 p.
- Grot Ya. K. *Filologicheskie razyskaniya* [Philological research]. St. Petersburg, Tip. Ministerstva putey soobshcheniya, 1899, 468 p.

Kartoev M. U. *Orfografiya zaimstvovannykh slov* [Spelling of loanwords]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1982, 20 p.

Nechaeva I. V. Problemy orfograficheskoy kodifikatsii inoyazychnykh zaimstvovaniy [Problems of codification of the spelling of foreign loanwords]. In: *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoy orfografii* [Linguistic fundamentals of Russian spelling codification]. Moscow, Azbukovnik, 2009, pp. 213–239.

Nechaeva I. V. *Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy* [Relevant problems of spelling of foreign loanwords]. Moscow, Azbukovnik, 2011, 168 p.

Nikolaevskiy N. Ob uporyadochenii orfografii [About the regulation of spelling]. *Uchite'skaya gazeta*. 1937, no. 23 (2289), 27 November.

Obnorskiy S. P. Russkoe pravopisanie i yazyk v praktike izdatel'stv [Russian spelling and language in the practice of the publishing houses]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otd. obshchestvennykh nauk*. 1934, no. 6, pp. 455–483.

Panov M. V. Ob usovershenstvovaniy russkoy orfografii [About the improvement of the Russian spelling]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1963, no. 2, pp. 81–93.

Superanskaya A. V. Napisanie zaimstvovannykh slov v sovremennom russkom yazyke [Spelling of borrowed words in modern Russian language]. In: *Problemy sovremennogo russkogo pravopisaniya* [Problems of modern Russian spelling]. Moscow, Nauka, 1964, pp. 69–100.

List of sources and dictionaries

Filippov N. *Tekhniko-orfograficheskiy slovar'-spravochnik* [Technical and spelling dictionary-reference guide]. Leningrad. Leningrad regional publ., 1933, 208 p.

Orfograficheskiy spravochnik [Spelling reference guide]. Moscow. Gos. uch.-ped. izd., 1936, 167 p.

Pravila edinoy orfografii i punktuatsii (proekt) [Rules of unified spelling and punctuation (draft)]. Moscow. Gos. uch.-ped. izd. Narkomprosa RSFSR, 1939, 136 p.

Pravila edinoy orfografii i punktuatsii (proekt) [Rules of unified spelling and punctuation (draft)]. Moscow. Gos. uch.-ped. izd. Narkomprosa RSFSR, 1940, 152 p.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii (proekt) [Rules of Russian spelling and punctuation (draft)]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1947, 136 p.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii (proekt) [Rules of Russian spelling and punctuation (draft)]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1948, 142 p.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii (proekt) [Rules of Russian spelling and punctuation (draft)]. Moscow, AN SSSR, 1951.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii (proekt) [Rules of Russian spelling and punctuation (draft)]. Moscow. Gos. uch.-ped. izd. minist. prosv. RSFSR, 1955, 188 p.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Rules of Russian spelling and punctuation]. Moscow. Gos. uch.-ped. izd. Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1956, 176 p.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskii spravochnik [Rules of Russian spelling and punctuation. Entire academic reference guide]. V. V. Lopatin (Ed.). Moscow. Eksmo, 2006, 480 p.

Predlozheniya po usovershenstvovaniyu russkoy orfografii [Suggestions on improvement of the Russian spelling]. Moscow. Nauka, 1964.

Proekt reformy pravopisaniya [The project of spelling reform]. Moscow, Leningrad. Gos. izd., 1930, 64 p.

Razygraev V. I. *Spravochnyy ukazatel' spornykh napisaniy v russkoy orfografii* [Reference index of disputed spelling in Russian orthography]. St. Petersburg, 1887, 117 p.

Shapiro A. B. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. Moscow, AN SSSR, 1951, 200 p.

Shapiro A. B., Uarov M. I. *Orfografiya, punktuatsiya i tekhnika korrekturnykh pravopisaniy dlya rabotnikov pechati* [Spelling, punctuation and proofreading technique. Reference book for press workers]. Moscow, Gizlegprom, 1933, 206 p.

Svod orfograficheskikh pravil [Set of spelling rules]. Moscow. Gos. uch.-ped. izd., 1936, 86 p.

Svod orfograficheskikh pravil (proekt). 2-ya red [Set of spelling rules (draft). 2nd ed.]. Moscow. Gos. uch.-ped. izd., 1936, 84 p.

Svody orfograficheskikh i punktuatsionnykh pravil (proekt) [Sets of spelling and punctuation rules (draft)]. Moscow. Gos. uch.-ped. izd., 1939, 96 p.

Slovar' Akademii Rossiyskoy: V 6 ch. [Dictionary of the Russian Academy in 6 pts]. St. Petersburg, Imp. Akademiya nauk, 1789–1794.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. T. M. Kapel'zon. Moscow. Sov. entsikl., 1933.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1934–1940.

Сведения об авторах

Науменко Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе Канского педагогического колледжа (Канск, Россия)

rgbsvnaum@mail.ru

Information about the authors

Svetlana V. Naumenko – Candidate of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for scientific and methodical work at the Kansk Teachers' Training College, Doctoral Candidate at SibFU (Kansk, Russian Federation)

rgbsvnaum@mail.ru

Рецензии

УДК 821.161.1 «17//20»

DOI 10.17223/18137083/73/23

Рецензия на книгу:

Eliza Malek. Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa. 2019. 267 p.

Н. С. Гурьянова, Л. В. Титова

*Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В рецензии представлена монография известного польского специалиста по истории древнерусской литературы Элизы Малэк «Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов)» (Warszawa, 2019). Отмечена актуальность обращения к исследованию текста, написанного в Польше в XVI в., поскольку в монографии прослеживается не только бытование Легенды на Руси в XVII–XIX вв., но и охарактеризованы все известные издания XVIII–XXI вв. Особую научную ценность монографии придает публикация текстов, анализ которых осуществлен в монографии.

Ключевые слова

Польша, легенда, древнерусский перевод, текстология, издания текста

Для цитирования

Гурьянова Н. С., Титова Л. В. Рецензия на книгу: Eliza Malek. Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa, 2019. 267 p. // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 335–340. DOI 10.17223/18137083/73/23

A book review:

Eliza Malek. *Legenda ob astrologe Mustaedyne Kshishtofa Dzerzheka v drevnerusskom perevode i ee pozdneyshie obrabotki (issledovanie i izdanie tekstov)* [The legend about the astrologer Mustaeddin by Krzysztof Dzerzhek in the Old Russian translation and its later processing (research and publication of texts)]. Warszawa. 2019, 267 p.

N. S. Gurianova, L. V. Titova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The review considers the monograph of the famous Polish specialist in the history of Old Russian literature, Eliza Malek. The monograph is a study of the “The legend about the as-

© Н. С. Гурьянова, Л. В. Титова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

trologer Mustaeddin by Krzysztof Dzerzhak in the Old Russian translation and its later processing (research and publication of texts)”. The relevance of investigating the text written in Poland in the 16th century is highlighted. Not only does the monograph trace the existence of the Legend in Russia in the 17th – 19th centuries, but it also describes all known editions of the 18th – 21st centuries. Of particular interest are the texts of the Legend presented in the monograph, and no less valuable is the analysis that was carried out.

Keywords

Poland, legend, Old Russian translation, textology, text publications

For citation

Gurianova N. S., Titova L. V. A book review: Eliza Małek. *Legenda ob astrologie Mustaedyne Kshishtofa Dzerzhaka v drevnerusskom perevode i ee pozdnejshie obrabotki (issledovanie i izdanie tekstov)* [The legend about the astrologer Mustaeddin by Krzysztof Dzerzhak in the Old Russian translation and its later processing (research and publication of texts)]. Warszawa. 2019, 267 p. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 335–340. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/23

Монография «Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Дзержека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов)» известного польского специалиста по истории древнерусской литературы и русско-польских связей Элизы Малэк опубликована в серии «Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы» в качестве Девятого выпуска. Монография состоит из исследования текста Легенды, в котором представлено развитие идей первых работ автора на эту тему¹, а также приложений, придающих особую научную ценность рецензируемой работе.

Строго продуманная структура книги позволила автору представить материал в форме внутренне организованного единого текста. В результате проступает очевидная актуальность обращения к исследованию текста, написанного в XVI в. В первой главе, посвященной анализу сочинения «Лига с зацепкою Кола посольского», напечатанного в 1596 г., кратко характеризуется историческая обстановка времени его создания. Отмечается, что конец XVI в. ознаменован в Европе зарождением антитурецких настроений. На фоне идеи создания антитурецкой Лиги автор монографии справедливо рассматривает появление данного польского сочинения.

Убедительно Э. Малэк, опираясь на исторические документы, подтверждает мнение Х. Капелусь и других исследователей древнепольской литературы об отождествлении автора сочинения «Лига с зацепкою Кола посольского», скрывающегося под псевдонимом Даминеус Перегринус, с Кшиштофом Дзержеком. Исследователь обозначила основные факты биографии, закономерно уделив особое внимание литературной культуре польского автора, человека образованного, который в силу своих незаурядных способностей сумел создать уникальное беллетристическое произведение.

Э. Малэк отмечает мастерство писателя, применяющего различные риторические приемы при воссоздании восточной образности этикетной речи персонажей, умело показывающего различные оттенки чувств героев, их живые диалоги

¹ Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» – неизученный памятник переводной литературы XVII в. (из истории польско-русских литературных связей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 242–258; Małek E. «Powieść o astrologu Mustaedyne» – nieznaný XVII-wieczny staroruski przekład z piśmiennictwa polskiego // *Slavia Orientalis*. 1971. № 3. С. 235–243; и др.

(с. 27). Достаточно подробно исследователь характеризует содержание сочинения. Совершенно справедливо обращено внимание на титульный лист издания, на котором помещено не только заглавие, но и стихотворный эпиграф к сочинению. По мнению Э. Малэк, скорее всего, этот текст тоже написан автором Лиги. Он приведен в монографии на польском и в переводе автора на русский язык. В нем был высказан призыв к активной совместной борьбе с турками.

Кратко перечислив и охарактеризовав тексты, составившие Лигу, исследователь уделила особое внимание включению в повествование «Легенды об астрологе Мустаеддыне» и пересказу ее сюжета. Изложение легенды начинается с рассказа о завещании турецкого султана Сулеймана, в котором, якобы, он просил никогда с Польшей не воевать и предсказал, «что если турки нападут на Речь Посполитую, а она соединится с венским цесарем или с царем московским, то тогда погибнет государство Оттоманское» (с. 22).

Исследователь справедливо называет информацию о пророчестве Сулеймана своеобразной экспозицией легенды об астрологе Мустаеддыне, которая отличается продуманным замыслом и стройной композицией. В ней описаны встречи внука султана Сулеймана с астрологом, в ходе которых Мустаеддыном было сформулировано предсказание, «что султан будет жить в мире так долго, как сам захочет, и будет победителем над всеми врагами своими до тех пор, пока сохранит перемирие с одним соседственным народом, живущим на севере, там, где восходит колесница небесная» (с. 26). В этом пророчестве, разумеется, под «соседственным народом» подразумевалась Польша, которая, как и в пророчестве султана Сулеймана, опять «в случае войны может соединиться с другим близким себе народом, живущим «от полуночи к востоку», вместе с которым может покорить Оттоманское государство» (с. 26).

После изложения сути легенды, Э. Малэк интерпретирует помещенный следом авторский комментарий, в котором было сформулировано пожелание, чтобы Польша и соседи вступили в антитурецкую Лигу христианских государств: «Лучшим способом укрепления польского государства представляется автору возобновление хороших, дружеских отношений с Московским государством» (с. 28). Справедливость именно такого истолкования идейной направленности сочинения «Лига с зацепкою Кола посольского» исследователь подтверждает анализом политической ситуации конца XVI в., которую описал автор.

Убедительно показано, что произведение было создано в качестве ответа противникам антитурецкой Лиги, в котором ее сторонники представлены защитниками интересов Польши. Отметив обращение автора Лиги «забыть давние споры с народом московским и вступить с ними в союз», Э. Малэк указывает на то, что предложен был довольно утопический сценарий совместного противостояния туркам. При этом еще раз обращено внимание на призыв «проснуться от глубокого сна и думать о лиге с христианскими государями» (с. 33).

Анализ политической ситуации в Польше позволил сделать Э. Малэк вывод о том, что «автор Лиги создавал свое произведение, опираясь на факты реальной действительности» (с. 34). После такого заключения уделено внимание легенде о Мустаеддыне. Уже название раздела проясняет направленность анализа — «2.5. История и вымысел в легенде о Мустаеддыне». Исследователь, опираясь на источники и научную литературу, представила убедительную картину, отражающую, кто был реальным, а кто вымышленным героем повествования.

Завершая главу, Э. Малэк кратко охарактеризовала незавидную судьбу сочинения Кшиштофа Держека «Лига с зацепкою Кола посольского», которое не до-

ждалось признания в Речи Посполитой и вскоре после издания «основательно забылось». При этом подчеркнуто, что иная перспектива открылась перед легендой о Мустаеддыне. Она была изъята из Лиги и в 1670-х гг. переведена на русский язык (с. 42). Не случайно исследователь уделила особое внимание анализу этого текста в контексте политической ситуации конца XVI в.

Внимание русского переводчика к легенде столетие спустя вполне объяснимо тем, что в это время в России и на христианском Востоке возрос интерес к пророчествам и предсказаниям, касающимся судеб мира, а также актуализировались антитурецкие настроения. В совершенно иной политической ситуации легенда о Мустаеддыне оказалась востребованной и ее ждала удивительная судьба, о которой Э. Малэк рассказала в шести последующих главах.

Вторая глава посвящена изучению функционирования перевода Легенды об астрологе Мустаеддыне в период с конца XVII до середины XVIII в. в русской рукописной традиции. Закономерно Э. Малэк открывает главу историографическим очерком (с. 44–52), в котором детально, с учетом всех нюансов освещен процесс ее изучения, дана профессиональная оценка работ предшественников. Завершением очерка служит справедливый критический анализ работ А. В. Крамера и В. Таки, в которых высказываются курьезные гипотезы о происхождении Легенды и ее авторе (с. 51–52).

Далее дана характеристика всех известных на сегодняшний день 8 списков Легенды. Тщательное сопоставление шести доступных автору списков позволило представить достаточно убедительную картину их соотношения и, что особо важно, установить наиболее близкий к оригиналу перевода текст Первоначальной редакции, которую наилучшим образом отражает список Благовещенского монастыря в Вязниках (Вяз.). Скрупулезный анализ текста этого списка и сопоставление его с польским изданием позволил с уверенностью утверждать о несомненной близости его к протографу. Сохранен даже помещенный на титуле издания стихотворный эпиграф, предваряющий сочинение «Лига с зацепкой Кола посольского» (с. 56–57).

Правомерно выделение исследователем и других редакций. Надо отметить, что мастерство Э. Малэк, осуществляющей текстологический анализ, как в этой монографии, так и в других ее работах, не позволяет усомниться в правильности ее выводов. Она как бы ведет читателя за собою от списка к списку, выделяя не только узловые фрагменты, но и четко определяя и объясняя мельчайшие изменения текста. Поэтому так убедительно звучит вывод Э. Малэк о ее согласии с мнением А. М. Панченко и С. И. Николаева, которые связывают появление перевода с работой Посольского приказа.

Исследователь не только согласилась с этим мнением, но и привела дополнительные аргументы. В третьей главе охарактеризована политическая и культурная ситуация последней четверти XVII в. в России, что нашло отражение уже в ее названии «Предсказания о падении Турецкого царства и Повесть об астрологе Мустаеддыне». Действительно, автор монографии акцентировала внимание на востребованности и активном распространении предсказаний о скором падении Османской империи. В результате охарактеризованы различные формы их существования – от слухов до переводов пророческих сочинений, политических трактатов.

Опираясь на исследовательские работы, посвященные изучению политической ситуации, связанной с антитурецкими настроениями и организацией коалиции, Э. Малэк отметила особое внимание Посольского приказа на этом фоне к поль-

ско-русским отношениям. Автор монографии подвела читателей к выводу о том, что фрагмент из Лиги с предсказанием о падении Османской империи при объединении усилий христианских государей в этой ситуации оказался необычайно актуальным и был переведен на русский язык. История его бытования в России, как показала исследователь, началась с распространения в рукописных списках. Насколько это возможно, в монографии охарактеризованы читатели, владельцы и литературный конвой текста легенды.

Следует отметить в качестве положительной стороны исследования Э. Малэк ее постоянное внимание не только к анализу текста сочинения, но и к характеристике политической ситуации с целью объяснить возрождение интереса в обществе к легенде. Как справедливо отметила исследователь, всякий раз это были военные конфликты России с Турцией. Автору монографии удалось показать политический контекст появления антитурецких настроений и актуализацию интереса к тексту предсказания о скором падении Османской империи. Показательна в этом плане пятая глава «Петербургская редакция Повести об астрологе Мустаеддыне». Как подчеркивает Э. Малэк, в данном случае появление новой редакции легенды обусловил военный конфликт России с Турцией 1787–1791 гг.

Она получила новое заглавие «Предсказание о падении Турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном» и была напечатана в 1789 г. в типографии П. И. Богдановича в Петербурге (с. 91) Редактор, ориентируясь на Первоначальную редакцию, приспособившая свой текст к «текущему моменту», обеднил оригинал Повести. Э. Малэк далее поясняет, в чем это выразилось. Он убрал стихотворный эпиграф, призывающий к сплочению всех славян на борьбу с турками, удалил все следы повествования от 1-го лица, устранил из рассказа о завещании султана Сулеймана обширный фрагмент предсказания, в котором указывалось на польский народ как тот, от руки которого следует ожидать падения Османской империи. Это место в легенде занял московский народ (с. 92–93). В результате, как справедливо замечает исследователь, легенда утратила часть своих литературных достоинств, но приобрела пропагандистский характер (с. 97).

В XIX в. Повесть обрела «новую жизнь» в многочисленных изданиях. Именно Петербургская редакция перепечатывалась, обновлялась и более того в XIX в. с целью приблизить текст к читателю была переведена на современный русский язык (с. 107). В главе «Легенда о Мустаеддыне в изданиях и пересказах XIX – начала XX века» исследуется судьба легенды в последующие два столетия. При этом постоянно исследователь соотносит появление интереса к тексту с военными конфликтами России и Турции: войной 1828–1830-х гг., Крымской войной, войной 1870-х гг. и сражениями на русско-турецком фронте в 1914 г.

В главе «Легенда об астрологе Мустаеддыне в публикациях XX–XXI веков, или курьезы нашего времени» представлены наблюдения над научными, псевдонаучными и популярными публикациями разных версий легенды, причем изучаются как печатные (книжные и журнальные), так и сетевые варианты предсказания. Это дополняет картину судьбы текстов легенды в русской культуре. В монографии показан процесс бытования переведенного фрагмента из польского сочинения, опубликованного в конце XVI в., с момента его появления в России в 70-е гг. XVII столетия до наших дней.

В заключительной восьмой главе «С русского на польский, или как Мустаеддын в Польшу вернулся» представлен анализ вновь найденного автором монографии перевода на польский язык одного из русских вариантов легенды о Мустаеддыне, который был напечатан в 1828 г. в вильнюсской типографии Берека

Неймана. Это настоящее научное открытие Э. Малэк, поскольку речь идет об уникальной ситуации. Фрагмент из текста К. Держека, изданного в Польше в 1596 г., после этого ни разу не переиздававшийся, был переведен в XVII в. на русский язык, а в XIX в. возвращается в Польшу, будучи переведенным с русского варианта Легенды.

Монография снабжена необходимыми указателями. Профессионализм автора, естественно, проявляется на всех этапах работы, но особо следует отметить прекрасно подобранный иллюстративный материал. Он не только сопровождает текст, но и наглядно дополняет содержание. В шести приложениях помещено научное издание текстов, анализ которых осуществлен в монографии: на польском языке фрагмент, содержащий легенду об астрологе Мустаеддыне, из издания «Лига с зацепкою Кола посольского»; первоначальный текст перевода Легенды на русский язык; тексты рукописных редакций, получивших распространение в XVII–XVIII вв.; тексты печатных изданий XVIII–XIX вв.; «Написание стихом на новорожденного Петра Алексеевича», сопутствующее Киевской редакции перевода. Приложение к монографии не только придает ей дополнительную значимость, но и имеет самостоятельную научную ценность.

Несомненно, монография Э. Малэк «Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов)» вносит весомый вклад в изучение древнерусской литературы и русско-польских связей.

Сведения об авторах

Гурьянова Наталья Сергеевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)
gurian@academ.org
ORCID 0000-0002-8957-2018

Титова Любовь Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)
titova_istochnik@mail.ru
ORCID 0000-0001-7480-3795

Information about the authors

Natalya S. Gurianova – Doctor of History, Principal Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
gurian@academ.org
ORCID 0000-0002-8957-2018

Lubov V. Titova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
titova_istochnik@mail.ru
ORCID 0000-0001-7480-3795

Научная жизнь

Борис Васильевич Болдырев (к 80-летию со дня рождения)

В истории изучения тунгусо-маньчжурских языков велика роль научного наследия известного ученого-тунгусоведа, крупного специалиста по эвенкийскому языку доктора филологических наук Бориса Васильевича Болдырева, внесшего заметный вклад в становление и развитие тунгусо-маньчжуроведения. Многолетняя научная деятельность и величайшая заслуга Бориса Васильевича в деле собирания, исследования и практической организации научной работы – бесценный пример для современных исследователей. Его научные труды не теряют своей актуальности и считаются настольными книгами не только для лингвистов, но и для всех, кто интересуется тунгусо-маньчжурскими языками.

Борис Васильевич родился 10 октября 1940 г. в Ростове-на-Дону. Детство его пришлось на трудное послевоенное время, что закалило его характер и определило судьбу. После службы в армии он поступил в Новосибирский государственный университет. Среди его преподавателей оказалась Елена Павловна Лебедева, имеющая широкий круг научных интересов, специалист по языку, фольклору и этнографии эвенков, ороков, орочей, удэгейцев, которая сумела заразить своими научными интересами студентов.

После окончания гуманитарного факультета осенью 1967 г. поступил в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Его научным руководителем стал ученый с мировым именем, один из ведущих специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам, чл.-корр. АН СССР Валентин Александрович Аврорин.

В 1970 г. Б. В. Болдырев закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию по теме «Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках», материалы для которой были собраны им в экспедициях по Дальнему Востоку и Сахалину, после чего стал младшим научным сотрудником Отдела филологии ИИФиФ СО АН СССР, с которым и будет связана вся его дальнейшая научная деятельность. В 1978 г. он стал старшим научным сотрудником, в 1989 г. – возглавил Сектор лексикографии, из которого при образовании в 1990-е гг. Института филологии СО РАН выделились Сектор тунгусо-маньчжуроведения и Сектор русского языка. В Секторе тунгусо-маньчжуроведения Борис Васильевич собрал немногочисленных тогда сибирских специалистов-тунгусоведов: М. Д. Симонова, занимающегося сбором полевых материалов по говорам эвенкийского и малоизученного удэгейского языка, впоследствии автора первого трехтомного «Удэгейско-русского словаря» и соавтора тома «Фольклор удэгейцев»; специалистов по чжурчженскому и негидальскому языкам А. М. Певнова и М. М. Хасанову; руководил переподготовкой русистов-лексикографов Л. В. Озолини и Е. Г. Итэсь (первая под его руководством впоследствии подготовила кандидатскую диссертацию, «Орокско-русский словарь», «Орокско-русский и русско-орокский словарь», «Граматику орокского языка»), а также обучением удэгейскому языку молодого научного сотрудника А. О. Трофимовой (в дальнейшем подготовившей под его руководством кандидатскую диссертацию).

Представляется, что вклад Б. В. Болдырева в развитие эвенкийской языковедческой науки нужно оценивать прежде всего с точки зрения изучения морфологии

и лексикографии. Он – автор «Грамматики эвенкийского языка», первого двухтомного «Эвенкийско-русского словаря» (2000), «Русско-эвенкийского словаря» (1994), «Эвенкийско-русского и русско-эвенкийского словаря», серии диалектных словарей эвенкийского языка: двухтомного «Словаря желтулакского говора эвенков Амурской области» (2010), «Словаря зейского говора Амурской области» (2010), двухтомного «Словаря селемджинского говора эвенков Амурской области» и др.

Борис Васильевич за свою многолетнюю научную деятельность написал более ста научных работ, среди которых такие фундаментальные исследования, как монографии «Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках» (1976), «Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках» (1987), «Грамматика ороцкого языка» (2001; в соавторстве с В. А. Аврориным). Книга является третьим выпуском из серии материалов по языку, фольклору и этнографии орочей, собранных В. А. Аврориным и Е. П. Лебедевой во время экспедиции. Написание полной научной грамматики ороцкого языка было предпринято по просьбе Е. П. Лебедевой (1912–2000 гг.), вдовы В. А. Аврорина, так как преждевременная смерть В. А. Аврорина в 1977 г. не позволила ему осуществить в полной мере свой замысел. Он успел написать лишь два раздела: «Фонетика» и «Место ороцкого языка среди тунгусо-маньчжурских языков». Остальные разделы написаны Б. В. Болдыревым, который в полной мере учел наброски В. А. Аврорина, изложенные им в «Очерке ороцкого языка» (1968).

Основными направлениями научной деятельности Б. В. Болдырева, как уже отмечалось, стали исследования в области грамматики и лексикографии тунгусо-маньчжурских языков. Сравнительно-сопоставительные исследования морфологии эвенкийского, эвенского, негидальского, ороцкого, удэгейского, орокского, ульчского, нанайского и маньчжурского языков стали весомым вкладом в изучение тунгусо-маньчжурских языков, многие из которых в настоящее время находятся на грани исчезновения, оставаясь малоизученными или описанными поверхностно, не имеют ни грамматических, ни лексикографических описаний.

Существенной вехой в разработке теоретических вопросов грамматики стало исследование Б. В. Болдырева «Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении», за которое автору в 2004 г. была присуждена степень доктора филологических наук. В этом обобщающем многолетнюю научную работу труде Борис Васильевич предложил решение таких дискуссионных вопросов, тесно связанных с теорией частей речи, как вопросы о принципах научной классификации вообще, принципах описания грамматических систем типологически сходных и типологически различных языков, определив необходимость выработки единых критериев выделения грамматических классов в языках различных систем.

В 2004 г. Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН стал координатором проекта «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». В рамках серии опубликована монография Б. В. Болдырева «Морфология эвенкийского языка» (2007). Книга представляет собой фундаментальное научное исследование морфологии современного эвенкийского литературного языка с учетом всего того ценного, что делается в этой области по эвенкийскому и другим тунгусо-маньчжурским языкам. Основанная на большом фактическом материале работа является самой полной грамматикой эвенкийского языка, не только учитывающей традиции его изучения в России, но и предлагающей оригинальные новые решения спорных вопросов

эвенкийской морфологии. Грамматика носит нормативный характер и может послужить основой для проведения дальнейших исследований по теории эвенкийского языка и подготовки учебников. Под руководством Б. В. Болдырева якутские тунгусо-маньчжуроведы составили и опубликовали «Словообразовательный словарь эвенкийского языка. Глагол» (2018).

Основной заслугой Б. В. Болдырева как лексикографа стало обоснование необходимости создания национальных словарей нового типа, в полной мере способных репрезентировать как язык в целом, так и каждую лексическую единицу, для чего необходимо привлечение в словарной статье широкого иллюстративного материала, причем контексты не должны быть «слепыми», они должны иллюстрировать не столько наличие лексемы в языке (что было основной задачей большинства национально-русских словарей), сколько ее семантические и функционально-грамматические возможности, отразив уже в вокабуле фонетическую и морфофонетическую вариативность, свойственную бесписьменным или младописьменным сибирским языкам. Дialectные словари не только отразили лексико-грамматические особенности эвенкийских говоров, но и стали важным подспорьем для учителей эвенкийского языка, преподавателей и студентов вузов и колледжей, где изучается эвенкийский язык, а также для специалистов в области тунгусо-маньчжуроведения и алтаистики.

С Юбилеем, дорогой Борис Васильевич, желаем Вам сохранять удивительную любовь к жизни, оптимизм, бодрость духа и здоровья!

Т. Е. Андреева

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

К юбилею Валерия Игоревича Тюпы

26 октября 2020 г. исполняется 75 лет со дня рождения замечательного российского филолога и нашего доброго друга Валерия Игоревича Тюпы. Одному из нас выпала счастливая возможность наблюдать за его научной и творческой деятельностью в течение последних 45 лет. Именно тогда, в середине 1970-х гг., после кратковременной работы во Львовском и Самарском (тогда еще Куйбышевском) университетах молодой кандидат наук обосновался в только что открывшемся Кемеровском университете. Было ли это случайностью (хотя всякая случайность, как мы знаем, предполагает скрытую закономерность), но в новом коллективе образовалась кафедра теории литературы, ядро которой составили три филолога – Н. Д. Тамарченко, В. В. Фёдоров и В. И. Тюпа (позже к ним присоединился М. Н. Дарвин). Так образовалась кемеровская филологическая школа, вскоре ставшая известной по всей стране. В дальнейшем судьба то разводила, то вновь соединяла славную когорту теоретиков – В. В. Фёдоров вернулся в родной Донецк, а Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа и М. Н. Дарвин оказались в стенах Российского государственного гуманитарного университета.

За внешними контурами изменений и переменой мест достаточно легко увидеть систему научного и профессионального роста В. И. Тюпы и главную черту его деятельности, выразившиеся в способности аккумулировать разные, подчас противоположные направления филологической науки. Начав как ученик Г. Н. Поспелова и В. Е. Хализева, Тюпа теоретик уже к концу 1970-х гг. создал учение о модусах и парадигмах художественности, освободив таким образом указанную категорию от налета импрессионизма и вкусовых оценок, придав ей глупо научный, системный характер.

В начале 1980-х двухлетнее пребывание в Сорбонне, личные контакты с Роланом Бартом и Юлией Кристевой позволили Валерию Игоревичу вплотную приблизиться к основным положениям французского структурализма, обогатив его вместе с тем основными идеями немецкой классической эстетики и исторической поэтикой А. Н. Веселовского.

Во второй половине 1980-х все мы испытали сильное воздействие идей общей риторики Льежской школы и теории дискурс-анализа Т. ван Дейка. Опять же это увлечение не привело В. И. Тюпу к отказу от прежних идей, но обогатило его новыми поворотами развиваемой теории литературы. Как раз в это время, опираясь на схему Квинтилиана, включающую инвенцию, диспозицию и элокуцию, В. И. Тюпа сумел разглядеть в них три основные компетенции, на которые опирается риторический акт. Так инвенция становится референтностью, диспозиция – креативностью, а элокуция – рецептивностью. Дальнейшее изучение обогатило эти категории реальным аналитическим материалом, включающим разные исторические эпохи – от Тредиаковского до Пушкина, от Чехова до Пастернака и Мандельштама.

Новым поворотным моментом в деятельности нашего друга стало обращение к компаративной риторике. В 2010 г. вышло первое издание его монографии «Дискурсивные формации», в которой тексты разных видов были рассмотрены как явления дискурсивных практик, принадлежащих к разным типам ментальности.

Едва ли следует называть все работы Тюпы четырех периодов его деятельности, одно их перечисление заняло бы несколько страниц. Но из всех написанных в последнее десятилетие хотелось бы выделить статью «Новостной дискурс как нарратологическая проблема», опубликованную на страницах «Нового филологического вестника». Теоретическое значение этой работы трудно переоценить, поскольку в ней впервые были подробно раскрыты особенности, отражающие коммуникативную природу трех различных типов дискурса: новостного, историографического и художественного. Положив в основу деления принцип взаимодополнительности нарративного и перформативного высказываний, В. И. Тюпа показал, как баланс этих составляющих и его нарушение влияют на характер коммуникативного события, обуславливая и ментальные, и риторические различия.

Как известно, один из возможных переводов слова «теория» – боговдохновение. Валерий Игоревич Тюпа, бесспорно, является боговдохновенным человеком. И в этот славный день юбилея от всех друзей и авторов «Сибирского филологического журнала» мы хотим пожелать имениннику прежде всего здоровья, но не только – а еще и творческой молодости, которая, как можно видеть, не увядает с годами, но раскрывается новыми гранями.

И. В. Силантьев

доктор филологических наук, профессор
директор Института филологии СО РАН

Ю. В. Шатин

доктор филологических наук, профессор
главный научный сотрудник
Института филологии СО РАН

Памяти Натальи Николаевны Широбоковой

(28.01.1946 – 13.11.2020)

13 ноября 2020 г. на 75 году не стало Натальи Николаевны Широбоковой, доктора филологических наук, заведующей сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, известного ученого-тюрколога, крупного специалиста по сравнительно-историческому и ареальному исследованию языков народов Сибири, организатора науки и педагога.

Наталья Николаевна Широбокова родилась в Новосибирске 28 января 1946 г. В 1968 г. после окончания Новосибирского государственного университета была принята в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В 1992 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Историческое развитие якутского консонантизма», в 2000 г. – докторскую диссертацию «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири». С 1993 г. Н. Н. Широбокова заведовала сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, а с 2000 по 2017 г. была также заместителем директора по научной работе.

На формирование Натальи Николаевны как ученого с широким кругозором большое влияние оказала ее научный руководитель со студенческих лет видный тюрколог Е. И. Убрятова, которая в свое время также руководила диссертационными исследованиями известных ученых В. И. Рассадина и Б. И. Татаринцева.

Последовательно развивая концепции своего учителя, Наталья Николаевна внесла большой вклад в сравнительно-историческое изучение сибирских тюркских языков, в решение проблемы происхождения якутского языка, языковых контактов на территории Сибири, истории формирования тюркских языков Сибири, места сибирских языков в общей классификации тюркских языков и др. Базовым языком для Натальи Николаевны, как и для ее учителя, был якутский, который, стал «точкой отсчета» «для измерения исторической глубины и направленности языковых преобразований в других тюркских языках». Н. Н. Широбокова принимала самое активное участие в работе над составлением «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» и «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири».

Труды Натальи Николаевны признаны в тюркологическом мире России и за рубежом. Она – автор и соавтор около 200 работ, в том числе пяти монографических исследований.

Н. Н. Широбокова внесла значительный вклад в подготовку кадров высшей научной квалификации из числа представителей коренных народов Сибири для вузов и научно-исследовательских институтов Сибири. Она возглавляла кафедру языков и фольклора народов Сибири Новосибирского госуниверситета, созданную по инициативе известных ученых М. И. Черемисиной и Н. А. Алексева. Она разработала и читала ряд теоретических курсов: «Введение в тюркологию»,

«Древняя история тюрков», «Морфонология тюркских языков Сибири», «Морфология тюркских языков», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», «Тюркская диалектология». Больше половины выпускников этой кафедры, пройдя аспирантуру Новосибирского госуниверситета и Института филологии СО РАН, защитив диссертации, успешно работают в образовательных и научных учреждениях республик Тыва, Хакасия, Алтай, г. Новосибирска, Республики Казахстан и Германии. Под ее непосредственным руководством были успешно подготовлены и защищены восемь кандидатских и одна докторская диссертация.

Наталья Николаевна тесно сотрудничала с региональными вузами и научными институтами. Каждый ее приезд в национальные республики был ярким событием в их научной жизни. Она щедро делилась своими фундаментальными научными знаниями, проводила консультации для студентов, аспирантов и преподавателей, выступала лекциями. В знак признания ее заслуг в подготовке кадров высшей квалификации и плодотворное сотрудничество Наталье Николаевне было присвоено звание «Почетный профессор ТувГУ». Она награждена Почетными грамотами РАН, СО РАН, правительственными грамотами, грамотами вузов и научных учреждений Якутии, Алтая, Хакасии, Тывы, Ханты-Мансийской автономной области, Кемеровской области, медалью Академии наук Республики Саха (Якутия) и др.

Н. Н. Широбокова одинаково поддерживала начинания и деятельность и научных коллективов, и общественных организаций, которые занимались изучением, сохранением языков народов Сибири. Она с большим вниманием и интересом знакомилась с результатами исследований своих коллег и, будучи человеком глубокой эрудиции, сама щедро делилась знаниями и идеями.

Н. Н. Широбокова была членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, экспертом РГНФ по специальности «Лингвистика», заместителем председателя диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН, членом диссертационного совета Д 004.031.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск). Она также являлась главным редактором раздела «Лингвистика» журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири», членом редакционного совета журналов «Урало-алтайские исследования», «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Российская тюркология», «Сибирский филологический журнал», «Северо-Восточный гуманитарный вестник» и др.

Научное наследие Натальи Николаевны навсегда останется частью российской и мировой тюркологии. Светлая память о ней, выдающемся исследователе, посвятившем всю свою жизнь сохранению и изучению больших и малых языков Сибири, мудром учителе, человеке с большим сердцем, будет жить в сердцах ее многочисленных учеников, коллег и единомышленников.

*Коллектив Института филологии СО РАН
Редакция «Сибирского филологического журнала»*